ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

3

1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

3

1952

Пятилетие философской дискуссии и задачи советских философов

В июне текущего года исполняется пять лет со дня философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Эта дискуссия, проведенная Центральным Комитетом большевистской партии в духе и в соответствии с решениями партии по идеологическим вопросам и непосредственными указаниями И. В. Сталина, открыла полосу творческих дискуссий в биологии, языкознании, физиологии высшей нервной деятельности, космогонии. Все эти дискуссии прошли под направляющим влиянием большевистской партии; они обеспечили разгром отживших, устаревших взглядов и плодотворное развитие соответствующих отраслей науки. Указания товарища Сталина, а также его личное участие в дискуссии по вопросам языкознания определили высокий идейно-теоретический уровень проведенных партией творческих дискуссий.

Трудами И. В. Сталина и особенно его работой «Марксизм и вопросы языкознания», решениями нашей партии марксистско-ленинская наука была поднята в этом пятилетии на новую высоту.

Исторические решения партии по идеологическим вопросам, дискуссии и обсуждения, организованные партией, вооружили наши теоретические кадры, творческих работников в области литературы и искусства, советскую интеллигенцию мощным оружием, обеспечивающим новый подъем идеологической работы.

Вместе со всей интеллигенцией боролись наши философские кадры за реализацию решений партии по идеологическим вопросам, за реализацию указаний великого Сталина. Некоторое улучшение в работе философских учреждений страны, наметившееся в последнее время,— прямой результат философской дискуссии и всех последующих мероприятий партии по подъему идеологической работы в стране, прямой результат неусыпного внимания и заботы большевистской партии, ее Центрального Комитета, лично И. В. Сталина об улучшении философской работы.

* * *

На философской дискуссии 1947 года была подвергнута критике книга Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Было отмечено, что автор в данной книге нарушил принцип партийности философии, отдал «дань профессорскому квазиобъективизму». Дискуссия обнаружила, что в книге имелись и другие пороки и недостатки, в частности ничем не оправданное отсутствие изложения истории марксистской философии, а также невключение в книгу истории развития русской философии.

Философская дискуссия установила, что ошибки, допущенные в книге Г. Ф. Александрова, не были частным явлением, а отражали серьезное неблагополучие на философском участке идеологического фронта. Среди философов отсутствовали творческие дискуссии, критика и самокритика.

Философская деятельность оказалась монополизированной в руках небольшой группы философов, а большая часть философов, особенно периферийных, не была привлечена к руководящей философской работе. Философы перестали замечать факты беспринципности и безидейности в своей работе, факты пренебрежения современной тематикой, раболепия и низкопоклонства перед буржуазной философией. Монографии и статьи по философии были редким явлением. Безотрадную картину представлял Институт философии Академии наук СССР. Он не объединял работников периферии и не был связан с ними, а потому не являлся на деле учреждением союзного характера. Не лучше было положение и в других крупных философских учреждениях страны. В философской работе не чувствовалось ни боевого духа, ни большевистских темпов. И закономерно было сравнение тов. А. А. Ждановым философского фронта с тихой заводью или бивуаком, расположенным где-то далеко от поля сражения.

На дискуссии были вскрыты корни ошибочных взглядов ряда руководящих работников философского фронта. Было показано, что важнейшим источником ошибок, допущенных философами, являлось недостаточное уяснение ими основ марксизма-ленинизма и наличие остатков влияния буржуазной идеологии.

Указав с большевистской принципиальностью и непримиримостью на отставание философского участка идеологического фронта, Центральный Комитет коммунистической партии, вождь партии и советского народа И. В. Сталин дали развернутую программу действия для советских философов и указали пути реализации этой программы.

Партия потребовала коренного поворота к решению новых вопросов и задач, которые практика коммунистического строительства ежедневно ставит перед философами. «Пора,— говорил А. А. Жданов,— смелей двигать вперед теорию советского общества, теорию советского государства, теорию современного естествознания, этику и эстетику. С небольшевистской трусостью надо кончать. Допустить застой в развитии теории — это значит засушить нашу философию, лишить ее самой ценной черты — ее способности к развитию, превратить ее в мертвую сухую догму».

ЦК ВКП(б) указал на необходимость наряду с обобщением опыта социалистического строительства возглавить работу по обобщению опыта борьбы за социализм в европейских странах народной демократии, опыта строительства народных демократий в странах Азии, опыта революционно-освободительного движения в капиталистических странах. ЦК ВКП(б) привлек внимание советских философов к разработке такой важнейшей закономерности развития социалистического общества, открытой И. В. Сталиным, как критика и самокритика. «В нашем советском обществе,— говорил А. А. Жданов,— где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии. Это, безусловно, новый вид движения, новый тип развития, новая диалектическая закономерность».

ЦК ВКП(б) подчеркнул необходимость установления тесного сотрудничества философов с естествоиспытателями, организации систематической работы по теоретическому обобщению новейших достижений естествознания.

Задачи огромной важности были поставлены перед историками философии. Партия призвала их к разработке научной истории философии, истории марксистско-ленинской философии, к изучению вопросов истории русской философии и философии народов СССР, а также к освещению истории философии народов Азии. Она мобилизовала советских философов

на развертывание наступательной борьбы против реакционной империалистической философии, центр которой после второй мировой войны переместился в США.

ЦК ВКП(б) потребовал от руководящих работников философского фронта, чтобы они покончили с порочной практикой работы, когда интересы приятельских отношений ставятся выше интересов народа. Центральный Комитет указал советским философам на необходимость проведения широких творческих дискуссий и принял меры к объединению и организации философских кадров, к быстрейшему исправлению положения на философском фронте.

Одним из таких мероприятий ЦК ВКП(б) было создание журнала «Вопросы философии».

* * *

За истекшие пять лет советскими философами проведена известная положительная работа по реализации программы, сформулированной партией на философской дискуссии. Важнейшие философские учреждения страны и подавляющая часть советских философов в основном пересмотрели тематику своих работ. Как правило, философы работают сейчас над актуальными, связанными с практикой коммунистического строительства вопросами.

Проделана некоторая работа по сплочению философских кадров страны. Все большее распространение получает среди советских философов социалистическая взаимопомощь. Институтом философии АН СССР к созданию двухтомной истории философии, истории философии народов СССР, книги по диалектическому материализму были привлечены десятки научных работников, в том числе философы с периферии. Проекты обоих томов истории философии подверглись широкому обсуждению.

Налаживаются, хотя еще очень медленно, связи философов, работающих в центральных философских учреждениях, с работниками периферии. Наметился некоторый контакт философов с советскими естествоиспытателями. Это позволило в значительной мере улучшить содержание изданных и подготовляемых к изданию работ. Метод большевистской критики и самокритики, метод творческих дискуссий все в большей и большей степени внедряется в научную практику.

Философские учреждения страны проделали значительную работу по подготовке высококвалифицированных кадров философов — кандидатов и докторов наук. За истекшие пять лет только в Институте философии Академии наук СССР было защищено 90 кандидатских и 18 докторских диссертаций. Всего по стране за пять лет защищено свыше 500 кандидатских диссертаций.

Сейчас у нас на педагогической работе находится около 600 философов. Произошел не только количественный, но и качественный рост философских кадров. Особенно важно отметить, что молодыми философами, выросшими за прошедшее пятилетие, опубликован ряд полезных работ и статей. Только в журнале «Вопросы философии» за эти годы опубликовано около 60 статей авторами, впервые выступившими в печати. В истекшем пятилетии громадный размах получила в нашей стране пропаганда философских знаний. В советской периодической прессе, в органах нашей партии «Правда» и «Большевик», в республиканских и областных газетах и журналах опубликованы тысячи статей на философские темы. Значительную работу по пропаганде философских знаний и изданию научно-популярной философской литературы проделало Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. В высших учебных заведениях, вечерних университетах марксизма-ленинизма, постоянных лекториях, семинарах и кружках, а также самостоятельно философию, марксизм изучают миллионы советских людей.

Значительно увеличилось количество выходящей философской литературы. За последние два года появилось несколько десятков монографий, коллективных трудов и сборников по вопросам философии. Среди этих работ следует особо отметить книги, удостоенные высокой оценки советского правительства — присуждения Сталинской премии: А. А. Рубашевского «Философское значение теоретического наследства И. В. Мичурина», В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова», Г. В. Платонова «Мировоззрение К. А. Тимирязева», Г. Е. Глезермана «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР», Д. И. Чеснокова «Мировоззрение Герцена». Вышли в свет книги: «Исторический материализм» под редакцией Ф. В. Константинова, «Буржуазная мораль — оружие империалистической реакции» А. Ф. Шишкина. Издан ряд полезных сборников по вопросам диалектического и исторического материализма и истории философии: «О советском социалистическом обществе», «Великая сила идей ленинизма», «О советском патриотизме», «Вопросы диалектического материализма», «Из истории русской философии», «Вопросы марксистско-ленинской философии», «Философские вопросы современной биологии» и др.

Философские работники проделали серьезную работу по популяризации и пропаганде гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Институт философии АН СССР опубликовал сборник «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и подготовил к печати второй сборник. Большое количество философских статей, посвященных этому труду И. В. Сталина, было опубликовано в органах советской печати.

Самый характер работ, выполненных за истекшее пятилетие, свидетельствует о том, что запущенность ряда участков философской работы начинает изживаться. Опубликованы труды по актуальным вопросам исторического материализма, истории русской философии и философии СССР, по критике зарубежной реакционной идеалистической философии.

Большие задачи по развертыванию критики и самокритики и творческих дискуссий, по объединению советских философов, разработке и пропаганде марксистской философии были возложены партией и советской общественностью на журнал «Вопросы философии».

Вначале журнал неудовлетворительно справлялся с поставленными перед ним задачами и допустил ряд грубых ошибок. На страницах журнала была опубликована антинаучная, антипатриотическая статья З. Каменского. Журнал занял неправильные позиции по вопросам биологии и спорным вопросам современной физики в связи со статьей М. А. Маркова «О природе физического знания» и др. Позднее журнал допустил грубую ошибку, выступив незадолго до дискуссии по языкознанию против товарищей, которые подвергали справедливой критике вульгаризаторскую теорию Н. Я. Марра в языкознании.

Неоценимую помощь в преодолении допущенных ошибок и улучшении работы журнала оказали Центральный Комитет ВКП(б) и партийная печать, подвергшие острой и принципиальной критике недостатки в работе журнала. С разбором ряда вышедших номеров журнала выступили газета «Правда», журнал «Большевик», газета «Культура и жизнь». Эта большевистская критика помогла и помогает журналу «Вопросы философии» улучшить свою работу, укреплять связь с философами периферии.

Однако в работе журнала «Вопросы философии» еще имеются серьезные недостатки. В журнале все еще публикуются недостаточно теоретически зрелые статьи. Мало печатается статей по вопросам марксистской этики и эстетики. Неудовлетворительно работает отдел диалектического материализма. Слабо поставлен отдел критики и библиографии.

Дискуссии, организуемые журналом, ведутся зачастую стихийно, без надлежащей теоретической подготовки и недопустимо затягиваются.

Работа, проделанная советскими философами, не может удовлетворить советскую общественность. Философская продукция еще непростительно бедна по сравнению с потребностями нашей страны. И. В. Сталин не раз указывал на то, что наша марксистская философия является не философией одиночек, а философией рабочего класса, философией народных масс. Философию в нашей стране изучают миллионы советских людей; их требования к качеству философской литературы непрерывно возрастают. И мы, советские философы, еще не удовлетворяем этих возрастающих потребностей людей нашей страны.

Философы в своей исследовательской работе еще недостаточно изучают новые явления в общественной жизни, слабо обобщают достижения современного естествознания. Все еще выходят в свет книги, написанные на недостаточно высоком теоретическом уровне, и даже книги, содержащие грубые ошибки. Ряд изданий подвергся острой критике на страницах нашей печати (Б. Кедров «О путях развития естествознания», М. Розенталь «Философские взгляды Н. Г. Чернышевского», М. Баскин «Англо-американская социология на службе империализма», И. Кузнецов «Принцип соответствия в современной физике и его философское значение»). Существенные недостатки были отмечены в книгах М. Леонова «Очерк диалектического материализма», А. Максимова «Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании», Д. Трошина «Диалектика развития в мичуринской биологии» и в некоторых других.

В серьезном улучшении нуждается работа философских учреждений страны. Первые годы после философской дискуссии Институт философии Академии наук СССР медленно перестраивал свою работу и не выполнял планов научно-исследовательской работы. В институте была слабо развернута критика и самокритика, не было налажено сотрудничество с другими научными учреждениями Академии наук СССР. В последнее время Институт философии в значительной мере активизировал свою работу и издал ряд полезных книг, указанных выше. Из пяти философских работ, удостоенных Сталинской премии, четыре подготовлены к печати Институтом философии. Завершается работа по созданию двухтомной истории философии. В ближайшее время выйдет в свет первый том. Заканчивается также подготовка к печати наиболее важного, второго тома.

Однако коллективу института предстоит еще приложить много усилий для дальнейшего улучшения работы, развития критики и самокритики. Институт философии до сих пор еще не создал полноценных учебников по диалектическому материализму, историческому материализму, истории философии и логике. Книга «Исторический материализм» под редакцией проф. Ф. В. Константинова, играющая, несомненно, положительную роль в пропаганде марксистской философии, нуждается, как показало ее обсуждение, в серьезном улучшении, чтобы стать полноценным учебником, удовлетворяющим всем требованиям.

Особенно неудовлетворительно обстоит дело с разработкой вопросов диалектического материализма. Философским учреждениям страны и Министерству высшего образования надо обратить внимание на подготовку через аспирантуру и докторантуру специалистов по диалектическому материализму, ибо наличное их количество явно не удовлетворяет потребности страны. Секторам диалектического материализма Института философии Академии наук СССР и других институтов, а также журналу «Вопросы философии» предстоит огромная работа по объединению философов, специализирующихся в области диалектического материализма, для разработки важнейших вопросов теории познания.

Все еще слабо разрабатываются вопросы марксистской этики и эстетики, истории философской и общественной мысли народов СССР, истории философии в странах Востока. В Институте философии АН СССР и

других философских институтах страны совершенно недостаточно обобщается опыт строительства социализма в европейских странах народной демократии, опыт создания нового строя в странах народной демократии, возникших в Азии.

Ряд полезных сборников и монографий подготовили философские кафедры Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Обращает, однако, на себя внимание огромная диспропорция между количеством подготовленных диссертаций и изданными работами. Такое же положение имеет место и на философских кафедрах Московского государственного университета и других университетов страны. Философским кафедрам следует повысить требовательность к представляемым на защиту диссертациям и улучшить работу по подготовке защищенных работ к изданию.

Положительную работу по изданию лекций по диалектическому и историческому материализму проводит кафедра диалектического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Однако нельзя считать нормальным, что эта большая кафедра не подготовила за пять лет ни одной монографии по философии.

Следует отметить слабость научно-исследовательской работы в институтах философии Украинской академии наук, Белорусской академии наук, Грузинской академии наук, на философских кафедрах Московского, Ленинградского и Киевского университетов, а также других университетов и высших учебных заведений страны.

Институт философии Академии наук Украинской ССР за пять лет, прошедших после философской дискуссии, кроме нескольких сборников и небольших брошюр и статей, не издал ни одной большой работы. Институт не опирается на многочисленные кадры философов, имеющиеся на Украине, не объединяет их вокруг себя. Критика и самокритика в институте развита слабо.

Еще хуже обстоит дело в Институте философии Академии наук Белорусской ССР. Институт за пять лет издал, если не считать статей, две работы П. Кирюшина — «Расизм — орудие империалистической реакции» и «Ватикан на службе реакции»,— содержащие грубейшие ошибки и порочные положения. Как и Институт философии Академии наук Украинской ССР, Институт философии Академии наук Белорусской ССР не объединяет вокруг себя не только философов республики, но даже философов Минска. Надо прямо сказать, что острая, принципиальная критика партийной печатью Украины и Белоруссии недостатков работы институтов философии академий наук Украинской и Белорусской ССР не учтена полностью коллективами этих институтов, они еще не сумели коренным образом перестроить свою работу.

Некоторую работу проделал коллектив Института философии Грузинской ССР. Им выпущено несколько книг по истории грузинской философии и логике. Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что грузинские товарищи мало работают над вопросами диалектического и исторического материализма. Следует отметить также, что философские работы, подготавливаемые институтом, публикуются, как правило, лишь в Грузии и на грузинском языке. Грузинским философам пора выходить на общесоюзную арену. Надо преодолеть известную замкнутость в работе Института философии Академии наук Грузинской ССР, препятствующую широкому обмену мнений по вопросам, над которыми работает Институт философии.

Советские философы, критически оценивая свою работу за время, прошедшее после философской дискуссии, должны в кратчайший срок ликвидировать имеющиеся недостатки.

* * *

Громадная идеологическая работа, проведенная большевистской партией в истекшем пятилетии, завершение выхода в свет четвертого издания Сочинений В. И. Ленина, издание Сочинений И. В. Сталина, новые

труды И. В. Сталина и особенно его работа «Марксизм и вопросы языкознания» определили дальнейший рост идейно-теоретического уровня наших кадров, в частности кадров наших философов. Советские философы под руководством коммунистической партии учатся творческому пониманию марксистской теории, применению марксизма к различным отраслям науки, двигают вперед развитие диалектического и исторического материализма.

Руководствуясь творческими принципами марксизма-ленинизма, советские философы должны решить исключительной важности задачи, поставленные перед ними большевистской партией и лично И. В. Сталиным, должны решительно разделаться с элементами догматизма в своей работе. «Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма». И. В. Сталин учит теоретические кадры беспощадно бороться с начетничеством и талмудизмом. Советские философы должны постоянно руководствоваться этими указаниями И. В. Сталина.

В области исторического материализма необходимо продолжить теоретическую разработку вопросов, связанных с постепенным переходом от социализма к коммунизму: о природе экономических законов социализма; о движущих силах развития социалистического общества; о путях преодоления различий, еще сохранившихся между городом и деревней, между трудом умственным и физическим; о путях стирания граней между рабочим классом и крестьянством, между этими классами и интеллигенцией; об особенностях развития советских социалистических наций; о закономерностях развития советской социалистической культуры и т. д.

Огромные задачи стоят перед философами в области обобщения опыта социалистического строительства в европейских странах народной демократии, а также по обобщению опыта создания нового строя в Китайской Народной Республике, Корейской и Вьетнамской народно-демократических республиках.

Советские философы должны глубже и полнее, чем это делалось ими до сих пор, раскрывать противоположность социалистической системы хозяйства капиталистической, показывать неисчислимые преимущества социализма перед капитализмом. В частности, это надо делать на основе раскрытия противоположности законов социализма законам капитализма.

Всестороннему теоретическому анализу надлежит подвергнуть соотношение борющихся сил на международной арене, борьбу лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого СССР, с империалистическим и антидемократическим лагерем, возглавляемым Соединенными Штатами Америки. Необходимо показать углубление общего кризиса капитализма, в частности, охарактеризовать кризис колониальной системы империализма, во всем объеме раскрыть процесс возрастания и обострения всех противоречий империалистического мира.

Наши философы, работающие по вопросам исторического материализма, мало изучают то новое, что возникает в процессе развития классовых конфликтов на современном этапе в капиталистических странах, особенно в Англии и США. Исключительная важность демократических движений (борьба за мир, борьба против фашизации политического строя и т. д.) не должна приводить к забвению важности классовых битв пролетариата против буржуазии. В связи с этим особый теоретический и политический интерес приобретает вопрос о соотношении социалистических и общедемократических задач в классовой борьбе пролетариата. В эпоху империализма в этом соотношении появляется много нового по сравнению с периодом домонополистического капитализма.

Все эти и другие задачи советские философы могут решить лишь на основе творческого подхода к их разрешению, на основе глубокого изуче-

ния жизни, тесного сотрудничества с экономистами, историками, правоведами и представителями других отраслей общественной науки.

Попрежнему отстающим участком философского фронта является область этики и эстетики. За пять лет не вышло ни одной монографии, посвященной коммунистической морали. Статьи по вопросам морали все еще не дают глубокого анализа коммунистического отношения к труду, советского патриотизма, дружбы народов, самоотверженности и героизма советских людей. Предметом анализа в статьях по этике должны стать область быта, претерпевшая коренное изменение в связи с победой социализма, и другие сферы отношений и духовной жизни советских людей. Нельзя забывать, что духовный мир личности в социалистическом обществе и характер ее отношений несравненно богаче, чем при капитализме.

Другой недостаток всех опубликованных статей по этике состоит в том, что в них слабо отражены борьба нового со старым в поведении советских людей, противоречия и конфликты, разрешение которых методами советской общественности обеспечивает коммунистическое воспитание, коммунистическую закалку советских людей. Нужно показывать живучесть пережитков капитализма в сознании людей и важность борьбы с ними.

Преодолевая недостатки, имеющиеся в наших статьях по этике, советские философы помогут литераторам глубже, богаче освещать жизнь советского человека, смелее вскрывать конфликты, существующие между людьми, находящимися в плену различных предрассудков, и передовыми советскими людьми.

Совершенно неудовлетворительно наши философы разрабатывают коренные проблемы эстетики социалистического реализма. Важнейшие эстетические проблемы почти не находят места в работах советских философов, недопустимо долго задержавшихся на обсуждении вопроса о предмете эстетики, о месте искусства в сфере надстройки. В то же время такие вопросы, как сущность принципов социалистического реализма, особенности художественного отображения действительности, соотношение формы и содержания в искусстве и другие, почти не разрабатывались философами.

Советским философам, работающим в области диалектического материализма, необходимо на основе овладения трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина всесторонне разрабатывать материалистическую диалектику и философский материализм.

Товарищ Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» указал на необходимость творческого подхода к теории на примере развития закона перехода от старого качества к новому и других примерах. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, обобщая опыт коммунистического строительства в СССР, новый исторический опыт общественного развития, новейшие достижения естествознания, необходимо разрабатывать все принципы и категории марксистского диалектического метода. Нужно создать монографии, посвященные основным чертам марксистского диалектического метода и важнейшим категориям материалистической диалектики. Особое внимание должно быть обращено на разработку марксистского учения о законе, вопросов о борьбе нового со старым, о неодолимости нового, о природе скачков и т. д.

Развитие современной физики, химии, биологии, физиологии и других наук настоятельно требует философской трактовки вопроса о формах движения материи, разработки теории отражения на основе новейших данных физиологии высшей нервной деятельности, раскрытия роли языка в процессе познания в связи с учением Павлова о второй сигнальной системе и др.

Совершенно нетерпимым является тот факт, что философы, работающие в области диалектического материализма, до сих пор не создали

серьезных работ по вопросу о соотношении языка и мышления в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Первоочередной задачей советских философов и советских языковедов является создание монографических исследований и статей о соотношении языка и мышления, о роли языка в процессе познания. Тесное сотрудничество философов и языковедов — непременное условие успешного решения этой задачи.

Исключительное значение приобрели вопросы разработки истории марксистской философии, а также истории развития философской и общественной мысли народов СССР и стран Востока: Китайской Народной Республики, Индии, Японии и т. д. Особое внимание должно быть уделено изучению влияния передовых философских течений народов СССР и стран Востока на развитие науки и философии на Западе. Большие задачи стоят перед историками философии в области разработки истории античной и западноевропейской философии. Нельзя считать правильным то положение, что в последние годы почти не было диссертаций и работ, посвященных этим вопросам, и фактически прекратилась подготовка кадров для этой очень важной области философской науки.

Огромные задачи поставила партия перед советскими философами в области наступательной борьбы с растленной реакционной буржуазной идеологией. На философской дискуссии 1947 года А. А. Жданов говорил: «Кому же, как не нам — стране победившего марксизма и ее философам,— возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!». Эта задача советскими философами выполняется все еще неудовлетворительно. Критика реакционной буржуазной философии носит еще недостаточно целеустремленный, недостаточно глубокий характер. В большинстве случаев подвергаются критике отдельные высказывания, иногда отдельные работы идеологических оруженосцев империалистической реакции. Но этого, безусловно, мало. Необходимо раскрывать все идейное убожество и реакционную сущность современной буржуазной идеологии, критиковать и громить все реакционные философские направления, выступающие в буржуазных странах под новыми модными наименованиями. Философские учреждения страны должны готовить и специализировать кадры, способные в статьях и брошюрах доходчиво и убедительно разоблачать современные идеалистические школы, пропагандировать последовательно научное мировоззрение диалектического материализма.

Теоретическая работа советских философов неотделима от их пропагандистской и агитационной работы. Миллионы советских граждан изучают марксистскую философию. По мере нашего продвижения к коммунизму круг читателей философской литературы будет все более расширяться. Наша страна нуждается в многочисленной учебной и популярной пропагандистской литературе по философии. Особенно важное значение приобрел вопрос о создании полноценной учебной литературы, рассчитанной на разные контингенты изучающих марксистскую философию. Уже на философской дискуссии партия указала на важность создания марксистского учебника по истории философии и определила требования, которым он должен удовлетворять. Известную работу в этом направлении Институт философии АН СССР проводит. Как уже было отмечено, заканчивается производством двухтомная работа по истории философии, издается проект книги по диалектическому материализму, подготавливается второе издание книги «Исторический материализм». Но и завершение этих работ еще не решит проблемы с учебной литературой, ибо готовящаяся по истории философии книга ни по своему характеру, ни по объему не рассчитана на лиц, только что приступающих к изучению истории философии. Книга же по диалектическому материализму еще должна быть апробирована в практике педагогической работы. Создание учебников по марксистской философии продолжает оставаться важнейшей задачей, стоящей перед философами.

Совершенно непонятно, почему Министерство высшего образования СССР, Министерство просвещения РСФСР и Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР безразлично относятся к этому важному вопросу, не проявляют интереса к постановке научно-исследовательской работы на философских кафедрах университетов и институтов. А между тем совершенно очевидно, что без хорошо поставленной научно-исследовательской работы философских кафедр нельзя по-настоящему, коренным образом улучшить постановку преподавания марксистской философии в вузах.

Нельзя считать правильным то положение, что подготовка учебников по диалектическому и историческому материализму ведется главным образом Институтом философии АН СССР, работники которого мало связаны или совсем не связаны с педагогической работой. Философские кафедры университетов имеют все возможности для создания полноценных учебников по диалектическому и историческому материализму. Достаточно сказать, что преподавательские кадры философского факультета Московского университета по численности равняются коллективу сотрудников Института философии Академии наук СССР и достаточно квалифицированны для того, чтобы создать высококачественные учебные пособия.

Делом чести руководящих работников философских кафедр, прежде всего Московского и Ленинградского университетов, является создание учебников по историческому и диалектическому материализму и истории философии.

Большие задачи, стоящие перед советскими философами, могут быть решены лишь при условии тесного сотрудничества философов Москвы с философами периферии, сотрудничества философов с представителями других общественных наук и естествознания. Сплочение философских кадров и дальнейшее развертывание критики и самокритики, проведение творческих дискуссий и творческих обсуждений по еще не решенным вопросам науки, настойчивая борьба за реализацию решений партии по идеологическим вопросам и указаний И. В. Сталина — главные условия, обеспечивающие выполнение этих задач.

Большая ответственность ложится на журнал «Вопросы философии» в деле дальнейшего развития творческих дискуссий, объединения философских кадров, разработки и пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения, в деле борьбы с растленной, реакционной империалистической идеологией. Журнал, возникший из философской дискуссии, является общесоюзной трибуной советских философов. Он должен всемерно содействовать развитию борьбы мнений и свободе критики, выступать застрельщиком в развертывании творческих дискуссий по вопросам философии и методологическим вопросам науки. Редколлегия журнала примет все меры к тому, чтобы на страницах журнала систематически освещалась жизнь научных учреждений страны, давался критический анализ организации работы философских учреждений и выпускаемой ими научной продукции, освещался опыт преподавания философских дисциплин в высших учебных заведениях.

Ответственны и благодарны задачи, поставленные большевистской партией перед советскими философами. Партия Ленина — Сталина вооружила нас, советских философов, всем необходимым для их успешного и быстрого разрешения. На повседневную помощь и заботу большевистской партии армия советских философов ответит улучшением всей своей работы, настойчивой борьбой за полное разрешение поставленных перед ними задач.

Гениальный труд В. И. Ленина об идеологических основах марксистской партии

(К 50-летию книги В. И. Ленина «Что делать?»)

Годы, прошедшие со времени появления гениального труда В. И. Ленина «Что делать?», насыщены такими всемирно-исторического значения событиями, которые превратили наш век в величайшую эпоху в истории человечества.

Эти годы были периодом основательнейшей проверки борющихся общественных сил, классов, партий, вождей, политических направлений, идей, общественных теорий, мировоззрений.

За это время в Европе и Азии распались целые некогда могущественные империи, в ряде стран были низвергнуты реакционные политические режимы, потерпели полное банкротство, не выдержав испытания времени, многочисленные реакционные политические теории, идеологические системы.

Самым великим событием всемирной истории является Великая Октябрьская социалистическая революция и победа социализма в СССР. Это важнейшее историческое событие нанесло смертельный удар по буржуазной, реакционной идеологии и явилось демонстрацией жизненной силы идеологии марксизма-ленинизма. Победа режима народной демократии в ряде стран Европы и Азии — новое подтверждение всемирно-исторического значения марксистской идеологии.

Только гениальные идеи, теоретические принципы марксизма-ленинизма блестяще выдержали все испытания времени, исторической практики.

Наша великая партия, партия Ленина — Сталина, весь советский народ, спаянный морально-политическим единством, с гордостью отмечают, что идеи великого Ленина, высказанные в книге «Что делать?», заложившей идеологические основы марксистской партии, торжествуют свою полную победу. Бурная история нашего века, полная величайших конфликтов, потрясений, насыщенная революционной борьбой, целиком подтвердила истинность идеологии большевизма, истинность теоретических принципов гениальной книги «Что делать?».

Идеи этой книги одержали победу потому, что они дали верный ответ на вопрос, что нужно было делать передовым силам России для достижения победы над царизмом и капитализмом.

1

Конец XIX и начало XX века — это было время, когда в крупнейших буржуазных странах промышленный капитализм превращался в капитализм монополистический, в империализм. Это — начало новой эпохи, ознаменовавшейся усилением гнета капиталистических монополий, усилением и обострением всех капиталистических противоречий. Кончился период относительно мирного развития капитализма, и начался период катастрофического его развития, обусловленный действием закона нерав-

номерности экономического и политического развития капитализма, связанный с империалистическими войнами за передел мира, с величайшими классовыми битвами и революциями.

Этот период характеризуется дальнейшим перемещением центра революционного движения с запада на восток Европы. В царской России нарастала волна стихийного, еще не организованного рабочего движения. В рабочем движении западноевропейских стран появилось в то время оппортунистическое, ревизионистское течение, возглавлявшееся ренегатом Бернштейном.

Бернштейн и его последователи выступили с критикой марксизма, против диалектико-материалистических основ научного социализма, за идеализм. Они отрицали необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата, подвергли ревизии открытый Марксом закон об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса при капитализме. Буржуазная демократия, по мысли бернштейнианцев, означает прекращение классовой борьбы. Они считали, что социал-демократическая партия должна вследствие этого стать партией социальных реформ. Враги марксизма разглагольствовали о невозможности научного обоснования социализма и настаивали на необходимости этического обоснования его. Социализм, как утверждали бернштейнианцы, должен наступить без классовой борьбы и революции, в результате простой моральной проповеди и «самоусовершенствования». Историческому материализму Маркса Бернштейн противопоставил смесь вульгарного «экономического материализма» и самого пошлого идеализма.

Это ревизионистское течение, по замыслу буржуазии, должно было изнутри взорвать марксизм и парализовать, свести на нет революционное движение рабочего класса. Сторонники ревизиониста Бернштейна появились в целом ряде капиталистических стран, что придало оппортунистической опасности международный характер.

Характеризуя оппортунизм, Ленин писал: «В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья» [1].

В России последователи Бернштейна, так называемые «экономисты», выступили с критикой основ научного социализма, пытаясь отвлечь рабочий класс от политической борьбы. Они преклонялись перед стихийным рабочим движением, принижали роль социалистической теории, социалистической идеологии в рабочем движении, роль и значение марксистской партии.

Зарождавшаяся русская социал-демократия переживала в то время в идейном и организационном отношении состояние разброда, шатаний, кризиса. Между тем в этот период перед рабочим классом, перед русским народом стояла первоочередная революционная задача — свергнуть ненавистный царизм, стоявший на пути борьбы рабочего класса и крестьянства против капиталистов и помещиков, душивший все живое, передовое, прогрессивное.

«История,— писал Ленин,— поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» [2].

Знаменитая книга В. И. Ленина «Что делать?» призвана была защитить и творчески развить дальше идеологию марксизма, нанести сокру-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 325.
[2] Там же, стр. 345.

шающий удар по идеологии международного и русского оппортунизма, дать ответы на наболевшие вопросы не только русского, но и международного рабочего движения, сплотить всех сознательных рабочих России вокруг знамени научного социализма, указать пути создания подлинной марксистской партии, партии нового типа, способной выполнить роль авангарда, вождя рабочего класса и всех трудящихся.

Владимир Ильич Ленин выполнил эту великую задачу с такой основательностью, что от оппортунистической теории «экономистов» не осталось камня на камне.

Через год после выхода книги «Что делать?», пишет товарищ Сталин, «от идейных позиций «экономизма» осталось лишь неприятное воспоминание, а кличка «экономист» стала восприниматься большинством партийных работников, как оскорбление. Это был полный идейный разгром «экономизма», разгром идеологии оппортунизма, хвостизма, самотека» [1].

Первоочередной политической задачей, стоявшей в этот период перед рабочим движением России, задачей, являвшейся ключом к решению всех других революционных задач, было создание подлинно марксистской партии, крепкой, сплоченной, дисциплинированной, преданной до конца делу рабочего класса, могущей вдохновить и организовать разрозненные миллионные массы трудящихся на сознательную борьбу против царизма и остатков крепостничества в экономике, за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а затем повести рабочий класс и беднейшее крестьянство на революционную борьбу против капитализма, за социализм, за диктатуру пролетариата.

Без такой марксистской партии нельзя было решить великие исторические задачи, стоявшие перед рабочим классом России. Такая партия, по мысли Ленина и Сталина, должна была стать подлинным вождем, авангардом рабочего класса. Перефразируя известное изречение одного из великих мужей науки, В. И. Ленин пророчески писал в своей работе «Что делать?»:

«...Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» [2].

Вот какое огромное значение В. И. Ленин придавал пролетарской марксистской партии.

Но чтобы создать такую марксистскую партию, сплоченную идейно и организационно, необходимо было прежде всего разоблачить и разгромить философию оппортунизма, экономизма, преодолеть преклонение перед стихийным рабочим движением, недооценку роли социалистического сознания, социалистической идеологии, роли и значения марксистской партии. Необходимо было противопоставить антимарксистским положениям «экономистов» подлинно марксистские взгляды на соотношение стихийности и сознательности в рабочем движении, на роль революционной теории и марксистской партии в этом движении, на проблему взаимоотношения политической и экономической борьбы, на вопрос о связи общедемократических задач политической борьбы пролетариата с борьбой за ее конечную цель, т. е. за социализм; надо было по-марксистски осветить принципиальное различие тред-юнионистской и социал-демократической, марксистской политики, показать, кем должен быть социал-демократ, коммунист, марксист, чем он отличается от секретаря тред-юниона, от крохоборов-«экономистов», так низко «уронивших революционера сан».

Великое значение книги «Что делать?» состоит прежде всего в том, что в ней В. И. Ленин всесторонне и глубоко разработал идеологические основы марксистской партии.

Пролетарская марксистская партия должна иметь определенный идейный облик. Прочной, незыблемой идеологической основой пролетар-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 37.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 435.

ской партии может быть только марксизм. Все же другие направления в области рабочего движения — псевдосоциалистический ревизионизм, бернштейнианство, экономизм — это проявления буржуазного влияния на рабочий класс. Не размежевавшись с этими ревизионистскими течениями, не разоблачив их буржуазную сущность, нельзя было создать марксистскую партию.

Великое значение книги «Что делать?» состоит в том, что в ней Владимир Ильич Ленин вскрыл буржуазные корни международного оппортунизма, и в том числе его русской разновидности — экономизма; он показал антипролетарский, враждебный социализму характер этого течения.

Владимир Ильич по всем коренным вопросам международного и русского рабочего движения противопоставил ревизионизму, оппортунизму глубокую, четкую программу, план строительства марксистской партии нового типа, ее ближайшие и конечные задачи.

Книга Ленина «Что делать?» показывает нам, какую великую роль играли марксистские идеи в создании пролетарской партии, партии большевиков, а также какую решающую роль играет марксистская партия в использовании могучей, действенной, преобразующей силы марксистской идеологии для победы социализма. Научные идеи, теоретические принципы, изложенные в книге Ленина «Что делать?», легли в основу великого идейного и политического направления современности, имя которому — большевизм.

2

«Экономисты» обвиняли сторонников ленинской газеты «Искра», и прежде всего Ленина и ленинцев, в преувеличении роли сознательного элемента, роли идеологии в общественном развитии и в недооценке, в преуменьшении значения объективного, или стихийного, элемента, в преувеличении роли политики и недооценке роли экономической борьбы рабочих. «Экономисты», рабски плетясь в хвосте стихийного рабочего движения, пытались оправдать и теоретически обосновать свой хвостизм ссылками на определяющую роль материальной среды в развитии рабочего движения, которая якобы делает ненужным руководство рабочим движением, преодоление его стихийного характера.

Ленин обрушился со всей силой на вульгарно-материалистические взгляды «экономистов», выдававшиеся ими за марксизм, показав, что на деле идеи «экономистов» в корне враждебны историческому материализму и представляют собой всего лишь буржуазную карикатуру на марксизм. Не случайно эти взгляды стали проповедовать люди, воспитавшиеся на литературе «легального марксизма», на произведениях Струве, Туган-Барановского, Прокоповича, Булгакова и им подобных.

Великий Ленин придавал вопросу о соотношении стихийного и сознательного в рабочем движении огромное значение; в различном понимании этой проблемы он видел всю суть теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами [1].

В противовес распространенному в начале девяностых годов представлению о существовании двух форм борьбы социал-демократии — политической и экономической — Ленин указал, что основоположники марксизма признавали три формы классовой борьбы, в том числе и теоретическую борьбу.

Всесторонняя разработка марксистской теории, борьба против буржуазной идеологии, отравляющей сознание рабочих, явилась в то время одной из насущнейших задач марксистской партии. Теоретическая беспринципность, эклектизм в теории, принижение ее роли в революционном движении чужды духу революционного марксизма. «Без революционной

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 346.

теории не может быть и революционного движения, — писал Ленин. — Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности [1].

Ленин считал, что для русской социал-демократии значение революционной теории особенно велико по трем обстоятельствам.

Во-первых. Марксистская партия в России только еще складывалась, только еще вырабатывала свою политическую и идейную физиономию «и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли» [2].

Во-вторых. Социал-демократическое движение международно. Но, чтобы использовать международный опыт рабочего движения, надо уметь воспринимать его критически, а это требует огромного запаса теоретических знаний и политического революционного опыта.

В-третьих. Национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире.

Ленин писал, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература» [3].

В обстановке, когда в международном масштабе капитализм уже вполне созрел для перехода к социализму, когда пролетарская революция становилась в порядок дня как практическая задача для многих капиталистических стран, а в России назрела буржуазно-демократическая революция, которая при благоприятных условиях могла быстро перерасти в социалистическую,— в этой обстановке исход борьбы зависел от сознательности и организованности пролетарских масс, от способности пролетариата повести за собой крестьянство. Понятно поэтому, какое великое значение имели в то время положения Ленина о роли революционной теории, социалистической идеологии.

Никто до Ленина и Сталина не выдвигал и не подчеркивал с такой силой вопроса о роли марксистской теории, социалистической идеологии в революционном рабочем движении, в деятельности марксистской партии, как это сделали они в своих трудах «Что делать?», «Коротко о партийных разногласиях» и других.

Обобщая опыт рабочего движения различных стран, Ленин пришел к выводу, что стихийное рабочее движение находится во власти буржуазной идеологии, что само оно не в состоянии выработать научную социалистическую идеологию. Последняя создается идеологами рабочего класса и приносится в стихийное рабочее движение марксистской партией. Социалистическая идеология вырабатывается в результате изучения экономических основ антагонизма между пролетариатом и буржуазией, наблюдения за ходом рабочего движения, научного обобщения практики классовой борьбы, в результате развития философской, экономической и исторической мысли.

«...Социал-демократического сознания,— писал Ленин,— у рабочих *и не могло быть.* Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатыва-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 341.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 342.

лись образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции» [1].

Гениальные ленинские положения, творчески решавшие проблемы о том, как, при каких обстоятельствах возникает социалистическая идеология, кем и как она вносится в стихийное рабочее движение, в каком отношении идеологи находятся к этому движению, вызвали ожесточенные нападки со стороны «экономистов», а впоследствии и меньшевиков.

Г. В. Плеханов, так много сделавший до перехода в лагерь меньшевизма для дела пропаганды марксизма, не смог подняться до уровня ленинско-сталинского решения вопроса о том, как конкретно и кем именно вырабатывается социалистическая идеология и какова ее роль в рабочем движении. Он ограничился повторением старой, давно уже известной всем марксистам истины, что общественное сознание определяется общественным бытием.

Ленин в книге «Что делать?», отправляясь от этого положения, шел дальше, творчески развивая марксизм в соответствии с задачами, стоявшими тогда перед рабочим движением.

Страстный, последовательный защитник ленинских идей, И. В. Сталин в своих статьях «Письмо из Кутаиса», «Ответ «Социал-Демократу», «Коротко о партийных разногласиях» защищал и развивал гениальные ленинские идеи, критикуя Плеханова и других меньшевиков, пытавшихся атаковать ленинские положения, выдвинутые в книге «Что делать?». В статье «Письмо из Кутаиса» товарищ Сталин писал: «Прочел также статьи Плеханова, в которых он разбирает «Что делать?». Этот человек или совершенно рехнулся, или в нем говорят ненависть и вражда. Думаю, что обе причины имеют здесь место. Я думаю, что Плеханов отстал от *новых вопросов.* Ему мерещатся старые оппоненты, и он по-старому твердит: «общественное сознание определяется общественным бытием», «идеи с неба не падают». Как будто Ленин говорит, что социализм Маркса был бы возможен во время рабства и крепостничества. Теперь гимназисты и те знают, что «идеи с неба не падают». Но дело в том, что теперь речь идет совсем о другом. Эту общую формулу мы давно переварили, настало время детализировать этот общий вопрос. Теперь нас интересует то, как из отдельных идей вырабатывается система идей (теория социализма), как отдельные идеи и идейки связываются в одну стройную систему — теорию социализма, и кем вырабатываются и связываются. Масса дает своим руководителям программу и обоснование программы или руководители массе? Если сама масса и ее стихийное движение дают нам теорию социализма, то нечего ограждать массу от вредного влияния ревизионизма, терроризма, зубатовщины, анархизма: «стихийное движение само *из себя* рождает социализм». Если же из себя *не* рождает стихийное движение теорию социализма (не забудь, что у Ленина речь идёт о теории социализма), значит, последняя рождается *вне* стихийного движения, из наблюдения и изучения стихийного движения людьми, вооружёнными знаниями нашего времени. Значит, теория социализма вырабатывается «совершенно независимо от роста стихийного движения», даже вопреки этому движению, и затем уж *вносится извне* в это движение, *исправляя* его сообразно своему содержанию, т. е. сообразно объективным требованиям классовой борьбы пролетариата» [2].

Борьба Ленина и Сталина против «экономистов» и меньшевиков по

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 347—348.
[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 57—58.

вопросам о соотношении стихийного рабочего движения и социалистической идеологии, о том, как и кем она вырабатывается, как экономические условия определяют собой идеологию, имеет огромное значение. Здесь точка зрения марксистская, ленинско-сталинская была противопоставлена вульгарно-материалистической, защищавшейся «экономистами», меньшевиками и Плехановым в его статье «Рабочий класс и с.-д. интеллигенция».

«Экономисты» трактовали процесс возникновения социалистической идеологии в духе вульгарного материализма, изображая дело так, будто экономика автоматически, сама порождает социалистическую научную идеологию, будто возникновение марксистской идеологии не является плодом кропотливой научной работы и не имеет никакой связи с предшествующими достижениями философской, экономической и исторической мысли. Это была карикатура на марксизм, против которой решительно выступили Ленин и Сталин.

Еще Фридрих Энгельс предостерегал от упрощенческого, вульгарного понимания связи экономики и философии.

«Экономика,— писал он,— здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отношения» [1].

Нередко и в наше время некоторые товарищи повторяют, по недомыслию, давно разгромленные взгляды «экономистов». И в наши дни упростители и вульгаризаторы марксизма пытаются объяснить возникновение философских, эстетических и экономических теорий вне той конкретно-исторической связи с предшествующим развитием науки, на которую указывали творцы научного коммунизма. На опасность упрощенческого подхода к вопросу о возникновении марксизма товарищ Сталин еще раз указал в работе «Марксизм и вопросы языкознания». «Маркс и Энгельс, — говорит он, — были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период».

Упрощением и искажением марксизма является и другая точка зрения, согласно которой марксистская философия трактуется как простое продолжение предшествующих философских, экономических и исторических взглядов. В действительности возникновение марксизма представляло собой величайшую революцию в развитии общественной мысли, революцию в области философии, политических взглядов, в учении о социализме.

Книга Ленина «Что делать?» является классическим образцом теоретического анализа и глубоко научного объяснения как самого возникновения социалистической идеологии, так и ее роли в рабочем движении, в борьбе за социализм.

3

Ленинское учение о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении зовет к тому, чтобы подлинно марксистская партия, опираясь на социалистическую марксистскую теорию, поднимала рабочий класс до осознания им своих классовых интересов, своей всемирно-исторической роли борца против капитализма, призванного свергнуть режим эксплуатации и построить социализм.

Без соединения марксизма с рабочим движением последнее обречено на длительные блуждания в потемках, на пленение буржуазной идеологией.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 430. 1948.

«Экономисты», меньшевики, извращая ленинское учение о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении, пытались приписать марксистам утверждение, будто рабочее движение, если оно находится вне влияния социалистической идеологии, погибнет и никогда не достигнет социальной революции. Ничего подобного марксисты, конечно, не утверждали и не могли утверждать. Это выдумка врагов марксизма.

Конечно, и стихийное рабочее движение в конце концов когда-нибудь привело бы к социальной революции. Но такой путь был бы блужданием в потемках и потребовал бы неисчислимых жертв.

Об этом говорит опыт международного рабочего движения. Рабочий класс терпит поражения, когда его борьба носит стихийный характер, когда она не освещена светом социалистической идеологии.

Рабочий класс в СССР и странах народной демократии одержал победу потому, что он вооружен идеологией марксизма-ленинизма.

Марксистская социалистическая идеология, учат Ленин и Сталин, дает возможность рабочему классу ускорить победу над капитализмом, достичь её с наименьшими жертвами.

Развивая идеи ленинизма, И. В. Сталин писал по этому вопросу в работе «Коротко о партийных разногласиях»:

«Что такое научный социализм *без рабочего движения?* — Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить за борт.

Что такое рабочее движение *без социализма?* — Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соедините то и другое вместе, и вы получите прекрасный корабль, который прямо понесется к другому берегу и невредимым достигнет пристани.

Соедините рабочее движение с социализмом, и вы получите социал-демократическое движение, которое прямым путем устремится к «обетованной земле».

И вот, обязанность социал-демократии (а не только интеллигентов-социалдемократов) — соединить социализм с рабочим движением, внести в движение социалистическое сознание и, таким образом, придать стихийному рабочему движению социал-демократический характер» [1].

Великая роль марксистской социалистической идеологии в рабочем движении состоит в том, что она дает возможность рабочему классу осознать свое положение в капиталистическом обществе, понять коренную противоположность своих интересов интересам буржуазии, наметить правильные, основанные на знании законов общественного развития пути и способы борьбы против капитализма, за социализм.

Рабочее движение, не проникнутое марксистской идеологией, находилось (а в таких странах, как США, Англия, Швеция, еще в значительной мере находится и теперь) во власти буржуазной идеологии. Чтобы высвободить рабочий класс из-под власти буржуазной идеологии, надо внести в рабочее движение марксистскую социалистическую идеологию. Это одна из основных задач марксистских партий.

«Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи,— писал Ленин,— то вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [2].

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 102—103.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 355—356.

Стихийное рабочее движение — это тред-юнионизм, означающий идейное порабощение рабочих буржуазией. Идеологи тред-юнионизма, лейборизма, прежде всего в английском и американском рабочем движении, проповедуют сотрудничество пролетариата с буржуазией, подчиняя рабочее движение интересам капиталистических монополий. Современный тред-юнионизм, его продажное руководство, ни перед чем не останавливается для защиты капитализма, обрекающего рабочих на наемное рабство.

Буржуазия США и Англии, грабя колонии и зависимые страны, наживаясь на мировых войнах, а в настоящее время — на разбойничьей войне в Корее, загребает сверхприбыль и максимальную прибыль. За счет сверхприбылей буржуазия этих стран подкупает и развращает верхушку рабочего класса, так называемую рабочую аристократию, привязывая ее к колеснице империализма. Это и является материальным источником влияния буржуазной идеологии на значительные слои рабочего класса США и Англии. Не следует забывать также, что буржуазия этих стран имеет мощный идеологический аппарат, служащий целям одурманивания рабочих. Правые социалисты, вожди тред-юнионов, американские продажные боссы — это платные агенты буржуазии. Без разоблачения и изгнания их из рабочего движения освобождение рабочего класса невозможно. Правые социалисты в наши дни в обстановке ожесточенной классовой борьбы пролетариата с буржуазией, с империалистической реакцией, нагло обманывая рабочих, пытаются изобразить себя в роли сторонников так называемого «третьего» пути, отличного от коммунизма и от империалистической реакции. На самом же деле их идеология и политика, как это подтверждает практика, являются насквозь буржуазными и реакционными.

В борьбе двух лагерей — лагеря мира, социализма и демократии, с одной стороны, и лагеря войны и империалистической реакции, с другой,— нет и не может быть третьей идеологии и третьего пути.

Правые социалисты, реакционные руководители профсоюзов, тред-юнионов и т. п.— это открытые сторонники буржуазии, враги прогресса, социализма. Если «экономисты» в свое время признавали экономическую форму борьбы рабочих против буржуазии, то их теперешние продолжатели, господа эттли и моррисоны, грины и шумахеры, не признают никакой классовой борьбы пролетариата. Проповедуя классовый мир пролетариата с буржуазией, они на деле борются против рабочего класса. Эта борьба ведется ими в области экономической (замораживание заработной платы, срыв забастовок и т. п.) и политической (поход против коммунистов, расстрелы рабочих, поддержка реакционных, антидемократических законов, режимов, борьба против страны социализма и стран народной демократии) и в области идеологической (растление сознания рабочих, проповедь буржуазной идеологии, открытая борьба против марксизма-ленинизма).

Ленин вскрыл гнуснейшую реакционную роль правых социалистов, оппортунистов, и объявил им войну, как агентуре буржуазии.

Ленин и Сталин всегда вели беспощадную, непримиримую борьбу с оппортунизмом всех мастей. В этом один из источников всемирно-исторических побед большевизма.

В. И. Ленин указывал, что одна из причин влияния буржуазной идеологии на стихийное рабочее движение заключается в том, что буржуазная идеология старше марксистской идеологии, за ней сила традиций, и она располагает неизмеримо бо́льшими возможностями распространения, чем марксистская идеология. Однако все это до поры до времени. Объективный ход экономического развития, растущие противоречия между пролетариатом и буржуазией и славная деятельность коммунистических партий делают свое великое дело. Ныне марксистско-ленинская идеология является господствующей в международном рабочем движении. Это при-

водит в ужас буржуазию. Даже такие страны, как США и Англия, буржуазия которых утверждала, что они застрахованы от проникновения идей марксизма, ныне являются полем борьбы передовых марксистских идей с идеологией реакционной буржуазии. Неистовые вопли империалистической реакции в США и Англии, бешеная травля коммунистов, процессы против руководителей компартии в США свидетельствуют о растущем влиянии марксистских идей в этих странах, о страхе буржуазии перед натиском этих идей.

Ленин и Сталин указывают, что стихийное рабочее движение инстинктивно влечется к социализму. «Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму,— пишет Ленин.— Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует перед стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность» [1].

По мере обострения противоречий между пролетариатом и буржуазией растет тяга рабочих масс к социалистической идеологии. Поэтому громадную роль играет умение марксистских партий выдвинуть лозунги, требования, выражающие кровные интересы народных масс. Коммунистические партии капиталистических стран, опираясь на опыт партии большевиков, научились ныне правильно сочетать борьбу за коренные интересы рабочего класса с борьбой за их повседневные нужды.

Шаг за шагом коммунистические партии стран капитализма разоблачают антинародную, антинациональную политику буржуазии и ее агентуры — правых социалистов. Коммунисты доказали делом, что они являются самыми беззаветными и последовательными защитниками народных интересов. Этим объясняется победа коммунистов, идей ленинизма в странах народной демократии. Этим объясняется колоссальное влияние коммунистов в таких странах, как Италия, Франция.

Одна из важнейших, решающих задач современного рабочего движения в капиталистических странах — это борьба за единство рабочего класса. Ленинизм учит, что, если рабочий класс един, сплочен, организован, сознателен, он величайшая сила. Если же он расколот, он слаб, он ничто. Это облегчает буржуазии навязывать ему свою волю. Рабочий класс во многих капиталистических странах расколот защитниками буржуазной идеологии, идеологии реформизма, правыми социалистами, этими презренными слугами буржуазии, и просто провокаторами-фашистами типа Тито, Карделя и других.

Единство рабочего класса может быть достигнуто только на основе марксистско-ленинской идеологии, идеологии большевизма. Этому учат опыт русского рабочего движения, опыт большевизма, великие идеи, развитые Лениным в его работе «Что делать?».

В книге «Что делать?» Ленин, борясь против теории стихийности, против идеологии и практики тред-юнионизма, дал глубокое научное обоснование марксистской социалистической политики, правильно сочетающей революционно-демократические задачи с задачами социалистическими, показал коренное отличие социалистической марксистской политики от политики тред-юнионистской, отдающей рабочий класс на съедение буржуазии.

Разоблачая узколобую, тред-юнионистскую, крохоборческую политику «экономистов», которую они хотели навязать рабочему классу и социал-демократии России, Ленин писал: «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 357.

во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,— тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества» [1].

Это положение Ленина подчеркивает, что научный социализм возникает из изучения всех сторон жизни и взаимоотношения всех классов капиталистического общества, а не только одного рабочего класса. Это положение Ленина учит тому, что и политическое воспитание рабочего класса, возвышение его до понимания им коренных своих интересов и всемирно-исторического значения задач должно опираться на учет всех политических и экономических фактов жизни всех классов данного общества.

Идеал социал-демократии, писал Ленин, «не секретарь тред-юниона, а *народный трибун,* умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *перед всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата» [2].

Большевизм завоевал величайшее доверие и любовь широчайших народных масс потому, что он поднял звание члена марксистской партии на огромнейшую высоту. В годы тяжелых испытаний для народов России большевики были силой, которая повела за собой массы, указывая им путь борьбы против империалистической войны, за мир, путь и средства борьбы против царизма и капитализма. Большевик, член великой партии Ленина — Сталина, является народным вожаком, трибуном, инициатором всех лучших начинаний во всех областях строительства коммунизма. Поэтому партия большевиков стала образцом для всех пролетарских марксистских партий. На опыте ее учатся побеждать и побеждают коммунистические партии других стран.

Коммунистические партии стран народной демократии завоевали великое доверие народных масс своих стран потому, что, следуя ленинизму, они выдвигали перед народом великие демократические, национально-освободительные, антифашистские задачи, а затем, по мере решения их, и социалистические задачи, умело связывая их друг с другом.

Коммунистическая партия Китая, возглавляемая мудрым вождем Мао Цзэ-дуном, творчески применяя к особым условиям Китая учение марксизма-ленинизма, возглавила китайский народ в его великой революционной борьбе против империализма, феодализма и гоминдановского реакционного режима. Всемирно-историческая победа китайского народа, установление строя народной демократии, есть результат правильного руководства и правильной политики коммунистической партии в осуществлении демократических, антиимпериалистических и антифеодальных задач китайской революции.

Коммунистические партии Франции и Италии, следуя принципам ленинизма, выступают в роли передовых борцов за национальную независимость, за мир, против поджигателей новой войны, против империализма США. Коммунисты используют каждый политический факт для вос-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 383.
[2] Там же, стр. 393.

питания масс в духе борьбы за мир, за социализм, за народную демократию.

Огромный рост численности и политического влияния коммунистических партий в капиталистических странах в послевоенный период приводит в ужас империалистическую реакцию. Представители этой реакции изображают рост сил и влияние коммунизма как «происки Москвы». Но трудящиеся знают, что влияние коммунизма — это результат беззаветной, смелой, героической борьбы коммунистов этих стран против фашизма, за кровные интересы народов, за их национальную независимость.

«Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью,— говорит товарищ Сталин.— Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов». Миллионы простых людей, «испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму,— решили, что коммунисты вполне заслуживают доверие народа.

Так возросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития».

Империалисты США и Англии, готовя третью мировую войну, пытаются всюду насаждать реакционные режимы. Они потопили в крови свободу греческого народа и установили в этой стране монархо-фашистский режим кровавого террора. Опираясь на провокаторов Тито, Карделя, Ранковича, они установили фашистскую диктатуру в Югославии, пытаются удушить национально-освободительное движение в Азии и Африке.

Коммунистические партии, следуя великим принципам ленинизма, стоят всюду в первых рядах самоотверженных борцов за свободу, за национальную независимость, за демократию и социализм.

Одной из великих задач настоящего времени является борьба народов за мир, против поджигателей войны. Широкий демократический фронт борцов за мир охватил сотни миллионов людей независимо от их политических и религиозных убеждений. В авангарде этого движения стоят коммунисты. Выиграть эту борьбу — значит нанести поражение тем, кто хочет нажиться на крови и страданиях народов, кто хочет лишить народы элементарных демократических свобод.

Великая роль в борьбе за национальную независимость, против американского империализма принадлежит ныне коммунистическим партиям Западной Германии и Японии. Эти страны оккупированы американским империализмом. Последний превращает Японию и Западную Германию в плацдарм войны против СССР и стран народной демократии, в орудие осуществления своих хищнических планов.

Борьба против американского империализма и его агентуры является самой насущной, самой жизненной задачей всех народов мира. Решение ее — условие решения других великих задач.

4

«Экономисты», обосновывая свое утверждение о решающем значении экономической борьбы рабочих с их хозяевами за повседневные интересы, пытались при этом ссылаться на то, что «по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории, и, *следовательно,* в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы». Приводя это высказывание одного из «экономистов» и резко критикуя его, Ленин писал: «Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (=профессиональной) борьбы,

ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» [1].

Таким образом, Ленин в противовес русским и международным тред-юнионистам неопровержимо доказал, что из трех форм классовой борьбы пролетариата — экономической, политической и теоретической — решающее значение имеет политическая борьба. Без решения коренных политических задач нельзя добиться коренного изменения экономического положения трудящихся. Этому учит опыт всех капиталистических стран, где рабочий класс до сих пор находится в экономическом и политическом рабстве.

Рабочий класс СССР, под руководством партии Ленина — Сталина, опираясь на учение ленинизма, практически доказал истинность принципов, изложенных Лениным в его работе «Что делать?». Завоевав диктатуру, рабочий класс СССР в союзе с трудящимся крестьянством добился и экономического освобождения, уничтожил всякую эксплуатацию человека человеком и построил социализм, а теперь, используя мощь социалистического государства, опираясь на познанные законы общественного развития, строит коммунизм.

В ходе борьбы за социализм в СССР не один раз вставал вопрос об отношении экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата. Большевикам приходилось бороться с защитниками разгромленных Лениным взглядов «экономистов», сторонниками теории самотека, с врагами народа — бухаринцами, синдикалистами, так называемой «рабочей оппозицией». Свою враждебную партии линию они, так же как и «экономисты», пытались обосновать положением о первичности экономики по отношению к политике, базиса к надстройке.

Враги марксизма смешивали в одну кучу совершенно разные вопросы: вопрос о формах классовой борьбы, о первенстве политического подхода над экономическим, об отношении между классами с вопросом о базисе и надстройке. Это совершенно разные вопросы, и их нельзя смешивать.

В классовой борьбе политика не может не иметь первенства над экономикой, политический подход над экономическим. Чтобы построить социализм, надо было завоевать власть, а затем удержать и укрепить Советское государство, а для этого необходимо было наладить и упрочить союз между рабочим классом и крестьянством. Политика Советского государства, рабочего класса в отношении кретьянства имела решающее значение для судеб социализма, для строительства социалистической экономики в том числе. Ленинизм учит решать все вопросы, включая и экономические, под углом зрения завоевания диктатуры пролетариата, когда ее еще нет, и под углом зрения удержания и укрепления пролетарской диктатуры, когда она завоевана. Это и означает первенство политики над экономикой.

Совершенно другим по содержанию является вопрос об экономическом базисе и надстройке. Первый порождает, создает вторую. Поэтому исторический материализм говорит о первичности базиса по отношению к надстройке. Своеобразие возникновения социалистического экономического строя не отменяет основного положения исторического материализма — о первичности материальных условий жизни общества.

Книга Ленина «Что делать?» и сегодня, пятьдесят лет спустя после ее появления, представляет собой могучее идеологическое оружие для марксистских партий всех стран.

Книга Ленина учит тому, что подлинно марксистская партия может

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 361—362.

быть создана и может развиваться и побеждать лишь на гранитной основе марксистской социалистической идеологии, что марксистские партии должны творчески развивать марксистскую теорию дальше, проверяя положения марксизма в условиях нового опыта, новой революционной практики, ведя непримиримую борьбу за чистоту принципов марксизма-ленинизма.

Ни одна партия в мире не придавала такого великого значения марксистской теории, социалистической идеологии, как партия Ленина — Сталина. В этом заключается одна из важнейших причин великой победы социализма, одержанной под руководством партии Ленина — Сталина в СССР.

Социалистическая идеология была внесена партией большевиков в стихийное рабочее движение. Благодаря этому оно приобрело силу сознательности, организованности, сплоченности. Сплоченный, единый рабочий класс внушил к себе уважение и доверие трудящихся крестьян, завоевал их на свою сторону и с их помощью под руководством партии большевиков смог придти к политическому господству. Под знаменем социалистической идеологии советский народ построил социализм, разгромил всех своих внутренних и внешних врагов. СССР вступил в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму. Наш народ, руководимый партией большевиков, решает ныне новые всемирно-исторического значения задачи.

Книга Ленина «Что делать?» учит наши кадры не жалеть времени, труда и сил для творческого овладения марксизмом-ленинизмом. Марксистская идеологическая закалка, теоретическое вооружение всех наших кадров — эта задача была выдвинута на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталиным как важнейшая. Для ее решения за истекшее время сделано много. Но наши задачи растут. Рост и умножение задач, связанных с переходом от социализма к коммунизму, с грандиозным размахом хозяйственного и культурного развития, требуют более высокого теоретического уровня, идеологической закалки, коммунистической сознательности наших многочисленных кадров. К тому же следует иметь в виду и тот факт, что на партийную, советскую и хозяйственную работу, на работу на фронте культуры выдвигаются молодые, растущие кадры. Поэтому и в настоящее время вооружение всех наших кадров идеологией ленинизма составляет актуальную, злободневную и насущнейшую задачу.

Решающее значение в деле постепенного перехода от социализма к коммунизму имеет коммунистическое воспитание масс, еще большее повышение их социалистической сознательности, в соответствии с новыми требованиями постепенного перехода к коммунизму.

Вооружение кадров марксистской теорией и коммунистическое воспитание трудящихся — это две стороны одной и той же задачи. Книга Ленина «Что делать?» учит нас борьбе с беззаботным отношением к марксистской теории.

Перед научными кадрами стоит задача дальнейшей творческой разработки марксистской науки, обобщение нового опыта классовой борьбы в странах капитализма и практики строительства коммунизма в СССР.

Книга Ленина учит нас великой любви к теории марксизма-ленинизма. В этой книге сотни тысяч и миллионы людей во всех странах черпают силу, бодрость, уверенность в борьбе за социализм.

Книга Ленина учит нас борьбе с хвостизмом, с самотеком, с теми, кто в руководящей работе полагаются на авось.

Товарищ Сталин, подчеркивая историческое значение работы Ленина «Что делать?», писал в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: заслуга Ленина состоит в том, что он

«1) Первый в истории марксистской мысли обнажил до корней идейные истоки оппортунизма, показав, что они заключаются прежде всего в

преклонении перед стихийностью рабочего движения и в принижении роли социалистического сознания в рабочем движении;

2) Поднял на высоту значение теории, сознательности, партии, как революционизирующей и руководящей силы стихийного рабочего движения;

3) Блестяще обосновал коренное марксистское положение, гласящее, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом;

4) Дал гениальную разработку идеологических основ марксистской партии» [1].

Теоретические положения книги Ленина «Что делать?» и труда товарища Сталина «Коротко о партийных разногласиях» — великие образцы защиты и обоснования идеологии марксизма-ленинизма.

Под знаменем великой идеологии марксизма-ленинизма ныне во всех концах земного шара организуются, сплачиваются на борьбу с империализмом и буржуазией новые и новые миллионы людей. В идеологии ленинизма они черпают силы и уверенность в победе.

Под знаменем ленинизма советский народ, руководимый партией коммунистов, гением Сталина, строит коммунизм, ведет самоотверженную борьбу за мир, против поджигателей войны.

В условиях социализма выросли и действуют такие движущие силы развития, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов и советский патриотизм. Эти новые движущие силы, имеющие своей основой победу социализма, складывались, формировались и развивались в борьбе социалистической идеологии против вражеских и чуждых социализму идеологических течений и направлений.

Задачи дальнейшего укрепления и развития советского общества требуют непримиримой борьбы со всякими проявлениями буржуазной идеологии, за социалистическую идеологию, за ленинизм.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 37—38.

О сознательном применении законов общественного развития при социализме

Г. Е. ГЛЕЗЕРМАН

Строительство социализма и коммунизма представляет невиданный в истории по своему размаху и глубине процесс сознательного преобразования общества. Рабочий класс СССР, руководимый коммунистической партией, повел за собой широчайшие массы трудящихся и, завоевав победу социализма, осуществил коренной переворот во всем строе жизни общества.

Необходимой предпосылкой, сделавшей возможным осуществление этого переворота, явилось сознательное применение партией рабочего класса законов общественного развития. Товарищ Сталин учит, что коммунистическая партия должна руководствоваться в своей практической деятельности не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов. Руководствуясь открытыми марксизмом-ленинизмом законами общественного развития, партия большевиков возглавила революционную борьбу трудящихся масс и обеспечила преобразование капиталистического общества в социалистическое. Наше дальнейшее движение к коммунизму также осуществляется сознательными усилиями миллионов трудящихся, которых возглавляет и организует партия Ленина — Сталина, вооруженная знанием законов общественного развития.

* * *

С победой социализма в СССР создано новое общество, закономерности развития которого коренным образом отличаются от закономерностей развития всех предыдущих обществ. Однако своеобразие закономерностей социалистического общества не означает, что в этом обществе не имеют силы общие законы исторического материализма. Такие законы исторического материализма, как закон об определяющей роли способа производства в развитии общества, об изменении производственных отношений в зависимости и в соответствии с изменением производительных сил и т. д., продолжают действовать и в социалистическом обществе. Эти законы, как и другие, наиболее общие законы исторического материализма, относятся к числу «законов социологических, имеющих отношение ко *всем* фазам общественного развития»[1]. Но в каждой общественно-экономической формации общие законы проявляются своеобразно, в связи с чем каждой из них присущи особые, специфичные лишь для нее экономические законы.

Наиболее общими социологическими законами являются сформулированные И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме» положения о трех особенностях производства. Они позволяют понять развитие общества как естественно-исторический процесс, т. е. как процесс, подчиненный объективным, не зависящим от воли и сознания людей законам. Вместе с тем они дают ключ к пониманию соотношения между объективными законами развития общества и сознательной деятельностью людей.

Исторический материализм учит, что развитие общества определяется

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 165.

развитием способов производства, которые охватывают как производительные силы, так и производственные отношения людей. Изменение производительных сил, представляющих наиболее подвижный и революционный элемент производства, с исторической необходимостью влечет за собой изменение производственных отношений. Однако производственные отношения изменяются не сразу вслед за изменением производительных сил. Особенность изменения производственных отношений состоит, во-первых, в том, что они преобразуются сообразно характеру изменившихся производительных сил лишь некоторое время спустя после изменения последних, и, во-вторых, в том, что смена одной системы производственных отношений другой происходит не в порядке стихийного развития, а осуществляется в антагонистическом обществе в порядке сознательной революционной борьбы передовых классов против отживающих классов.

Переход от одного общественного строя к другому всегда осуществлялся в ходе ожесточенной классовой борьбы, в которой передовые классы более или менее сознательно стремились ниспровергнуть отжившие общественные порядки. Но подготовлялся этот переход стихийным развитием производства. Внося бесчисленные изменения в общественное производство, совершенствуя и развивая производство, люди вовсе не сознавали того, что они подготовляют этим переворот во всем общественном строе. А так как именно производство, развивавшееся стихийно, определяло, в конечном счете, развитие общества, то в результате этого над людьми господствовали слепые силы общественного развития.

Марксизм впервые открыл, какие причины обусловливали в прошлом господство над людьми стихийных сил и при каких условиях стихийный ход развития экономики может быть превращен в сознательный, направляемый целеустремленными усилиями миллионов людей.

В гениальном труде «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает на две причины, вследствие которых возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходило стихийно, бессознательно, независимо от воли людей.

Это объясняется прежде всего тем, что люди не свободны в выборе производительных сил и производственных отношений, которые образуют основу их истории. Каждое поколение, вступая в жизнь, находит уже готовые производительные силы и производственные отношения, созданные не им самим, а оставшиеся в наследство от предшествовавших поколений. Оно вынуждено поэтому принять на первых порах все то, что застает в готовом виде в области производства, и приладиться к существующим условиям, чтобы продолжать процесс производства.

Стихийность возникновения новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений объяснялась также тем, что, участвуя в процессе производства, люди сознавали лишь свои ближайшие интересы и не предвидели конечных общественных результатов своих действий. Они вносили изменения в процесс производства, совершенствовали и создавали новые орудия производства, даже не задумываясь над тем, какие общественные следствия повлекут за собой их действия. Их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками будничных интересов. Как указывает товарищ Сталин, «улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким *общественным* результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя»[1].

Однако, после того как в результате этих действий изменяется характер производительных сил, люди оказываются вынужденными изменить сообразно с этим и свои произ-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 559—560. 11-е изд.

водственные отношения, чтобы привести их в соответствие с производительными силами. Это изменение становится исторической необходимостью, ибо производительные силы могут успешно развиваться лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют их характеру. Здесь действует экономический закон соответствия производственных отношений производительным силам, согласно которому производственные отношения, как бы они ни отставали от развития производительных сил, «должны — рано или поздно — прийти в соответствие — и действительно приходят в соответствие — с уровнем развития производительных сил, с характером производительных сил»[1]. Этот закон прокладывает себе дорогу вопреки сопротивлению отживающих сил общества, реакционных классов, являющихся носителями старых производственных отношений, которые превратились в оковы для развития производительных сил. На основе этого закона (хотя и не зная его) передовые классы и в прошлом осуществляли революционное преобразование общества, ломали старые порядки и утверждали новые порядки в области производственных отношений.

Ликвидируя капиталистические производственные отношения и создавая социалистические производственные отношения, рабочий класс во главе со своей марксистской партией сознательно применял в интересах общества тот же экономический закон. Из этого закона, впервые открытого марксизмом-ленинизмом, вытекала необходимость привести производственные отношения в соответствие с общественным характером производительных сил, выросших в недрах капитализма. А для этого необходимо было ликвидировать частную собственность на средства производства и заменить ее общественной собственностью. В результате социалистического преобразования экономики производственные отношения в СССР приведены в полное соответствие с производительными силами.

В развитии социалистического общества, как и всякого иного, определяющее значение имеет, в конечном счете, производство. Именно поэтому важнейшим условием перехода от социализма к коммунизму является всестороннее развитие социалистического производства, создание материально-технической базы коммунизма. В зависимости от развития производительных сил социалистического общества изменяются при переходе к коммунизму и его производственные отношения, что выражается в развитии общественной собственности, в дальнейшем переходе к единой всенародной собственности, в преодолении различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и т. д. Производительные силы и в социалистическом обществе остаются наиболее подвижным и революционным элементом производства.

Одна из особенностей социалистического строя заключается в том, что здесь разрешение назревших задач развития материальной жизни общества происходит своевременно, не затягиваясь на длительный срок, как это имеет место в других обществах. Здесь уже нет отживающих классов, которые цеплялись бы за устаревшие отношения, а имеются лишь косные элементы, сопротивление которых может быть преодолено без какой бы то ни было насильственной революции. Еще Энгельс предвидел, что в более или менее отдаленном будущем «люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя..., вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли»[2].

Разрешение насущных задач развития материальной жизни общества, которое раньше происходило в результате стихийно назревавших социальных противоречий, достигается теперь на основе сознательного и организованного руководства. Благодаря этому советское общество избав-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 553.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 326. 1950.

лено от социальных потрясений, а его жизнь строится на разумных началах, в соответствии с достижениями науки, с общественной целесообразностью.

Развитие производства осуществляется здесь сознательными усилиями миллионов трудящихся, строящих коммунизм.

Значит ли это, что экономическое развитие социалистического общества определяется сознанием людей? Можно ли сделать из сказанного вывод о том, что это развитие перестало быть объективным процессом?

Нет, такой вывод был бы глубоко ошибочным.

В условиях капитализма экономическое развитие представляет объективный процесс, который совершается стихийно, независимо от воли людей. В условиях социализма экономическое развитие общества остается процессом, подчиненным объективной необходимости, но теряет стихийный характер.

Как отмечалось выше, две причины обусловливали в прошлом тот факт, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений имело не только объективный, но и стихийный характер: во-первых, то, что люди не были свободны в выборе способа производства, так как каждое поколение, вступая в жизнь, заставало уже готовые производительные силы и производственные отношения как результат работы прошлых поколений; во-вторых, то, что люди не сознавали общественных результатов тех изменений в производстве, которые они сами вносили.

Первая из этих причин говорит о материальной обусловленности исторического процесса. «Благодаря тому простому факту, — указывал Маркс, — что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 22.

Действие этого факта, говорящего об объективном характере процесса общественного развития, продолжается и при социализме. Об этом свидетельствует то, что и здесь люди не могут выбирать себе производительные силы по своему произволу, а должны исходить из уже достигнутого уровня их развития. Разница лишь в том, что сами эти производительные силы, которые раньше являлись результатом стихийного развития, теперь все в большей и большей мере представляют результат сознательных усилий и труда советских людей. Когда, например, мы приступали к строительству социалистического общества, нам волей-неволей приходилось отправляться от того уровня развития производительных сил, который мы получили в наследство от старой России. Теперь, когда социалистическое общество развивается на своей собственной основе, мы опираемся на материальные предпосылки, созданные в ходе социалистического строительства. Понятно, что это неизмеримо расширяет ту объективную базу, на которую могут опираться люди в своей дальнейшей сознательной деятельности. Но это не меняет того факта, что воля людей и в социалистическом обществе детерминирована и люди могут ставить перед собой лишь такие цели и задачи, для которых имеются необходимые условия и предпосылки, соответствующие объективные возможности.

Что же касается второй причины, обусловливавшей стихийность возникновения новых производительных сил, то ее действие при социализме все более и более ограничивается и преодолевается, но полностью не исчезает. В отличие от предшествующих обществ здесь в качестве хозяйствующего субъекта выступает все общество, организованное как целое и руководимое социалистическим государством, партией большевиков. Планируя те или иные изменения в производстве, наши государственные и партийные органы заранее предусматривают их общественные результаты и добиваются того, чтобы их осознал весь народ. Поэтому, создавая новые гидроэлектро-

станции, каналы и оросительные системы, осуществляя электрификацию сельского хозяйства, советские люди знают, какое влияние окажут эти нововведения на общественные отношения, как, в частности, они отразятся на преодолении различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, и т. д. На предвидении общественных результатов этих изменений в производстве и основан наш план строительства коммунизма. А лишь при условии такого предвидения и возможно подчинение воле людей стихийных сил общественного развития.

Конечно, было бы ошибочным понимать это так, будто в планах возможно предусмотреть все и вся. Все отдаленные технические и общественные последствия какого-нибудь крупного нововведения (вроде, скажем, применения атомной энергии для промышленности и транспорта) заранее учесть не представляется возможным. Но чем дальновиднее руководство обществом, тем в большей мере оно может предвидеть эти последствия и заблаговременно предусмотреть необходимые изменения в организации общественного производства, а благодаря этому избежать тех социальных потрясений, которые неизбежны при стихийном развитии.

Изменения в социалистическое производство вносятся не только сверху, по заранее намеченному плану, но и снизу, в результате почина отдельных тружеников. Социалистический строй предоставляет широкий простор для такого почина, развязывает инициативу трудящегося человека. В социалистическом обществе, в отличие от предшествующих обществ, работник, внося то или иное усовершенствование в процесс производства, руководствуется общей целью, к которой стремится и за которую борется весь народ. И тем не менее всех общественных последствий вносимых им в производство новшеств он не предвидит. Анализируя значение стахановского движения, И. В. Сталин подчеркнул, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться высших показателей производительности труда, необходимых для перехода от социализма к коммунизму. Стахановское движение было рождено творческим почином рабочих — новаторов производства. Но сами стахановцы, положившие начало этому движению, не предвидели, какой оно получит размах и какими окажутся его общественные последствия. «Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, когда они приступали к ломке старых технических норм? — говорил товарищ Сталин.— Конечно, нет. У них были свои заботы, — они стремились к тому, чтобы вывести предприятие из прорыва и перевыполнить хозяйственный план. Но добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы и развить высокую производительность труда, перекрывшую передовые капиталистические страны»[1].

Гений Сталина открыл в стахановском движении ростки коммунизма и показал самим зачинателям этого движения его великое историческое значение. Партия большевиков и Советское государство возглавили стахановское движение и помогли распространить его вширь и вглубь, на все области и районы СССР.

Пример зарождения и развития стахановского движения показывает, что в социалистическом обществе производители материальных благ сознательно творят историю, проявляют невиданную в прошлом инициативу в труде, что инициатива передовиков быстро подхватывается массами тружеников, рождая целые общественные движения. Но инициатива передовиков производства, воплощенная в их делах, приносит не только осуществление тех непосредственных целей, которые они перед собой ставили, но и рождает более отдаленные общественные последствия, которых их зачинатели первоначально не предвидели. В прежних обществах результатом того, что люди не предвидели общественных последствий своей производственной деятельности, была стихийность развития производства в целом. В со-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 497.

циалистическом обществе, где движение к коммунизму сознательно направляется партией и государством, эти общественные последствия учитываются в общем процессе строительства коммунизма. Партия, как руководящая сила социалистического общества, вооруженная передовой теорией, помогает всему народу осознать перспективы развития общества. Она прозорливо оценивает значение ростков нового, созданных народным творчеством, и оказывает им могучую поддержку.

Народ творит историю. Миллионы рабочих и крестьян своей повседневной деятельностью постоянно вносят в жизнь нашего общества нечто новое. Чтобы успешно руководить развитием общества, государственные и партийные органы должны внимательно изучать процессы, происходящие в глубинах жизни, являющиеся результатом деятельности миллионов людей, творящих историю. При этом всегда требуется некоторое время для того, чтобы можно было осознать эти новые процессы, оценить их и сделать необходимые практические выводы. «Возможно ли, чтобы правящая партия сразу схватывала новые процессы, творящиеся в жизни, и так же сразу отражала их в своей практической политике? Я думаю, что невозможно, — отмечал И. В. Сталин. — Невозможно, так как сначала бывают факты, потом их отражение в сознании наиболее передовых элементов партии, и только после этого наступает момент осознания новых процессов в головах массы членов партии... Иначе говоря: сознание несколько отстает от фактов» [1]. Но такое отставание сознания вовсе не обрекает партию на пассивное следование событиям. Руководствуясь знанием законов общественного развития, внимательно изучая жизнь, руководство партии имеет возможность предвидеть дальнейшее развитие событий, во-время «понять смысл событий, смысл новых процессов и потом умело ими управлять в соответствии с общей тенденцией развития» [2].

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 232.
[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 37.

По мере нашего продвижения к коммунизму растет значение сознательного руководства развитием общества. Чем выше достигнутый социалистическим обществом уровень развития, чем полнее люди познают законы природы и общества, тем в большей мере они способны предвидеть дальнейшее развитие и управлять им.

Но и при коммунизме развитие материальной жизни общества будет выдвигать перед людьми новые задачи, которые нельзя было заранее предусмотреть во всем их объеме. Сознание людей будет все более полно отражать их бытие, никогда не исчерпывая его полностью. И здесь остается правильным положение Ленина: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно-необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда» [3].

В предшествовавших социализму формациях эта объективно необходимая цепь событий складывалась в результате деятельности многих миллионов разрозненных производителей. В условиях социализма и коммунизма она складывается в результате деятельности миллионов производителей, организованных, объединенных условиями коллективного производства. Но было бы чистейшим идеализмом полагать, что эта объективно необходимая цепь событий отпадает при социализме и заменяется общественными связями, устанавливаемыми людьми по своему усмотрению. И при социализме остается жизненная необходимость для людей трудиться, производить, а на этой основе складываются определенные, объективно необходимые, не зависящие от их воли отношения между ними. Государство организует трудовые усилия миллионов людей, направляет их в определенное русло, используя их личную материальную заинтересованность в результатах своего труда, воспитывая в них новые общественные по-

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 311. 4-е изд.

буждения к труду, сознание необходимости трудиться на общество. Но каждый из миллионов тружеников социалистического общества, если и сознает характер производственных отношений, в которые вступает, не волен устанавливать эти отношения по своему произволу.

Производственные отношения социалистического общества остаются объективными, т. е. существующими независимо от воли людей, прежде всего потому, что характер этих отношений определяется достигнутым уровнем развития производительных сил. Поставим перед собой вопрос: почему в процессе сознательного строительства социализма и коммунизма устанавливаются между членами общества именно такие, а не иные производственные отношения? Ясно, что эти отношения строятся в соответствии с общественным характером процесса производства, который исторически сложился, а не создан нашим пожеланием. В основе социалистических производственных отношений, как отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, лежит общественная собственность на средства производства, которая соответствует общественному характеру производительных сил. Это соответствие установилось не само собой, не в порядке стихийного развития, а в результате сознательной борьбы трудящихся под руководством партии пролетариата за социалистическое преобразование экономики страны. Но строить новые производственные отношения сознательно — вовсе не значит устанавливать их по произволу. Следовательно, преодоление стихийности в развитии способа производства не отменяет объективного характера производственных отношений при социализме, не изменяет того факта, что они представляют объективную реальность, существующую независимо от воли людей.

* * *

Необходимым условием покорения людьми как стихийных сил природы, так и стихийных сил общественного развития является познание и сознательное использование законов, управляющих этими силами. Законы внешнего мира, учил Ленин, «суть основы *целесообразной* деятельности человека» [1]. Познание законов дает возможность предвидения результатов действия объективных сил, а зная заранее эти результаты и используя это знание в своей практической деятельности, человек может сознательно, планомерно добиваться осуществления своих целей.

Марксизм-ленинизм в противоположность субъективизму, идеализму рассматривает законы науки как объективные, т. е. отражающие процессы, происходящие в природе и обществе независимо от воли и сознания людей. По определению Ленина, «закон есть отражение существенного в движении универсума» [2], «закон есть *отношение*... Отношение *сущностей* или между сущностями» [3]. Следовательно, законы как в природе, так и в обществе выражают существенную, необходимую связь явлений, вытекающую из природы вещей. Эта связь явлений носит не случайный, а необходимый характер, а поэтому является не мимолетной, скоропреходящей, а постоянной, устойчивой.

Попытки буржуазных философов и социологов (махистов, неокантианцев и др.) отрицать объективный характер законов природы и общества получили решительный отпор со стороны Ленина и Сталина. Когда, например, небезызвестный П. Струве попытался объявить закон стоимости «фантомом» и выступил с утверждением, что идея естественного закона в политической экономии «потерпела полное крушение», Ленин отметил, что в интересах опровержения научного социализма реакционер Струве отрицает науку вообще. В проявленном им барском скептицизме сказалась свойственная буржуазии, как и всем приходящим в упадок классам, боязнь науки. Ленин подчеркнул, что в действительности наука «во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явле-

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 161.
[2] Там же, стр. 127.
[3] Там же, стр. 128.

ний» и что «изгнание *законов* из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*» [1]. Эти слова Ленина как нельзя более метко вскрывают реакционную сущность рассуждений и современных буржуазных философов и социологов, вроде Рассела, Флюеллинга, Тревельяна и др., призывающих к отказу от познания объективных закономерностей природы и общества.

Отрицание объективности законов есть отрицание самой науки, а стало быть, и возможности использования науки в качестве орудия изменения мира. Разоблачив реакционную сущность агностицизма, Ленин и Сталин отстояли известное положение материализма о том, что «законы науки представляют объективную истину» [2]. Из признания объективного характера законов всего материального мира следует, что и общественная жизнь также подчинена объективным законам. «Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы,—учит товарищ Сталин,— то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества» [3].

Эти общие положения, которые являются бесспорными для марксистов, полностью относятся и к социалистическому обществу, экономические законы которого также носят объективный характер. Иногда высказывается мнение, что в социалистическом обществе, поскольку оно строится людьми сознательно, не может быть и речи о закономерности экономических процессов, совершающихся независимо от воли людей. На этом основании отрицается объективный характер законов политической экономии при социализме. Сторонники такого взгляда утверждают, что политика социалистического государства формирует, создает экономические законы социализма. Вместо того чтобы показать, что экономическая политика социалистического государства является научной политикой, которая зиждется на познании и сознательном использовании экономических законов, они самые эти законы рассматривают как выражение политики, лишая тем самым политику научной основы. Такой взгляд, означающий соскальзывание к волюнтаризму, неизбежно ведет к авантюризму в политике.

Ошибка этих товарищей заключается прежде всего в том, что они представляют себе, будто люди могут по своему желанию устанавливать или упразднять законы науки. Но такое представление в корне противоречит марксистскому взгляду, согласно которому законы науки представляют отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Так как законы науки носят объективный характер, то люди не властны отменять или создавать их. Они могут лишь познавать законы и, познав их действия, использовать законы в своих интересах.

Именно на основе познания объективных законов люди и получают возможность предвидеть результаты действия сил природы, а также результаты своей собственной практической деятельности, что дает им возможность действовать целенаправленно, умножает их мощь. Когда законы не осознаны, а практическая деятельность людей строится без учета их действия, то люди оказываются беспомощными перед лицом стихийных сил. Но познав законы и умело используя их в своих интересах, люди получают возможность обуздать стихийные силы и подчинить их своей власти, поставить себе на службу силы природы.

Так, например, в своей производственной деятельности человек воздействует на географическую среду. Если при этом люди вследствие незнания законов природы или в своекорыстных интересах игнорируют объективную связь между различными элементами географической среды, то их деятельность влечет за собой усиление стихийных разрушительных сил природы. Когда, ска-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 181, 182.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 544.
[3] Там же.

жем, капиталисты хищнически вырубают леса, истощают почву, то в результате этого нарушается сток воды, появляются «пустыни, созданные руками человека», усиливается пагубное влияние засухи. И, наоборот, когда в нашей стране создаются лесозащитные полосы, строятся водоемы, внедряется травопольная система земледелия и т. д., то благодаря правильному учету объективной связи явлений природы обуздываются ее разрушительные силы. Планомерно воздействуя на определенные стороны географической среды, например, регулируя сток, т. е. движение воды в земной коре и по поверхности земли, мы имеем возможность оказать желательное для общества влияние на климат, почвообразование, растительность и т. д.

Благодаря познанию законов природы и их сознательному применению люди освобождаются от подчинения стихии и становятся господами природы.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»[1],— говорил Энгельс. Это остается правильным и в применении к законам развития общества, которые, так же как и законы природы, носят объективный характер, хотя в отличие от последних проявляются в деятельности людей, одаренных сознанием и волей.

Законы общественного развития не устанавливаются людьми, а отражают те объективные отношения, которые складываются между общественными явлениями независимо от воли людей. Такой объективный характер носят, например, экономические законы, определяющие связь между количеством денег, требующихся для обращения товаров, и суммой цен товаров, а также быстротой обращения денег и т. д.

Как уже отмечалось выше, законы экономического развития не являются неизменными. Ликвидация капитализма и построение социализма привели к тому, что в Советской стране прекратили свое действие экономические законы капитализма и вступили в действие экономические законы социализма. Но это не значит, что законы изменяются по усмотрению людей. Они теряют силу и уступают место новым законам лишь вследствие новых экономических условий; они определяются этими условиями, а не волею людей. И при социализме законы определяются объективными экономическими условиями, достигнутой обществом ступенью развития.

Объективными условиями определяется и характер действия экономических законов. В социалистическом обществе в результате отмены частной собственности на средства производства и установления общественной собственности существенно изменяется характер действия экономических законов.

В досоциалистических формациях, где люди разобщены частной собственностью на средства производства, классовыми противоречиями, экономическое развитие складывается как равнодействующая множества противоречащих друг другу интересов и стремлений. Отсюда расхождение между целями людей и объективными результатами их деятельности, которые в большинстве случаев оказываются вовсе не соответствующими их намерениям. Это значит, что развитие носит здесь стихийный характер, а экономические законы действуют, как слепая сила. Энгельс указывал, что, например, закон стоимости в капиталистическом обществе пробивает себе путь «таким способом, каким только и могут пробивать себе путь экономические законы в обществе частных производителей, т. е. как слепо действующий закон природы, заключенный в самих вещах и отношениях и не зависящий от воли и стремлений производителей»[2]. Такие экономические законы, даже будучи познаны, не перестают действовать при капитализме, как стихийная сила. Когда же правители буржуазных государств, не зная и не желая считаться с этими законами, действуют вопреки им, то их вме-

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 107.

[2] Там же, стр. 296.

шательство в экономическую жизнь не только не обуздывает, но, наоборот, многократно усиливает действие стихийных разрушительных сил капитализма.

Особенно ярко выявляются противоречия стихийного развития в периодических экономических кризисах, которые неизбежны при капитализме. Бессмысленное уничтожение предметов потребления в то время, как миллионы людей голодают, простаивающие без движения машины и станки в то время, как массы безработных не могут найти приложения своим силам,— таковы вопиющие противоречия капитализма, обнаруживаемые кризисами. При этом каждая попытка буржуазных деятелей «избавиться» от кризисов влечет за собой новое обострение противоречий, накопление новых предпосылок, ведущих к еще более жестоким кризисам. Наглядным подтверждением этого служит нынешнее положение дел в ведущих империалистических странах, и прежде всего в США. При помощи «плана Маршалла» империалистические круги США пытались не только удушить самостоятельное развитие экономики европейских стран, превратить ее в придаток к экономике США, но и спасти от надвигающегося кризиса собственную экономику. Миллиарды долларов затрачиваются в США на развертывание военной промышленности, что ведет к баснословному обогащению капиталистических монополий и еще большему обнищанию трудящихся; непомерно раздувается производство вооружения за счет сокращения производства предметов гражданского потребления. Но может ли такая политика избавить империалистических хищников от жесточайших экономических потрясений? Конечно, нет! Как отметил тов. Л. П. Берия в докладе о 34-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, милитаризация экономики в капиталистических странах «не может не привести в скором времени к экономическому краху» [1], а стремление империалистов США подчинить себе экономику других капиталистических стран не может не повлечь за собой резкого обострения противоречий в лагере капитализма.

Попытки буржуазных деятелей управлять экономическим развитием тщетны. До тех пор пока основой общественного строя остается частная собственность на средства производства, пока материальное производство — эта наиболее важная и существенная сфера общественной жизни — подчинено стремлениям капиталистов к извлечению максимальной прибыли, люди не могут избавиться от господства стихийных сил общественного развития. При этих условиях оказывается ограниченной даже их способность подчинить себе стихийные силы природы. Если, например, и поныне в капиталистических странах природные ресурсы используются хищническим образом, вследствие чего конечные результаты производственной деятельности людей оказываются в вопиющем противоречии с интересами общества, то причина этого, разумеется, заключена не в незнании законов природы, а в своекорыстных интересах частных собственников.

При социализме общественная собственность на средства производства объединяет интересы и стремления людей, а отсутствие классовых антагонизмов и установление морально-политического единства порождает общность цели миллионов производителей материальных благ. Отсюда совпадение целей и стремлений людей с достигаемыми результатами их деятельности. Это и значит, что развитие потеряло стихийный характер, а законы экономического развития, будучи познаны, сознательно используются людьми.

Только при таком строе, где существует общественная собственность на средства производства, развитие производства подчиняется интересам общества, и, стало быть, принимаются в расчет не только ближайшие, осязательные выгоды, но и более отдаленные последствия производственной деятельности людей.

«Условия жизни, — предсказывал Энгельс,— окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие,

[1] Л. П. Берия. 34-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 28. 1951.

теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [1].

С уничтожением капиталистической системы хозяйства и установлением общественной собственности на средства производства устраняется анархия производства, становится возможным и делается необходимым плановое руководство развитием производства. Общественная собственность объединяет все предприятия в единое народное хозяйство, требующее единого руководства. В плане находят сознательное выражение назревшие задачи и потребности развития материальной жизни советского общества.

«В отличие от стран капитализма, — отмечает В. М. Молотов, — где господствуют и дают общий тон слепые законы стихийного экономического развития, с неизбежными при этом периодическими кризисами и все увеличивающимся обострением социальных антагонизмов, советское государство построено на совершенно иных основах. В нашей стране, благодаря социалистической революции и последовавшей затем ликвидации эксплуататорских классов, налажен планомерный подъем всего народного хозяйства, о чем не может мечтать ни одно капиталистическое государство» [2].

Организованный по плану подъем всей экономической жизни СССР направлен к максимальному удовлетворению материальных и культурных потребностей общества. Непрерывный рост социалистического производства и его совершенствование на базе высшей техники обеспечивают поступательное развитие социалистического общества и его перерастание в коммунистическое общество.

Таким образом, в условиях социализма изменилось соотношение между объективными экономическими законами и сознательной деятельностью людей. Стихийно действующие законы капитализма, — именно потому, что они стихийны, — навязываются людям как слепая, чуждая им сила. Напротив, законы развития социалистической экономики, будучи законами сознательной деятельности десятков миллионов людей, осуществляющих производство, используются и применяются сознательно в политике социалистического государства, выступающего как организатор всей хозяйственной жизни советского общества.

Из этого ясно, что было бы в корне ошибочным рассматривать экономические законы социализма в качестве стихийных законов и выводить из их объективного существования стихийность их действия. Такой взгляд, берущий свои истоки от давно разгромленной партией теории «самотека» в социалистическом строительстве, извращает природу экономических законов социализма.

Познав законы развития экономики, люди имеют возможность использовать их в интересах общества и благодаря этому освободиться от разрушительных последствий стихийного экономического развития. Но сами законы при этом остаются законами объективными. Они не зависят от воли и сознания людей, а, наоборот, определяют их волю и сознание.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 267.

[2] В. Молотов. Сталин и сталинское руководство, стр. 23. Госполитиздат. 1949.

Так, например, для социалистического общества, как и для всякого другого, сохраняет силу то положение, что общественный труд должен быть распределен между отраслями промышленности в определенных пропорциях (различных для каждой ступени исторического развития). Маркс указывал, что *«необходимость разделения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь форма *ее проявления.* Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма,* в которой эти законы проявляются»[1].

В капиталистическом обществе это распределение труда между отраслями осуществляется стихийно через закон стоимости, закон средней нормы прибыли — через постоянные колебания цен, заставляющие капитал устремляться в те отрасли, которые сулят ему наиболее высокую прибыль. Все развитие народного хозяйства происходит при этих условиях крайне неравномерно, сопровождаясь жесточайшими экономическими потрясениями, кризисами.

При социализме, как известно, распределение труда между отраслями народного хозяйства регулируется не интересами извлечения высокой прибыли, а общегосударственными интересами, потребностями общества. Распределение общественного труда между отраслями производства осуществляется сознательно, в плановом порядке. Самые пропорции, в которых здесь распределяется труд, коренным образом отличаются от тех пропорций, которые установились бы в стихийном порядке. Однако неправильно думать, что в нашем обществе эти пропорции могут быть установлены по произволу: они определяются достигнутым уровнем развития общества и теми задачами, которые с необходимостью встают перед ним.

Эта объективная связь экономических явлений самым наглядным образом обнаруживается в балансах народного хозяйства, которые играют большую роль в планировании. Балансы разрабатываются в соответствии с плановыми заданиями, с политикой социалистического государства. Но они в то же время выражают определенные соотношения между отраслями народного хозяйства, между объемом производства и объемом товарооборота, между накоплением и потреблением и т. д., которые носят объективный характер и определяются не нашим желанием, а достигнутой ступенью развития общества. Это соотношение между различными сторонами хозяйственной жизни социалистического общества государство не может игнорировать, не может не считаться с ним.

Все это показывает, что экономические законы социалистического общества сознательно используются людьми, но вовсе не устанавливаются ими по своему произволу.

Распределение по труду представляет, например, экономическую необходимость для социалистического общества. Способ распределения зависит, по определению Маркса, от характера «самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей»[2]. Необходимость для социалистического общества распределять произведенные продукты по труду имеет своей предпосылкой господство общественной собственности на средства производства, исключающей возможность присвоения чужого труда. Если существует общественная собственность на средства производства, то и произведенный продукт представляет общее достояние и должен быть обращен на удовлетворение общественных и личных нужд членов общества. Необходимость же распределения той части продукта, которая предназначена для личного потребления, пропорционально труду, вложенному каждым производителем в общественное производство, обусловливается достигнутым социалистическим обществом

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 208.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 88.

уровнем развития производительных сил, а также степенью социалистической сознательности самих трудящихся. Известно, что распределение по труду вовсе не является в конечном счете нашим идеалом, но это для нас экономическая необходимость, которая определяется объективно достигнутой ступенью развития социалистического общества, еще исключающей возможность распределения произведенных продуктов по потребностям.

Не является произвольным и установление конкретных форм осуществления социалистического принципа распределения, различных в колхозах и на государственных предприятиях. Партия Ленина—Сталина, обобщая опыт колхозного строительства, открыла форму распределения, соответствующую природе колхозного строя, установила необходимость оценивать труд колхозников в трудодня х. Трудодень, как особая мера труда и потребления в колхозах, был открыт и введен сознательно, а не родился в порядке стихийного развития. Но его введение было результатом отнюдь не нашего субъективного усмотрения, а того, что были правильно поняты природа кооперативно-колхозной собственности в деревне, условия и закономерности ее развития.

Мы видим, таким образом, что если общественная собственность на средства производства является основой социалистических производственных отношений, то это с объективной необходимостью требует планомерного развития народного хозяйства, это требует при данном уровне производительных сил распределения по труду и т. д. Эта связь явлений носит объективный характер. Независимо от нашей воли и желания мы вынуждены поступать так, а не иначе.

Если же мы не считаемся с этой объективной необходимостью или не умеем ее правильно осознать и понять, она, конечно, не исчезает, но тогда обнаруживаются нежелательные для нас и непредвиденные стихийные последствия, и результаты нашей деятельности оказываются не соответствующими нашим намерениям. Так, например, в начале колхозного движения, когда еще не была найдена такая мера труда и потребления в колхозах, как трудодень, когда в некоторых колхозах применялось уравнительное распределение, не соответствующее экономической природе социализма, это влекло за собой падение производительности труда, ослабление трудовой дисциплины. Если бы партия, товарищ Сталин не открыли наиболее целесообразную форму распределения в колхозах, объективно соответствующую природе кооперативно-колхозной формы собственности, то экономика колхозов была бы подорвана.

Или другой пример. Современное сельскохозяйственное производство, оснащенное мощной техникой, требует и соответствующей этой технике организации труда, что является объективной необходимостью. Некоторые наши работники, не поняв этой необходимости, стали насаждать в зерновом хозяйстве звенья, препятствовавшие полному использованию тракторов, комбайнов и других сложных машин. Это повлекло за собой нежелательные стихийные последствия, отставание сельского хозяйства в этих областях, что и было вскрыто Центральным Комитетом ВКП(б) в 1950 году.

Из этого видно, что объективная необходимость, выражающаяся в закономерностях развития социалистического хозяйства, не перестает существовать, если мы почему-либо, в силу тех или иных допускаемых нами ошибок, не желаем считаться с ней. Но в таком случае ее действие проявляется в нежелательных для нас стихийных последствиях.

Из этого видно также, что плановое руководство народным хозяйством отнюдь не достигается само собой, автоматически, а требует от нас умения правильно осознать экономическую необходимость и действовать в соответствии с нею.

Социалистическое народное хозяйство не может развиваться иначе, как планомерно. Но для того чтобы осуществлять действительно плановое руководство, необходимо составлять такие планы, которые полно-

стью отвечают требованиям планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Так, например, если планируется, скажем, увеличение выплавки стали, то необходимо предусмотреть и соответствующий рост производства чугуна, а также материалов, которые нужны сталелитейным заводам, поставку машиностроительной промышленностью оборудования, требующегося черной металлургии, снабжение предприятий достаточным количеством электроэнергии и т. д. Должна быть полностью учтена объективная связь и взаимозависимость между различными отраслями народного хозяйства, ибо без этого производство не может осуществляться бесперебойно. Одна из важных задач планирования, учит И. В. Сталин, и заключается в том, чтобы правильно распределять средства производства и рабочую силу между отраслями народного хозяйства и предприятиями и не допускать диспропорций, а возможные временные частичные диспропорции перекрывать при помощи создания необходимых резервов. Объективная необходимость планомерного, пропорционального развития народного хозяйства предъявляет, таким образом, определенные требования к нашим планам, требования, с которыми мы вынуждены — хотим мы этого или нет — считаться.

Следовательно, сознательное руководство развитием общественной жизни не означает того, что люди освобождаются от законов экономической необходимости. Они лишь сознательно применяют эти законы, благодаря чему получают возможность планомерно управлять процессом своего общественного развития. Взаимная связь между различными сторонами экономической жизни выступает здесь, по выражению Маркса, не как слепой закон, который стихийно навязывается лицам, действующим в производстве, а как «закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластен ему, подчиняет процесс производства их общему контролю» [1].

[1] К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 267. 1950.

* * *

Сознательное управление развитием социалистического общества находит свое выражение в той направляющей и руководящей роли, которую играет в жизни страны политика социалистического государства и большевистской партии. Под направляющим воздействием этой политики развиваются как экономика, так и культура социалистического общества. Политика большевистской партии представляет, по сталинскому определению, жизненную основу советского строя.

Это определение развивает дальше, применительно к новым условиям, общее положение марксизма-ленинизма о первенстве политики над экономикой. Первенство политики над экономикой марксисты признают не только в условиях советского строя, как думают некоторые товарищи, а и в условиях капитализма. Недаром Ленин называл это положение азбукой марксизма [2]. Политика не может не иметь первенства над экономикой, поскольку коренные экономические интересы классов могут быть удовлетворены лишь путем завоевания ими политической власти. Поэтому марксизм-ленинизм учит, что и в условиях капитализма главной, решающей формой классовой борьбы является борьба политическая.

Вопрос о политической власти является решающим для каждого класса. Для угнетенных классов капиталистического общества, для пролетариата и его союзников этот вопрос имеет первостепенное значение, так как завоевание политической власти пролетариатом является главным условием их освобождения от эксплуатации. Для господствующих классов капиталистического общества этот вопрос также имеет решающее значение, так как они могут сохранять экономическое господство, усиливать эксплуатацию трудящихся своей страны, закабалять и грабить народы других стран, максимально умножать свои прибыли, лишь удерживая политическую власть в своих руках.

[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 62.

Но в условиях капитализма ни политика господствующих классов, ни тем более политика угнетенных классов не может управлять процессом экономического развития общества. Хотя в руках господствующих классов находятся и политическая власть и средства производства, они не могут подчинить себе экономическое развитие общества в целом, а, наоборот, вынуждены приспосабливаться к стихийному развитию экономики. Характеризуя взаимоотношение государства и хозяйства в капиталистическом обществе, И. В. Сталин указывал, что хозяйство в собственном смысле слова «мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства» [1].

В условиях диктатуры пролетариата, после того как пролетариат стал господствующим классом, коренным образом изменяется отношение государства к хозяйству. Завоевав политическую власть, пролетариат использует ее в качестве рычага для разрушения старой экономики и построения новой. Без использования такого могущественного рычага, как власть пролетариата, невозможно социалистическое преобразование экономики. Победа социализма не может быть обеспечена в порядке самотека, возможность построения социализма не превращается в действительность сама собой. Для того чтобы реализовать возможность построения социализма и ликвидировать возможность реставрации капитализма, учит товарищ Сталин, необходим ряд условий, в числе которых важнейшую роль играет политика стоящей у власти партии пролетариата. Историей непреложно доказано, что предательская политика троцкистско-бухаринских изменников могла привести лишь к реставрации капитализма в нашей стране. Только благодаря ленинско-сталинской политике индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства была завоевана победа социализма в СССР. От правильности политики коммунистической партии зависели, стало быть, судьбы социализма в СССР, судьбы советского строя.

Победа социализма в СССР, завоеванная благодаря правильной политике большевистской партии, в свою очередь, умножила ее резервы и многократно усилила ее мощь. Как направляющая и руководящая сила социалистического общества партия большевиков руководит развитием всех сторон жизни советского общества. Государство в социалистическом обществе, будучи собственником важнейших средств производства, управляет народным хозяйством страны. Развитие хозяйства и культуры направляется государственным планом, в котором воплощается политика коммунистической партии. Эта новая роль государства, партии в развитии общества и отражена в сталинском положении о политике как жизненной основе советского строя.

Однако это положение вовсе не означает, будто политика играет в нашем обществе определяющую роль по отношению к экономическому базису и уже не может считаться надстройкой. Напротив, именно характером экономического базиса советского строя определяется направление его политики. Ленин учил, что «...самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства» [2].

Политика Советского государства потому и является правильной политикой, что она точно выражает интересы этих классов и отражает назревшие потребности экономического развития общества. Чуждая всякому авантюризму, она строго учитывает достигнутую ступень экономического развития общества, реальные отношения между классами нашего общества, а также между советским обществом и окружающими его обществами.

Из этого ясно, что недопустимо противопоставлять активную роль политики социалистического государства экономической необходимости. В корне ошибочны волюнтаристские

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 602. 10-е изд.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 329.

представления, согласно которым социалистическое государство по своему усмотрению определяет направление и темпы экономического развития.

Социалистическое государство намечает направление и темпы экономического развития не по своему усмотрению, а в соответствии с потребностями развития общества, с достигнутой ступенью развития производительных сил. Так, например, выдвигая на XVIII съезде ВКП(б) задачу перегнать экономически главные капиталистические страны, И. В. Сталин указывал, что для этого необходимо время, и не малое, что эту задачу невозможно решить за два — три года. В связи с этим И. В. Сталин заметил по адресу некоторых работников Госплана старого состава, предлагавших уже к концу второй пятилетки перегнать экономически главные капиталистические страны в области производства чугуна: «Это была, конечно, фантастика, если не хуже» [1]. Товарищ Сталин предложил отбросить прочь фантазерство и стать на реальную почву, запроектировав ежегодный прирост выплавки чугуна не в размере 10 миллионов тонн, как предлагали эти работники Госплана, а в размере 2—2½ миллионов тонн. Активное воздействие партии и социалистического государства обеспечивает ускорение экономического развития страны, превращает возможности быстрого роста производства, предоставляемые социалистической системой хозяйства, в реальную действительность. Но это, разумеется, отнюдь не означает допустимости установления в наших планах любых темпов развития в зависимости лишь от нашего желания.

В политике социалистического государства находит сознательное выражение экономическая необходимость. Именно поэтому его политика и является правильной политикой. Мудрость и прозорливость этой политики, которая не оставляет места для субъективного произвола, в том и выражается, что партия, ее Центральный Комитет умеют во-время осознать назревшие задачи развития материальной жизни общества и направить усилия народа на осуществление этих задач, которые определяются экономической необходимостью.

Об этом наглядно свидетельствует, например, история подготовки и осуществления такого исторического поворота в развитии советского общества, как переход от старого, буржуазно-индивидуального хозяйственного строя в деревне к социалистическому колхозному строю. Наша страна стала на путь строительства колхозов, потому что коллективизация явилась для нее экономической необходимостью. Чтобы преодолеть отставание сельского хозяйства от промышленности, чтобы обеспечить города и армию хлебом, необходимо было перейти в сельском хозяйстве на крупное производство, способное применить тракторы и сельскохозяйственные машины, и увеличить товарность зернового хозяйства. А так как капиталистический путь укрупнения сельского хозяйства, на который пытались толкнуть партию предатели-бухаринцы, мог привести лишь к реставрации капитализма и гибели советского строя, то для партии не было иного пути, кроме создания крупных социалистических хозяйств в деревне на основе кооперирования мелких крестьянских хозяйств. Этот путь был единственным, который отвечал интересам самого крестьянства. «Самая насущная экономическая потребность, народная нужда требовала перехода на путь коллективизации. И партия большевиков под руководством Сталина правильно поняла эту насущную экономическую потребность, сумела повернуть миллионные массы крестьянства на путь коллективизации» [2].

Когда речь идет о перевороте, затрагивающем условия жизни миллионов людей, то следует учитывать, что такой переворот не может определяться чьим-либо субъективным желанием. «История вообще не делает чего-либо существенного без особой

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 579. 11-е изд.

[2] «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 115. 1948

на то необходимости»[1], — учит И. В. Сталин. И задача партии состоит в том, чтобы своевременно понять, осознать, отразить в своей политике эту необходимость, чтобы затем мобилизовать энергию, волю миллионов трудящихся и организовать их на борьбу за осуществление исторически назревших прогрессивных, революционных преобразований в условиях материальной жизни общества. Сила нашего государства, преобразующая мощь его политики определяются тем, что оно действует не вопреки исторической необходимости, а в соответствии с нею.

Наглядным примером, показывающим, что в деятельности государства и партии находит отражение экономическая необходимость, может служить также проведенная в последнее время работа по укрупнению мелких колхозов. Укрупнение колхозов стало для нас экономически необходимым, так как мелкие колхозы, возникшие еще в первые годы коллективизации на базе простого сложения крестьянских орудий труда, оказались не в состоянии полностью использовать ту новую технику, которой ныне вооружено сельское хозяйство. Организуя работу по укрупнению колхозов, партия и государство опирались на известный закон марксизма о преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Опыт подтвердил, что крупные колхозы имеют возможность быстрее развивать общественное хозяйство во всех его многообразных отраслях, лучше использовать машины, располагают достаточными ресурсами для строительства водоемов, электростанций, оросительных систем и т. д., могут полнее использовать кадры специалистов.

Политика социалистического государства, выражая назревшие потребности развития материальной жизни общества, в то же время отвечает интересам трудящихся, интересам народа. Именно поэтому она и является реальной политикой, находящей себе поддержку в массах трудящихся и сознательно осуществляемой ими. «В политике,— отмечал Энгельс,— только две силы имеют решающее значение: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс»[2]. Во всех предшествовавших социализму обществах эти силы, как правило, противоборствовали: государство подавляло стремления и активность народных масс, осуществляло насилие над ними, а народные массы, стремясь освободиться от эксплуатации, боролись против него. Лишь в условиях советского строя эти силы соединились друг с другом: действия государства, выступающего как инициатор осуществления назревших задач развития материальной жизни общества, находят поддержку снизу, со стороны народных масс, а творческая активность и инициатива масс, строящих новое общество, поддерживаются и организуются государством. Это и обеспечивает планомерное развитие социалистического общества, его успешное движение вперед, к коммунизму.

В условиях социализма, когда социалистическая система охватывает все отрасли хозяйства, когда массы безраздельно поддерживают политику партии, успехи в дальнейшем строительстве коммунизма зависят прежде всего от политического и организационного руководства партии, от подготовленности и идейной вооруженности ее кадров. А это значит, что в развитии социалистического общества колоссально возрастает значение субъективного фактора, решающую роль приобретает сознательное начало.

Из этого, однако, вовсе не следует, будто развитие социалистического общества определяется сознанием, взглядами и идеями людей, а объективные условия их жизни потеряли свое значение. Как известно, успешное осуществление задач, встающих перед человечеством в его историческом развитии, всегда зависит от наличия соответствующих объективных и субъективных условий. Так, например, для осуществления пролетарской революции необходимы как объективные предпосылки (зрелость развития капитализма, наличие ре-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1. стр. 475—476.

волюционной ситуации), так и субъективные (способность пролетариата к революционным действиям, достаточно сильным, чтобы сломить старую власть, его сознательность и организованность, руководство партии и т. д.). Если объективные условия для революционного переворота уже созрели, то решающее значение для завоевания победы приобретают субъективные условия. Судьба революции в этом случае целиком или почти целиком зависит от подготовленности пролетарской партии, от правильности ее политики и руководства. Но не всегда имеются налицо объективные условия победы, а поэтому правильная политика партии не во всех случаях приводит к непосредственной победе над противником. И. В. Сталин отмечал, например, что в 1905 году, несмотря на правильность политики большевистской партии, революция потерпела поражение, так как феодальные пережитки и самодержавие оказались тогда сильнее, чем революционное движение рабочих. Отсюда И. В. Сталин сделал общий вывод: «Правильная политика вовсе не должна вести всегда и обязательно к непосредственной победе над противником. Непосредственная победа над противником определяется не только правильной политикой, но и, прежде всего и главным образом, соотношением классовых сил, явным перевесом сил на стороне революции, распадом в лагере противника, благоприятной международной обстановкой» [1].

Иначе складывается соотношение объективных и субъективных факторов в условиях социализма, когда одержана решающая победа над противником внутри страны, когда этот противник разгромлен и ликвидирован. В этих условиях дальнейшее продвижение вперед зависит прежде всего от нашей собственной сознательности и организованности. Здесь субъективный фактор приобретает первостепенное значение. Но вовсе не потому, что допустимо не считаться с объективными условиями и действовать, как заблагорассудится, а потому, что благоприятные объективные условия уже есть налицо, а стало быть, успех зависит от нас самих, от нашего умения полностью использовать эти условия.

В своих выступлениях на совещании хозяйственников в 1931 году, в речи «О работе в деревне» в 1933 году и др. И. В. Сталин показал, в чем состоят эти благоприятные объективные условия, и с исключительной силой подчеркнул необходимость полностью использовать их. Выясняя условия выполнения хозяйственных планов, И. В. Сталин отметил, что все объективные условия для этого у нас есть. Следовательно, решающее значение приобретает умение использовать их, организовать массы, выдвинуть необходимые для этого кадры руководителей, наладить живое руководство. И. В. Сталин отметил, что выполнение производственного плана «зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности» [2].

Таким образом, возрастание роли субъективного фактора в условиях социализма объясняется именно наличием всех объективных условий для дальнейшего успешного движения вперед, к коммунизму, т. е.:

1) победой социалистических форм хозяйства и коренным изменением соотношения классовых сил в пользу социализма;

2) природой советского общественного и государственного строя, открывающего безграничные возможности и предоставляющего все объективные условия для быстрого продвижения вперед;

3) ростом силы и влияния партии, ее авторитета, безраздельной поддержкой ее политики со стороны народных масс.

Социалистический строй создает все объективные возможности для сознательного, целенаправленного руководства развитием общества. Но вместе с тем он требует и умения полностью использовать эти возможности. Вне сознательного руководства социалистическое общество не может развиваться. Сознательное руководство развитием хозяйства является

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 345.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 80.

для социалистического общества такой же необходимостью, как стихийное развитие для капитализма. Вот почему И. В. Сталин подчеркивает недопустимость самотека в социалистическом строительстве.

Сознательное использование экономических законов, определяющих условия жизни и производственной деятельности миллионов людей, невозможно разрозненными усилиями. Оно требует объединения усилий и организации всего народа вокруг единой цели. Такой организующей силой и является социалистическое государство, руководимое партией большевиков. Опираясь на поддержку масс, социалистическое государство преодолевает трудности, борется с пережитками капитализма, направляет развитие нашего общества к коммунизму.

Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления

А. В. ВОСТРИКОВ

Вопрос о языке и мышлении, их взаимосвязи — один из важнейших вопросов марксистско-ленинского мировоззрения. Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс уделяли большое внимание этому вопросу. Они впервые создали материалистическую теорию происхождения и развития языка и мышления в их связи и зависимости от общественно-исторической деятельности людей. Работы Маркса и Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Святое семейство», «Немецкая идеология» и другие, в которых дано материалистическое обоснование происхождения языка и мышления, высказаны очень важные положения о языке и мышлении, вооружают нас правильным пониманием связи языка и мышления, их роли в развитии человеческого общества.

Учение основоположников марксизма о языке и мышлении развито и обогащено Лениным и Сталиным. Ленин исключительное внимание уделял проблеме соотношения языка и мышления в процессе познания. Ленин особо указывал на важное значение истории языка как одной из тех областей знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [1].

Новым выдающимся вкладом в марксистско-ленинское учение о языке и мышлении является гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В нем И. В. Сталин раскрыл существо и значение положений Маркса, Энгельса, Ленина о связи языка и мышления и дал новое глубокое освещение этого важнейшего вопроса марксистско-ленинской философии и марксистского языкознания. Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания — образец творческого развития марксизма и непримиримой борьбы против его упростителей и вульгаризаторов. Положения И. В. Сталина о зависимости развития языка от производственной деятельности людей, о роли языка в развитии общественной жизни и познания и другие обогащают марксистско-ленинскую философию и в корне опровергают идеалистическое утверждение Марра о существовании мышления в отрыве от языка.

I

Основным, исходным положением в учении классиков марксизма-ленинизма о языке и мышлении является материалистическое положение о том, что язык и мышление — продукты общественного развития, отражения практической трудовой деятельности людей. Мышление и язык — это общественные явления, возникшие и развивающиеся вместе с возникновением и развитием человеческого общества.

Подчеркивая решающую роль труда в появлении и развитии звукового языка и мышления человека, Энгельс писал, что «мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [2]. Первоначальным решающим шагом для перехода от обезьяны к человеку, а следовательно, для

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 297. 1947.

[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 132. 1950.

появления и развития речи и сознания человека, было усвоение человекоподобными обезьянами прямой походки. Это дало им возможность высвободить руку и постепенно совершенствовать ее в процессе труда. Без прямой походки первобытный человек, говорит товарищ Сталин, «не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания»[1].

Только с переходом к прямой походке неразвитая рука обезьяны в процессе труда развилась в орган человеческого труда. Усовершенствованная трудом сотен тысячелетий человеческая рука коренным образом отличается от несовершенной, неразвитой руки обезьяны. В отличие от руки обезьяны, при помощи которой она строит себе гнезда на деревьях или навесы для укрытия от дождя, схватывает дубину или камень для зашиты от врагов и выполняет ряд других простых операций, рука человека дала возможность ему изготовлять различные орудия труда и при их помощи выполнять самые разнообразные и весьма сложные работы, недоступные ни одной обезьяне. Рука человека достигла высокой степени совершенства только благодаря труду, применению орудий труда, благодаря приспособлению ее ко все новым и более сложным операциям. Поэтому рука человека, указывает Энгельс, является не только органом труда, но также и его продуктом.

«Специализация руки означает,— говорит Энгельс,— появление *орудия*, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу — производство»[2].

Животные, отмечает Энгельс, также употребляют орудия, но лишь в виде членов своего тела, как это мы наблюдаем у муравьев, пчел, бобров и др. Но труд с применением созданных в процессе его орудий составляет исключительное достояние человека. Только человек благодаря изготовляемым им и применяемым в процессе труда орудиям сумел наложить свою печать на природу. «Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных,— говорит Маркс,— составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда»[3].

У животных нет ни мысли, ни речи в полном значении этих слов. Звуки, издававшиеся предками человека,— это далеко еще не речь. Только в связи с изготовлением и применением в процессе труда орудий у формировавшегося человека появилась насущная потребность и необходимость в общении с другими людьми, а из этой потребности в общении и возникла членораздельная речь, язык.

«Язык,— говорит Маркс,— так же древен, как и сознание... подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми»[4]. В прямую противоположность звукам животных язык является прежде всего средством обмена мыслями и взаимного понимания людей. Следовательно, коренное качественное отличие языка человека от звуков животных состоит в том, что язык социально обусловлен как по своему происхождению, так и по своему дальнейшему развитию, тогда как звуки животных суть продукты чисто биологического приспособления их к окружающей среде. Поэтому было бы в корне ошибочно прямо выводить и объяснять членораздельную речь первобытных людей из криков и звуков их животных предков.

Не менее ошибочным также является взгляд, согласно которому членораздельная звуковая речь возникает якобы не как средство общения, а как эмоциональное или магическое средство, связанное с производством первобытных людей (Нуаре, Марр). В действительности же человеческая речь возникает на основе процесса труда из потребности людей в общении и является с самого

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 313.
[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 14.
[3] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 186—187 1949.
[4] К. Маркс. Соч. Т. IV, стр. 20—21.

начала звуковой членораздельной речью.

«...Развитие труда,— писал Энгельс,— по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» [1].

Это объяснение Энгельсом возникновения языка, а вместе с ним и мышления из процесса труда является единственно правильным и коренным образом отличается как от натуралистических воззрений, считающих язык и мышление явлениями чисто биологического приспособления человека к внешним условиям, особой функцией его организма, так и от идеалистических учений о языке, как независимом от материальной действительности порождении духа.

В противоположность всем антинаучным понятиям о языке и мышлении классики марксизма-ленинизма учат, что язык и мышление не дар природы или духа, а продукт общественного развития, трудовой деятельности людей. В процессе труда изменялась физическая природа человека, совершенствовался человеческий мозг и его орудия — органы чувств. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству» [2].

Язык возник вместе с зарождением человеческого общества и возникновением сознания, как средство общения людей друг с другом, как средство выражения и закрепления в словах мыслей людей. Элементы современного языка, отмечает товарищ Сталин, были заложены еще в глубокой древности. Язык первобытных людей был весьма ограниченным и примитивным, но все же это был звуковой язык, при помощи которого люди общались друг с другом, обменивались мыслями и добивались взаимного понимания. Звуковой язык, как и мышление, возник и развился в процессе трудовой деятельности человека. Но, раз возникнув, он, в свою очередь, стал одним из мощных факторов в развитии человеческого общества и мышления человека.

Подчеркивая огромное значение звукового языка в истории развития человеческого общества и мышления, товарищ Сталин пишет: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народца, будь он таким же или еще более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» [3].

В свете этой глубокой сталинской характеристики роли звукового языка в истории развития общества и мышления становится совершенно ясной вся абсурдность положения Н. Я. Марра, будто так называемый ручной язык в течение длительного времени служил средством общения

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 134.
[2] Там же, стр. 135.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46. 1950.

людей, давал возможность людям выражать свои мысли и пройти громадный путь нескольких материальных культур. «Ручной язык,— утверждал Марр,— не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом, но и развивать представления, как средства общения и с чужим, и своим племенем...» [1].

Товарищ Сталин в своей классической работе «Марксизм и вопросы языкознания» до конца разоблачил ненаучность теории Н. Я. Марра о ручном языке, вскрыл ошибочность всех его рассуждений о том, что язык жестов и язык слов равнозначны, что человеческое общество долгое время не имело звукового языка и обходилось ручным языком. Товарищ Сталин с предельной ясностью разъяснил, что звуковой язык является единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. Значение же так называемого языка жестов, как отметил товарищ Сталин, ввиду его крайней бедности и ограниченности ничтожно. Это, собственно, не язык и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык. Язык жестов представляет собой вспомогательное средство, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов своей речи.

В полном противоречии с марксистской материалистической теорией происхождения языка из потребностей людей в общении друг с другом Н. Я. Марр считал, что возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, для этого имелся обиходный язык — линейный и ручной. Марр писал: «Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически» [2].

Надуманная, ненаучная концепция Марра о ручном языке с логической неизбежностью привела его к нелепой антинаучной трудмагической концепции возникновения звукового языка.

Происхождение звукового языка, заявлял он, «приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс» [3]. Говоря о том, что звуковая речь возникла как магическое средство, Марр утверждал, что и назначение ее имело также магический характер. «...Употребление первой звуковой речи,— пишет Марр,— не могло не носить характера магического средства, отдельные ее слова не могли не ценить как чародейство. Ею дорожили и ее хранили в тайне, как в тайне хоронят по сей день чародейственный особый охотничий язык» [4].

Согласно немарксистской концепции Марра, звуковая речь, как магическое средство, сначала находилась во владении привилегированного класса, магов, которые «ее хранили в тайне» от простых людей. Из этого следует, что звуковая речь не могла быть средством общения между людьми. Ее единственное назначение — быть средством общения магов с тотемом. В этих произвольных, надуманных рассуждениях Марра о звуковом языке остается совершенно непонятным, каким же образом звуковая речь впоследствии стала достоянием масс и могла ли она вообще развиваться, если ею пользовались только маги. Ведь развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов, как отмечал Маркс, есть такая же бессмыслица, как производство обособленного индивида вне общества.

Теория Марра о ручном языке и трудмагическом происхождении звукового языка представляет собой чистейший идеализм.

Н. Я. Марр утверждал, что мышление у первобытных людей носило мифологический характер. «Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи» [5].

---

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. 2, стр. 202.
[2] Там же, стр. 129.
[3] Там же, стр. 85.
[4] Там же, стр. 204.
[5] Там же, стр. 129.

Дологическое мышление, по Марру,— это такое мышление, когда люди «еще не мыслили» а лишь «мифологически воспринимали» явления внешнего мира. Единственным содержанием человеческого мышления в «дологической» стадии его развития, по утверждению Марра, было образное представление о таинственных магических силах, тотемах. Мышление людей первобытного общества представляется Марром как нечто фантастическое, оторванное от действительной жизни.

В противоположность идеалистическим воззрениям Марра марксизм учит, что сознание никогда не может быть чем-либо иным, как сознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Мышление первобытных людей, говорил Маркс, не было чем-то оторванным от их материальной жизни, а, напротив, непосредственно вытекало из их практической деятельности. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни» [1].

Сознание человека есть свойство высокоорганизованной материи — мозга, но это высшее, новое свойство, присущее только человеческому мозгу, возникло и развилось в процессе активного воздействия человека на природу. Изменяя внешнюю природу, человек изменял и свою собственную природу, развивал свое сознание.

«...Сознание,— писал Маркс,— с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [2]. Следовательно, вне общества нет и не может быть сознания, мышления.

Говоря о зависимости развития мышления человека от его трудовой деятельности, Энгельс писал: «...Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу» [3]. Из этих слов Энгельса следует, что сознание человека могло возникнуть и развиваться отнюдь не вследствие пассивно-созерцательного отражения природы человеком, как полагали материалисты домарксовского периода, а только на основе ее активного изменения человеком.

Мышление человека появляется прежде всего как осознание ближайшей чувственной среды и связи с другими людьми, осознание необходимости вступить в сношения с окружающими людьми, как начало сознания того, что человек вообще живет в обществе. Воздействуя на природу, изменяя ее, человек все полнее и глубже отражал в своем сознании предметы природы, их свойства и затем законы природы. «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека,— говорит Энгельс.— В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства» [4].

Эти положения классиков марксизма целиком опровергают утверждение Марра о мифологическом характере мышления первобытного человека. Человек уже в то весьма отдаленное время в основном правильно отражал в своем сознании предметы и явления окружающего внешнего мира, что давало ему возможность не только биологически приспособиться к среде, но и активно воздействовать на внешний мир, в той или иной степени изменять его. По мере роста познания законов природы росло и воздействие человека на природу.

На основе процесса трудовой деятельности человека развивался и его мозг, «возникало сознание — сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого... понимание законов природы, обусловливающих эти полезные результаты. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу» [5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 16.

[2] Там же, стр. 21.

[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 183.

[4] Там же, стр. 134.

[5] Там же, стр. 14.

Классики марксизма-ленинизма учат, что сознание человека с самого начала его появления не было чем-то пассивным. Возникнув как отражение производственной, трудовой деятельности человека, оно оказывало обратное активное влияние на эту деятельность, на труд и язык, умножая их успехи и давая им все новый толчок к дальнейшему развитию.

В процессе развития материального производства сознание людей все более и более обогащалось, росла способность к абстрактному мышлению, к образованию сперва простейших, а затем и более сложных понятий об окружающем их мире. Развитие мышления первобытных людей, как указывает Маркс, начинается с производства, оно порождается необходимостью овладеть при помощи активного действия имеющими для них наибольшее значение предметами внешнего мира и таким образом удовлетворить свои потребности. «Благодаря повторению этого процесса,— говорит Маркс,— способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди ...научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира» [1].

Таким образом, в процессе производства материальных благ люди сперва научаются выделять из сложной сети явлений природы отдельные предметы, дают им имена, названия, а затем, в процессе дальнейшего развития производства, сравнивая предметы друг с другом, они открывают в них нечто общее, создают общие понятия и их словесные выражения, охватывающие целые группы предметов данного рода. Разумеется, первые понятия человека были весьма элементарными, так как они представляли собой обобщение еще крайне примитивной его практической деятельности и очень ограниченного круга предметов, которыми пользовался человек для удовлетворения своих потребностей. Но уже и эти первые, самые простые обобщения, понятия означали, как указывает Ленин, познание человеком объективной связи предметов и явлений внешнего мира. Следовательно, благодаря практической деятельности человек познает объективные связи предметов, открывает общее, существенное в предметах внешнего мира, образует сперва представления, а потом понятия или категории, как, например, понятия причинности, случайности, необходимости, общего, частного и т. п. Все эти и другие понятия суть отвлечение от реальной жизни людей и представляют собой отражения в сознании человека его общественного бытия.

Возникновение первых понятий и их дальнейшее развитие было бы невозможным без возникновения языка слов, соответствующих словесных выражений и названий предметов внешнего мира. Воздействие человека на природу, изменение природы в процессе его общественной трудовой деятельности есть основа развития человеческого мышления на протяжении всей его истории.

То же можно сказать и о языке. «Язык,— говорит И. В. Сталин,— относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества...» [2].

Развитие языка на всех этапах — от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным—обусловлено развитием общества, развитием производства. Язык, как общественное явление, все время

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 461.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

развивается, шлифуется, обогащается. В связи с изменениями социального строя, с развитием производства, культуры, науки и т. п. в языке происходят непрерывные изменения: отбрасываются отдельные устаревшие слова, выражения, грамматические формы и в то же время значительно пополняется словарный состав новыми словами, улучшается и совершенствуется грамматический строй.

Учение классиков марксизма-ленинизма о единстве языка и мышления находит свою естественно-научную основу в учении Павлова о сигнальных системах человека.

Первая и вторая сигнальные системы, как установил Павлов, являются теми механизмами нашего мозга, при помощи которых осуществляется отражение в нем объективной реальности.

В первой сигнальной системе объективная реальность отражается благодаря непосредственному воздействию предметов на органы чувств в форме ощущений, во второй — через посредство первой сигнальной системы в виде обобщений в словах и понятиях бесчисленных сигналов первой сигнальной системы. Первая сигнальная система является носительницей образного мышления, вторая— абстрактного, словесного мышления. Первая сигнальная система действительности, говорит Павлов, общая у нас с животными. Но у человека кроме того в связи с развитием труда появилась, развилась качественно новая, вторая, специально наша сигнальная система в виде речи, слов, произносимых, слышимых и видимых [1].

Качественное отличие человеческого мозга от мозга обезьяны заключается в способности к речевой деятельности и абстрактному мышлению. Членораздельная речь и мышление, возникшие и развившиеся в процессе трудовой деятельности человека, составили вторую сигнальную систему, являющуюся, как говорил акад. И. П. Павлов, чрезвычайной прибавкой к механизму высшей нервной деятельности человека.

[1] См. И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. 3, стр. 568.

Открытие Павловым второй сигнальной системы блестяще подтверждает положение Энгельса о качественном отличии человеческого мозга от мозга обезьяны.

Своим открытием Павлов опроверг идеалистические воззрения Келера, который отождествлял зачатки мышления у высших обезьян с мышлением человека. Опытами на высших обезьянах Павлов установил, что у обезьян, как и у других животных, все проявления высшей нервной деятельности, начиная от элементарных и кончая более сложными — ассоциациями,— возникают в результате непосредственного воздействия внешних предметов на органы чувств и осуществляются исключительно в рамках первой сигнальной системы. Мышление обезьяны, говорит Павлов, вы видите глазами в ее поступках, в ее действиях. Это означает, что высшая нервная деятельность обезьяны, несмотря на зачатки мышления, не выходит за пределы образного или «предметного» мышления.

У нас же, говорит Павлов, выработалось наше «словесное и неконкретное мышление», т. е. абстрактное мышление. Абстрактное мышление в форме понятий, выраженных в словах, представляет собой функцию второй сигнальной системы, исключительное достояние человеческого мозга. У человека, указывает Павлов, «все сложные отношения перешли уже во вторую сигнальную систему». Эти сложные отношения человека заключаются в мыслительной и речевой деятельности. Через слово осуществляется, по Павлову, «межлюдская сигнализация». Слово является «сигналом первых сигналов». Это значит, что вторая сигнальная система не существует без первой. Она обобщает показания первой сигнальной системы и, в свою очередь, корректирует их.

Первая сигнальная система человека дает конкретно-чувственный материал для работы второй сигнальной системы, а вторая сигнальная система осуществляет процесс мысли, процесс воплощения мысли в языке. Обе эти сигнальные системы у человека неразрывно между собой связаны и социально обусловлены, и нельзя по-

этому первую сигнальную систему человека целиком отождествлять с сигнальной деятельностью высших животных. Последняя представляет собой результат чисто биологического приспособления к условиям внешней среды. Речевые сигналы, или сигналы сигналов, «представляют собой,— говорил Павлов,— отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое, высшее мышление,* создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом» [1].

Взаимодействие первой и второй сигнальных систем служит физиологической основой единства и взаимосвязи между живым непосредственным созерцанием и абстрактным мышлением. Но при этом надо иметь в виду, что как единство первой и второй сигнальных систем, так и с ним связанное единство чувственного познания и абстрактного мышления обусловлено общественной практикой человека. Только на основе практики осуществляется единство этих двух качественно различных ступеней познания. Абстрактное мышление в форме понятий, выраженных в словах, зависит от живого созерцания, вытекает из него, а живое чувственное созерцание в процессе практики закономерно перерастает в абстрактное мышление.

Язык, как и мышление, существует и развивается в зависимости от развития производства и общественной жизни людей. Язык и мышление имеют единую материальную основу, что определяет их неразрывную связь друг с другом.

II

Мышление и язык относятся к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества, на всех этапах его развития. Они возникли и развиваются в неразрывной связи с развитием общественной трудовой деятельности людей и неотделимы от их общественной жизни.

И. В. Сталин разоблачил ошибочную, немарксистскую формулу Марра и его «учеников» о классовости языка, о языке как надстройке над базисом, показал коренное отличие языка от надстройки. Язык порожден, указывает И. В. Сталин, всем ходом истории общества в течение веков, усилиями сотен поколений людей и служит не одному какому-нибудь классу, а всему обществу в качестве орудия общения людей. «Язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком» [2].

Положение И. В. Сталина об общенародном характере языка указывает путь правильного понимания природы мышления, как общественного и общечеловеческого явления.

Известно, что Марр не только язык, но и мышление считал классовым явлением. «...Нет языка,—утверждал он в своей работе «Язык и мышление»,— который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым» [3]. Марр допускал ошибочное смешение языка и мышления с идеологией, отождествление общечеловеческого мышления с мировоззрением классов и на этом основании объявлял язык и мышление надстроечными категориями. «Формы идеологий, — писал он, — следующие: а) простейшие идеологии — язык и мышление; б) высшие идеологии — религия, искусство, нравственность, право, политическая идеология, наука, философия» [4]. Подобное смешение общественных явлений в одну кучу, зачисление их всех без разбора в разряд надстроечных категорий ничего общего с марксизмом не имеет, является прямой вульгаризацией марксизма. В действительности же человеческое мышление по самой своей природе никак не может быть отнесено к надстройке по тем же са-

---

[1] И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных, стр. 392. 1951.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[3] Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. 3, стр. 91.

[4] Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. 2, стр. 113—114.

мым причинам, по которым не относится к ней и язык.

Мышление, как социально обусловленное свойство или способность человеческого мозга отражать бесконечно и постоянно изменяющийся объективный мир, как орудие человеческого познания, не может быть ликвидировано и уничтожено с ликвидацией и уничтожением того или иного базиса, как это происходит с надстройкой.

Человеческое мышление не возникает каждый раз заново с возникновением нового базиса, как это происходит с надстройкой, а, раз возникнув в процессе труда, развивается на всем протяжении человеческой истории как единое общечеловеческое мышление и существует как мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

«Так как процесс мышления,— писал Маркс,— сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом,* то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления» [1]. Мышление, как отражение внешнего мира человеком в процессе его трудовой деятельности, свойственно всем людям и является «одним и тем же», хотя степень, глубина отражения действительности может быть различной у разных людей, в зависимости от степени развития их мозга — органа мышления — и уровня общественной практики, которая играет решающую роль в развитии мышления человека.

Мышление неразрывно связано со всей историей человеческого общества, с работой человека во всех областях его деятельности (производстве, базисе, надстройке), со всей его общественной практикой. Сфера действия мышления, как и языка, безгранична.

Человеческое мышление не может быть признано надстроечной категорией и отождествлено с идеологией, которая, несомненно, является классовой. Так же как и язык, мышление может быть использовано и используется различными классами в качестве орудия распространения своего мировоззрения и своей идеологии, но само мышление по своей природе не является классовым. Развитие человеческого мышления совершается отнюдь не по схеме, которую выдумал Марр и которую прокламировали его ученики. Марр выдвинул антинаучную теорию стадиального развития языка и мышления путем внезапных взрывов, резких революционных сдвигов в движении мышления. Теория стадиальных смен языка и мышления путем взрывов есть следствие ошибочного понимания их Марром как надстройки, отождествления с идеологией.

И. В. Сталин, разоблачив немарксистское понимание Марром развития языка, подчеркнул, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим к истории развития языка.

Теория «взрывов» совершенно неприменима и к развитию человеческого мышления. В развитии мышления имеется историческая преемственность, тесная связь между различными его ступенями. Каждая уже достигнутая ступень в развитии мышления есть новый, высший результат предыдущего развития, но не предел. Эта высшая ступень сама является в то же время лишь новым исходным пунктом для дальнейшего беспредельного развития.

Человеческое мышление, учат классики марксизма-ленинизма, неограниченно по своей познавательной способности, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели. В развитии мышления нет непреодолимых преград или пределов для поступательного движения вперед. «...Нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» [2].

Классики марксизма-ленинизма глубоко вскрыли гносеологические и социальные корни идеалистического

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 209. 1947.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543. 11-е изд.

толкования языка и мышления. Они показали в своих трудах, как обособление мышления и языка от общественной жизни людей с неизбежностью порождает идеализм.

«...Ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они суть только *проявления* действительной жизни» [1]. Лишь только язык обособляется от реальной жизни, он «тотчас же становится фразой», — указывал Маркс.

Развитие мышления подчинено общим законам диалектики, присущим природе и человеческому обществу. Диалектика мышления есть лишь отражение диалектики объективного мира. «*Отражение* природы в мысли человека,— говорит Ленин,— надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [2].

Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» отмечает, что люди уже на ранней ступени развития большое значение придавали человеческому мышлению в своей производственной деятельности. В дальнейшем люди привыкли при объяснении своих действий исходить не из своих потребностей, а из своего мышления, и, таким образом, возникло с течением времени идеалистическое мировоззрение, рассматривающее мышление как нечто самостоятельное, не зависимое от объективной действительности.

Отрыв мышления от действительности неизбежно повлек за собой и обособление языка от общественной жизни. «Непосредственная действительность мысли, это — *язык.* Так как философы (идеалисты.— *А. В.*) обособили мышление, то они должны были обособить и язык в некое самостоятельное царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в качестве слов, обладают своим собственным содержанием» [3].

Социальные корни обособления мыслей, а следовательно, и языка в качестве самостоятельных сущностей кроются, как показал Маркс, в обособлении личных отношений и связей индивидов, в отрыве умственного труда от физического, духовной деятельности от материальной.

Философский идеализм возникает, как указывал Ленин, в результате преувеличения роли абстрактного мышления в процессе познания, превращения одной из сторон познания в абсолют, в самостоятельную, оторванную от действительности линию, которая ведет к идеализму, к поповщине, где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов.

И. В. Сталин, разоблачая идеализм в современном языкознании и вскрывая его гносеологические корни, на примере теории Марра ярко показал, как отрыв мышления от его материальной оболочки—языка—неизбежно приводит к идеализму. Марр хотя и много говорит в своих работах о связи языка и мышления с трудом, но он не понял действительной роли труда в возникновении и развитии языка и мышления и, по сути дела, оторвал их от общественной трудовой деятельности людей.

Так, например, Марр для того, чтобы показать, что он неизменно стоит за признание единства языка и мышления, нарочито подчеркивал, что мышление и речь — это «брат и сестра». Он даже считал свою точку зрения на соотношение языка и мышления диалектической. Новое учение о языке, заявлял Марр, к проблеме мышления подходит диалектически. «...Мышление,— утверждал он,— неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво... одинаково с языком коллективно» [4].

В действительности же вопрос о соотношении языка и мышления в работах Н. Я. Марра получил не марксистское, а идеалистическое разрешение. Он ошибочно считал, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи мышления, свободного от «природной материи» языка. Это и привело Марра, как писал И. В. Сталин, в болото идеализма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 435.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 168.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 434.

[4] Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. 3, стр. 121.

Марр создал надуманную и насквозь идеалистическую схему развития мышления и соотношения его с языком. Сперва, по этой схеме, мышление существовало и развивалось без звукового языка, без языка слов. Это было тотемистическое мышление, которое характеризовалось, как было указано, образным представлением о таинственных магических силах (тотемах). Люди этого периода мыслили мифологически (т. е. фантастически), их мышление соответствовало тогда ручному языку и было «ручным мышлением». Далее, на смену тотемистической стадии мышления приходит космическая, связанная с возникновением звукового языка и появлением представления о небе. Затем, гораздо позднее, на второй стадии развития звукового языка (на стадии технологического мышления, по выражению Марра), господствующие классы якобы выработали формально-логическое мышление, где язык взял верх над мышлением. Наконец формально-логическое мышление, как достояние классового общества, якобы сменилось диалектико-материалистическим мышлением пролетариата, где мышление берет верх над языком. И далее, в новом, бесклассовом обществе, вещал Марр, будет создан единый язык, совершенно отличный от звукового.

Таким образом, по Марру, получается, что мышление вполне возможно без языка слов, без звукового языка. Если на раннем этапе своего существования человечество в течение полутора миллионов лет, как утверждает Марр, могло развивать свое мышление без языка слов, то и при коммунизме, на высшей стадии своего развития, оно также может, по мнению Марра, обойтись без языка.

Идеалистическая концепция Марра о мышлении без языка нашла свое особенно яркое выражение в его работе «Язык и мышление», в которой он пишет: «Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления. У языка, как звучания, имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мозговую локализацию, но все это формально, особенно звукопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукцией мышления. Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы» [1].

Из этих рассуждений Марра со всей очевидностью явствует, что он отрывает мышление от языка, допускает полную возможность мышления без материальной языковой оболочки. Рассуждения Марра о мышлении без языка представляют собой, по меткому выражению И. В. Сталина, «трудмагическую» тарабарщину.

Марр, как указал И. В. Сталин, переоценил семантику [2] и пренебрег языком как «непосредственной действительностью мысли», оторвал мышление от языка, что и привело его к идеализму.

Воззрения Марра о мышлении, свободном от природной материи языка, о мыслях вне звуковой речи, вне слов и предложений, на базе которых они возникают и существуют, до крайности абсурдны и фантастичны и напоминают подобную же бессмыслицу, высказанную в свое время Евгением Дюрингом. Последний писал: «Кто способен мыслить только при посредстве речи, тот еще не испытал, что значит *отвлеченное* и *подлинное* мышление». Приведя эти слова Дюринга, Энгельс иронически замечает: «Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи» [3].

Концепция Марра смыкается не

---

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. 3. стр. 121.

[2] Часть языкознания, занимающаяся изучением смысловой стороны языка.

[3] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 79. 1950.

только с концепцией Дюринга, но и с воззрениями современных буржуазных мракобесов, в особенности представителей логического идеализма, которые доказывают, что истина невыразима в словах, в языке, она доступна только интуиции.

И. В. Сталин, разоблачив идеализм Марра, развил дальше учение марксизма-ленинизма о диалектическом единстве языка и мышления, глубоко обосновал материалистическое положение о том, что у людей, владеющих языком, мысли всегда облечены в материальную языковую оболочку и не существуют без языка.

«Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли,— говорит И. В. Сталин,— они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка» [1].

В этом поистине классическом положении с исключительной глубиной выражено основное содержание марксистского учения о связи мышления с языком, их неразрывном единстве. И. В. Сталин подчеркивает, что мысли людей могут возникнуть и существовать только на основе языкового материала. Это означает, что язык является не только средством выражения и закрепления в словах и в предложениях мысли, но также и средством рождения мысли, ее возникновения и осуществления. Мысли без языка не только не могут быть высказаны в речи, но и не могут возникнуть в голове человека.

III

Будучи связаны друг с другом, язык и мышление представляют собой, однако, два специфических по своей природе общественных явления. В чем специфика языка как общественного явления? Классический ответ на этот вопрос дал И. В. Сталин в своем труде по вопросам языкознания. «Язык,— пишет И. В. Сталин,— есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания» [2]. Эту особенность языка отмечал и Ленин, подчеркивая, что язык есть важнейшее средство человеческого общения. Следовательно, быть средством общения, средством обмена мыслями— основная функция языка, как общественного явления. Без этой функции язык не может существовать. Мысль человека рождается и реализуется при помощи языка только в процессе его общения с другими людьми. Сознание человека, учит Маркс, есть прежде всего сознание связи с другими людьми. Таким образом, сущность языка, в определении И. В. Сталина, состоит в том, чтобы быть средством общения людей и орудием мышления.

В чем же заключается сущность мышления, его назначение, как общественного явления?

Мышление, как известно, есть функция человеческого мозга, его особое свойство отражать объективный, вне нас существующий мир. Но это свойство нашего мозга, как и сам человеческий мозг — носитель мышления,— возникло и развилось в процессе труда, общественной деятельности человека. Основное назначение мышления — отражать законы природы и общества в форме понятий, суждений и умозаключений и, таким образом, служить человеку орудием познания мира и средством активного преобразования его. Мышление, правильно отражая законы природы, на основе практики и через практику обеспечивает господство человека над природой. Наше господство над природой, говорит Энгельс, состоит в том, что мы в отличие от всех других существ умеем постигать и правильно применять ее законы.

«Господство над природой, проявляющее себя в практике человека,— пишет Ленин,—есть результат объек-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

[2] Там же, стр. 22.

тивно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что́ показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Человеческое мышление в процессе общественной практики с каждым днем все глубже и правильнее познает законы природы и на основе этого знания дает возможность планомерно заставлять законы природы служить определенным практическим целям людей. Следовательно, сущность мышления, его назначение состоит в том, чтобы быть средством отражения объективного мира, орудием познания его законов и одним из важнейших орудий его преобразования.

Различие специфики языка и мышления ничуть не нарушает неразрывной связи их друг с другом, напротив, оно показывает, что язык и мышление не могут обойтись друг без друга. Мышление отражает законы природы и общества, а язык выражает мысль об этих законах, реализует ее, делает доступной для других людей. Язык, указывает И. В. Сталин, регистрирует и закрепляет в словах и в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

«Обмен мыслями,— пишет И. В. Сталин,— является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества,—стало быть, невозможно само существование общественного производства» [2].

Однако из того, что мысли людей не возникают и не существуют без языкового материала, вовсе не вытекает, что язык и мышление тождественны, что слово по своей сути есть та же мысль. Такой вывод могут сделать только вульгарные истолкователи положения марксизма-ленинизма о единстве языка и мышления. Язык и мышление не существуют друг без друга, но в то же время они не представляют собой одного и того же явления. Отождествление языка и мышления, подмена словом понятия о предмете, безусловно, означают прямое искажение марксистско-ленинской теории отражения. К такого рода искажениям относится «теория», доказывающая, что слова, обозначающие те или иные предметы и явления внешнего мира, непосредственно определяются природой этих предметов и явлений и что это якобы вытекает из ленинской теории отражения.

В действительности подобное утверждение — результат совершенного непонимания ленинской теории отражения и вытекает, очевидно, из боязни прямо признать, что словесные обозначения или названия предметов не имеют непосредственной и необходимой связи с обозначаемыми предметами. Суть ленинской теории отражения, как известно, состоит в том, что она рассматривает представления, понятия человека как образы объективного, вне нас и независимо от нас существующего мира и решительно выступает против сведения ощущений, восприятий, представлений и понятий к условным знакам, символам, иероглифам и т. п. Ленинская теория отражения утверждает, что понятия человека о предметах внешнего мира имеют свои словесные выражения, без которых эти понятия не существуют, но она не ставит знак равенства между понятиями и выражающими их словами. Понятия представляют собой отражение сущности предметов и явлений окружающей человека действительности, поэтому они необходимым образом связаны с ними, тогда как словесные обозначения предметов не обусловлены природой и свойствами этих предметов и являются поэтому условными для них обозначениями. В этой связи Маркс писал: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке,

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 177.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22—23.

если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т. д. изглаживается всякий след отношения стоимостей» [1].

Слово представляет звуковой комплекс, имеющий определенный смысл и значение. Между звуковым комплексом (словом) и обозначаемым им предметом существует смысловая связь, но между ними нет непосредственной и необходимой связи, иначе нельзя было бы одним и тем же словом назвать совершенно разные по своей природе вещи. Например, слово «коса» обозначает прическу, узкий мыс, орудие и т. д. Как мы видим, смысловая связь этого слова с предметом меняется, хотя звуковой комплекс остается неизменным.

Признание того, что слова, обозначающие те или иные предметы и явления, определяются природой и свойствами этих предметов и явлений, неизбежно приводит к смешению слов и понятий, к подмене понятий словами, в конечном счете, к отождествлению языка и мышления. Если бы слова действительно вытекали непосредственно из природы и свойств вещей, то тогда все названия вещей и все понятия о них в разных языках были бы одинаковыми, и в таком случае не было бы необходимости в существовании множества различных языков.

Об условности словесных названий предметов свидетельствуют и такие исторические факты, когда за отсутствием соответствующих слов название какого-либо отдельного предмета распространялось на ряд предметов, сходных между собой в каком-нибудь отношении. Так, например, слово «соль» применялось у древних народов, как отмечает Маркс, сперва для обозначения поваренной соли, а впоследствии словом «соль» также назывались сахар и все бесцветные твердые тела, растворимые в воде и обладающие специфическим вкусом. Но ведь это не означает, что химическая категория «соль» включает в себя сахар и т. п. Речь идет о том, что для обозначения предметов, как, например, сахара, еще не было выработано слов, поэтому они назывались словом, обозначающим другой предмет, в какой-то степени сходный с ними.

Следует подчеркнуть, что словесные названия предметов и явлений, несмотря на их условность, вовсе не произвольны. Слово, раз возникнув из потребности людей в названии предметов, с течением времени закрепляется за определенным предметом, приобретает определенное смысловое значение. Поэтому произвольный перенос названия одной вещи на другую вещь или произвольная, без надобности замена одних названий другими, новыми словесными названиями приводит к бессмыслице.

В самом деле, говорит И. В. Сталин, «кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости» [2].

Отсюда, конечно, нельзя делать вывод, будто слова остаются навсегда неизменными. Язык, и особенно его словарный состав, находится, как учит И. В. Сталин, в состоянии почти непрерывного изменения. Но это изменение не произвольно, а вызывается потребностями непрерывного роста и развития производства, культуры, техники и науки. Именно это т р е б у е т от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для людей в их работе. «И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй» [3].

С развитием социальной жизни людей возникают новые явления и

---

[1] К. М а р к с. Капитал. Т. I, стр. 107.

[2] И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

[3] Т а м ж е, стр. 11.

отражающие их новые понятия, а вместе с тем в языке появляются новые слова для обозначения этих явлений и выражения этих понятий.

Таким образом, слово, с гносеологической точки зрения, так же как и понятие, вторично по отношению к предметам и явлениям внешнего мира. Общественная практическая деятельность людей, в которой они каждодневно непосредственно соприкасаются с предметами и явлениями объективного мира, постоянно порождает у них потребность в словах для их названия и обозначения. В словах регистрируются и закрепляются понятия о предметах, что дает возможность людям обмениваться мыслями о данных предметах, отличать их друг от друга.

Диалектическое единство языка и мышления, неразрывная связь и вместе с тем различие между ними проявляются в процессе познания, в процессе отражения объективного мира в голове человека. Важнейшей формой отражения объективного мира в сознании человека является понятие. Понятие качественно отличается от ощущений, восприятий и представлений. Если последние представляют собой наглядные образы предметов и явлений, то понятие есть мысль о предмете, или умственный образ. В понятиях отражаются общие, наиболее существенные признаки предметов, их внутренние связи, законы. Понятия суть научные абстракции, в которых резюмируются результаты познания объективной действительности. Но понятия не могли бы возникнуть без помощи языка. Они неразрывно связаны с языком в процессе познания. Если результаты познания обобщаются в понятиях, то сами понятия могут быть выражены только при помощи слов и соединения слов в предложениях. Следовательно, слово является не только названием или обозначением предмета, но и выражением понятия о предмете. Роль языка в познании и неразрывная связь его с мышлением с исключительной ясностью и глубиной показаны в выдающемся труде И. В. Сталина по вопросам языкознания. «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык,— пишет И. В. Сталин,— регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [1].

В понятиях, выраженных словами, человек обобщает данные опыта, итоги изучения предметов, отражая их основные, существенные признаки и отбрасывая частные, несущественные. Так, например, марксистско-ленинское понятие о материи возникло в результате обобщения данных естествознания о конкретных видах материи путем отвлечения от несущественных признаков, присущих лишь тому или иному виду материи, и выделения того, что существенно и обще всем им. Но само это обобщение осуществлялось при помощи слова, в котором понятие материи выражено. Слово «материя», говорит Энгельс,— это просто сокращение, в котором мы резюмируем различные чувственно воспринимаемые вещи согласно их общим свойствам. Этим общим для всех разнообразных форм материи свойством является «свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания» [2].

Язык, слово имеет большое обобщающее значение. Всякое слово, говорит Ленин, уже обобщает. Если чувство показывает отдельное, то мысль и слово — общее.

Язык — средство абстрактного мышления. Он не только орудие общения людей, но вместе с тем и орудие познания мира. Язык дает безграничные возможности отражения и обобщения действительности в форме понятий, суждений и умозаключений. Отсюда, конечно, не следует, что люди, не владеющие языком, глухонемые, лишены возможности мышления. Однако «мысли глухонемых,— как указывает И. В. Сталин,— возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 247.

о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, т. е. она не существует» [1].

Разумеется, ощущения, восприятия, представления, порождаемые воздействием вещей внешнего мира на органы чувств, представляют собой базу для мыслительного процесса не только глухонемых, а всех людей. Без них вообще невозможно никакое познание. Но у людей, имеющих слух и владеющих языком, эта база значительно шире, чем у глухонемых, их мысли связаны не только с чувственными данными, но и с языковым материалом, тогда как мысли глухонемых возникают и существуют исключительно на базе чувственных образов, восприятий, представлений. Поэтому люди, владеющие языком, располагают гораздо большими возможностями абстрактного мышления, обобщения чувственных данных в виде понятий, чем глухонемые, не владеющие речью. Например, глухонемые не могут образовать себе правильного понятия о звуковой речи, о музыке, о звуках вообще.

Следовательно, язык имеет огромное значение для развития мышления, для познания. Он позволил человеку в процессе общественной практики выйти за пределы чувственного восприятия вещей и подняться на более высокую ступень познания — на ступень абстрактного мышления. Вместе с развитием языка развивалось и абстрактное мышление.

Язык есть средство осуществления процесса мышления. Процесс отражения природы в голове человека есть вместе с тем процесс воплощения мысли в языке, процесс образования понятий при помощи слов, предложений. Если мышление есть отражение материальной действительности, то язык является средством выражения, закрепления и хранения мысли об этой материальной действительности.

Развивая положение Маркса и Энгельса о единстве языка и мышления, И. В. Сталин определяет язык как материальную оболочку мышления. Это значит, что мысль, выраженная в языке в виде речи, слов, письма, становится реальностью, доступной наблюдению и восприятию при помощи органов чувств как для самого говорящего, так и для других людей.

В этой связи Маркс в «Немецкой идеологии» писал: «На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков,— словом, в виде языка... Язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание...» [2].

В языке выражается жизнь мысли, ее реальность. Поэтому человек даже с самым абстрактным умом не может мыслить, не пользуясь словами, не облекая свои мысли в материальную языковую оболочку.

И. В. Сталин в своей работе по вопросам языкознания впервые со всей силой подчеркнул огромное познавательное значение грамматики языка. Грамматический строй языка, его основной словарный фонд, указывает И. В. Сталин, составляют основу языка. Если основной словарный фонд является базой для образования новых слов, необходимых для удовлетворения нужд человека, то грамматика языка «определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер» [3].

Именно при помощи грамматики язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку, и благодаря этому он становится орудием мышления, без которого невозможно познание мира. Но, в свою очередь, развитие и совершенствование языка в значительной степени обусловлены развитием мышления, которое все более

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 47.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т IV, стр. 20.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

полно и глубоко отражает развивающееся материальное бытие человека. Роль мышления в развитии языка, его связь с языком особенно проявляются в грамматике. «Грамматика,— говорит И. В. Сталин,— есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»[1].

В процессе работы мышления грамматика, как показал И. В. Сталин, абстрагируясь от отдельных слов и конкретных предложений, берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические законы.

Восхождение мышления от конкретного к абстрактному, образование понятий — один из основных общих законов познания.

«Мышление,— пишет Ленин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное...— *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[2].

В положении И. В. Сталина о роли абстрактного мышления в развитии языка, его грамматики глубоко раскрывается неразрывная взаимосвязь языка и мышления.

Учение марксизма-ленинизма о связи языка и мышления имеет важнейшее значение для дальнейшего исследования сущности языка и законов его развития. Вопрос о единстве языка и мышления стал предметом внимательного изучения не только философов, но и советских языковедов. После появления труда И. В. Сталина по вопросам языкознания советские языковеды проявляют острый интерес к проблеме связи языка и мышления. В научных статьях наряду с другими важными вопросами языкознания вопрос о соотношении языка и мышления также получил свое, хотя еще и недостаточное, освещение. В этой связи следует указать на статью Е. М. Галкиной-Федорук «Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма», опубликованную в № 9 «Вестника Московского университета» за 1951 год. В ней делается положительная попытка понять природу слова, выяснить его значение и установить соотношение между словом и понятием. Советские языковеды в исследовании этого вопроса, так же как и других вопросов языкознания, идут по пути, указанному классиками марксизма-ленинизма.

IV

Марксистско-ленинские положения о неразрывной связи языка и мышления, о роли языка в познании, развитые И. В. Сталиным,— острейшее оружие в борьбе с идеализмом в философии и языкознании. Современные философствующие мракобесы, так называемые семантики, сторонники логического (т. е. субъективного) идеализма, сознательно принижают роль языка в познании объективной действительности, отрывают его от мышления и от общественной жизни людей, сводят язык к чисто субъективной системе произвольных знаков, символов.

Реакционные английские и американские семантики выхолащивают из мышления и науки всякое реальное, объективное содержание и сводят их к логике языка, к «логическому анализу языка». Так, один из представителей логического идеализма, Карнап, прямо ставит перед собой задачу подмены предмета философии исключительно «логическим синтаксисом языка», под которым он подразумевает «формальную теорию лингвистических форм языка», т. е. «систематическое изложение формальных правил», которые якобы управляют языком. Эти формальные правила, как утверждает Карнап, совершенно не связаны ни со значением символов (слов), ни со смыслом выражений (предложений), а представляют собой «исключительно правила о видах и порядке символов, из которых составлены выражения», причем, как заявляет он, правила построения

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146.

предложений из символов «можно выбирать совершенно произвольно».

Подмена семантиками материалистического исследования законов природы и общества системой произвольных символов, не зависимых от значения слов, и логических правил, оторванных от реальной действительности, есть одно из крайних проявлений идеализма в современной буржуазной философии.

Семантическая философия «логического анализа языка» представляет собой прямой отказ от возможности познания действительности и является выражением маразма современной буржуазной философии. Вместо познания объективного мира буржуазные философы пытаются «сконструировать мир» из вымышленных ими же логических элементов, формальных, произвольно выбранных логических принципов. Они сознательно фальсифицируют науку, проповедуют иррационализм, пытаясь с его помощью окутать мраком мистицизма сознание народных масс и тем самым укрепить вконец расшатанные устои капитализма.

Марксистская наука опровергла все измышления идеалистов, пытающихся оторвать язык от мышления. Она доказала, что язык и мышление не существуют друг без друга. Это два различных и вместе с тем органически связанных общественных явления, возникших и развивающихся одновременно в процессе общественной практики человечества, отражением которой они являются.

Н. В. Гоголь об искусстве

С. Н. ДУРЫЛИН

Столетний юбилей со дня смерти Н. В. Гоголя, торжественно отмеченный всем прогрессивным человечеством, явился могучей демонстрацией величия и подлинного бессмертия русского народа, обогатившего своим вкладом мировую культуру. Н. В. Гоголь, художественные образы которого широко использовали В. И. Ленин и И. В. Сталин в борьбе против различных врагов партии и народа, является гордостью и славой русской литературы. Его замечательные произведения, беспощадно обличающие самодержавно-крепостнический строй, все мелкое, продажное и пошлое в человеке, не потеряли своего значения и в наши дни, когда честные люди всего мира во главе с народами Советской страны ведут героическую и самоотверженную борьбу против темных сил американо-английского реакционного лагеря, готовящего новую мировую бойню.

Грозный смех Гоголя, его могучая сатира, его вдохновенные и глубоко патриотические художественные произведения помогают нам успешно бороться не только против злейших врагов мира, но и против тех, кто мешает нашему движению вперед. «Правда» в день гоголевского юбилея писала: «Долг советской литературы состоит в том, чтобы показывать жизнь во всем ее разнообразии, в движении, беспощадно разоблачать все косное, отсталое, все то враждебное народу, что смертельно боится свежего воздуха критики и самокритики, искоренять в сознании людей пережитки капитализма, направлять на их носителей разящий огонь сатиры. Нам Гоголи и Щедрины нужны!»

Гениальный создатель «Ревизора» и «Мертвых душ» был, по утверждению Н. Г. Чернышевского, отцом русской прозы и родоначальником критического направления в русской литературе XIX века [1], того направления, которое выдвинуло выдающихся продолжателей Гоголя — Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Островского и других корифеев русской литературы.

Особенностью Гоголя, как писателя, является то, что он не только создал художественные произведения, занявшие почетное место в мировой литературе, но и непрерывно размышлял о литературе и искусстве, делая эти размышления достоянием своих многочисленных читателей. Уже во второй книге Гоголя, «Арабески» (1835), наряду с художественными произведениями мы находим статьи «Скульптура, живопись и музыка», «Об архитектуре нынешнего времени» и гениальную статью «Несколько слов о Пушкине». В этой же книге Гоголь поместил статью «Последний день Помпеи» (о картине Брюллова) и очерк «О малороссийских песнях». Одно из художественных произведений в «Арабесках» — повесть «Портрет» — посвящено важнейшим проблемам: выяснению сущности искусства, эстетических и общественных задач художника. В 1837 году в пушкинском «Современнике» появились «Петербургские записки» Н. В. Гоголя (без подписи), в которых писатель развивал замечательные мысли о театральном искусстве, об опере и балете.

[1] См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. 3, стр. 16, 18. ОГИЗ. М. 1947.

В ответ критикам «Ревизора» Гоголь публикует «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору», в котором дает критический разбор спектакля «Ревизор». В 1842 году, издавая все свои драматические произведения, Гоголь заключает их комедией-эпилогом «Театральный разъезд после представления новой комедии» и в этой небольшой пьесе дает свою эстетику комического в лицах. «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» явились ответом Гоголя на критику «Мертвых душ». В 1843—1846 годах Н. В. Гоголем написаны и в 1846 году напечатаны статьи о русских писателях — Ломоносове, Державине, Фонвизине, Крылове, Грибоедове, Пушкине и др., статьи «О театре» и «Исторический живописец Иванов». Во всех этих работах Гоголем высказывается ряд ценнейших суждений по основным вопросам литературы, театра и живописи.

Таким образом, еще при жизни Гоголя русский читатель обладал уже целым сводом его высказываний по вопросам литературы, драматического и музыкального искусства, живописи, скульптуры, архитектуры. После смерти писателя были обнародованы «Авторская исповедь» и дополнительные статьи к «Ревизору». Письма Гоголя, впервые появившиеся в 1857 году, дали новый богатый материал, освещающий взгляды Гоголя на литературу и искусство, его эстетические воззрения.

Известно, какой огромный творческий труд затрачивал Гоголь на свои художественные произведения. Своему призванию он отдавал все свои силы, талант, жизнь. Громадная ценность эстетических высказываний Гоголя по вопросам литературы и искусства заключается прежде всего в том, что они являются результатом творческого опыта великого русского художника-реалиста, создавшего бессмертные произведения — комедию «Ревизор», поэму «Мертвые души», повести «Тарас Бульба», «Шинель» и другие. Эти произведения, по признанию Белинского и Чернышевского, стали образцами новой, реалистической эстетики, нашедшей свое воплощение в замечательных созданиях Островского, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина и других классиков великой русской литературы.

Исключительный интерес представляют суждения Н. В. Гоголя о театральном искусстве, о мастерстве актера и режиссера, об изобразительных искусствах.

В Гоголе жил замечательный актер и не менее замечательный режиссер. Еще в ранней юности Гоголь поражал всех своим ярким дарованием актера. В период своего обучения в Нежинском лицее он участвовал в ученических спектаклях комедий Фонвизина, Крылова, Шеридана и др. Сам Гоголь, будучи к себе весьма строгим, признавал в себе талант актера: «...Бобчинского я бы сыграл отлично и уверен, что Щепкин не выгнал бы меня из труппы, если бы у него была своя труппа и свой театр» [1].

Испытывая в Италии, во время работы над «Мертвыми душами», жестокую нужду, Гоголь писал Жуковскому: «Поди я в актеры — я бы был обеспечен... а вы сами знаете, что я не был бы плохой актер» [2].

Великий мастер русского театра Щепкин признавал Гоголя не только замечательным актером, но и учителем актеров. Он не пропускал ни одного чтения Гоголем его произведений, в особенности комедий «Ревизор», «Женитьба» и «Тяжба», рассматривая их как великолепную школу жизненной правды и подлинной простоты. Перед постановкой «Ревизора» Щепкин упорно звал Гоголя в Москву: «Вы сами лучше всех знаете, что ваша пиеса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее нашему начальству и действующим... Вы должны это сделать для комедии... вы должны это сделать для Москвы» [3]. Так высоко ставил Щепкин, отец русского сценического реализма, Гоголя как постановщика, как режиссера.

---

[1] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя. Т. 4, стр. 267. М. 1897.

[2] Н. В. Гоголь. Письма. Под ред. В. И. Шенрока. Т. 1, стр. 442. СПБ. 1901.

[3] М. С. Щепкин. Записки, письма, рассказы, стр. 169—170. СПБ. 1914

Все суждения Гоголя об эстетических и общественных требованиях к искусству актера и режиссера основаны на его собственном опыте гениального драматурга, замечательного актера и режиссера, на богатейшем опыте всего русского реалистического искусства того времени. В этом их ценность для эстетики и практики театрального искусства.

Гоголь писал не только о театре, но и об изобразительных искусствах. Был ли у Гоголя здесь какой-либо собственный опыт? Сам Гоголь печатно признавался в своей любви к живописи: «Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое». В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе» [1].

В приведенных рассуждениях Гоголя заключена мысль о том, что задача художника — изображать правду жизни, а не выбирать только то, что в ней красиво.

Эти мысли молодого Гоголя были вызваны литературными пейзажами Пушкина. Гоголь высоко ценил простоту этих пейзажей, их верность русской природе. «Их может только совершенно понимать тот,— писал он,— чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина» [2].

Пейзажи Пушкина, верные русской природе, Гоголь противопоставлял холодно-условным академическим пейзажам с их прилизанным ландшафтом и романтическим пейзажам с их эффектными ущельями и бездонными пропастями, написанными «для красоты» и т. д.

Из своих наблюдений над пейзажами Пушкина и из своего собственного опыта Гоголь делал замечательный вывод, направленный против эстетики романтически-необычайного и всецело в пользу прекрасной простоты реального: «...Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина» [3]. Образцом такого реалистического произведения Гоголь признавал, вопреки суду огромного большинства тогдашних критиков и читателей, «Бориса Годунова» А. С. Пушкина:

«Определил ли, понял ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней, неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?» [4].

Эти строки написаны в 1832 году, и можно с уверенностью сказать, что суровая правда реализма трагедии Пушкина, правдивость всей его поэзии никем не была в то время определена с такой ясностью, как Гоголем в его маленькой статье «Несколько слов о Пушкине». Недаром эту статью В. Г. Белинский целиком процитировал в одной из своих статей, посвященных Пушкину.

В целом ряде своих позднейших высказываний о литературе и искусстве Гоголь возвращается к реалистическому пейзажу с сухим деревом на первом плане. Вся гоголевская эстетика реального, и в частности комического, построена на принципиальном отвержении необыкновенного, как предмета искусства, и на решительном утверждении обыкновенного в искусстве. Вот почему Гоголь так решительно и страстно боролся против романтической эстетики неистовых драм, кровавых мелодрам, против ложного пафоса официозных романтиков типа Кукольника и столь же официозных трагиков типа Каратыгина.

Н. В. Гоголь любил живопись и много ею занимался. В Нежинском лицее он учился у «свободного» художника К. С. Павлова. К сожалению, у нас нет сведений о том, что

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 63—64. ГИХЛ. 1937.
[2] Там же, стр. 64.
[3] Там же.
[4] Там же.

представлял собою этот питомец Академии художеств как художник, но из писем Гоголя видно, что он прошел у Павлова немалую школу живописной практики. Под его руководством Гоголь писал, как он сам сообщает родителям, картинки, рисованные «пастельными карандашами» и «сухими колерами», картины, писанные «масляными красками» [1].

С переездом в Петербург Гоголь продолжал занятия в высшем художественном училище страны. 3 июня 1830 года Гоголь писал матери: «...В 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить,— тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней... В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа». Тут же Гоголь говорит матери о знакомстве «с художниками, и со многими даже знаменитыми» [2].

Таким образом, когда Гоголь обратился к вопросам живописи в своем сборнике «Арабески», у него уже имелась некоторая практика живописного искусства, знакомство с художниками, посещение выставок в Академии художеств. Позже ознакомление Гоголя с немецкой готикой, с музеями и картинными галереями Парижа и Рима в высокой степени обогатило его познания в области искусства и, в частности, живописи.

Близкое знакомство писателя с живописцем А. А. Ивановым в Риме раскрыло перед ним творческую лабораторию этого гениального художника и дало ему драгоценный материал для суждений об искусстве.

Н. В. Гоголь знал великолепно и архитектуру. Его мысли и наблюдения, касающиеся этого сложного вида искусства, не потеряли и поныне своей эстетической ценности.

Еще в Нежинском лицее Гоголь собирал материалы для изучения античной архитектуры, архитектуры собора Петра в Риме. В доныне не изданной «Книге всякой всячины, или подручной энциклопедии» Гоголем собраны гравюры с архитектурных памятников, кальки с детальными чертежами колонн, фризов, архитравов, памятников древнегреческой архитектуры, выписки из Винкельмана и т. п. Все это свидетельствует о глубоком интересе юноши-Гоголя к архитектуре.

За границей Гоголь близко знакомится с западноевропейским классическим искусством. Вряд ли у кого из русских писателей времен Гоголя был такой богатый опыт знакомства с искусством Италии, как у автора повести «Рим». Гоголю были прекрасно известны и труды по античному искусству Пиранези, Висконти, Нибби, Канина.

Замечательные высказывания великого русского писателя о всех видах искусства представляют собой неоценимый вклад в развитие русской эстетической мысли.

* * *

Борясь против самодержавно-крепостнических порядков в России, Гоголь в то же время резко выступает и против пороков и уродств в общественной жизни, порождаемых возникающими буржуазными отношениями. Наблюдая в России и в особенности в ряде западноевропейских стран враждебность буржуазии подлинному искусству, великий писатель много думает о судьбах искусства и художника, вынужденного продавать свое творчество, свое дарование за деньги. Деньги, по мысли Гоголя, разрушают искусство, губят талант художника.

В своих суждениях об искусстве Гоголь допускал известные ошибки, иной раз попадал в плен идеалистической эстетики, отдавал дань романтическим взглядам на творчество, но в одном он был тверд — в последовательном отрицании тех требований, которые предъявляло буржуазно-крепостническое общество к художнику. Трагедию художника в продажном буржуазно-крепостническом обществе Гоголь изобразил в повести «Портрет» (1832) и усилил, углубил эту трагедию во второй редакции (1842) повести. «Портрет» — одно из самых ярких в мировой литературе изображений этого печального жребия.

---

[1] См. Н. В. Гоголь. Письма. Под ред. В. И. Шенрока. Т. 1. стр. 18, 25, 35.

[2] Там же, стр. 158.

Художник Чартков — не выдуманный, романтический «жрец искусства». Это реальный образ русского художника 30-х годов прошлого века. Он почти нищ. Как подобает воспитаннику Академии художеств, он пишет картину на мифологическую тему: любовь Психеи,— но его тянет к живой, реалистической теме. И он решает написать портрет своего слуги мужика Никиты, справедливо убежденный, что этот правдивый портрет с натуры «лучше портретов какого-нибудь модного живописца». Однако хозяин дома, которому портрет предложен в уплату за квартиру, недоволен им: «Добро бы были картины с благородным содержанием, чтобы можно было на стену повесить, хоть какой-нибудь генерал со звездой или князя Кутузова портрет, а то вон мужика нарисовал, мужика в рубахе, слуги-то, что трет краски. Еще с него, свиньи, портрет рисовать». Петербургский домовладелец с его презрением к обыкновенному, взятому из живой действительности, выражает «эстетические» взгляды, глубоко чуждые и ненавистные великому писателю-реалисту. Гоголь осуждает в своем произведении «Портрет» бесплодную и продажную деятельность художника, для которого золото и слава в высшем обществе являются главным «творческим» стимулом.

Художнику Чарткову предстоит написать портрет некоей Lise, дочери светской дамы. Что должен был увидеть честный художник-реалист в лице этой светской барышни? «Если бы он был знаток человеческой природы,— пишет Гоголь,— он прочел бы на нем в одну минуту начало ребяческой страсти к балам, начало тоски и жалоб на длинноту времени до обеда и после обеда, желанья побегать в новом платье на гуляньях, тяжелые следы безучастного прилежания к разным искусствам, внушаемого матерью для возвышения души и чувств».

Другими словами, истинный художник-реалист должен был в портрете этой барышни отразить язвы и недуги социальной среды, породившей ее. Сам Гоголь именно так писал свои портреты. В чертах Собакевича выражен не просто грубый человек с обликом медведя, в его портрете выражен помещик-кулак. И Гоголь с укором говорит о Чарткове, что он даже не почувствовал этой социальной задачи портретиста-реалиста, поставив себе несравненно более упрощенную задачу поверхностной характеристики лица, отображения его внешней красивости: «...Художник видел в этом нежном личике одну только заманчивую для кисти, почти фарфорную прозрачность тела, увлекательную легкую томность, тонкую светлую шейку и аристократическую легкость стана».

Но и поверхностная характеристика, чтобы быть удачной, требовала от художника правдивости в изображении томного лица барышни. «Он ловил всякий оттенок, легкую желтизну, едва заметную голубизну под глазами». И, несмотря на робость этой попытки быть правдивым, он встретил протест со стороны дамы-заказчицы: «Вот, в некоторых местах... как будто бы несколько желто, и вот здесь совершенно как темные пятнышки». Художник попытался дать формально-техническое оправдание этой «желтизны» и «пятнышек», скрывая реалистическую необходимость их показа для жизненности всего портрета и доказывая, что они составляют приятные и легкие тоны лица. Но ему отвечали, что они не составляют никаких тонов и что это ему только так кажется. Художник пытался защитить хотя бы малейшую часть своих прав на творческую волю: «...Позвольте здесь в одном только месте тронуть немножко желтенькой краской». Но этого-то ему не позволили.

Сурово и просто рисует Гоголь измену художника эстетике жизненной правды: «Он бесчувственно стал сообщать ему (портрету.— *С. Д.*) тот общий колорит, который дается наизусть и обращает даже лица, взятые с натуры, в какие-то холодно-идеальные». Художник тосковал по тем правдивым тонам, которые безжалостно уничтожила его кисть по требованию заказчицы, и пытался перенести эти черты на свою Психею. И эту-то Психею, чуть-чуть оживленную реальными чертами светской

девушки, дама-заказчица приняла за портрет своей дочери и восклицала с восторгом: «Lise, Lise! Ах, как похоже! Superbe, superbe! Как хорошо вы вздумали, что одели ее в греческий костюм... Но какая работа! Это Корредж!»

И художник за фальсификацию натуры, за преступление против искусства и своего таланта «был награжден всем: улыбкой, деньгами, комплиментом, искренним пожатием руки, приглашеньем на обеды; словом, получил тысячу лестных наград. Портрет произвел по городу шум... Художник вдруг был осажден работами. Казалось, весь город хотел у него писаться».

И Чартков из честного художника превратился в ремесленника, потворщика буржуазным вкусам, в изменника искусству, в предателя своего таланта: «Даже из двух, трех слов смекал вперед, кто чем хотел изобразить себя. Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ему байроновское положение и поворот. Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на все и прибавлял от себя уже всякому вдоволь благообразия».

В русской классической литературе вряд ли можно указать на другое, более яркое изображение позорной и печальной участи художника, вынужденного продавать за деньги свой талант и покорно исполняющего пошлые требования заказчика.

В своей повести «Портрет» Гоголь касается и существа того реализма, которому изменил Чартков. В первой редакции повести злополучный портрет, принесший художнику Чарткову червонцы, был роковым оттого, что художник, его написавший, «дерзнул изобразить человека», которого «избрал себе жилищем антихрист». В редакции 1842 года Гоголь решительно отказался от этого романтического вымысла. Художник, создавший жуткий портрет, указывает на совершенно иную причину роковой порочности этого портрета: «Я с отвращением писал его, я не чувствовал... никакой любви к своей работе. Насильно хотел покорить себя и, бездушно заглушив все, быть верным природе». Однако из этого ничего не вышло, ибо без любви, без верности правде жизни нельзя создать подлинного искусства.

Н. В. Гоголь в своих высказываниях о литературе и искусстве не только последовательно защищает реалистическое искусство, но и раскрывает подлинный смысл этого искусства. Реализм не является формальным описанием фактов действительности. Художник-реалист не фактограф, пером или кистью регистрирующий те или иные явления жизни. Бездумная верность природе приводит только к мнимо художественным произведениям, стоящим вне искусства. Вот почему в «Портрете» старик-художник, написавший портрет ростовщика без «любви к работе», кается в этом, как в эстетическом и моральном преступлении. Он дает сыну заповедь истинного реализма: «Исследуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всем умей находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну создания. Блажен избранник, владеющий ею. Нет ему низкого предмета в природе. В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души».

В этих замечательных словах заключена суть эстетики критического реализма, никогда не пренебрегавшего «низким» в жизни и всегда умевшего наполнять каждое значительное явление действительности огромным внутренним смыслом.

Увидев картину, написанную молодым живописцем, верным жизненной правде, Чартков понял все свое падение как художника. «Видно было, как все, извлеченное из внешнего мира, художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью. И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданием и простой копией с природы».

Так сам Гоголь «пропускал» материал русской действительности через «душевный родник» горького размышления над печальной и безрадостной жизнью народа, сквозь горечь смеха и высокое «лирическое волнение» глубокой веры в прекрасное будущее русского народа.

* * *

Гоголю принадлежит статья о картине К. Брюллова «Последний день Помпеи» (1834). Она полна восторга перед искусством Брюллова: «Картина Брюллова — одно из ярких явлений 19 века. Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полулетаргическом состоянии» [1].

Все, писавшие об этой статье Гоголя, укоряли его за восторги перед Брюлловым и укоряли совершенно неверно, подходя к делу антиисторически. Картина Брюллова имела огромный успех в России. Перед художником преклонялись Пушкин и Герцен.

Восторг Гоголя перед Брюлловым не единичное, а общее явление эпохи.

В живописи XIX века Гоголь отмечает новые черты: «Заметили такие тайные явления, каких прежде никто не подозревал. Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства... Колорит, употребляемый 19 веком, показывает великий шаг в знании природы» [2].

Гоголь верно вскрывает существо картины Брюллова, утверждая, что у него «скульптура перешла в живопись». Отыскивая элементы реального у Брюллова, Н. В. Гоголь пишет: «...Во всей картине выказывается отсутствие идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и в этом-то состоит ее первое достоинство» [3].

Гоголь описывает «Гибель Помпеи», как сильную трагическую сцену с яркими эффектами освещения. «Можно сказать, что 19 век есть век эффектов. Всякий, от первого до последнего, торопится произвесть эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают, и, может быть, 19 век, по странной причуде своей, наконец, обратится ко всему безэффектному» [4]. Это «безэффектное» Гоголь через несколько лет нашел в суровой живописи Александра Иванова.

«Есть люди,— писал он,— которые уверены, что великому художнику все доступно: земля, море, человек... и моление богу, словом — все может достаться ему легко, будь только он талантливый художник, да поучись в академии». Однако «художник может изобразить только то, что́ он *почувствовал,* и о чем в голове его составилась уже полная идея; иначе картина будет мертвая, академическая картина» [5].

Это писано в 1846 году, когда сам Гоголь уже создал такие картины грозного суда над жизнью крепостной России, как «Ревизор» и «Мертвые души», — произведения, в которых он бесконечно далек и от лжеэстетики абстрактного романтического порыва и от сухих канонов мертвой академической рутины.

Для более полного понимания эстетических воззрений Гоголя необходимо обратиться и к его высказываниям по вопросам архитектуры.

В своих размышлениях об архитектуре Гоголь касается многих важнейших проблем современного ему искусства. В своей статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1831) он исходил из полного неприятия архитектуры буржуазной современности, которая, с точки зрения Гоголя, вовсе не заслуживает названия искусства:

«Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величеством рисунка или своевольной дерзостью воображения... Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратимо век архитектуры? не-

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 129. ГИХЛ. 1937.
[2] Там же, стр. 129—130.
[3] Там же, стр. 135.
[4] Там же, стр. 131.
[5] Там же, стр. 365.

ужели величие и гениальность больше не посетят нас»[1].

Это раздумье об убожестве архитектуры XIX века Гоголь сопровождает прямым негодованием против типичной казенной архитектуры русского города эпохи Аракчеева и Николая I: «Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Домы старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей. Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза. И этою архитектурою мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе! Осмелился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть здание, носившее бы на себе печать особенной, резкой архитектуры...— его бы сочли едва ли не сумасшедшим! От того новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен, и больше ничего»[2].

В повести «Портрет» Гоголь с отвращением писал: «Наш XIX век давно уже приобрел скучную физиономию банкира». Эта «физиономия» была ненавистна для Гоголя в литературе, в театре, в искусстве. Познакомившись с этой «физиономией» в Западной Европе, он неизменно отмечал ее самодовольство, пошлость и бесстыдство.

В повести «Рим» Гоголь описывает впечатление молодого итальянского князя, попавшего в Париж: «И вот он в Париже, бессвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движением, блеском улиц, беспорядком крыш, гущиной труб, безархитектурными сплоченными массами домов, облепленных тесной лоскутностью магазинов, безобразьем нагих неприслоненных боковых стен, бесчисленной смешанной толпой золотых букв, которые лезли на стены, на окна, на крыши и даже на трубы, светлой прозрачностью нижних этажей, состоявших только из одних зеркальных стекол».

Здесь Гоголь высказывает свое отвращение к безобразному облику буржуазного города с его резкими контрастами блеска и нищеты, с его теснотою и скученностью, где строительство подчинено прежде всего интересам буржуазного меркантилизма, интересам наживы.

Гоголь готов был любоваться готическим городком старой Германии или живописными кварталами старого Рима. Но как ни любовался Гоголь готикой и архитектурой Возрождения, он вовсе не желал подчинять современность эстетике прошлого. Великий реалист, тесно связанный с современностью, Гоголь задавал вопрос: «Неужели, однакоже, не возможно создание... совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий? Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота, и тайный инстинкт вкуса, — отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?»[3].

Гоголь ждет рождения новой архитектуры, которая, исходя из торжества науки и техники, не ограничится простым повторением созданных прежде архитектурных образов, но найдет и новые средства и формы, обусловленные живыми потребностями современности.

Гоголь утверждает, что «в нашем веке есть такие приобретения и такие новые, совершенно ему принадлежащие стихии, из которых бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемых зданий». Гоголь предвидит в будущем торжество новой «стихии» в архитектуре — торжество металла, железа. С этой новой мате-

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 67.
[2] Там же, стр. 73—74.
[3] Там же, стр. 88—89.

риальной базой Гоголь связывает неизбежность появления новых форм и образов архитектуры.

Отрицая буржуазный город с его безобразной архитектурой, Гоголь мечтает о новом строительстве, новой архитектуре, принадлежащих будущему.

В своей статье «Скульптура, живопись и музыка» (1831), этом романтическом стихотворении в прозе, Гоголь выделяет музыку, как искусство, по преимуществу современное, особенно нужное человеку XIX века: «Она — наша! она — принадлежность нового мира!» [1]. И в высокой степени характерно для гоголевского восприятия действительности, что в музыке он видит противоядие против буржуазного меркантилизма, против того алчного собственничества и приобретательства, которые впоследствии он с такой силой и гневом заклеймил в образе Чичикова. «О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! — восклицает Гоголь.— Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром! Пусть, при могущественном ударе смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, бесстыдство и наглость, невольно выронит слезу перед созданием таланта» [2].

В своей статье «О малороссийских песнях» (1833) он говорит о музыке, которая ничего общего не имеет с эстетикой вокального самоуслаждения, «душеугодия». По определению М. И. Глинки, это музыка и поэзия народной песни. В народной песне Гоголь видит великое искусство, исходящее из недр народной жизни. Песня освобождает человека для лучших движений сердца и воли: в ней «душа звучит, и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободнее... Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни» [3].

Это писано Гоголем в 1833 году, а через три года он с полной уверенностью высказал мысль о том, что из народной музыки должна родиться в России опера. Совершенной новизной звучало тогда утверждение Гоголя: «...Какую оперу, какую музыку можно составить из наших народных мотивов! Покажите мне народ, у которого больше было бы песен! Малороссия кипит песнями. По всей Волге влекутся, звенят бурлацкие песни. Под песни рубятся из бревен избы по всей Руси, метают из рук в руки кирпичи, и подымаются домы. Под песни работает вся Русь... У нас ли не из чего составить оперы своей?» [4].

Прошло всего полгода, и сбылось предвидение Гоголя: появилась опера Глинки «Иван Сусанин», рожденная из общения композитора с творчеством народа. «Создаем не мы,— утверждал Глинка,— создает народ, мы только записываем и аранжируем».

Познакомившись с гениальным творением Глинки, Гоголь писал: «Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк» [5].

По примеру Глинки за русской песней пошли Даргомыжский, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Римский-Корсаков, создавшие русскую национальную оперу.

Мысли Гоголя о неисчерпаемых богатствах русского народного творчества имели огромное значение для борьбы против крепостничества, против враждебного отношения царизма и помещиков к народу и его замечательному творчеству. Ведь именно Гоголь одним из первых в русской литературе широко и ярко использует в своем творчестве народные сказания, песни и легенды, смело вводит в литературу простых людей из народа.

Размышляя о другом виде музыкального искусства — о балете, —

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 13.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 115, 117.
[4] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 6, стр. 321. 10-е изд. под ред. Н. С. Тихонравова.
[5] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 5, стр. 515. 10-е изд. под ред. Н. С. Тихонравова.

Гоголь и здесь противопоставлял абстрактной музыке и стандартным сценариям придворного и буржуазного балета хореографический театр, исходящий из жизни народа. Гоголь упрекал балет своего времени в забвении того, что танец — творение народа. «Смотрите, — восклицал Гоголь, — в каком бесчисленном разнообразии являются танцы в разных углах мира. Они, так же как народ, отлились каждый в свою форму. Вот русский — плавный, напряженный и тихий танец... Вот танец западных славян вольный, необузданный... У каждого народа они тоже следствие жизни... Не может ли некоторым образом создатель балета явить это различие для некоторого определения характера действующих лиц?»

Гоголь мечтал о реалистической реформе балета; он полагал, что балет должен быть хореографической трагедией или комедией и даже «в комическом более может выразиться действие» [1].

Таким образом, эстетика Гоголя включала в себя требования реализма в такой области театра, как балет. И в этом Гоголь стоял далеко впереди своего времени.

* * *

Для всех высказываний Гоголя о театре характерно осуждение эстетики и практики буржуазной драматургии. В двух жанрах — в водевиле и мелодраме, господствовавших в театре 20—30-х годов прошлого века, — Гоголь видел особо яркое выражение порочности буржуазного искусства. Оба эти жанра, излюбленные в буржуазной Европе и усердно насаждавшиеся крепостниками в русском театре, были глубоко враждебны Гоголю с его новой эстетикой реального, с его стремлением к безэффектности, с его требованием «предмета обыкновенного», как центрального объекта внимания художников слова, звука, кисти. Буржуазная мелодрама, проникнутая духом торгашества и меркантилизма, далека была от народной жизни. Вместо жизненной правды она всегда стремилась изображать необычное и эффектное.

«Странное сделалось сюжетом нынешней драмы, — писал Гоголь в пушкинском журнале «Современник». — Все дело в том, чтобы рассказать какое-нибудь происшествие, непременно новое, непременно странное, дотоле неслыханное и невиданное: убийство, пожары, самые дикие страсти, которых нет и в помине в теперешних обществах! Как будто в наши европейские фраки переоделися сыны палящей Африки! Палачи, яды — эффект, вечный эффект, и ни одно лицо не возбуждает никакого участия!» [2].

«Эффект» — порождение романтической эстетики «ужасного» — стал, по утверждению Гоголя, принадлежностью буржуазного искусства в самом широком смысле слова. Мелодрама подменяет собою трагедию: эстетика трагического, эстетика Шекспира и Шиллера, невместима в тупое сознание буржуа; его самодовольно-мещанскому жизнечувствию совершенно чуждо трагическое; взамен он ищет эффектного, необыкновенного и находит его в мелодраме.

В буржуазном театре водевиль начинает вытеснять комедию. Буржуазный зритель уже не может вынести ни здорового реализма Мольера, ни сатирического смеха Бомарше и довольствуется суррогатом комедии — водевилем, который подменяет реальное изображение действительности условным жизнеподобием театрального происшествия, единственная цель которого — увеселение зрителя. Оба вышеназванные жанра, излюбленные буржуазией, уводят театр и актера от художественной правды и общественной задачи, без служения которой театр теряет самый смысл своего существования.

Гоголь рассматривал мелодраму и водевиль как явление упадка европейского театра. Он глубоко верил, что развитие русского театра пойдет по иному пути, по пути народности и реализма. «Слава богу, — писал Гоголь, — мы... не на закате существования, но только еще на заре

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 6, стр. 326. 10-е изд.

[2] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 5, стр. 513. 10-е изд.

его стоим мы. Еще молод наш народ и служит вечным материалом для писателя, поражая его множеством разнообразных степеней образования, — и все стихии нашего государства — стихии могущества и юности» [1].

В этом замечательном утверждении Гоголь указывает на неисчерпаемость материала для писателя, связанного с жизнью своего народа. Материал народной жизни и русской действительности — «вечный материал», и, стало быть, вечен реализм, как творческий метод, питающийся животворными соками действительности.

Только реализм может быть методом истинно народного искусства, так как он обусловлен жизнью народа, творимой им действительностью. Мелодрама и водевиль, создаваемые в отрыве от действительности, в угоду вкусам господствующих классов, — чисто театральные жанры, и их пересадка на русскую почву является, с точки зрения Гоголя, художественным пороком и общественным преступлением. «Где же жизнь наша? где мы со всеми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отражение ее видели мы в нашей мелодраме! Но лжет самым бессовестным образом наша мелодрама» [2].

По мысли Гоголя, лжет и водевиль, фальсифицируя действительность и подменяя собою общественную комедию с ее критическим отношением к действительности. «Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудаков! на сцену их, на смех всем! Смех — великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный — как связанный заяц» [3].

На это обращение к драматургам эпохи реакции мог ответить только сам Гоголь, и он ответил «Ревизором» и «Женитьбой».

Всем своим творчеством Гоголь отрицал буржуазную комедию, ее поэтику и эстетику. Скриб и другие авторы комедий 1830—1850-х годов (Лабиш, Ожье, Понсар), уходя от жизни, боясь встреч с печальной или позорной действительностью, отказались от сатирического направления в комедии, выдающимися представителями которого были в свое время на Западе Мольер и Бомарше.

Основой комедий-водевилей служат не явления действительности, а театральные происшествия, измышления в нарочитом аспекте комического. Гоголь решительно отказался от всяких поисков комического в сюжете и сценарии пьесы, в ведении интриги, в подборе соответствующих масок и амплуа (простак, бойкий слуга, смышленая служанка и т. д.).

В эстетике и поэтике комедии Гоголь провел резкую раздельную черту между комическим и смехотворным. Комическое извлекается из явлений жизни, из конфликтов действительности; смехотворное изобретается драматургом, набившим руку в мастерстве сценария, интриги, диалога. Говоря о характере комизма, Гоголь утверждал, что «комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его» [4].

Великий писатель изгонял смехотворное из творчества драматурга и из игры актера, добиваясь полного соответствия жизненной правде. «Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, — говорил Гоголь, — тем более обнаруживается смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той серьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии... Но они сами совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеется» [5].

Отказываясь от поисков комического, как театрально-условного, Гоголь сознательно изгонял из драмы и комедии любовную интригу, как

---

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 6, стр. 320. 10-е изд.

[2] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 5, стр. 513. 10-е изд.

[3] Там же, стр. 517.

[4] С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 7. М. 1890.

[5] Н. В. Гоголь. Соч. Т. IV, стр. 471.

непременную ось драматического действия. Ни Мольер, ни Бомарше, ни Фонвизин, ни Грибоедов не решались построить комедию без любовной интриги, хотя ненужность ее совершенно очевидна в таких, например, комедиях из русской действительности, как «Недоросль» Фонвизина или «Ябеда» Капниста. Верный отказу от необыкновенного, Гоголь учил, что пьеса будет только тогда действенна, если она строится на реальных, жизненных конфликтах, на драматизме повседневного и обычного. Любитель искусств в «Театральном разъезде» говорит о любовной интриге: «Уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит вглядеться пристально вокруг. Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место... Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [1].

Гоголь называет здесь такой мощный «двигатель» всевозможных конфликтов в помещичье-буржуазном обществе, как нажива и деньги. Конфликты, существующие в жизни, должны, по мысли писателя, найти правдивое отражение и в драматическом произведении. По этому принципу созданы все гоголевские пьесы.

Положение Гоголя о «завязке», взятой прямо из жизни, без обязательной любовной интриги, имело огромное значение для новой, реалистической эстетики комического, которой, по почину Гоголя, следовали Островский («Свои люди сочтемся»), Тургенев («Завтрак у предводителя»), Сухово-Кобылин («Смерть Тарелкина»), Салтыков-Щедрин («Смерть Пазухина»).

Гоголь утверждал: «...Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массою, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих. Тут всякий герой» [2].

Так именно завязаны комедии «Ревизор» (заговор чиновников против «ревизора» из Петербурга), «Женитьба» (борьба женихов за богатую невесту). Во всех пьесах Гоголя на первый план выдвигаются события и факты, глубоко волнующие читателей и зрителей.

Строя действие комедии на жизненном конфликте, Гоголь изгонял из комедии «идеальных лиц», которыми так богата была старая русская комедия (Стародум, Правдин, Милон в «Недоросле» и др.), и широко вводил в комедию важнейшее, но незримое действующее лицо — смех.

Гоголь выступал против простого описательства жизни. «Что комедия без правды и злости?» — писал он. Правдивым и в комедии и в повести для него являлось лишь такое изображение действительности, при котором реализм, правда жизни сочетались с критическим изображением ее темных сторон — со злостью сатирика. Только такой театр, в котором торжествует полнота жизненной и художественной правды, Гоголь признавал действительно нужным, эстетически оправданным и общественно ценным. Он беспощадно осуждал официальный театр и драматургию царской России, как и театр буржуазного Запада, искажавшие жизненную правду в интересах господствующих классов.

«Из театра мы сделали игрушку вроде тех побрякушек, которыми заманивают детей, позабывши, что это такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок, где, при торжественном блеске освещения, при громе музыки, при единодушном смехе, показывается знакомый, прячущийся порок и при тайном голосе всеобщего участия выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство» [3].

Гоголь был провозвестником нового театра, театра-трибуны, с которой оглашается приговор общественного суда над жизнью и с которой слышится призыв к борьбе за светлое будущее народа.

---

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. IV, стр. 114.
[2] Там же.
[3] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 5, стр. 518. 10-е изд.

* * *

В одном из писем по поводу «Мертвых душ» Гоголь писал: «...Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого» [1].

В этом замечательном признании заключена основа эстетики «Ревизора» и «Мертвых душ», как произведений не только реалистических, но и сатирических. Прекрасное у эпигонов романтизма, превратившихся в таких реакционных апологетов николаевского режима, как Кукольник, Полевой и др., не только оказалось антитезой реального, оно целиком совпадало у них с пресловутой уваровской триадой: православие, самодержавие, народность.

Все художественное творчество Гоголя было резким отрицанием этой триады, противопоставлявшей высокое и прекрасное реальному и обыкновенному. Гоголь великолепно понимал реакционный смысл эстетики, ставящей искусство над жизнью и изгоняющей из сферы творческого внимания художника все так называемые «низкие» явления действительности. В одном из своих писем Гоголь резко нападал на тех, кто требует «чтобы автор попотчевал его чем-нибудь *примиряющим с жизнью* (как говорится). Безделица! как будто можно *выдумать* это примиряющее с жизнью. Поверь, что какое ни выпусти художественное произведение, оно не возымеет теперь влияния, если нет в нем именно тех вопросов, около которых ворочается нынешнее общество и если в нем не выставлены те люди, которые нам нужны теперь и в нынешнее время» [2].

Великий русский писатель отмечал, что искусство, «примиряющее с жизнью» — с русской действительностью 1830—1840-х годов,— можно только «выдумать», как выдумывают его официозные лжеромантики типа Кукольника. Эстетика «примирения с жизнью» в глазах Гоголя — порочная эстетика. Собственная гоголевская эстетика, эстетика «Петербургских повестей», «Ревизора» и «Мертвых душ»,—не примиряющая, а, наоборот, борющаяся с жизнью, в которой правящим классом являются собакевичи и ноздревы, чья власть над русским народом поддерживается городничими и держимордами.

«В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал... и за одним разом посмеяться над всем» [3]. Вот художественно - творческая задача, разительно противоположная задаче примирения с действительностью, успокоения в мнимо «высоком», в абстрактно «прекрасном», той задаче, которую ставила перед художниками буржуазная и феодально-дворянская эстетика.

«Ревизор», полностью соответствующий эстетике непримиримости с позорной действительностью, произвел, по признанию самого Гоголя, потрясающее действие. В «Мертвых душах» Гоголем так же смело собрано «все дурное в России». Из творческих заметок писателя, сделанных во время работы над «Мертвыми душами», ярко выступает его эстетика гнева, направленного против самодержавно-крепостнического произвола, господствовавшего в России.

Еще в 1838 году Гоголь писал из Рима, что ему нужно вернуться в Россию и пожить в Петербурге, как в средоточии империи Николая I:

«Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой гневное расположение мое начинает уже ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: только рассердившись, говорится правда» [4]. А два года спустя Гоголь писал оттуда же Погодину: «Ну, хорошо, что я еду в Россию: у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору,

---

[1] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 321.

[2] Н. В. Гоголь. Письма. Под ред. В. И. Шенрока. Т. 3, стр. 447. СПБ. 1901.

[3] Н. В. Гоголь. Соч. Т. 4, стр. 249. 10-е изд. под ред. Н. С. Тихонравова.

[4] Н. В. Гоголь. Письма. Т. 1, стр. 544.

против того-сего, всякого рода родных плевел»[1].

Могучий гражданский пафос «Мертвых душ», их грозная сатирическая сила полностью исходят из реалистической эстетики, ставящей творческую задачу борьбы со «всем дурным в России». «Первая часть («Мертвых душ».— *С. Д.*),— писал Гоголь, — несмотря на все свои несовершенства, главное дело сделала: она поселила во всех отвращение от моих героев и от их ничтожности; она разнесла некоторую мне нужную тоску и собственное наше неудовольствие на самих нас»[2].

Глубочайшая убежденность Гоголя в том, что эстетика жизненной правды и критической мысли есть единственная эстетика, достойная писателя, относящегося к своему творчеству, как к служению своему народу, внушила Гоголю знаменитое начало седьмой главы «Мертвых душ» — о двух писателях с двумя различными взглядами на задачи искусства. Один писатель проходит «мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью». Он извлекает «из великого омута ежедневно вращающихся образов... одни немногие исключения». Эстетика этого писателя не может быть эстетикой реализма; он застилает жизнь легким туманом увлекательного вымысла: «он окурил упоительным куревом людские очи». Гоголь беспощадно разоблачает эстетику «упоительного курева», как эстетику обмана: «он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни». Эстетике красивого обмана великий писатель противопоставляет суровую и правдивую эстетику писателя-гражданина, писателя-борца за человечность в человеке, который дерзает «вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами, и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров», и «крепкою силою неумолимого резца» выставить эти «повседневные характеры», эту тину и муть действительности «выпукло и ярко на всенародные очи»[3].

Таким писателем был сам Гоголь, автор бессмертных творений «Ревизора» и «Мертвых душ», замечательный художник критического реализма.

Огромное общественное значение произведений Гоголя, утверждавших принципы метода критического реализма, с особой силой подчеркивал Н. Г. Чернышевский. Он указывал на предшественников Гоголя в этом направлении, в особенности на Пушкина и Грибоедова. «И однако же, — писал Чернышевский, — несмотря на высокие достоинства и огромный успех комедии Грибоедова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического — или, как справедливее будет назвать его, критического направления»[4].

Это суждение о характере творчества Гоголя, об основах его творческой эстетики приобретает особую ценность и значительность оттого, что оно исходит от автора диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», открывшего своим гениальным трудом новые горизонты для развития реалистической эстетики, выросшей на основе обобщения всего богатейшего опыта великой русской литературы и в первую очередь творчества Гоголя.

Гоголь пережил немало перемен в своих воззрениях, он сделал немало серьезных ошибок. Но как художник—и там, где он оставался художником,— он, по существу, был всегда верен эстетике реального. Вот почему Чернышевский, утверждавший, что «прекрасное есть жизнь», писал при первом появлении в печати отрывков из второго тома «Мертвых душ»: «...Программою художника остается, как видим, прежняя программа «Ревизора» и первого тома «Мертвых душ». Да, Гоголь-художник оставался всегда верен своему призванию, как бы ни должны мы были судить о переменах, происшедших с ним в

[1] Н. В. Гоголь. Письма. Т. 2, стр. 83.
[2] Н. В. Гоголь. Соч. Т. VI, стр. 317.
[3] Н. В Гоголь. Соч. Т. V, стр. 153—154. ГИХЛ. 1937.
[4] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. 3, стр. 18.

других отношениях. И действительно, каковы бы ни были его ошибки, когда он говорит о предметах для него новых,— но нельзя не признаться, перечитывая уцелевшие главы второго тома «Мертвых душ», что едва он переходит в близко знакомые ему сферы отношений, которые изображал в первом томе «Мертвых душ», как талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней своей силе и свежести. В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда-либо давал нам Гоголь, которые приводят в восторг своим художественным достоинством, и, что еще важнее, правдивостью и силою благородного негодования» [1].

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. 3, стр. 13.

Реалистические основы эстетики Гоголя столь прочны, что их не могли пошатнуть, как видно из утверждения Чернышевского, его ошибки и колебания. Великий революционер-демократ считает нужным особенно подчеркнуть, что Гоголь-реалист не расстается с эстетикой гнева, которая сделала его грозным судьей старой, крепостнической России. Правдивость и сила благородного негодования против язв и пороков этой действительности характерны для всего творчества Гоголя, они были органической частью его творческого гения и неотторжимою частью его эстетических воззрений.

В творчестве Гоголя и в его размышлениях об искусстве заключены ценнейшие мысли, обогатившие русскую эстетическую науку и творчество многих русских писателей и художников.

Художественное наследие Леонардо да Винчи

В. С. КЕМЕНОВ

Все передовое человечество отмечает 500-летие со дня рождения великого художника, разностороннего ученого и философа Леонардо да Винчи, одного из самых гениальных представителей культуры, искусства и науки эпохи Возрождения, огромное прогрессивное и революционное значение которой состояло в решительной и многообразной борьбе против средневековья. Борьба против феодализма и его духовного оплота — католической церкви — началась в Италии, в которой феодализм был сломлен уже в XIII веке. Рост ремесла и торговли, рост городов, как крупных культурных центров, ускорил разложение натурального хозяйства. Экономическую основу эпохи Возрождения составляли освобождение крестьян от крепостной зависимости и расцвет мелкого производства, в котором ремесленник владеет средствами своего труда. Такое положение не могло длиться долго, оно было временной, переходной формой. «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования» [1].

Эта экономическая основа эпохи Возрождения имела переходный характер между феодализмом и капитализмом, и ее нельзя считать капиталистическим строем. «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию»,— писал Маркс и отмечал, что там, где она наступает, «значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города» [2].

Для того, чтобы могли выдвинуться в сравнительно короткий срок и в таком большом количестве многосторонне талантливые деятели Возрождения, блиставшие сразу в нескольких областях науки, литературы, искусства, необходимы были исторически определенные предпосылки в характере трудовой деятельности населения тогдашних итальянских городов-государств, такие предпосылки, при которых разделение труда ещё не препятствовало бы развитию склонностей и способностей людей. В то время в средневековых городах внутри ремесленных цехов не было еще проведено типичное для капиталистического производства разделение труда между отдельными рабочими. Маркс писал: «Каждый рабочий должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что можно было сделать при помощи его инструментов; ничтожность сношений и вся связь отдельных городов, недостаток населения и ограниченность потребности мешали дальнейшему разделению труда; поэтому каждый, желавший стать ма-

[1] К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 251. 8-е изд.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 784.

стером, должен был владеть всеми тайнами своего ремесла. Поэтому, у средневековых ремесленников наблюдается еще известный интерес к их специальной работе и к искусству труда, который мог подниматься до степени некоторого ограниченного художественного вкуса»[1]. Эти слова К. Маркса проливают яркий свет на понимание народной основы культуры Возрождения и указывают на предпосылки расцвета искусства в эту эпоху.

В условиях капиталистического производства разрыв между умственным и физическим трудом приводит к тому, что в деятельности рабочего подавляются все его духовные потенции, все его многосторонние склонности. «Вместе с разделением труда,— пишет Энгельс,— делится на части и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет и разделение труда». Энгельс отмечает далее, что уже мануфактура превращает человека в какого-то урода и подавляет в нем целый мир «производительных задатков и дарований»[2]. Маркс подчеркивает, что «капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия»[3], и уже поэтому оно не может быть причиной, обусловившей расцвет искусства в эпоху Ренессанса.

Но и господство мануфактурного способа производства, этой начальной стадии капиталистического развития, как указывает Маркс, возникает позднее — приблизительно с половины XVI до последней трети XVIII века. А эпохой Возрождения, начинающейся со второй половины XV века, были только заложены основы «для перехода ремесла в мануфактуру»[4]. Это необходимо подчеркнуть, так как одна из распространенных ошибок вульгаризаторов, повторяющих антиисторические буржуазные взгляды, состоит в том, что творчество Леонардо они хотят так или иначе сблизить с капиталистическим способом производства, связать с развитием мануфактуры, объясняя все трудности в его творческом пути и все разочарования в его надеждах только одной причиной — наступлением феодальной реакции в Италии в конце XV — начале XVI века.

Такое объяснение односторонне и потому неверно характеризует Леонардо: оно смазывает вопрос об его отрицательном отношении к возникавшим буржуазным тенденциям и фактически превращает Леонардо в дюжинного идеолога буржуазии. При этом смешивают объективный результат, последовавший за деятельностью Леонардо и других титанов Возрождения, которых Энгельс называет людьми, основавшими современное господство буржуазии, с их субъективными целями и стремлениями.

Леонардо да Винчи, как гуманист, верил в возможность всестороннего развития человека, в полное освобождение его от всех пут, мешающих становлению гармонически развитой личности. «В действительности же дело происходило, конечно, таким образом, что люди освобождались всякий раз постольку, поскольку это предписывалось и дозволялось им — не их идеалом человека, а существующими производительными силами»[5],— отмечает Маркс.

Нельзя игнорировать глубокое историческое своеобразие эпохи Возрождения, о которой писал Энгельс: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. I, стр. 235—236. 1930. (Разрядка моя.— *В. К.*)

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 276. 1950.

[3] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. I, стр. 247. М.-Л. 1931.

[4] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 3. 1950.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 419.

для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики» [1].

Деятели культуры Возрождения полны были веры во всемогущество человеческого разума, перед усилиями которого должны открыться все тайны природы. Для них человек сам был ее частью; они считали, что органы чувств человека способны доставлять и доставляют ему верные сведения, к которым надо относиться с гораздо большим вниманием, чем к текстам богословских трактатов, в дебрях которых блуждали средневековые схоласты и монахи-проповедники. Леонардо о себе говорил, что, отдаваясь неугасимой жажде знания, он мечтал постичь происхождение многочисленных созданий природы. И действительно, своей неутомимой многогранной деятельностью Леонардо охватывает самые различные стороны природы: устройство вселенной, историю земли, геологию, ботанику, мир животных, математику, оптику, механику, физику, а также все относящееся к жизни и деятельности человека: его анатомию, разные области его практической и теоретической деятельности, архитектуру, лингвистику, поэзию, музыку, живопись, скульптуру, эстетику и т. д. В своих исследованиях Леонардо исходил из материалистических взглядов, рассматривая мир и все многообразие его предметов как творение природы, имеющей «собственный разум», свои законы. Живописец, по его мнению, является «толмачем между природой и искусством» [2]. И если у Леонардо наряду с восхищением красотой природы встречается упоминание о «перводвигателе», или боге, то лишь как о великом изобретателе [3] и художнике, он никогда не принимает бога в расчет в объяснении конкретных явлений природы.

Все мироздание для Леонардо — это грандиозная книга, которая «написана на языке математики». Так как в то время точными науками были математика и механика, то научное объяснение мира у Леонардо опиралось прежде всего на эти науки. Но хотя Леонардо и утверждал, что никакой достоверности нет там, где нельзя применить ни одной из математических наук, и что письменами мироздания являются геометрические фигуры, материализм Леонардо еще не имел того узко-механического, метафизического характера, который он приобрел впоследствии у Гоббса и некоторых философов XVII века. У последних физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению, все качественное многообразие и красочность мироздания сводятся к взаимодействию абстрактных механических сил и абстрактных количеств, и их материализм, по определению Маркса, становится враждебным человеку.

Материализм Леонардо да Винчи не лишает мир красочности и качественного многообразия. Напротив, исследуя природу, как ученый, он в то же время, как художник, восхищается пропорциями, гармонией и разнообразием форм и предметов природы. В этом отношении к материализму Леонардо может быть применена характеристика, данная Марксом материализму Бэкона, в котором, как указывал Маркс, «в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку» [4].

Поэтому, хотя Леонардо признавал значение математических наук для живописи, он видел также и ее преимущество над ними: «...Если геометрия сводит всякую поверхность, окруженную линией, к фигуре квад-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 4.

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 88. Изогиз. 1934.

[3] См. там же, стр. 104.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 157.

рата и каждое тело к фигуре куба, а арифметика делает то же самое... то обе эти науки распространяются только на изучение прерывных и непрерывных количеств, но не трудятся над качеством, красотой творений природы и украшением мира»[1].

Леонардо твердо был убежден в объективности существования природы и ее свойств независимо от человека. «Можем ли мы сказать, что свойства трав, камней и деревьев не существуют потому, что люди не знают о них? Конечно, нет»[2]. Леонардо отстаивал материализм и выступал против агностицизма, заявляя: «...Мы знаем, что люди могут правильно судить о творениях природы»[3]. «Все наше познание начинается с ощущений»[4]. Леонардо высмеивал религиозные идеи. «И если мы сомневаемся в достоверности всего, что проходит через чувства, то насколько больше должны мы сомневаться в том, что восстает против этих чувств, как например, в сущности бога и души и тому подобном... Истинная же наука — это та, которую опыт заставил проникнуть через чувство и... которая не питает сновидениями своих исследователей...»[5]. Леонардо нанес сокрушительные удары библейской легенде о всемирном потопе. «Здесь естественные причины отсутствуют, потому необходимо для разрешения таких сомнений призвать на помощь чудо»[6],— иронизирует Леонардо, называя «сектой невежд» тех, кто хочет все объяснять «небесными явлениями». Он высмеивал также предсказания всех хиромантов и гадателей, заявляя, что «подобные химеры не имеют научных оснований»[7].

Для Леонардо характерна тесней-

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 67.
[2] Там же, стр. 82.
[3] Там же, стр. 103.
[4] Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Т. I, стр. 51. 1935.
[5] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 81. Л. Ольшки без всякого права пытается эти явно иронические суждения Леонардо, направленные против идеализма и религии, объявить... агностицизмом!
[6] Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Т. I, стр. 245.
[7] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 164.

шая связь его теоретических исследований с практикой, с опытом, с экспериментом. Знание — дочь опыта, утверждал Леонардо. «Не доверяйте тем писателям, которые пытаются истолковать природу при помощи только своего воображения... — писал он. — Избегайте советов тех мыслителей... которые не подтверждают своих рассуждений опытом. Знания, не рожденные опытом, матерью всякой достоверности, бесплодны и полны ошибок. Я желаю сперва установить факт, а затем уже доказать при содействии разума, почему этот факт такого, а не иного характера. Это и является тем правильным методом, которым надлежит руководствоваться всякому исследователю явлений природы». Эти взгляды Леонардо делают его родоначальником развития точных наук в новое время, предшественником Бэкона и Галилея.

Высмеивая слепое преклонение перед авторитетами древнегреческих и римских авторов, Леонардо писал: «Кто спорит, ссылаясь на авторитет, тот применяет не свой ум, а скорее память»[8]. Гораздо лучше «ссылаться на опыт, наставника их наставников»[9].

Отмечая неразрывную связь теории с практикой, Леонардо подчеркивает: «Наука — капитан, а практика — солдаты». Он пишет: «Кто увлекается практикой, пренебрегая теорией, походит на мореплавателя, который пускается в путь без руля и компаса: он никогда не знает, куда плывет... Избегай тех научных занятий, результаты которых умирают вместе с их авторами. Под каждым принципом запиши его применение, чтобы знание не осталось бесплодным».

Это правило Леонардо говорит о его глубоком убеждении в том, что наука должна служить человечеству, что ученый, открывая законы природы, должен передать свои знания другим.

«Та наука полезнее, плод которой наиболее поддается сообщению»[10].

Философские и эстетические взгля-

[8] Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Т. I, стр. 49.
[9] Там же, стр. 46.
[10] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 61.

ды Леонардо направлены не только против средневековой церковной схоластики, но и против нового идеализма — Гемиста Плетона и его преемника по «платоновской академии» Марсилио Фичино и других представителей консервативного течения в итальянском гуманизме, насаждавших мистику Плотина и александрийской философии.

Глубоко реалистическим является убеждение Леонардо в том, что искусство и наука — лишь два разных способа познания жизни человека. Для Леонардо живопись — единственная подражательница всем видимым творениям природы, «тонкое изобретение, которое с философским и тонким размышлением рассматривает все качества форм: моря, местности, деревья, животных, травы и цветы... И поистине, живопись — наука и законная дочь природы, ибо она порождена природой; но, чтобы выразиться правильнее, мы скажем: внучка природы, так как все видимые вещи были порождены природой и от этих вещей родилась живопись» [1].

В многочисленных рассуждениях Леонардо подчеркивает преимущества живописи: она «в состоянии сообщить свои конечные результаты всем поколениям вселенной». «Живопись является философией», разница лишь в том, что живопись «распространяется на поверхности, цвета и фигуры всех предметов, созданных природой, а философия проникает внутрь этих тел, рассматривая в них их собственные свойства». Но, по мнению Леонардо, и философ не может достичь того, что живописец, «самостоятельно обнимающий первую истину этих тел, так как глаз меньше ошибается [чем разум]» [2].

Наконец, живопись имеет и то весьма важное, с точки зрения Леонардо, преимущество, что она своими поверхностями «указывает скульптору совершенство его статуй», своим рисунком «учит архитектора... учит и изобретателей различных ваз и ювелиров, ткачей, вышивальщиков». Это «божество науки живописи», пишет Леонардо, научило изображению геометрию, оно учит перспективистов, а также машиностроителей и инженеров [3].

Из этих и многих других рассуждений видно, что для Леонардо живопись особенно ценна своей силой наглядного изображения всех явлений, предметов, живых существ природы и человеческой жизни. Она ценна тем, что помогает сообщить добытые знания всем людям и даже всем поколениям вселенной. Она вооружает все другие науки и искусства рисунками и чертежами, которые помогают познавать законы природы. Она учит практиков, как лучше выполнить разные постройки, машины, сооружения и т. д. Она удовлетворяет эстетические потребности человека, запечатлевая качество предметов, их красоту и гармонию мира, сохраняя ее надолго в картинах, «и глаз, поскольку это его дело, получает подлинное наслаждение от этой написанной красоты, как если бы это была живая красота» [4].

Взгляды Леонардо на живопись помогают нам понять ту огромную роль, которую она играла в развитии других искусств и наук эпохи Возрождения. Основная, исходная точка зрения Леонардо на живопись, как на средство познания объективного мира во всем его многообразии, определяла требование реализма в искусстве и в эстетике. Это требование обязывало художника к основательному научному познанию природы, постижению ее закономерностей, как непременному условию правдивого воссоздания ее предметов в картинах и рисунках.

В лице Леонардо да Винчи объединились художник и ученый, и это дало огромные положительные результаты как в его научной, так и в художественной деятельности. Так, например, он требовал от художника знания анатомии человека, строения его костей, сухожилий, мускулов, нервов и т. д. и для этой цели сам занимался анатомированием трупов.

Знание мускулов человеческого тела, рук, лица является в руках

[1] Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Т. II, стр. 57. 1935.

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 63.

[3] См. там же, стр. 73.

[4] Там же, стр. 72.

Леонардо средством для яркой, образной характеристики психологического состояния его персонажей. При этом Леонардо был непримиримым врагом всякого шаблона, схематизма и однообразия в изображении человеческих состояний. «Ведь во время плача брови и рот изменяются при различных причинах плача, так как одни плачут от гнева, другие от страха, одни от нежности и радости, другие от предчувствия, одни от боли и мучения, другие от жалости и горя... при этих плачах один обнаруживает отчаяние, другой не слишком опечален, одни только слезливы, другие кричат... и так дальше, в зависимости от вышеназванных причин» [1]. Блестящий пример многообразия конкретных характеристик мы находим в жестах, движениях рук и в выражениях лиц апостолов в «Тайной вечере». И здесь Леонардо-ученый и Леонардо-художник помогали друг другу.

Эта особенность гения Леонардо, отражающая особенности культуры Возрождения, была встречена враждебно буржуазной наукой и искусствознанием, исходившими из желания узаконить уродливую односторонность позднейшей буржуазной цивилизации, с ее отрывом науки от практики, с ее гипертрофированием рассудочности или эмоциональности, как извечно враждебных начал, с ее проповедью «неизбежности» антагонизма между наукой и искусством.

Так, Л. Ольшки упрекал Леонардо в том, что «цель его исследования диктуется практикой», в том, что мысль Леонардо якобы «неспособна к обобщению», так как «направление ее указывается ей его концепцией искусства и науки как средства познания». Ольшки считает, что «эмоциональное и интеллектуальное воззрения на природу взаимно исключают друг друга» и что у Леонардо и Бэкона такое сочетание приводит «к гибридным помесям магии и науки, фантазии и исследования» [2]. Противоположную позицию занял выдающийся русский ученый А. Столетов, который видел огромное достоинство Леонардо да Винчи в том, что в его деятельности соединялись наука и искусство. «Думаю, что в смысле качества творений ученый не повредил художнику» [3],— писал Столетов.

В противоположность буржуазным идеологам, «осуждающим» цельность и многосторонность гения Леонардо, советский народ высоко ценит в Леонардо гармоническое сочетание теоретика и практика, ученого-аналитика и замечательного художника. Такое сочетание в одном человеке разных способностей может быть по достоинству оценено именно советскими людьми, построившими новое, социалистическое общество, в котором уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом и созданы условия для полноценного развития человеческой личности.

Леонардо был не только великим живописцем, но и блестящим теоретиком искусства, автором «Трактата о живописи». В своем «Трактате» Леонардо обобщил как свой личный опыт, так и огромнейший опыт итальянского реалистического искусства XV века, достигшего к тому времени огромных успехов в преодолении средневековых готических традиций, в которых условные, скованные формы часто сопровождались декоративностью и натурализмом. Леонардо в своей практической деятельности художника и в своих теоретических выводах обосновал и подготовил дальнейший расцвет итальянского искусства начала XVI века, искусства Джорджоне, Тициана, Веронезе, Тинторетто и других замечательных художников-колористов Ренессанса.

И до Леонардо итальянские художники, уже начиная с Джотто, работали в направлении, обусловленном общим характером ренессансной культуры, преодолевая сухость, условность и религиозный схематизм византийской иконописи, стремясь подражать природе, насыщать религиозные сюжеты заказываемых им картин светским, земным содержа-

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 186—187.

[2] Л. Ольшки. История научной литературы на новых языках. Т. I, стр. 194, 11. М.-Л. 1933.

[3] А. Г. Столетов. Собрание сочинений. Т. II, стр. 367.

нием, типами и характерами людей, наблюдаемыми в реальной жизни. Кватроченто дает ряд выдающихся произведений реалистического искусства, подготовивших почву для Леонардо. Однако даже в лучших из этих произведений еще можно найти те или иные черты, связывающие их с предшествующим периодом, так как большинство художников, стремившихся своим талантом и наблюдательностью реалистически воспроизвести явления природы, не знали еще ее законов, не знали того, что может дать изучение этих законов для уяснения законов искусства, для выработки правил реалистического изображения природы.

«Так вот в это-то время,— пишет Гете,— явился Леонардо, и так как он, по врожденной любви к искусству, легко подражал природе, то глубокий ум его скоро указал ему, что под внешними явлениями, копирование которых ему так удавалось, скрываются еще многие другие тайны, к разрешению которых он должен стремиться неустанно. И вот он стал доискиваться законов органического устройства и основы соразмерностей, заботиться о правилах перспективы, о расположении фигур и предметов и их освещении и колорите на данном пространстве; словом, он старался проникнуть умом во все требования искусства» [1].

* * *

Родной город Леонардо — Флоренция — был той почвой, на которой вырос и развился его гений. Флоренция того времени была наиболее передовым в промышленном отношении городом Италии, она славилась выделкой сукон, стекла. Демократические традиции здесь были сильнее, чем, например, в Риме или Венеции. Эти особенности накладывали отпечаток и на искусство. Маркс, критикуя Штирнера, писал: «Санчо воображает, будто Рафаэль создал свои картины независимо от существовавшего в Риме в его эпоху разделения труда. Если бы он сравнил Рафаэля с Леонардо да Винчи и Тицианом, то увидел бы, насколько художественные произведения первого зависели от тогдашнего расцвета Рима, происшедшего под флорентинским влиянием, произведения Леонардо — от обстановки Флоренции, а Тициана — от совершенно иного развития Венеции» [2]. Флоренция считалась городом-республикой, хотя фактически власть принадлежала в ней Козьме и Лоренцо Медичи, вокруг которых группировались писатели, ученые и художники Возрождения.

Мастерская Верроккио была центром, куда съезжались наиболее талантливые художники — живописцы и скульпторы Флоренции. В этой атмосфере, способствовавшей развитию многосторонних дарований, формировался талант Леонардо. В мастерской Верроккио Леонардо занимался скульптурой, рисованием, составлял архитектурные чертежи, а также рисунки мельниц, сукновальных машин, канала на реке Арно, соединяющего Флоренцию с Пизой, горных тоннелей, кранов, винтов и т. д. Одновременно Леонардо продолжал совершенствоваться, как живописец.

К 70-м годам относится картина «Благовещение», в которой Леонардо, преодолевая рамки религиозного сюжета, достиг большой человечности в трактовке персонажей, что видно и на замечательном этюде женской головы (Уффици). В картине также с большой поэтичностью изображен пейзаж: лужайка с превосходно написанными цветами и травой и темные силуэты кипарисов на светлом предвечернем фоне неба.

Сочетание изображения человека и «очеловеченной» природы мы видим и в портрете Джиневры Бенчи. Кисти Леонардо приписывают часто и прекрасный профильный портрет молодой женщины с жемчужной сеткой на голове [3]. Луврский портрет неизвестной дамы с повязкой свиде-

[1] Гете. Соч. Т. 8, стр. 365. СПБ. 1879.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 379—380.

[3] Портрет этот, хранящийся в Амброзиане, в Милане, примыкает к традиции профильных портретов Ренессанса Доменико Венециано, Гирландайо, Пьеро делла Франческа, Роберти Эрколе, Пизанелло и других, но значительно превосходит их по тонкости реалистической характеристики и по совершенству выполнения.

тельствует о дальнейших успехах Леонардо в изображении светотени и воздушной дымки, которые не только моделируют формы человеческого лица, но и оживляют и характеризуют его. Портрет так называемой Цецилии Галлерани — поясное изображение сидящей молодой женщины с белым зверьком (горностаем) на руках — один из лучших портретов Леонардо; он передает чистоту и ясность леонардовского гуманизма и порождает у зрителя ощущение спокойствия и гармонии, которые характерны для большинства произведений Леонардо 70—80-х годов.

В конце 70-х годов Леонардо пишет «Мадонну с цветком» (Эрмитаж, Ленинград). В этой превосходной картине Леонардо полностью освобождается от какого бы то ни было влияния религиозного сюжета. Картина, написанная в теплой золотистой гамме, отличается глубоким реализмом и поэзией. Леонардо изобразил молодую мать с ребенком на коленях. Мать улыбается, глядя, как сын, играя, обрывает лепестки у цветка. Леонардо избрал моделью для этой картины совсем юную девушку (в Италии того времени женщины выходили замуж очень рано). Изображенная на картине Мадонна — это еще подросток, почти девочка, которая недавно играла в куклы, а сейчас с наивной радостью и увлечением играет со своим младенцем. «Мадонна с цветком» — сравнительно ранняя вещь Леонардо; в ней изобразительные средства еще не вполне совершенны, художник владеет ими еще не столь виртуозно, как в более поздних работах, но здесь зато необычайно ярко выражены безоблачность и безмятежный оптимизм, как лейтмотив леонардовского гуманизма в первый период его творчества.

«Мадонна Литта» — образ прекрасной молодой матери, кормящей грудью ребенка,— написана в 80-е годы. Изобразительные средства Леонардо достигли здесь высокого совершенства. Он безукоризненно артистичен в композиции, рисунке и в светотени. В содержании леонардовского гуманизма появляются новые нотки, порожденные наблюдениями и раздумьем художника над окружающей его действительностью и мыслями о судьбах человеческой личности. К гуманизму Леонардо, который был выражен в «Мадонне с цветком» в детски непосредственном, наивно-радостном виде, здесь уже примешиваются нотки задумчивости и грусти, которые сопровождают чувства чистой материнской любви и нежности.

В произведении «Мадонна Литта» нет ни малейшего признака религиозности. Мадонной она является лишь в том смысле, что Леонардо со всей проникновенностью своего таланта изобразил не рядовое проявление чувства материнской любви, а возвышенное, идеальное представление о ней, создав обобщенный образ изумительной красоты.

К голове «Мадонны Литты» есть хороший рисунок, сделанный Леонардо с натуры (Лувр, Париж). Сравнение этого рисунка с картиной наглядно показывает, в каком направлении перерабатывал Леонардо этот этюд: он выпрямил и сделал тоньше нос, приподнял и округлил линию бровей и сделал ряд других изменений, которые придали облику молодой женщины черты совершенной красоты и приблизили ее к типу идеала, но вместе с тем сохранили всю жизненную прелесть и теплоту чувств живого человека.

Одна из замечательнейших картин Леонардо, «Мадонна в скалах», имеется в двух вариантах [1]. Одна из этих картин находится в парижском Лувре, другая — в Лондонской Национальной галерее.

Лондонская «Мадонна» была написана позже и закончена, вероятно,

---

[1] Идет спор, какая из этих картин принадлежит кисти Леонардо. Одни считают, что подлинником является луврская «Мадонна», а лондонская — это копия, написанная учеником Леонардо Лоренцо Мельци (Фолль). Другие признают подлинной лондонскую картину, а луврский экземпляр считают произведением неизвестного миланского ученика Леонардо (Мюллер Вальде). Картины эти отличаются одна от другой трактовкой и манерой исполнения: луврская «Мадонна» ближе к кватроченто, она резче и жестче, в ней меньше обобщающей типизации; лондонская, напротив, написана гораздо мягче и обобщеннее, по правилам зрелого Ренессанса. Это дало основание Фоллю признать за Леонардо да Винчи луврскую картину, поскольку, по его мнению, Леонардо и в самых зрелых своих произве-

до 1508 года. Она является выдающимся произведением зрелого Ренессанса, где полностью отсутствуют кватрочентистские элементы луврского варианта. Леонардо наполняет религиозный сюжет картины таким человеческим содержанием, дает ему такую жизненно-правдивую, реалистическую трактовку, что полностью преодолевает его церковный характер. Композиция изображает группу из четырех фигур, сидящих на земле в скалистом гроте: Мария обняла правой рукой маленького Иоанна и простерла левую руку над головой сына, рядом с которым коленопреклоненная фигура ангела.

Отказавшись от всякой декоративной многоцветности и выбрав небольшое число красок, Леонардо добился удивительной тонкости в усилении и ослаблении оттенков каждого цвета светотенью и рефлексами соседних цветов. В этой картине в рефлексах живого тела, одежды и ландшафта Леонардо в совершенстве воплотил некоторые важные теоретические положения, сформулированные им в «Трактате о живописи»: «Поверхность каждого непрозрачного тела причастна цвету противостоящего ему предмета, и тем больше, чем этот предмет к ней ближе, и тем меньше, чем этот предмет дальше...» [1]. Благодаря этому Леонардо достигает удивительной гармонии цветовых сочетаний, как средства раскрытия содержания произведения.

Центральным образом картины является Мария; ее лицу Леонардо придал выражение духовной чистоты и прелести чувства материнства. Это насквозь земное, человеческое чувство материнской любви, но приподнятое и как бы очищенное от сутолоки повседневных забот.

Благодаря совершенному освещению в «Мадонне в скалах» Леонардо великолепно передает красоту и нежность изображаемых лиц. Знаменитое леонардовское «сфуматто» выполнено здесь так мастерски, что даже при рассмотрении поверхности холста вплотную невозможно уловить линию контура, который превращается в объемную форму, дышащую излучаемым теплом.

Леонардо требовал от художника: «[Добейся того], чтобы твои тени и света были объединены, без черты или края, как дым» [2]. В «Мадонне в скалах» он наглядно показал, какое это имеет значение для художника, желающего передать одухотворенность и жизненность человеческих лиц. Незаметная мягкость перехода освещенных мест в затененные и наоборот настолько тонка и неуловима («как дым»), что именно эта неуловимость лишает лица застылости. Зрителю кажется, что на изображенных в картине лицах непрерывно совершается переход света в тень и тени в свет, скользящих по объемам и формам частей лица, как это бывает в жизни, на живых человеческих лицах, лишенных неподвижности и постоянно меняющихся в оттенках.

Картина «Мадонна в скалах» производит поразительное впечатление спокойствия и гармонии. Однако в ней есть уже новые элементы по сравнению с более ранними работами Леонардо да Винчи, свидетельствующие о некоторых сдвигах в его мировоззрении. В отличие от многих мадонн, написанных итальянскими художниками, и в том числе от «Благовещения» самого Леонардо, в которых фоном была уютная, спокойная, мирно обжитая природа, здесь художник избрал местом действия скалистый грот и внес в пейзаж фона нотки суровости: нагромождение

дениях, «в сущности, оставался последовательным художником позднего кватроченто», с чем, конечно, нельзя согласиться. Указанное различие между картинами действительно есть, но Фолль не учел разницы во времени написания этих картин. Как показал советский историк искусства Д. В. Айналов, проанализировавший вновь найденные документы, Леонардо был автором обеих картин. «...Дело с заказом картины мадонны Леонардо продолжалось от 25 апреля 1483 по 23 октября 1508 года, т. е. 25 лет и 6 месяцев. В жизни и деятельности художника это такой период времени, который допускает огромное развитие и изменение его манеры и стиля» (Д. В. Айналов. Этюды о Леонардо да Винчи, стр. 133. Л.-М. 1939.) Айналов считает, что в написании лондонской картины участвовал ученик Леонардо Амброджо де Предис.

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 127.

[2] Там же. стр. 102.

острых темных скал, дикий, пустынный ландшафт; в растительности грота наряду с цветами встречаются и голые прутья высохшего кустарника. Передний план картины образует какой-то обрыв, на краю которого сидит Мария с детьми, что также акцентирует элемент беспокойства. Здесь уже нет той идиллической природной среды, которая столь часто встречается на картинах кватроченто. В лондонском варианте еще более подчеркнуто, что грот служит местом укрытия, убежищем [1].

Гармоническая ясность существует и в этой картине, но она скорее видна в отношениях внутри группы людей, образующих замкнутый круг композиции, чем в отношениях между группой и природой. Внешний мир, данный в этом пейзаже, если еще и не враждебен открыто человеку, то, во всяком случае, обнаруживает наличие острых, жестких углов, обрывов и обломов, что порождает контраст между ним и мягкой нежностью хрупких детских тел и делает как бы более обоснованным чуть печальный взгляд, устремленный Марией на детей. Леонардо прекрасно передал очарование, кротость, любовь и в то же время тихую задумчивость, грусть, которыми овеяно ее лицо.

Создавая рассмотренные нами произведения, поражающие своим художественным совершенством и возвышенной красотой, Леонардо вовсе не был созерцательным, близоруким мечтателем-идеалистом, каким его часто изображают буржуазные искусствоведы, оглупляя великого художника и утверждая, будто бы он видел в Возрождении только устремленность к идеалу и закрывал глаза на теневые стороны действительности. Тогда бы и это его устремление выродилось в бездушное украшательство. Нет. Леонардо был на всем протяжении своего творчества художником-реалистом (конечно, надо рассматривать исторически реализм XV — начала XVI века).

Леонардо был реалистом, когда стремился всеми силами своей чуткой художественной натуры к воплощению в искусстве красоты и гармонии природы и ее высшего создания — человека, он верил в объективное существование законов красоты и открывал их своим пытливым умом ученого, художника, теоретика искусства. Но Леонардо видел и знал, что в жизни наряду с утонченностью и нежностью действуют грубая сила и жестокость, наряду с расцветом наук и талантливыми учеными в ней существуют и бездарные педанты и шарлатаны, что, кроме красоты, в ней есть много уродства и безобразия. И Леонардо фиксировал обе эти стороны современной ему действительности в своих картинах и рисунках.

В замечательных женских портретах и рисунках 70—80-х годов Леонардо запечатлел целую галерею прекрасных человеческих образов, поражающих гармоническим единством физической и духовной красоты, возвышенностью и чистотой человеческих чувств, совершенством пропорций и движений. Леонардо считал, что живопись обладает властью и могуществом изображать «все, что существует во вселенной как сущность, как явление, или как воображаемое». Он писал: «Если живописец пожелает увидеть прекрасные вещи, внушающие ему любовь, то в его власти породить их, а если он пожелает увидеть уродливые вещи, которые устрашают, или шутовские и смешные, или поистине жалкие, то и над ними он властелин и бог» [2].

Великий художник создает ряд рисунков, которые по праву делают его родоначальником искусства карикатуры. Так, например, хранящийся в Виндзоре рисунок воспроизводит отвратительный облик старухи-модницы с обезьяноподобным лицом, в платье с огромным декольте и в нелепом головном уборе. Другой виндзорский рисунок пером — пародия на диспут, изображающая беседующих мужчин. Один из них орет что-то, закинув голову назад, никого не слушая; другой, в тоге мудреца, увенчанный дубовым венком, —

[1] Здесь скалы доведены до самого верха картины, образуя пещеру, тогда как в луврском, более раннем варианте над скалами оставлено голубое небо.

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 64.

упрямый тупица; третий, с падающими до плеч длинными волосами и выпяченной нижней губой, — самодовольный наглец; четвертый — кретин с заискивающей улыбкой. Аналогичный рисунок трех мужских профилей хранится в Венеции. Это чванливо надутые глупцы — «мужи науки», один из которых также увенчан венком. Все это типы бездарностей, начетчиков и схоластов, как средневековых, так и новых, «гуманистических» талмудистов, которых было немало во времена Леонардо и которых высмеял Рабле. Хранящийся в Вене рисунок головы пожилого мужчины изобличает такие пороки изображенного, как алчность, эгоизм, сластолюбие и злость.

Таким образом, Леонардо, будучи убежденным реалистом и рассматривая искусство как могучее средство изучения и познания жизни, стремился охватить ее во всех противоречиях, но до «Тайной вечери» эти две линии в его творчестве существовали как бы рядом, параллельно, не вступая во взаимодействие или даже в соприкосновение друг с другом в какой-нибудь из его картин. В «Тайной вечере» уродливое, антигуманистическое, отрицательное начало в образе Иуды впервые включается в большую многофигурную композицию, построенную по строжайшим законам гармонии и красоты, и взрывает этот мир этически-положительных образов апостольского братства, которое оказывается нарушенным злодеянием предательства. Сила драматического столкновения, глубина психологической характеристики, совершенство композиции и пластической выразительности делают леонардовскую «Тайную вечерю» одним из самых великих произведений мирового искусства. Эта фреска, написанная Леонардо в трапезной миланского монастыря, над созданием которой автор работал с 1495 по 1497 год, в настоящее время почти полностью разрушилась, так как Леонардо писал ее на стене масляными красками, которые стали бледнеть и осыпаться под влиянием проникшей в стену сырости. Фреска пострадала и от вторжения наполеоновских войск, устроивших в помещении трапезной конюшню и жегших там костры. Во время второй мировой войны американская бомба разрушила перекрытия трапезной, засыпала и накренила чудом уцелевшую стену с остатками фрески Леонардо.

Сюжет «Тайной вечери» весьма распространен в итальянской живописи, его неоднократно изображали другие художники и до Леонардо: Андреа дель Кастаньо, Гирландайо и др., которые, как это неоднократно отмечалось, помещали Иуду отдельно, по ту сторону стола, чтобы выделить его и чтобы «не оскорблять» соседством с ним апостолов и Христа. Леонардо решительно порывает с этой традицией. В создании фрески им руководило не чувство религиозного пиэтета, а глубочайший реализм. Характерно, что в записной книжке Леонардо найдено описание проекта композиции, в котором Леонардо даже не употребляет слова «апостол», не называет ни одного из них по имени, а Христа называет «говорящий оратор». Для леонардовского реалистического метода было весьма важно, о чем говорит изображаемый им оратор. Леонардо пишет: «Если ты хочешь изобразить одного, говорящего среди многих, то позаботься обдумать тему, на которую он должен рассуждать, и приспособить в нем все жесты, относящиеся к этой теме»[1].

В отличие от своих предшественников, которые разрабатывали композицию «Тайной вечери» в виде торжественного размещения неподвижных фигур апостолов, ведущих между собой спокойную беседу, Леонардо и здесь поступает как смелый новатор. Он избирает для своей фрески другой момент, когда мирная тишина апостольского ужина была нарушена только что прозвучавшими словами говорящего оратора: «Один из вас предаст меня» — и когда каждый из участников, потрясенный этими словами, по-своему реагировал на услышанное движениями, жестами, взглядами и мимикой. Все образы написаны с исключительным реализмом, в карти-

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 185.

не нет ни одного статиста, ни одной фигуры, облик, движения и жесты которой были бы вызваны декоративными соображениями, желанием «уравновесить» части композиции и т. д. Здесь все внутренне оправдано и вместе с тем сохранены ясность и гармоническое равновесие классической композиции искусства зрелого Ренессанса. В центре стола, за которым расположились ученики, на строгой вертикальной оси картины фигура их учителя. Справа и слева от него по две группы апостолов, в каждой из которых по три фигуры. Некоторые оживленно говорят друг с другом, другие смотрят на оратора, третьи, вскочив с мест, горячо убеждают в своей невинности и т. д.

В своем «Трактате» Леонардо требовал реализма в изображении лиц, которые слушают говорящего, «и прежде всего, чтобы [люди], окружающие событие, ради которого и изображается этот исторический сюжет, были заняты этим событием, и движениями показывали бы удивление, почтение, горе, подозрение, страх, радость или [же то], чего требует то событие, ради которого расставились или же сбежались твои фигуры» [1].

В «Тайной вечере» Леонардо достиг исключительной выразительности в изображении психологии действующих лиц, мастерски раскрыв характер, возраст, темперамент, движение и состояние каждого человека и с предельным совершенством выполнив требование, которое сам же сформулировал в «Трактате»: «Делай фигуры с такими жестами, которые достаточно показывали бы то, что творится в душе фигуры, иначе твое искусство не будет достойно похвалы» [2]. Гете особенно восхищался движением рук в «Тайной вечере», которое, по его мнению, мог изобрести только итальянец, так как у итальянцев все тело одинаково одушевлено и участвует в каждом выражении чувства, страсти и даже самой мысли.

Понятно то огромное впечатление, которое фреска Леонардо производила на его современников, побуждая их видеть в участниках «Тайной вечери» не отвлеченные фигуры церковно-христианского предания, а своих соотечественников. Анализ фрески показывает, что Леонардо сознательно применил некоторые приемы, направленные к этой цели. Особенно надо отметить замечательно решенную связь фрески с архитектурой помещения. Чтобы усилить эту связь, Леонардо изобразил помещение трапезной в виде глубокой четырехугольной ниши, строя по строгим правилам перспективы изображение стен, карнизов, потолочных балок, что вызвало восхищение Сурикова, писавшего, что у Леонардо да Винчи в «Тайной вечере» «нарисованный потолок залы, где сцена происходит, совсем проваливается в настоящую стену» [3].

Решив так превосходно архитектурную часть фрески, Леонардо пишет на ее задней стене три проема, в которые виден пейзаж местности. Освещение фигур и предметов на фреске построено в полном соответствии с реальным источником света в помещении самой трапезной, что еще более объединяло фреску с внутренней архитектурой комнаты. Благодаря этим приемам написанные на стене пространство и фигуры как бы включались в повседневную действительную трапезу обитателей миланского монастыря. Гете оставил следующее ценное описание: «Несколько лет тому назад, во время нашего первого путешествия по Италии, мы видали эту трапезу еще в том виде, в каком она была при Леонардо. Прямо против входа, у узкого простенка, в глубине залы, стоял стол приора; по обе его стороны — столы монахов, расположенные на невысоком уступе; когда же входивший оборачивался, то ему представлялся на четвертой стене, над небольшой дверью, четвертый нарисованный стол, а за ним — Христос с своими учениками, как бы принадлежавшими к монашествующей братье» [4].

Реальные столы, расставленные в

---

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 162.

[2] Там же, стр. 165.

[3] В. И. Суриков. Письма, стр. 72. М.-Л. 1948.

[4] Гете. Соч. Т. 8, стр. 367.

трапезной буквой «П», замыкались столом, нарисованным Леонардо на стене, и образовывался замкнутый четырехугольник, что в часы завтраков, обедов и ужинов, когда помещение наполнялось людьми, сидящими за столами, по словам Гете, представляло величественное зрелище. Чтобы еще более усилить это впечатление, Леонардо изобразил на своей фреске точно такой же стол, какие были у монахов монастыря. То же относится и к скатерти с завязанными концами и узорной каймой — типичным изделием перуджинских ремесленников XIV века, которая, по словам Гете, была также взята из монастырской кладовой. Блюда, тарелки, кубки и остальная посуда была срисована с той, которая употреблялась монахами. Такими решительными и сильными приемами добивался Леонардо максимального сближения события, изображенного на фреске, с повседневным бытом современной ему Италии.

Какую цель преследовал этим Леонардо? Он не мог не знать, что так композиционно решенная фреска будет в течение многих лет и по меньшей мере три раза в день напоминать всем посетителям трапезной об акте предательства, совершаемом на их глазах одним из участников, сидящим с ними за общим столом. При таком замысле особую важность приобретал вопрос о местоположении Иуды в композиции фрески. Очевидно, для Леонардо не годился прием его предшественников, помещавших Иуду с другой стороны стола, чтобы тем самым его лучше выделить. Для Леонардо, глубокого реалиста и вдумчивого наблюдателя современной ему действительности со всеми ее контрастами и противоречиями, вопрос состоял не в том, как композиционно выделить Иуду (хотя он испробовал в своих набросках и такое решение), а, наоборот, в том, как сделать его менее заметным с первого взгляда. Леонардо понимал, что именно к этому должен был стремиться предатель, чтобы себя не выдать.

Раскрывая со всей проницательностью психологию Иуды, Леонардо помещает его в соседстве с Христом, в ближайшей к нему группе справа, куда входят Петр, верховный апостол, и Иоанн, любимый ученик Христа. «В таком помещении Иуды, — пишет Айналов, — выразилось новое понимание этого характера. Иуда был человеком близким к Христу, у них была общая денежная касса («бе бо имущи ковчежец»), и он мог знать все, стоя так близко к учителю» [1].

Несомненно, что материал для создания образа Иуды давала Леонардо современная ему итальянская действительность. Отсюда такое глубокое проникновение художника в психологию Иуды. Застигнутый врасплох словами учителя, боясь, что его предательство сейчас раскроют, испуганный тем, как реагируют остальные ученики, Иуда откинулся назад и, глядя на Иисуса, в то же время напряженно прислушивается к словам Петра, который за его спиной горячо шепчет что-то на ухо Иоанну. Левая рука Иуды повторяет аналогичное движение правой руки Иисуса, а правая судорожно сжимает кошелек с золотом. И в этом проявлении испуга, настороженности, раздвоенного внимания и алчности раскрывает Леонардо характер Иуды.

Эскизы головы Иуды на рисунках помогают восстановить направление творческой мысли Леонардо. Здесь та заостренность крючковатого носа, сходящегося с подбородком, чуть выпяченная кривая нижняя губа, низкий покатый лоб — черты, которые были подготовлены серией гротескных рисунков и карикатур Леонардо и должны были выражать единство физического и морального уродства. Однако на фреске Иуда не утрированный, а реалистический образ. По сведениям биографов, Леонардо долго не мог найти подходящей модели для Иуды и с этой целью в течение года ежедневно ходил по грязным переулкам Боргетто, где жили разные преступники, пока ему удалось создать законченный образ человека, чье имя стало синонимом предательства. Характерно, что образ Христа

---

[1] Д. В. Айналов. Этюды о Леонардо да Винчи, стр. 100.

так и остался незаконченным, и это не особенно беспокоило Леонардо.

Изображение кошелька с золотом, зажатого в руке Иуды, — это настоящая художественная находка, которую Леонардо первый применил для характеристики образа Иуды. Она ярко раскрывает мотивы предательства Иуды и придает фреске глубоко реалистический смысл.

Так, благодаря силе реализма Леонардо да Винчи удалось преодолеть церковно-догматические традиции средневековья и воплотить в живых образах «Тайной вечери» эту бессмертную легенду—легенду об Иуде.

Благородная борьба Леонардо против продажности и предательства выходит далеко за пределы его эпохи и делает великого гуманиста близким нашему времени, близким борьбе прогрессивного человечества против потерявших остатки человеческой морали современных иуд, которые продают за американские доллары национальные интересы, свободу и независимость своих стран, торгуют миллионами человеческих жизней в угоду поджигателям новой войны. Эта связь идей Леонардо с нашей современностью еще более ясно видна, если сопоставить произведение Леонардо с его мыслями о деньгах, о золоте, выраженными им в Атлантическом кодексе, где он золото уподобляет чудовищному зверю, который заставляет все народы мира в изнурительном труде служить себе.

Свои мысли Леонардо излагает в виде пророчества: «Из мрака и недр земли выйдет нечто, что повергнет весь род человеческий в огромные бедствия, опасности и смерть. Многим, которые после больших трудов найдут золото, оно даст удовольствия, но те, кто будут его лишены, умрут в страданиях и несчастьях. Оно внушит бесконечные предательства, оно толкнет других людей на убийства, кражи и вероломства, оно посеет подозрение к своим соучастникам, оно отнимет власть у свободных городов, оно отнимет жизнь у многих; оно будет терзать людей в их занятиях обманами и изменами...

О чудовищная стихия! Насколько было бы лучше для человечества, если бы ты вернулась в преисподнюю...» [1].

Великий мыслитель Возрождения, наделенный наблюдательностью и глубиной мысли, не мог не задуматься над тем, какие губительные последствия порождает сила золота, денег, как эта сила подрывает мораль, извращает мысли и чувства, разрушает общественные и личные связи, сводит на нет демократические завоевания свободных городов и грозит гибелью всем тем человеческим ценностям, которые создала эпоха Возрождения в борьбе против душного мрака средневековья и которые еще недавно представлялись лучшим людям Ренессанса доказательством того, что в современной жизни можно осуществить их гуманистические идеалы, утвердить гармонию и красоту.

Леонардо непрерывно был свидетелем того, как пробудившаяся в его современниках жажда золота, погоня за обогащением толкали их на путь лжи, измены, предательства и кровавых преступлений. В ряде мест своего «Трактата о живописи» Леонардо подчеркивает, что погоня за наживой, стремление к деньгам портит художника и губит искусство.

Как гуманист, Леонардо осуждает тлетворное влияние денег, «ибо деньги почитают ради них самих, а не ради того, кто ими обладает: последний всегда становится магнитом зависти и денежным ящиком воров, и знаменитость богача исчезает вместе с его жизнью; остается знаменитым сокровище, а не собиратель сокровища; куда много больше слава доблести смертных, чем слава их сокровищ. Сколько ушло императоров и сколько князей и не осталось о них никакого воспоминания! А они добивались государств и богатств только для того, чтобы оставить славу о себе» [2].

В этом рассуждении нетрудно видеть горькую истину, высказанную Леонардо не только по отношению к

---

[1] «Codice Atlantico de l'Ambrosienne à Milan». 1891. 362 v. Цит. по «Textes choisis de Leonardo de Vinci». Paris. MCMVII, p. 67—68.

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 99.

деньгам, но и по отношению к хищным стяжателям и жадным к наслаждениям тиранам итальянских городов-государств, герцогам и князьям католической церкви, ко всем этим Медичи, Сфорца, Борджиа, которые «добивались государств и богатств» и пускались на все преступления ради денег, чтобы с их помощью удовлетворять свое чревоугодие и сладострастие, «гнусные желания тела». Осуждая роль золота, этого, по выражению Шекспира, «дьявола» и «вселенской блудницы», которое толкает людей на убийства и кровопролитные войны, в жертву которому приносятся судьбы целых народов, Леонардо с горечью восклицает: «О, ничтожество человека! Чьим бы ты только не стал рабом ради денег!»

Эти высказывания характеризуют взгляды Леонардо на возникавшие буржуазные отношения его времени. В эпоху раннего феодализма с его замкнутым натуральным хозяйством для денег почти не было места. С развитием ремесла и обмена, ростом товарного хозяйства и городов роль денег очень возросла, во многом ускорив крах феодализма и подготовку эпохи Возрождения. Энгельс писал, что «у жителей городов было могучее оружие против феодализма — *деньги*» [1].

Однако эта прогрессивная роль денег в борьбе против феодализма вскоре обнаружила и свою оборотную сторону, чего не могли не заметить лучшие умы эпохи Ренессанса, и в том числе Леонардо да Винчи, которых, как и Шекспира, растущая власть и сила денег заставляла усомниться в возможности осуществить их идеалы о гармонической, прекрасной, всесторонне развитой человеческой личности. Все больше задумываются такие гении, как Леонардо, о судьбах замечательных достижений культуры и искусства, о судьбах гуманизма, понимая, что им угрожает опасность не только со стороны сил еще живучего прошлого — феодальной реакции, которая к концу XV и началу XVI века очень усилилась, — но и со стороны сил и тенденций будущего, которое неизбежно вело вместе с развитием буржуазных отношений к обнаружению новых противоречий, так же гибельных для кратковременного расцвета гуманизма.

И если в нынешней реакционной буржуазной литературе об искусстве Ренессанса и о Леонардо главная тенденция фальсификаторов состоит в том, чтобы отрицать принципиально новое качество ренессансной культуры и рассматривать ее как мистицизм средневековья, то в буржуазной литературе конца XIX — начала XX века наблюдается стремление превратить титанов эпохи Возрождения в убежденных идеологов капитализма и всячески смазать и замолчать их отрицательное отношение к возникавшим противоречиям нового формирующегося буржуазного общества.

В марте 1503 года Леонардо вернулся во Флоренцию и по заказу синьории сделал картон для картины в большой зал совета флорентийского палаццо. Картина, как сообщает биограф Леонардо, должна была изображать «битву флорентийцев при Ангиари в тот момент, когда они бросаются на Пиччинино, капитана миланского герцога Филиппа» [2]. Леонардо приступил к росписи стены, но из-за отъезда в Милан не закончил ее. Картон для другой картины в той же синьории на тему «Битва при Кашине» писал Микельанджело. В буржуазной литературе о Леонардо обычно проводится сравнение этих двух картонов, причем утверждается, будто бы трактовка Леонардо, показавшего жестокую схватку, была недостаточно «патриотичной», а картон Микельанджело больше взывал к гражданским чувствам флорентийцев и что Леонардо «проиграл» в этом соревновании. Такая трактовка нам представляется неверной как по отношению к замыслу Леонардо, так

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 441.

[2] Краткая биография Леонардо да Винчи, написанная неизвестным автором («Аноним») после смерти Леонардо. Об этом произведении упоминает и другой автор XVI века, биограф Леонардо Паоло Джовио. Картон не сохранился, но до нас дошли несколько набросков, гравюра и зарисовки с центральной части картона. Одна из них предположительно выполнена Рубенсом или художником его школы.

и по отношению к изображенному им событию.

Для того чтобы правильно оценить «Битву при Ангиари», надо вспомнить, что собой представляла эта битва. В XV столетии Италия не являлась единым национальным государством. Она была раздроблена на отдельные княжества и города-республики, враждовавшие между собой. В течение всего средневековья, пишет Энгельс, «каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века» [1].

Однако осуществление этого прогресса наталкивалось на сопротивление Ватикана, всячески срывавшего и тормозившего развитие самостоятельных национальных государств. Энгельс пишет: «...Интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь... Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию» [2].

В Италии, вступавшей на путь буржуазного развития и покончившей с феодализмом ранее, чем это сделали другие европейские страны, были созданы предпосылки и для образования единого национального государства. Но эта тенденция не осуществилась в Италии во времена Возрождения, и одной из важнейших причин этого была антинациональная, своекорыстная политика римско-католической церкви и интриги папства, стремившегося сохранить свою власть как в Италии, так и в других странах священной Римской империи. Политика, проводимая с этой целью в Италии римской церковью, характеризуется непрерывной сетью интриг и натравливаний одних городов-республик или княжеств на другие, созданием всевозможных военных блоков и союзов, в различных комбинациях и сочетаниях, которые постоянно менялись, широким применением наемных войск и вовлечением в эту борьбу внутриитальянских сил иностранных государств: Испании, Франции, Германии, Швейцарии.

В междоусобных войнах отдельные итальянские города-республики не отстаивали общенациональных интересов, а преследовали только свои, местные цели, оплачивая услуги призываемых на помощь иностранных государств частью захваченной добычи или уступкой завоеванных у своих противников итальянских городов и земель.

В особенности широко торговали интересами Италии римские папы. Маркс, характеризуя появление на папском престоле Джованни Медичи под именем Льва X (1513—1522), пишет: «При нем: *раскол церкви*, а *свобода и национальность Италии* [Лев был человек Возрождения!] *были проданы Испании*» [3].

Леонардо не мог, конечно, не видеть истинного положения вещей в Италии, раздираемой междоусобицами. Было бы несправедливо упрекать Леонардо да Винчи в том, что он работал то во Флоренции, то в Милане. Для Леонардо и тот и другой город были очагами расцвета складывающейся итальянской культуры Ренессанса, были разделенными, но тяготеющими к национальному объединению частями Италии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, получив от флорентийской синьории заказ написать историческую картину на тему борьбы между флорентийскими и миланскими войсками, Леонардо отнесся к этому заданию иначе, чем его заказчики. Наблюдая за непрерывными междоусобными войнами и вооруженными стычками, истощавшими Италию и мешавшими ее национальному объединению, Леонардо приходил к выводу о жестокой бессмыслице таких сражений. Этот свой взгляд Леонардо выразил в картине, изображающей битву при Ангиари. Был ли прав Леонардо, так трактуя сюжет, предложенный ему флорентийскими

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 444.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 295—296.

[3] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VII, стр. 121. 1940.

властями, или, может быть, битва при Ангиари была патриотическим, прогрессивным актом и Леонардо оказался пацифистом?

Миланский герцог Филиппо Мария вел в течение нескольких лет войну с флорентийцами, венецианцами и папой. Начальником миланских войск был кондотьер Пиччинино. Миланский герцог послал Пиччинино в Тоскану, чтобы помочь врагам рода Медичи снова захватить власть во Флоренции, но затем, сам теснимый неприятелем, вызвал его обратно. Пиччинино при отходе решил неожиданно напасть на флорентийцев при Ангиари. Но флорентийцы, нанявшие около 10 тысяч закованных в латы всадников, соединившись с папскими войсками, нанесли поражение Пиччинино (июнь 1440 г.). «Лишь немногие из наемников Пиччинино пали на поле брани,— записывает Маркс в своих конспектах по истории, — но все его войско рассеялось». Пленные миланцы заплатили выкуп и были отпущены командирами флорентийских наемников, которые отказались также от дальнейшего преследования войск Пиччинино, рассчитывая, что и с ними поступят так же в том случае, когда они понесут поражение. «Не кровопролитными были эти турниры кондотьеров!»[1] — заключает Маркс. Битва при Ангиари была, таким образом, одной из многочисленных в Италии междоусобных схваток одной армии наемников против другой армии наемников, турниром кондотьеров, людей, сделавших из войны пожизненное ремесло и продававших свое военное умение тому городу или герцогу, который больше заплатит. Леонардо во всех подробностях наблюдал таких кондотьеров в современной ему Италии и никак не мог принять за патриотизм истинные побудительные мотивы их военных предприятий.

На замечательном лондонском рисунке «Рыцарь в латах» Леонардо с беспощадной правдивостью изобразил такого кондотьера — жестокого воина с чеканным профилем, свирепым блеском глаз, в шлеме с острым забралом и колючими крыльями. Такие же доспехи и шлем мы видим на рисунке «Битвы при Ангиари».

Понятно, что сама по себе эта битва, ее цель и характер, ее участники не могли вдохновить Леонардо на произведение, специально прославляющее доблесть флорентийцев (так же, как и миланцев). Но зато этот сюжет давал возможность Леонардо, прожившему свою жизнь во Флоренции и в Милане, показать всю бесцельность такой войны между флорентийцами и миланцами, всю ее бессмысленную жестокость. И Леонардо с потрясающей силой изображает не турнир, а яростную схватку, причем изображает так, что нельзя понять, кто из сражающихся миланец, а кто флорентиец. И это не противоречит замыслу Леонардо, тем более, что кондотьеры нередко меняли своих хозяев. В «Трактате», рассуждая об изображении битв, Леонардо писал, что в них «по необходимости случаются бесконечные искривления и изгибания участников такого раздора, или, лучше сказать, зверского безумства»[2]. Там же Леонардо дал подробное литературное описание, «как следует изображать битву»[3], многие образы которой он воплотил в картоне «Битва при Ангиари», где схватка миланских наемников с флорентийскими трактована именно как выражение зверского безумства.

Четыре всадника, с яростью схватившиеся в борьбе за знамя, сплелись в один сплошной клубок извивающихся тел. В фигурах людей и лошадей видны бесконечные искривления и изгибания, вызванные жестокой борьбой за знамя, которое нападающие хотят вырвать из рук знаменосца. Двое рубятся с остервенением, острые клинки их сабель мелькают в воздухе, двое ухватились за древко и тянут его в разные стороны. Под ногами коней также идет сражение: один воин закрылся щитом, другой прижал к земле голову своего противника и сейчас нанесет ему послед-

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI, стр. 293. 1939. (Разрядка моя.— *В.К.)*

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 130. (Разрядка моя.— *В. К.)*

[3] См. там же, стр. 122—123 и 154—155.

ний удар. Даже лошади принимают участие в сражении: они бьют копытами и грызут друг друга.

В «Битве при Ангиари» Леонардо сделал новый, огромный шаг вперед, оставив далеко позади других художников Возрождения, писавших картины на батальные темы. Фрески в Ареццо Пьеро делла Франческа, изображающие битву против Хосрова или победу Константина, носят спокойный, торжественный характер, а битва при Сан-Романо, написанная Паоло Учелло, скорее похожа на красивый турнир. Леонардо в картине «Битва при Ангиари» раскрывает со всей силой и суровостью подлинного реализма войну как бедствие, причиняющее людям тяжелые увечья, страдания и смерть. Но Леонардо не пацифист. Он осуждает бессмысленный характер жестокой войны, предпринятой ради наживы ее организаторов. В этом великий художник близок нам сегодня, близок нашей борьбе за мир, против поджигателей новой войны, несущей огромные барыши ее организаторам и огромные бедствия народам.

Около 1503 года во Флоренции Леонардо начал портрет Моны Лизы Джоконды, над которым он работал несколько лет и который стал прославленным произведением в истории мирового искусства. На портрете изображена слегка улыбающаяся молодая женщина, сидящая в кресле на фоне гористого пейзажа. Творческий гений Леонардо, вступивший в полосу полного расцвета, достиг в этом портрете своей высшей точки. Это произведение, по словам Вазари, дает возможность всякому «видеть, до какой степени искусство может подражать природе» [1].

Не только реалистическое совершенство исполнения приковывает внимание зрителей к этому портрету, но и самое содержание человеческого образа, созданного Леонардо. «Джоконда» — это не только портрет Моны Лизы Герардини, жены богатого флорентийца Франческо Джоконда, это философски обобщенный образ человека Ренессанса.

В раскрытии этой проблемы есть несколько сторон. Одна из них: человек и природа. Обобщенный характер образа «Джоконды» определил столь же обобщенный характер и пейзажа на этой картине. И красноватые скалы, которые кажутся вдали голубыми, и подернутая рябью вода, и вьющаяся дорога, и каменный виадук даны также «вообще». Это не столько конкретное изображение какой-либо определенной местности, сколько выражение излюбленного ренессансного взгляда на природу, как на «царство человека».

И словно для того, чтобы не отвлекать внимания зрителя от главного, в этой картине в отличие от других женских образов Леонардо нет ни драгоценных камней, ни бус, ни аграфов, ни причудливых рукавов с прорезями и бантами, ни искусно уложенных или заплетенных в косы волос. «Джоконда» изображена с подчеркнутой простотой, в полном соответствии с ренессансным взглядом: «Человек — часть природы». Голая шея, мягкие волосы, разделенные на пробор и свободно падающие на плечи. Темное платье с широким вырезом, едва прошитым золотой ниткой, дано также обобщенно. «...Следует избегать насколько можно больше костюмов своего века» [2],— писал Леонардо. На ней нет никаких украшений; они здесь и не нужны, так как она сама украшает и пейзаж, окутывающий голубой дымкой ее лицо, и темнозеленую ткань платья, которая тонкими складками струится по ее телу и рукам, выявляя их красивые формы и совершенные пропорции. Слитность человеческой фигуры с пейзажем, подчеркнутая ритмом линий и общностью красочной гаммы, достигла в «Джоконде» высшего выражения гармонического единства человека и природы. В этом смысле здесь нет того противопоставления нежной хрупкости человека и суровой жесткости окружающей природы, какое было в «Мадонне в скалах».

Казалось бы, что «Джоконда» должна дать наиболее полное впечатление гармонии и цельности,

[1] Джорджо Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. II, стр. 106. М.-Л. 1933.

[2] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 235.

должна еще более, чем другие женские образы Леонардо, пробудить в зрителе чувство полной удовлетворенности и спокойствия, которые так свойственны картинам этого художника. Но, несмотря на органически свободное положение фигуры «Джоконды», ее внешнее спокойствие и слитность с природой, образ «Джоконды» вызывает у зрителя не спокойствие, а, напротив, возбуждение мыслей и чувств и порождает потребность еще и еще рассматривать этот образ, понять его и разобраться в нем.

Человек, по взглядам Леонардо, не только часть природы, но и ее наиболее чудесное произведение, ее вершина и венец. Человек кажется ему удивительным произведением искусства; Леонардо сравнивает его с превосходной архитектурой, в которой обитает душа, и добавляет, что, когда душа покидает тело, ее жалобы и горе имеют для этого все основания.

Леонардо, как и другие передовые мыслители Возрождения, считал, что красоте человеческого тела должна соответствовать красота души, понимая под этим словом характер человека, мир его мыслей и чувств. Поэтому в «Джоконде» проблема прекрасной человеческой индивидуальности решается как выражение гармонии физического и духовного начал. Леонардо удалось создать образ, полный глубокой одухотворенности, в котором физическая красота как бы освещается изнутри духовной жизнью, движением мыслей и чувств человека.

Как бы ни относиться к образу «Джоконды», несомненно с первого же взгляда, что Леонардо привлекла не только гармоничность и пропорциональность ее лица и фигуры, но и ее глубокий ум, который светится во взгляде, тонкость ее чувств. Материал для создания такого образа могла дать художнику не одна только Мона Лиза, но знание других выдающихся по своей образованности, по своему духовному развитию женщин Ренессанса. Образ «Джоконды» мог быть создан только в эпоху Ренессанса, но не в средние века и не в классической Греции, так как античное искусство в своем стремлении к гармонической личности имело дело с менее развитой индивидуальностью.

Леонардо говорил о произведении искусства, что выраженные в нем «движения должны быть вестниками движений души того, кто их производит» [1], имея в виду не только резкие движения фигуры, но и еле уловимые сокращения мускулов лица, которые изменяют «передвижение света в разных направлениях». Живописец выразит это движение форм своей кистью и «сделает это так, что они покажутся ожившими благодаря светотени, создательнице выражения на лицах» [2]. Леонардо создал в «Джоконде» именно такое лицо, которое кажется оживших.

Раскрытие обобщенного образа человека Ренессанса требовало не только рассмотрения вопросов о природе и человеке, о единстве физического и духовного в гармонической личности, но и рассмотрения самого мира духовной жизни человека. Первое, что бросается в глаза, — это сложность духовного мира «Джоконды» по сравнению с прежними женскими образами, созданными Леонардо. При сопоставлении с «Джокондой» все другие портреты Леонардо кажутся написанными с гораздо более простых и даже несколько наивных женщин. Как бы высоко ни оценивать эти образы, «Джоконда» не является простым продолжением их, а представляет собою новый шаг в творчестве Леонардо. Это не просто портрет, как, например, Цецилии Галлерани, или женщины с повязкой, или Джиневры Бенчи, хотя и в этих портретах имеется момент обобщения. Это и не изображение женской фигуры с некоторой примесью идеализации, которая есть в леонардовских мадоннах, хотя и в них Леонардо идеализировал не религиозность, а чувство материнской любви. В «Джоконде» нет той однозначности чувства, которая встречалась в других работах Леонардо.

В «Джоконде» Леонардо показывает интенсивную внутреннюю жизнь мыслей и чувств, интеллекта и эмоций. При этом благодаря тончайшей

---

[1] Леонардо да Винчи. Книга о живописи, стр. 96.

[2] Там же, стр. 298.

игре светотени на лице Джоконды ее мысли и чувства как бы скользят по ее лицу, даны во внутренней связи, во взаимных переходах. Леонардо достиг того, что характеристика ее духовной жизни воспринимается как непрерывный изменчивый процесс. Такими же изменчивыми кажутся ее взгляд и улыбка, в них схвачен момент перехода от мягкой благосклонности к легкой насмешливости.

За улыбкой и взглядом «Джоконды» чувствуется духовная жизнь, гораздо более сложная, многогранная и противоречивая, чем это выражено в ее лице, которое оставляет впечатление чего-то недосказанного, какой-то «тайны», которую столько лет пытаются разгадать зрители «Джоконды».

Здесь необходимо остановиться на вопросе об отношении этой картины Леонардо к зрителю. Обычно в произведениях живописи человеческие образы создаются художником в качестве объектов для зрителей. Зрители могут наблюдать их взаимоотношения друг с другом, судить об их характерах, проникать в их мысли и чувства. В «Джоконде» Леонардо опрокидывает это устоявшееся и привычное соотношение между образом живописи и зрителем [1]. Ему удалось в этой картине почти невероятное: он придал лицу и взгляду «Джоконды» такое выражение, что кажется, будто бы она сама рассматривает зрителя, сама хочет проникнуть в его мысли и чувства, понять его характер.

Во многих картинах, портретах и рисунках Леонардо персонажи смотрят либо в сторону (профильные портреты, Цецилия Галлерани) либо друг на друга (мадонны, Анна с Марией). Чаще же всего его образы смотрят вниз, глаза их опущены, веки прикрыты, на губах играет легкая, еле заметная улыбка. После того как зритель привык на картинах Леонардо видеть лица с опущенными веками, совершенно неожиданный и сильный эффект производят глаза «Джоконды»: они устремлены прямо на зрителя. Леонардо учел расстояние, с которого будут смотреть на «Джоконду», и сделал это расстояние точным фокусным расстоянием взгляда самой «Джоконды», т. е. поместил зрителя в фокусе ее взгляда; тем самым содержание образа «Джоконды» обращено непосредственно к зрителю. И это не случайно, так как содержание «Джоконды» раскрывается не во взаимоотношении ее с другими фигурами — их на картине нет, — а именно во взаимоотношении со зрителем.

Поэтому зритель картины часто с беспокойством ощущает, что будто сама «Джоконда» рассматривает его из окружения своего пейзажа умным, проницательным взглядом, с мягкой, чуть заметной улыбкой. И чем больше зритель стремится преодолеть или не замечать этот взгляд, превратить «Джоконду» в привычный пассивный объект, чтобы начать рассуждать об ее характере и состоянии, тем меньше это ему удается, так как устремленный с картины на него взгляд «Джоконды» постоянно и настойчиво возвращает мысль зрителя к нему самому. Он, зритель, и является той другой фигурой, не написанной Леонардо на картине, но включенной в ее замысел, с которой взаимодействует образ «Джоконды».

Поступив так, Леонардо тем самым проблему познания обобщенного образа ренессансного человека переводит в проблему самопознания зрителя. Он как бы предлагает зрителю составить мнение о содержании образа «Джоконды», исходя не только из того, как решены в картине основные вопросы ренессансной эстетики о соотношении природы и человека, о красоте пропорций и о гармонии физического и духовного начал, а также из того, какое взаимодействие существует между всесторонне развитым, гармоническим, ренессансным человеком и зрителями, современниками Леонардо.

«Джоконда» — это не только ответ, но и вопрос к человечеству. И за этим немым вопросом «Джоконды» стоит сам Леонардо. Может быть, поэтому в отличие от других картин Леонардо, которые своей внутренней и внешней гармонией и красотой сразу же

[1] Мы уже видели, что Леонардо в этом отношении проявил себя новатором в фреске для трапезной миланского монастыря, включив монахов в состав участников «Тайной вечери».

порождают в зрителе удивительное чувство покоя и удовлетворенности, «Джоконда» своим не высказанным до конца содержанием и своим чуть насмешливым рассматриванием зрителя, несмотря на внешнее спокойствие и гармоничность ее образа, вызывает у зрителя наряду с высоким чувством эстетического наслаждения и смутное чувство неудовлетворенности. Поэтому в зрителе, смотрящем «Джоконду», все время происходит как бы внутренняя борьба между силой притяжения и силой противодействия, что отмечают очень многие, видевшие эту картину.

Сотни тысяч и миллионы самых разных людей в разные эпохи проходили и будут проходить перед «Джокондой». Но в зависимости от того, каков будет характер зрителя, т. е. какова будет другая, подразумевавшаяся Леонардо фигура, во взаимодействии с которой раскрывается содержание «Джоконды», будут меняться и оттенки истолкования ее образа, так как в это истолкование включается также и то мнение о людях и о нем самом, которое зритель прочитает во внимательном, умном, мягком и чуть насмешливом взгляде улыбающейся, задумчивой «Джоконды». Вот почему духовный контакт между гениальным творением Леонардо и воспринимающими его зрителями приобретает бесконечное многообразие оттенков и чувств и леонардовская «Джоконда» живет в веках, как бы обогащая свое содержание с каждой новой эпохой.

В «Джоконде» по-новому решена и проблема внутреннего и внешнего в образе человека. Эта проблема, как мы видели на прежних работах, решалась Леонардо в духе признания их полного соответствия, даже совпадения, как по отношению к отрицательным образам (карикатуры, Иуда, голова кондотьера), так и к положительным (портреты, мадонны).

Эта теория полного соответствия была прогрессивной в эстетике Ренессанса, так как помогала бороться со средневековыми церковно-схоластическими взглядами, реабилитировала природу человека и разбивала церковное учение о борьбе духа и плоти. Человеческое тело из чего-то низшего, греховного, презираемого становилось предметом изучения и восхищения. Человек был провозглашен мерой всех вещей. В архитектуре, скульптуре, живописи вопросы пропорций решались на основе измерений и вычислений пропорций человеческого тела, как объекта, созданного самой природой по законам красоты. Выдающийся математик Пачоли в книге «Божественная пропорция», написанной в теснейшем содружестве с Леонардо да Винчи, вырабатывает математические обоснования таких пропорций, а Леонардо делает пояснительные рисунки и чертежи к этой книге.

Взгляды гуманистов Ренессанса были проникнуты оптимизмом и верой в то, что природа дает человеку все возможности для универсального и гармонического развития в прекрасную и совершенную индивидуальность; все остальное зависит от человека. Лучшим доказательством этого служили они сами. Истинно благородный человек, писал Петрарка, не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым великолепными своими делами. Пико делла Мирандола рассуждает о достоинстве человека в форме беседы бога с Адамом, которому бог объявляет: «Я тебя не создал ни небесным, ни земным существом, ни смертным, ни бессмертным только затем, чтобы ты — по своей воле и к своей чести — сделался своим собственным скульптором и творцом; ты сможешь снизойти до животного и возвыситься до богоподобного существа», так как в отличие от зверей и духов «только у тебя одного есть развитие, рост по свободной воле, в тебе кроется зародыш разнообразной жизни».

Биограф Леона Баттиста Альберти в виде высшей похвалы говорит, что Альберти являл собою пример того, как человек может сделать из себя все, что только пожелает.

Леонардо, который сам был наиболее ярким примером гармонического развития личности, мог убедиться на личном опыте и из жизненных наблюдений, как трудно было

человеку стать «своим собственным скульптором и творцом». Хотя природа и давала все возможности для осуществления идеалов гуманистов, дело все больше и больше упиралось в условия общественной жизни, которые к концу XV—началу XVI века значительно изменились к худшему. Стали с большой силой проявляться тенденции новых, буржуазных отношений, растущая власть денег превращала провозглашенную гуманистами свободу личности в новые формы зависимости для тех, кто не имеет денег, и в крайний индивидуализм, властолюбие, жестокий произвол, погоню за наслаждениями для тех, кто обладал богатством. Леонардо видел и осуждал в своих записях, афоризмах, трактатах эти антигуманистические тенденции. В то же время все большей угрозой для уже достигнутого уровня раскрепощения личности становилось усиление феодальной реакции, связанное с кризисом, который переживала Италия в связи с потерей рынков на Ближнем Востоке. Захват турками Константинополя, открытие Америки и перенесение мировых торговых путей из бассейна Средиземного моря на запад, рост конкуренции со стороны северных стран и т. д.—все это привело к тому, что «революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии» [1]. Рабочие массами вытесняются из городов в деревню; итальянская буржуазия обращается к покупке земель, увеличивается влияние католической церкви.

В этих сложных исторических условиях Леонардо не мог не видеть угрозы завоеваниям культуры Ренессанса и развитию личности ренессансного человека, тем более, что это развитие было ограниченным и доступным лишь очень небольшому кругу лиц.

В «Джоконде» Леонардо, достигший высшей зрелости своего гения — и художественного и философского, — как бы подвел итог тому развитию гармонического человека, к которому смогла привести отдельных индивидов действительность современной ему Италии в начале XVI века. Этот итог при всей вере Леонардо в возможности человеческого развития не мог уже в это время выражать безмятежность и полную удовлетворенность гармоническим слиянием человека и природы. В этот итог уже включаются нотки тревожного беспокойства и вопросов, порожденных большим и сложным жизненным опытом. Достаточно сравнить «Джоконду» с его более ранними произведениями, чтобы понять разницу во взглядах Леонардо на гармонически развитую личность в разные периоды его творчества.

Гармоничность «Джоконды» строится не на основе наивно-радостного приятия жизни, как в «Мадонне с цветком», которая еще не знает и не замечает всей глубины ее противоречий и дисгармонических начал, или как в «Мадонне Литте», «Мадонне в скалах», которые еще целиком поглощены чувством материнской любви. «Джоконда» знает жизнь в ее противоречиях, ее умный взгляд видит в жизни не только красоту и гармонию, но и уродливые, дисгармонические, антигуманистические силы и тенденции. В этом смысле «Джоконда» представляет себе жизнь гораздо более реалистически, чем другие женские образы Леонардо. И все-таки, охватывая мыслями и чувствами мир в его сложности, «Джоконда» остается олицетворением гармонии, красоты и веры в человека, но не наивной, ребяческой, а зрелой и мужественной, которая утверждается на основе понимания и преодоления всего того дисгармонического и уродливого, что враждебно полноценному развитию ренессансного человека.

В этом утверждении гуманистического начала «Джоконда» опирается не только на собственный пример, но и на существование других таких же индивидуальностей. Отсюда в содержание ее образа входит и та активная любознательность, подлинный интерес и внимание, с которыми взгляд «Джоконды» обращен к зрителю и которых до этого произведения Леонардо — да и после него — не было больше ни в одном из портретов живописи.

После «Джоконды» Леонардо пи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 784

шет еще несколько картин: «Леду», «Анну и Марию», «Иоанна Крестителя». В «Леде» и в сюжете и в трактовке решительно противопоставляется христианской живописи «греховное», античное язычество. В «Иоанне» вместо проповедника христианства Леонардо изобразил античного Вакха. В «Анне и Марии» также нет ничего от христианской религии. В последние годы жизни, занятый научными исследованиями и тяжело больной, Леонардо не создал других произведений живописи и умер в Амбуазе, во Франции, 2 мая 1519 года.

* * *

Прошло пятьсот лет со дня рождения Леонардо да Винчи, но величие его гения продолжает и сегодня служить благородному делу человеческого прогресса и утверждает в людях разных эпох и наций веру в человека «в момент, когда более чем когда-либо необходимо взаимопонимание», как подчеркнул в своем призыве отметить юбилей Леонардо да Винчи председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри.

Чествуя Леонардо, мы защищаем его наследие от фальсификаторов и вульгаризаторов разных мастей. В обильной литературе о Леонардо изрядное место занимают домыслы идеалистов, махистов, неокантианцев и т. д. (Э. Кассирер, Б. Кроче, З. Фрейд, В. Патер, Г. Вельфлин, Л. Ольшки, А. Волынский, Д. Мережковский, Б. Беренсон, Д. Тофанин, Д. Папини и т. д.), которые всеми способами пытаются приписать творчеству Леонардо мистицизм, демонизм, иррационализм, формализм. Бесстыдство реакционных американских «искусствоведов» дошло до того, что они объявляют Леонардо предшественником «параноического подхода к эстетике» сюрреалистов и глубокомысленно рассуждают о «влиянии» образов леонардовских мадонн на кошмарно-бредовую патологическую мазню Сальвадора Дали [1]. В соответствии с американскими установками, подхваченными Ватиканом, подобной же фальсификацией занимаются в Институте истории римской культуры реакционные итальянские искусствоведы. Но тщетны эти уловки фальсификаторов.

В наше время, когда весь мир разделился на два лагеря — лагерь мира и демократии, возглавляемый СССР, и лагерь реакции, поджигателей новой войны, возглавляемый американо - английским империализмом,— наследие Леонардо да Винчи принимает участие в этой борьбе на стороне передового, миролюбивого человечества, на стороне народов, борющихся за мир, свободу и независимость, на стороне мужественного итальянского народа и итальянских коммунистов во главе с Тольятти.

Какое же значение имеет для нас наследие великого итальянского художника? Мы ценим выдающуюся роль Леонардо в истории культуры, его глубокую веру в светлые творческие силы человеческого разума, перед которыми неизбежно отступают невежество и суеверие, мистика и идеализм. Материалистическое в своей основе мировоззрение Леонардо, реализм его искусства продолжают служить делу прогрессивного развития культуры. Гуманизм Леонардо да Винчи, направленный на борьбу против средневекового варварства, против мракобесия римско-католической церкви, против всяческих уз и насилий, калечащих человека, этот гуманизм сегодня с новой обличительной силой направлен против современных выродков, решивших ввергнуть все свободолюбивые народы мира в рабство американскому империализму.

Вера Леонардо в то, что достижения науки должны быть направлены на благо человечества, сейчас приобретает особенно актуальный смысл. Когда в 1483—1484 годах в Ломбардии вспыхнула эпидемия чумы, Леонардо разработал проект города будущего, в котором планировка, расселение жителей и использование рек и специальных каналов должны были служить предотвращению эпидемий. Эта деятельность Леонардо служит прямым обвинительным актом против тех американских преступников, которые сбрасывают чумные и холерные бактерии на города и села Кореи.

Леонардо, давший ряд замечатель-

[1] James Thrall Soly. Salvador Daly, p. 25—26. New York. 1944.

ных изобретений, уже предвидел возможность использования научных открытий и изобретений во вред человечеству и протестовал против этого. Так, например, Леонардо открыл возможность подводной работы водолазов, но не сообщал об этом: «Как и почему не пишу я о своем способе оставаться под водою столько времени, сколько можно оставаться без пищи. Этого не обнародываю и не оглашаю я из-за злой природы людей, которые этот способ использовали бы для убийств на дне морей, проламывая дно кораблей и топя их вместе с находящимися в них людьми» [1].

С какой силой звучат эти слова великого гуманиста сегодня, когда атомная энергия, которая может облегчить труд людей, увеличить производительные силы и повысить материальное благосостояние народов, используется американо-английским империализмом для подготовки истребительной, кровавой войны, когда преступные американские агрессоры в погоне за наживой используют достижения микробиологии — науки, целью которой является борьба за сохранение человеческой жизни и здоровья,— для чудовищных злодеяний, для бактериологической войны, для массового заражения и истребления населения Кореи и Китая! Вот до какого падения, до какого позорного растления дошли «ученые» лакеи империализма, извращающие самую суть, смысл и благородные цели науки, которой беззаветно служат лучшие люди человечества и которой отдал свою жизнь гениальный Леонардо да Винчи!

Леонардо верил в то, что достижения культуры, литературы, искусства, печати должны объединять людей, содействовать их взаимопониманию. Леонардо было 13 лет, когда в Италии было введено книгопечатание, которое открыло огромные возможности для приобщения людей к знаниям, для сближения людей. Леонардо верил в эту возможность, он сам впоследствии принимал участие в иллюстрировании трактата Пачоли, без устали делал рисунки и чертежи, наглядно поясняющие людям законы природы и научные открытия. Вся художественная, научная и литературная деятельность Леонардо была направлена на то, чтобы передать людям знания и сокровища культуры. Леонардо с этой целью писал не на латыни, а на народном итальянском языке. Он собирал материалы для издания общедоступной энциклопедии научных знаний для народа. Наука и искусство Леонардо проникнуты высокими этическими принципами, они были направлены на то, чтобы содействовать развитию в людях благородных, подлинно человеческих мыслей и чувств.

В наше время черные силы империалистической реакции используют искусство и литературу для самых низменных, преступных целей. «Деятели» типа Сартра, Генри Миллера, Сальвадора Дали проповедуют гнусные идейки человеконенавистничества, предательства и морального растления человеческой личности.

Достаточно взглянуть на ясные, чистые, гармонические образы, созданные Леонардо, чтобы наглядно представить себе весь маразм, все то позорное падение, к которому привели человеческую культуру магнаты империализма. Светлый гений Леонардо и сейчас, спустя столетия рассеивает тьму и учит народы вере в могущество сил прогресса, вере в то, что заложенные в человеке и человечестве силы творчества, созидательного труда и познания, тяга к красоте и гармонии победят черные силы разрушения, уродства и кровопролития. В этом огромное прогрессивное значение для нашего времени Леонардо да Винчи, великого художника и гуманиста, о котором Гете сказал: «Он стоял как образец человека среди человечества».

---

[1] Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Т. I, стр. 284.

Учение И. П. Павлова о сигнальных системах в свете ленинской теории отражения

Е. В. ШОРОХОВА

В гениальном произведении И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» дана исчерпывающая характеристика материалистического решения основного вопроса философии.

«В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях,— марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку» [1].

В психологии целые века господствовали, а в буржуазной науке и поныне существуют идеалистические теории, утверждающие, будто бы явления психической жизни не зависят от действующей на человека объективной действительности, проповедующие «непостижимость» психического, управляемого якобы сверхъестественными силами, богом и т. п.

Одной из задач исследований И. П. Павлова было разоблачить идеалистическую сущность индетерминизма буржуазной психологии. Он считал необходимым перебрать все психологические понятия и показать в сопоставлении с объективным материалом, до какой степени они фантастичны и насколько они мешают анализу тончайших явлений высшей нервной деятельности животных и человека.

Разоблачив лженаучный характер идеалистической психологии, показав бессилие ее в решении вопроса о сущности идеального, И. П. Павлов начисто отверг и ее негодный субъективный метод исследования. Все явления субъективного характера, с точки зрения Павлова, должны стать предметом объективного научного исследования.

Объективное объяснение, т. е. всегда обращающееся к причине, независимой от человека и человечества, есть истинно научное.

«Неисчислимые выгоды и чрезвычайное могущество над собой получит человек,— писал И. П. Павлов,— когда естествоиспытатель другого человека подвергнет такому же внешнему анализу, как должен он это делать со всяким объектом природы, когда человеческий ум посмотрит на себя не изнутри, а снаружи» [2].

Познание причинной обусловленности психических явлений открывает исключительные возможности сознательного вмешательства человека в управление ими путем соответствующей организации условий существования, увеличивает власть

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 542. 11-е изд.

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 70. 1949.

человека над своим внутренним миром и внутренним миром другого человека. «Если вы вполне овладели причиной, вы становитесь господином положения»,— говорил И. П. Павлов.

Великую заслугу И. П. Павлова перед современной наукой составляет раскрытие им механизмов отражения животными и человеком предметов, явлений объективного мира, а также их свойств и качеств. Эти механизмы, согласно учению И. П. Павлова, вполне исчерпываются безусловными рефлексами, первой и второй сигнальными системами, из которых последняя является специфически человеческим способом отражения действительности.

У высших животных и человека ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексами (инстинктами, влечениями, аффектами) является первой инстанцией соотношений организма с окружающей средой.

Эти рефлексы вызываются относительно немногими безусловными агентами. Безусловные рефлексы обеспечивают лишь ограниченную ориентировку в окружающей среде и не дают возможности для достаточного приспособления высшего животного организма к условиям существования. При помощи условной связи во взаимоотношениях организма и среды возникает новый принцип: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленной массой других раздражителей. Условные рефлексы обеспечивают возможность бо́льшей ориентировки и тем самым также гораздо большего приспособления животного в той же среде. Эти сложнейшие отношения организма с внешним миром, возникая в процессе эволюции как единичные элементы поведения, на более высоких ступенях развития животного мира складываются в систему, которую Павлов и обозначает понятием первой сигнальной системы. Она составляет единственную сигнальную систему в животном организме и первую — в человеке.

Отправным пунктом при анализе форм отражения действительности у животных на разных ступенях развития является исключительно важное указание И. П. Павлова о том, что условный рефлекс как явление физиологическое и вместе с тем психическое представляет собой индивидуальное приспособление организма к внешней среде.

«Для животного,— писал Павлов,— действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма. Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое» [1].

Ощущения, представления, впечатления являются, по Павлову, результатом воздействия на рецепторы животных и человека внешних условий, объективно существующих вещей и явлений. Эти положения И. П. Павлова соответствуют ленинской теории отражения, согласно которой источником ощущений, восприятий является внешний мир, а само ощущение «есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [2].

Павлов считал, что первая сигнальная система развивалась, усовершенствовалась с развитием всей нервной системы, особенно головного мозга и органов чувств. Она обеспечивает согласование всех деятельностей организма, создает возможность для наиболее точного и тонкого приспособления организма к изменяющимся условиям его существования.

Таким образом, учение И. П. Павлова о роли условных рефлексов в жизнедеятельности животного организма полностью основано на учете и всестороннем изучении влияния окружающих условий на происхождение и развитие высшей нервной деятельности (поведения) животных.

Тезис о зависимости организма от среды И. П. Павлов распространил

---

[1] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 568. 1949.

[2] В. И. Ленин Соч. Т. 14, стр. 39.

и на изучение специфических закономерностей деятельности человеческого мозга.

По Павлову, совокупность воздействий из внешней и внутренней среды организма служит источником деятельности мозга человека.

Это положение имеет громадное философское значение. Оно полностью соответствует материалистическому решению основного вопроса философии, заключающемуся в признании объективного существования мира, первичности материи и вторичности сознания, отражения объективного мира в человеческом мозгу. Не случайно поэтому принцип детерминизма И. П. Павлов назвал первым, основополагающим, «верховным принципом» своего исследования. Формулируя этот принцип, Павлов подчеркивал причинную обусловленность всех форм отражения действительности, начиная от первичных актов ощущения до абстрактного мышления включительно.

Принцип детерминизма в рефлекторной теории Павлова соответствует марксистско-ленинскому положению о том, что в природе существует объективная закономерность, объективная причинность, а наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только отражать эту закономерность. С точки зрения ленинской теории отражения, отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего.

«Очевидно,— указывает И. В. Сталин,— что внешние условия действительно существуют, эти условия существовали до нас и будут существовать после нас, причем их восприятие и познание возможно тем легче, чем чаще и сильнее они будут воздействовать на наше сознание... Если я смотрю на дерево и вижу его,— это означает лишь то, что еще до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление» [1].

Будучи материалистом в решении вопроса об отношении отражения и внешнего мира, Павлов ни на минуту не сомневался в том, что психика во всех ее формах является результатом деятельности нервной системы. Это положение было сформулировано И. П. Павловым как принцип структурности, приурочения динамики к структуре. Формулируя этот принцип, И. П. Павлов выступил против идеалистов, для которых психическое есть нечто субстанциональное, не зависимое от деятельности материального органа.

С точки зрения диалектического материализма, мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, представляет собой функцию телесного органа — мозга, его свойство, его продукт, а мозг есть орган мышления. «...Психическое, сознание и т. д.,— пишет Ленин,— есть высший продукт материи (т. е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» [2].

В полном согласии с этим важнейшим положением диалектического материализма И. П. Павлов доказал, что психическая деятельность есть результат физиологической деятельности определенной массы головного мозга.

Материалистическое учение Павлова о высшей нервной деятельности — одна из важнейших естественно-научных основ марксистско-ленинской теории отражения. Оно рассматривает вопросы отражения в физиологическом плане, раскрывая закономерности процессов, совершающихся в высшем отделе головного мозга и представляющих нервный механизм отражения.

И. П. Павлов борется как против открытых сторонников так называемой «безмозглой философии», так и против психо-морфологического направления, которое в конце концов также приходит к выводу о субстанциональном существовании психики, «приуроченной», правда, к определенному морфологическому строению, но не связанной ни с какой материальной деятельностью этой структуры.

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 319.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 215.

В противоположность этому И. П. Павлов стоял на точке зрения динамической локализации психических процессов. Впервые в истории научной мысли И. П. Павлов сформулировал положение о том, что психическое связано не просто с определенным строением мозга, но что оно должно быть понято как функция мозга. Деятельность мозга обеспечивается воздействием внешних условий, без которого мозг перестает функционировать, а специфическим продуктом его деятельности является психика как отражение вне и независимо от нас существующего внешнего мира.

* * *

С переходом от биологического развития к общественному психика претерпевает коренное, качественное изменение. Возникает специфически человеческий способ отражения действительности. Это изменение происходит на основе общественно-исторической деятельности людей, в процессе активного воздействия человека на внешний мир. Трудовая деятельность, изменившая отношение людей к природе, послужила основой всех физических и психических изменений, которые отличают человека от животных. Этот факт впервые установлен в трудах классиков марксизма-ленинизма.

В результате своих научных исследований И. П. Павлов пришел к соответствующему марксистскому учению выводу о том, что труд и связанное с ним слово сделали нас людьми. Учитывая качественные особенности высшей нервной деятельности человека и специфическую, свойственную только человеку форму отражения объективной реальности, И. П. Павлов высказал плодотворные положения о том, что изменения в способе отражения заключаются в изменении механизма отражения человеком окружающего мира.

«В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам первной деятельности» [1].

В согласии с диалектическим материализмом, требующим рассматривать как общие черты, свойственные явлениям природы и общества, так и специфические особенности явлений, отличающие их друг от друга, великий физиолог стремился раскрыть физиологическую природу нового способа отражения действительности. Он исследовал специфические особенности деятельности человеческого мозга и особенности той чрезвычайной прибавки, которая составляет исключительную принадлежность человека. И. П. Павлову удалось открыть свойственный человеку новый способ сигнализации в виде слов, произносимых, слышимых и видимых. И. П. Павловым была открыта вторая сигнальная система, которая является обоснованием новых возможностей коры головного мозга, появившихся в результате общественно-трудовой деятельности человека.

И. П. Павлов указывал, что вторая сигнальная система представляет собою систему «межлюдской сигнализации». «Повидимому, — писал И. П. Павлов,— это было вызвано необходимостью большего общения между индивидуумами человеческой группы» [2].

Это положение И. П. Павлова совпадает с указаниями классиков марксизма-ленинизма о том, что потребность в более близком общении людей, связанных в единый коллектив совместной деятельностью по борьбе с силами природы, привела к возникновению речи.

«Язык,— пишет И. В. Сталин,— есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания...

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества,— стало быть,

[1] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 568.

[2] Павловские среды. Т. I, стр. 238.

невозможно само существование общественного производства»[1].

Открытием второй сигнальной системы Павлов перебрасывает мост от естествознания к общественным наукам. Он отдавал себе при этом отчет в том, что физиология не может решать всех вопросов происхождения человеческого сознания и языка, что это — дело ряда других наук.

Следует подчеркнуть, что, признавая принцип развития основным условием исследования высшей нервной деятельности животных и человека, Павлов указывал, что вторая сигнальная система в процессе своего исторического развития сама претерпевает изменения. Она усложняется и совершенствуется.

Когда появился человек, говорит Павлов, сигнальная деятельность нервной системы претерпела качественное изменение: первые сигналы действительности заменились в значительной степени словесными. «Понятное дело, что на основе впечатлений от действительности, на основе этих первых сигналов ее, у нас развились вторые сигналы в виде слов. Их должно было образовывать человечество»[2].

Открытие И. П. Павловым второй сигнальной системы подкрепляет нас в борьбе против марровского деления развития речи по стадиям: язык жестов и речь звуковая. Вторая сигнальная система обусловлена, по Павлову, развитием языка. Задачей советского языкознания и психологии является изучение этапов исторического развития сознания человека и выяснение специфики этих ступеней. Это, в свою очередь, прольет свет на проблему исторического формирования второй сигнальной системы.

При изучении второй сигнальной системы как механизма отражения человеком объективной действительности И. П. Павлов опирался на те же три методологических принципа (принцип причинности, принцип структурности и принцип анализа и синтеза), которые лежат в основе всей его рефлекторной теории.

Основные методологические принципы рефлекторной теории конкретизируются, проявляются в более частных законах протекания нервных процессов, осуществляющих возникновение связей первой и второй сигнальных систем. Этими частными законами являются закон возбуждения и торможения и законы движения этих процессов — иррадиация, концентрация и взаимная индукция.

Деятельность второй сигнальной системы, так же как и первой, осуществляется по принципу замыкания временных связей.

«До Павлова,— отмечал К. М. Быков в своем докладе на Объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук, — был известен огромный ряд рефлекторных процессов, с которыми рождается человек и животное. Павлов открыл новый класс рефлекторных процессов, возникающих в индивидуальной жизни, до сих пор незамеченный и неоцененный, класс бесконечно обширный и важный, обнимающий собой все реакции животных и человека, начиная с примитивной рефлекторной реакции отделения слюны на вид, запах, звук, связанный с пищевым веществом, до произнесения слов и употребления письма»[3].

В настоящее время вместе с подчеркиванием общности законов высшей нервной деятельности животных и человека, с констатированием того положения, что вторая сигнальная система есть «работа все той же нервной ткани», перед учениками и последователями Павлова встает неотложная задача показать общность в деятельности первой и второй сигнальных систем и специфические, особенные стороны функционирования каждой из них.

Успешно разрабатывая вопросы высшей нервной деятельности человека, А. Г. Иванов-Смоленский и ряд его сотрудников вскрывают некоторые специфические закономерности второй сигнальной системы. Такими закономерностями второй сигнальной

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22—23. Госполитиздат. 1950.

[2] Павловские среды. Т. III, стр. 318.

[3] Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. Стенографический отчет, стр. 16. Изд. АН СССР. 1950.

системы являются: избирательная иррадиация возбуждения и торможения, избирательное обобщение в результате индукционных отношений, исключительная подвижность нервных процессов, внезапный характер замыкания временных связей, замыкание связей без непосредственного безусловного подкрепления, а на основе речевого подкрепления и др.

Что касается различия в познавательном значении для человека деятельности первой и второй сигнальных систем, то это специфическое различие определяется характером воспринимаемых раздражителей и уровнем отражения, который характеризуется конкретно-образным отражением в результате деятельности первой сигнальной системы и образованием понятий в результате деятельности второй сигнальной системы.

Если сигналы первой сигнальной системы — звуки, запахи, цвета, формы, положения предметов в пространстве — непосредственно представляют сигнализируемые ими внешние и внутренние раздражители, то слово, как специфический раздражитель второй сигнальной системы, действует не столько своей акустической или графической стороной, сколько связанным с ней своим содержанием. В этом его существенное отличие от всех раздражителей первой сигнальной системы. У животного можно образовать условный рефлекс на слово, но этот раздражитель выступает как всякое другое воздействие, падающее на слуховой анализатор животного, и не вызывает у животного никаких образов, обозначенных этим словом. Для человека слово как раздражитель выступает как сигнал сигналов, обобщенное отражение действительности, за которым для человека кроется система непосредственных воздействий вещей и явлений внешнего мира. Эта система сигнализируемых словом раздражителей составляет его содержание, закрепленное практикой человека. Слово, таким образом, представляет собой единство звучания и содержания.

Не учитывать этого, как это делает, например, академик Л. А. Орбели, значит оторвать речь от объективной действительности, трактовать ее как самостоятельную систему знаков и, по существу, стать на позицию знаковой теории языка.

По Л. А. Орбели, например, совершенно несущественна природа того или иного знака — все равно, имеет ли при анализе второй сигнальной системы место нотный знак или какое-нибудь другое графическое изображение, звуковой сигнал или слово. Он считает, что мыслимы случаи, когда вторая сигнальная система использует другие механизмы, отличные от речи.

На самом же деле слово является основным носителем человеческой сигнализации, не равным по своему значению с другими сигналами, в том числе и звуковыми.

И. П. Павлов не употреблял слова «символ», он неизменно говорил «сигнал» применительно как к первой, так и ко второй сигнальной системе. Он нигде не упоминает о произвольной замене реальных раздражителей их знаками, символами. «Если ты хочешь употреблять слова, то каждую минуту за своими словами разумей действительность», [1]— говорит И. П. Павлов.

Отмечая объективное содержание речи, И. П. Павлов подчеркивает, что именно слово составило вторую, специально человеческую систему сигнализации действительности.

Исключительная важность этого положения И. П. Павлова стала особенно ясной в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

И. В. Сталин указывает на преимущественное значение звукового языка в жизни человека по сравнению со всякой другой сигнализацией, в частности с так называемым языком жестов. «...Значение так называемого языка жестов,— учит И. В. Сталин,— ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык, и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами,

[1] Павловские среды. Т. III, стр. 163.

которыми пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи» [1].

Возникнув в результате появившейся потребности общения, вторая сигнальная система и служит средством общения, объединения людей в коллектив для организации совместного производства. Известно, что общественное производство как основная движущая сила развития человеческого общества невозможно без общения, ибо, как учит И. В. Сталин, «люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а сообща, группами, обществами» [2].

Животное не могло сообщить другому животному о конкретных образах отражения действительности и не испытывает, по словам Энгельса, от этого неудобства. У человека его конкретные и абстрактные образы отражения действительности становятся достоянием для другого, получают свою «материальную оболочку» в виде звукового или графического комплекса.

Являясь системой «межлюдской сигнализации», вторая сигнальная система отдельного человека развивается под непосредственным влиянием языка, слова, т. е. специфически человеческой действительности. Речь обогащает индивидуальное сознание, включает отдельного человека в цепь исторического развития человечества. Она является основой образования традиций, преемственности знаний во всех областях деятельности человека.

Исчерпывающую характеристику языка, как общественного явления, и его роли в жизни человека дал И. В. Сталин в своих гениальных трудах по вопросам языкознания.

Средством общения язык является потому, что он служит средством выражения мысли. И. В. Сталин подчеркивает, что язык — это такое средство общения, при котором люди добиваются взаимного понимания, обмениваются своими мыслями, потому что язык закрепляет в словах и предложениях результат работы человеческого мышления.

Подчеркивая положение о неразрывной связи мышления и речи, И. В. Сталин показал, что речь имеет исключительное значение в отражательной деятельности человеческого мозга. «Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка» [3].

И. П. Павлов понимал глубокую органическую связь мышления и речи. Именно эту мысль подчеркивает Павлов, когда он говорит, что вторые сигналы «представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое, высшее мышление...*» [4].

Язык Павлов считает способом отражения внешнего мира. Он указывает, что человек отражает внешний мир мышлением в трех формах: а) в форме кинестетической речевой, б) в форме звуковой речевой и в) в форме письма. Общие понятия образуются только при помощи слов.

Положения Павлова о непосредственной связи языка и мышления являются естественно-научной основой марксистско-ленинского учения о языке. Исключительно важное значение они приобретают в свете труда

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46—47.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 550.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

[4] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 490.

И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «Будучи непосредственно связан с мышлением,— учит И. В. Сталин,— язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [1].

Гениальное учение И. В. Сталина о языке и мышлении представляет собой острое оружие в борьбе с идеализмом, с агностицизмом в языкознании, оно помогает правильному уяснению вопросов второй сигнальной системы. Познание явлений при помощи органов чувств является лишь началом и основой познания природы и общества. Для более глубокого раскрытия закономерностей объективного мира необходимо находить существенное в явлении, отграничивать существенное от несущественного, идти от видимости к сущности. Такое познание возможно только посредством абстрактного мышления понятиями.

«Понятие, — писал Ленин, — не есть нечто непосредственное (хотя понятие есть «простая» вещь, но это простота «духовная», простота идеи) — непосредственно только ощущение «красного» («это — красное») и т. п.» [2].

Как опосредствованные отражения действительности «...*все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [3].

В согласии с ленинской теорией отражения И. П. Павлов считает, что опосредствованный способ отражения действительности, абстрактное мышление является высшей ступенью познания.

«Благодаря отвлечению, этому особому свойству слова, которое дошло до большей генерализации, наше отношение к действительности мы заключили в общие формы времени, пространства, причинности. Мы ими прямо пользуемся, как готовыми для ориентировки в окружающем мире, не разбирая часто фактов, на которых основана эта общая форма, общее понятие. Именно благодаря этому свойству слов, обобщающих факты действительности, мы быстро учитываем требования действительности и прямо пользуемся этими общими формами в жизни» [4].

Являясь основой абстрактного, обобщенного отражения действительности, вторая сигнальная система создает, наконец, и науку — «орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом» [5].

Без абстрактного мышления человек не смог бы проникнуть в сложнейшую природу строения и функционирования живого вещества, в динамику внутриядерных процессов, во внутренние процессы неорганической и органической материи, не мог бы узнать законов развития общества, исследовать природу самих понятий и т. д., т. е. не смог бы вскрыть законы, существенное в движении природы, общества и человеческого мышления.

Ф. Энгельс отмечал, что «диалектическое мышление—именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий,—возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития» [6].

Мышление человека является предпосылкой активного воздействия на внешний мир. Познавая законы природы и общества, человек «становится хозяином действительности, — через вторую сигнальную систему (слово, речь, научное мышление)» [7].

Будучи отражением объективной действительности, результатом переработки, обобщения данных опыта, система вновь образованных творческих нервных связей является продуктом трудовой деятельности человека и в то же время предваряет новые процессы практического воздействия человека на природу. Вторая сигнальная система создает воз-

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 262.

[3] Там же, стр. 146.

[4] Павловские среды. Т. III, стр. 320.

[5] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 490.

[6] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176. 1949.

[7] Павловские среды. Т. I, стр. 239.

можность для относительной самостоятельности процесса отражения, обеспечивая планомерную, активную, творческую роль человеческого сознания в изменении окружающей действительности, в преобразовании природы и общества.

В этом отношении положение Павлова полностью совпадает с оценкой роли предварительного мысленного плана в трудовых операциях человека, данной К. Марксом. Характеризуя отличие труда человека от инстинктивной трудоподобной деятельности животных, Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально» [1].

Таким образом, являясь результатом практического отношения человека к внешнему миру, вторая сигнальная система становится вместе с тем предпосылкой активного воздействия на мир. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2].

Идеальное, будучи отражением материальной действительности, само превращается в реальное, в действительность, становится активной силой в преобразовании бытия человеком. Будучи отражением внешнего мира, сознание может опережать его развитие, предвидеть, проникнуть в будущее. И. В. Сталин подчеркивает организующую и преобразующую роль передовых идей.

Таким образом, павловский тезис об активной роли отражения полностью соответствует взглядам диалектического материализма об активном, преобразующем отношении человека к внешнему миру и является его естественно-научным подтверждением.

«...Вся человеческая практика,— указывает В. И. Ленин,— должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [3].

* * *

И. П. Павлов считал, что новый принцип сигнализации существует и действует не изолированно от деятельности первой сигнальной системы и деятельности подкорки. Нет буквально ни одного высказывания И. П. Павлова о принципах деятельности второй сигнальной системы, где бы он не подчеркивал взаимосвязь и взаимозависимость обеих сигнальных систем.

И. П. Павлов утверждал, что, подобно тому, как все высшие сложные отношения животного с внешней средой перешли в план индивидуально приобретенного опыта, все до самого верха их высшей нервной деятельности заключается в первой сигнальной системе, единственной системе сигнализации, у человека все многообразные отношения к внешнему миру являются результатом сложнейших взаимоотношений первой и второй сигнальных систем, причем вторая сигнальная система является в конце концов регулятором человеческого поведения.

Подчеркивая последнее положение, И. П. Павлов считал вместе с тем, что подкорка с ее безусловными рефлексами и деятельность первой сигнальной системы играют существенную роль в жизнедеятельности человека.

Инстинкты человека являются первым и самым несовершенным уровнем отношения его к среде. Для совершенного согласования и осуществления всех этих врожденных рефлексов в связи с общими условиями жизни у человека имеется вторая сигнальная система, которая «всякую отдельную тенденцию умеряет, все их согласует и обеспечивает их наивыгоднейшее осуществление в связи с окружающими условиями внешней среды» [4].

---

[1] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 185.
[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 184.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 72.
[4] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 469.

Несомненно, и первая сигнальная система не остается вне воздействия со стороны второй сигнальной системы. С возникновением человека произошла не механическая прибавка к высшей нервной деятельности животного. Речевая функция внесла новый принцип в деятельность всей нервной системы человека. Она пронизала собой все отношения человека к среде. «Как во второй, так и в первой сигнальной системе человека отражается социальная среда, и деятельность первой системы так же социально детерминирована, как и деятельность второй» [1]. У человека инстинкт включен в систему социальных взаимоотношений, тогда как у животного — это продукт его биологического развития. Тем более иной оказывается и первая система сигнализации, ибо для человека вся природа, все *«предметы* становятся *опредмечиванием* его самого» [2], человеческой действительностью.

Классики марксизма-ленинизма с исключительной убедительностью показали, что не только абстрактное мышление, сознание, но деятельность органов чувств человека является продуктом его исторического развития. Первая сигнальная система человека не идентична с первой сигнальной системой животного. У человека первая сигнальная система развивается в общественных условиях и при непосредственном влиянии второй сигнальной системы. Ощущения человека представляют собой продукт его общественно-исторического развития и поэтому качественно отличаются от ощущений животных. Эти качественные изменения возникли и формировались в процессе трудовой деятельности человека, когда он воспринимает новые и новые свойства и качества предметов объективного мира.

«Орел,— писал Энгельс,— видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду» [3].

Изменяя в деятельности объективную действительность, человек и воспринимает ее иначе.

Павлов не раз подчеркивал необходимость изучения обеих сигнальных систем человека во взаимодействии. Когда речь идет о разделении этих систем, говорил он, то нужно иметь в виду не анатомическую локализацию, а функциональное разделение роли этих систем и их тренировку.

Разделение сигнальных систем в человеке есть характеристика только разных ступеней отражения человеком действительности. Анализ внешнего мира, по мнению И. П. Павлова, совершается на двух ступенях: во-первых, при непосредственном действии на рецепторы внешних раздражителей, во-вторых, при замене этих раздражителей их словесными обозначениями. Этим ступеням и соответствуют в полушариях головного мозга человека две сигнальные системы. Вторая сигнальная система является преобладающей, наиболее ценной для организма деятельностью центральной нервной системы, потому что люди, общаясь между собой и обращаясь к действительности, «и не только в общении, но и в переживании», пользуются вторыми сигналами. Специально к второсигнальной деятельности больших полушарий относится самая главная, тонкая и точная деятельность головного мозга человека.

Регулирующая роль второй сигнальной системы в деятельности головного мозга человека осуществляется по определенным физиологическим законам. Вторая сигнальная

[1] А. Г. Иванов-Смоленский. Об изучении совместной работы первой и второй сигнальных систем мозговой коры. Журнал высшей нервной деятельности № 1, вып. 1 за 1951 год, стр. 65.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 627.

[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы. стр. 135—136.

система действует на первую сигнальную систему и на подкорку своим возбуждением и торможением по законам движения этих процессов: иррадиации, концентрации и взаимной индукции.

Благодаря существованию этих процессов «вторая сигнальная система постоянно держит под сурдинкой первую сигнальную систему» [1].

Подчеркивая чрезвычайно важную роль в поведении человека нового принципа связи его со средой, утверждая, что в нормальном развитии человека вторая сигнальная система является высшим регулятором поведения, Павлов требовал, чтобы при изучении отражательной деятельности головного мозга человека исследователи учитывали, что вторая сигнальная система имеет значение только через первую сигнальную систему и в связи с последней и что если она отрывается от первой сигнальной системы, то человек не может действовать адэкватно той или иной ситуации.

Нормальный человек, писал И. П. Павлов, несмотря на то, что он пользуется вторыми сигналами, которые дали ему возможность усовершенствоваться, обрести науку, будет пользоваться второй сигнальной системой эффективно только до тех пор, пока она постоянно и правильно сносится с первой сигнальной системой, т. е. с ближайшими проводниками действительности.

Будучи существом, способным абстрагироваться от явлений к сущности, от сущности первого порядка к сущности более высокого порядка, человек должен быть самыми крепкими узами связан с настоящей полнокровной действительностью через работу анализаторов, главных механизмов сигнальной деятельности коры больших полушарий головного мозга.

Нормальное мышление, сопровождающееся чувством реальности, правильно отражающее законы развития природы и общества, возможно лишь при неразрывном взаимодействии первой и второй сигнальных систем.

[1] Павловские среды. Т. III, стр. 319.

Вывод И. П. Павлова о том, что человек прежде всего воспринимает действительность через первую сигнальную систему, ведет к важным философским обобщениям.

Будучи материалистом в понимании человеческого способа отражения, в частности мышления человека, И. П. Павлов считал, что процесс обобщения, как функция второй сигнальной системы, осуществляется на прочном фундаменте отражения первой сигнальной системы — на основе ощущений, восприятий, представлений — и что истинная научная абстракция представляет собой отвлечение от того, что конкретно дается в непосредственном опыте. «Если у нас нет никаких знаков в нашей голове, то в чем же мышление? — спрашивал Павлов.— Конечно, непременно должны быть следы, образы, обобщения слов» [2].

Образы вещей представляют собой, с одной стороны, материал конкретного, образного мышления, которое является непосредственным отражением действительной природы. Эта ступень отражения соответствует первой сигнальной системе. С другой стороны, образы вещей являются фундаментом, отправным пунктом абстрактного мышления, отвлечения более существенного, того, что непосредственно только органами чувств познать невозможно. Ощущения представляют собой источник всех знаний человека. Они осуществляют непосредственную связь сознания с внешним миром. Природа раньше всего выступает перед ними так, как она представляется непосредственно нашим органам чувств.

Органы чувств — это ближайшие проводники, через которые в наше сознание проникают сведения об окружающем нас материальном мире. «Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем» [3].

Таким образом, деятельность первой сигнальной системы является чувственной базой для деятельности второй сигнальной системы. Ленин в «Философских тетрадях» обращает

[2] Павловские среды. Т. II, стр. 515.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 288.

внимание на совершенно правильную формулировку Фейербаха о роли чувственных данных в познании: «Человек мыслит только посредством своей чувственно существующей головы, разум имеет прочную чувственную почву в голове, в мозгу, в месте средоточия чувств» [1].

Положение Павлова о необходимости деятельности первой сигнальной системы для адэкватного отражения действительности и о том, что без участия первой сигнальной системы невозможно никакое мышление, является естественно-научным доказательством безусловной правильности гениального положения И. В. Сталина относительно роли образов в мышлении. Анализируя мышление, где исключена словесная деятельность, И. В. Сталин спрашивает: «Не значит ли это, что мысли глухонемых являются оголенными, не связанными с «нормами природы» (выражение Н. Я. Марра)?» «Нет, не значит, — говорит товарищ Сталин. — Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, т. е. она не существует» [2].

Всякое понятие содержит в себе общее, выведенное из большого количества чувственно воспринимаемых единичных фактов, сходных между собой в каком-либо отношении. Возведение единичного в общее достигается при помощи отвлечения и обобщения. «...Уже самое простое *обобщение*,— писал Ленин,— первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира» [3].

«...Всякое действительное, исчерпывающее познание, — писал Ф. Энгельс,— заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем» [4].

Образующиеся в результате высшего анализа и синтеза абстрактные понятия, существующие в форме речи, отражая основные законы жизни по законам движения процессов возбуждения и торможения, регулируют, корректируют деятельность первой сигнальной системы, не допускают, чтобы в первой сигнальной системе возникали связи, противоречащие связям, существующим в действительности.

Ленинская теория отражения рассматривает чувственные и абстрактные моменты познания в единстве, как необходимые и дополняющие друг друга ступени человеческого познания. Признавая, что в основе всякого познания лежит деятельность органов чувств, она вместе с тем подчеркивает большую роль в процессе познания и абстрактного мышления.

Раскрывая физиологический механизм отражения человеком действительности, И. П. Павлов писал, что сознание представляет собой нервную деятельность определенного участка больших полушарий, который в определенный момент при определенных условиях обладает оптимальной возбудимостью. В этот же момент вся остальная часть больших полушарий находится в состоянии более или менее пониженной возбудимости. Участок с оптимальной возбудимостью представляет собой в каждый данный момент как бы «творческий отдел» головного мозга. В нем легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки. Другие же отделы коры с пониженной возбудимостью на это не способны. В них стереотипно возникают при наличии соответствующих

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 44.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 47.

[3] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 153.

[4] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 185.

раздражителей ранее выработанные условные рефлексы. Участок с оптимальной возбудимостью не является закрепленным участком. Он постоянно перемещается по всей поверхности больших полушарий в зависимости от характера внешних раздражителей.

Участок с оптимальной возбудимостью может возникнуть при действии на человека как непосредственных, так и словесных раздражителей.

Гениальные положения И. П. Павлова о взаимодействии сигнальных систем являются естественно-научной основой выводов диалектического материализма о единстве чувственного и логического, конкретного и абстрактного, единичного и общего в процессе познания законов объективного мира.

* * *

Своим учением о сигнальных системах И. П. Павлов нанес сокрушительный удар по идеалистическим измышлениям философов и психологов многочисленных буржуазных школ и направлений, для которых специфические закономерности психических процессов человека являются результатом деятельности сверхматериальной субстанции, «свободного духа» и т. п. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах является величайшим вкладом в сокровищницу теории познания диалектического материализма и имеет огромное значение для развития советской психологии.

О философских взглядах П. Н. Лебедева

(К 40-летию со дня смерти)

А. В. ШУГАЙЛИН

Материалистическое мировоззрение является важнейшим условием плодотворной научной деятельности каждого ученого.

Справедливость этого положения с полной убедительностью подтверждается открытиями и деятельностью гениального русского физика Петра Николаевича Лебедева.

Вопрос о мировоззрении Лебедева чрезвычайно актуален, потому что его материалистические взгляды способствовали разоблачению теорий физических идеалистов. При освещении философских взглядов Лебедева необходимо учитывать, что в физике, как это вскрыл В. И. Ленин, на протяжении всей истории ее развития шла ожесточенная борьба материализма и идеализма. Однако эта борьба в среде русских физиков до сих пор еще не получила достаточного освещения в литературе. Поэтому выяснение и освещение философских взглядов великого русского ученого П. Н. Лебедева может послужить в некоторой степени целям восполнения отмеченного пробела.

* * *

Петр Николаевич Лебедев родился 8 марта 1866 года. Учился он первоначально в Петропавловском училище, а затем в реальном училище Хайновского в Москве. В 1884—1887 годах Лебедев учился в Московском высшем техническом училище.

С октября 1887 по июнь 1891 года Лебедев работал в физических лабораториях в Страсбургском и Берлинском университетах. После сдачи докторских экзаменов и защиты диссертации в 1891 году в Страсбургском университете ему была присвоена степень доктора естественной философии.

В 1891 году Лебедев вернулся в Москву и был принят А. Г. Столетовым для руководства спецпрактикумом студентов в физической лаборатории Московского университета. В 1895 году Лебедев публикует работу «О двойном преломлении лучей электрической силы». В ней он сообщает об открытии им и изучении свойств самых коротких из известных в то время электромагнитных волн, о том, что его опыты доказывают тождественность электрических и световых колебаний. В 1894—1897 годах Лебедев опубликовал результаты своей работы, которая позднее получила название «Экспериментальное исследование пондеромоторного действия волн на резонаторы» и была высоко оценена выдающимся русским физиком Н. А. Умовым. За эту работу в октябре 1899 года ему была присуждена степень доктора физики без защиты магистерской диссертации. С 1896 по 1900 год Лебедев являлся приват-доцентом, а с 1900 года — профессором физики Московского университета.

Работа по световому давлению на твердые тела, доложенная Лебедевым в 1899 году в Лозанне, а в 1900 — на Международном конгрессе физиков в Париже, доставила ему мировую славу.

Предварительное сообщение о давлении света на газы Лебедев сделал на Первом Менделеевском съезде 27 декабря 1907 года. С подробным

докладом об этом открытии он выступил 4 января 1910 года в Москве на съезде естествоиспытателей и врачей.

Работы последних лет жизни, связанные с выяснением причин земного магнетизма, тяготения, и некоторые другие Лебедевым не были закончены.

Он умер 14 марта 1912 года в результате обострения сердечной болезни. Обострение же болезни произошло в связи с политическими событиями, участником которых был Лебедев.

Царское правительство, проводя столыпинскую политику кнута и виселицы, после поражения русской революции 1905—1907 годов жестоко преследовало передовых русских ученых, а также революционную часть студенчества. Многие из них в этот период были арестованы и брошены в тюрьмы и ссылку.

В знак протеста против произвола царских властей в феврале 1911 года Московский университет покинула большая группа прогрессивно настроенных профессоров и преподавателей. Ушел и П. Н. Лебедев вместе со своими ближайшими учителями и соратниками К. А. Тимирязевым, Н. А. Умовым, А. А. Эйхенвальдом, Н. Д. Зелинским и др. Огромное напряжение, пережитое в связи с событиями, разразившимися в университете, и чрезмерное беспокойство и заботы об организации научной работы его учеников тяжело отразились на здоровье Лебедева и явились непосредственной причиной его преждевременной смерти.

На смерть Лебедева откликнулись многие ученые, прислав письма и телеграммы с выражением своей скорби о безвременной кончине великого ученого-физика.

К. А. Тимирязев, искренний друг П. Н. Лебедева, в своих статьях прямо писал, что царское самодержавие его убило. Взяв в качестве эпиграфа к своей статье «Смерть Лебедева» слова из стихотворения Лермонтова «На смерть поэта»

«Погиб поэт — невольник чести...»,

К. А. Тимирязев указал, что́ явилось причиной гибели ученого. «Впереди, казалось, открывалась,— писал он в этой статье,— длинная вереница лет кипучей деятельности на пользу и славу родной страны; но те, кто распоряжаются ее судьбами, решили иначе. Волна столыпинского «успокоения» докатилась до Московского университета и унесла Лебедева на вечный покой» [1].

Обвиняя царское правительство, К. А. Тимирязев гневно писал: «Наука понесла тяжелую, невозместимую потерю, ложащуюся мрачным пятном на страну и эпоху, которая несет в том ответственность перед историей. Умер Лебедев, — высокоталантливый ученый, а принимая во внимание, что смерть захватила его в самом расцвете таланта,— может быть, и один из тех избранников, которых история отмечает печатью гения» [2]. В заключение К. А. Тимирязев справедливо утверждал: «Убивает не один только нож гильотины. Лебедева убил погром Московского университета» [3].

Выражая возмущение произволом царских властей, виновных в безвременной кончине Лебедева, И. П. Павлов в присланной телеграмме писал: «Всей душой разделяю скорбь утраты незаменимого Петра Николаевича Лебедева. Когда же Россия научится беречь своих выдающихся сынов — истинную опору отечества?!» [4].

Н. А. Умов на заседании Общества имени Леденцова говорил: «Вчера скончался бывший профессор физики московского университета Петр Николаевич Лебедев. Высокодаровитый, в полном расцвете умственной силы, выбыл из строя работников науки ученый, оставивший после себя крупный след не только своими научными изысканиями, но и созданием школы русских молодых ученых, значительной своею численностью, талантами и теми вкладами, которые она внесла уже в науку. Невыразимая скорбь охватывает при мысли об этой неожиданной потере. В кончине Петра Николаевича мы

---

[1] К. А. Тимирязев. Соч. Т. VIII, стр. 309. 1939.
[2] Там же, стр. 313.
[3] Там же, стр. 319.
[4] «Научное наследство». Т. I, стр. 619. 1948.

имеем не только потерю, но жертву науки»[1].

Ссыльные студенты прислали из Архангельска Народному университету Шанявского, где работал в последний год своей жизни Лебедев, следующую телеграмму: «Скорбим со всей мыслящей Россией о кончине стойкого защитника русской свободной школы, свободной науки проф. Лебедева»[2].

* * *

Вся деятельность Лебедева была проникнута глубоким патриотизмом, безграничной любовью к русскому народу, к русской науке и подлинно демократическими устремлениями.

Патриотизм Лебедева проявился ярче всего в том, что, уйдя из Московского университета в 1911 году, он отказался от приглашения Сванте Аррениуса выехать за границу, в Швецию, для работы в Нобелевском институте.

Оставшись в России, Лебедев продолжал заботиться о развитии отечественной науки, настойчиво добивался создания условий для работы своих учеников, вел борьбу против тех преследований, которым подвергались передовые ученые и студенты. Для привлечения внимания общества к научно-исследовательской работе и налаживания ее он выступил в печати, воспользовавшись двумя отмечавшимися в 1911 году датами: 50-летием отмены крепостного права и 200-летием со дня рождения великого русского ученого М. В. Ломоносова.

Обличая царское правительство, всячески тормозившее развитие науки в России, Лебедев писал в своей статье «Русское общество и русские национальные лаборатории»:

«Русский ученый, у которого есть и способности, и желание работать в области чистой науки, волею судеб поставлен в особенно тяжелые условия, благодаря своей крепостной зависимости от учебных учреждений, и если мы теперь, в годовщину 19-го февраля, с жутким чувством читали воспоминания о том, как баре помыкали своими крепостными художниками и заставляли их красить заборы, то, может быть, с таким же жутким чувством наши потомки через пятьдесят лет будут читать воспоминания о той учебной барщине, которую отбывали Менделеевы, Сеченовы, Столетовы и ныне здравствующие крупные русские ученые, чтобы только получить право производить свои ученые работы, чтобы оплатить возможность прославить Россию своими открытиями»[3]. Это выступление П. Н. Лебедева, как и его уход из Московского университета, свидетельствует о том, что он боролся против произвола царского самодержавия, за возможность свободного развития науки. Но Лебедев не дошел до понимания того, что для создания благоприятных условий научного труда необходимо не только свергнуть царизм, но и уничтожить эксплуататорский строй.

В. И. Ленин, беспощадно разоблачая черносотенцев и либералов в своей статье, посвященной пятидесятилетию падения крепостного права, показал, что широким народным массам в условиях царского самодержавия нужны не реформы, а революция.

Как уже отмечалось, Лебедев не смог понять, какие политические задачи стояли перед русским народом, но он всеми силами своей души стремился к расцвету русской науки и созданной им школы физиков. Из этой школы, как известно, вышел целый ряд выдающихся русских физиков, которые в условиях советской власти стали в число ведущих ученых нашей страны. Некоторые из них, в свою очередь, стали учителями и руководителями больших коллективов ученых. К числу известных деятелей науки, вышедших из школы П. Н. Лебедева, относятся академики С. И. Вавилов, П. П. Лазарев и многие другие.

Лебедев, как патриот и демократ, требовал раскрепощения науки. Будучи продолжателем традиций великого русского ученого М. В. Ломоносова, в статье, посвященной 200-летию со дня его рождения, Лебедев

[1] Н. А. Умов. Собр. соч. Т. III, стр. 423.

[2] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 2, № 46, лист. 1.

[3] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 352—353. 1913.

показывает борьбу этого корифея науки за развитие в России просвещения, за воспитание отечественных ученых, за создание первой научной химической лаборатории. Лебедев призывает передовых людей своего времени следовать патриотическому примеру Ломоносова и создать новый физический научно-исследовательский институт, в котором могли бы работать молодые ученые. Бичуя правящую клику царской России, Лебедев писал: «Ломоносов все силы души положил на то, чтобы создать в России такие условия, при которых могли бы развиваться и работать эти собственные Платоны и Невтоны,— но и в этом отношении Россия за двести лет не очень далеко ушла вперед... но надо было бы спросить тех, кто близко знает Ломоносовские условия, в которые поставлены русские ученые исследования, и с которыми должна бороться за свое существование русская ученая школа, чтобы поверить, какое число уже начатых интересных исследований, как и у Ломоносова, неожиданно обрывается, какое число людей с несомненными проблесками таланта гибнет благодаря им и для науки и для страны: числа эти *ужасающие*»[1].

Рисуя ту обстановку, в которой пришлось работать мыслителю Ломоносову, сочувствуя ему всеми силами души и болезненно переживая трудности работы своего поколения при деспотизме царского правительства, Лебедев бросает горькие слова: «...Начиная свою ученую службу, Ломоносов шесть лет,— может быть, лучших лет своей жизни,— потерял для работы, не имея даже плохонькой лаборатории... ужас положения, в котором находился первый русский ученый-великомученик, и та душевная трагедия, которую он не мог не пережить, и теперь заставляют нас задуматься»[2].

Трагизм положения Ломоносова вызывал у Лебедева и глубокое сочувствие и чувство тревоги за судьбу своих исследований и всей русской науки. К цитированной выше статье Лебедев берет в качестве эпиграфа слова самого Ломоносова о том, что он не смог «совершить всего того, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук, и для славы академии, и теперь при конце моей жизни должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной».

Размышляя об условиях своей работы, Лебедев опасался, что и его полезные начинания исчезнут вместе с ним. Но, к счастью для науки, эти опасения не сбылись: начинания Лебедева были продолжены и приумножены многими учеными Советского Союза.

Лебедев глубоко сочувствовал борьбе Ломоносова против немецкого засилья в Петербургской академии наук и сам активно боролся против преклонения перед иностранщиной, за честь русской научной школы.

После выступлений Лебедева в 1899—1901 годах с сообщениями об открытии светового давления на твердые тела два американца — Э. Ф. Никольс и Дж. Гулль — пытались присвоить себе славу этого открытия. Понимая его значение для прогресса отечественной и мировой науки, Лебедев выступил в печати и неопровержимо доказал научную несостоятельность работ американских физиков.

Борьбу Лебедева с иностранцами за приоритет русской науки поддерживали и другие русские ученые, в том числе выдающийся русский физик Н. А. Умов.

Как уже указывалось, Лебедев был создателем замечательной школы русских физиков, работавших по единому научному плану, выработанному им.

Деятельность Лебедева, как создателя высокоорганизованной формы коллективной научной работы, явилась новой ступенью в развитии физики в России.

* * *

Формирование философских взглядов Лебедева происходило в период ожесточенной борьбы материализма с идеализмом, в период наступившего кризиса в естествознании.

Лебедев сумел критически преодолеть колебания между материализ

[1] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 374—375. 1913.

[2] Там же, стр. 373.

мом и идеализмом и стать убежденным материалистом.

Основным источником материалистических взглядов Лебедева явилось непосредственное изучение явлений природы, а также изучение трудов по физике и философии.

Большое влияние на формирование мировоззрения Лебедева оказали также передовые русские ученые Менделеев, Тимирязев, Столетов, Умов, Сеченов и другие; общение с ними и знакомство с их трудами облегчили ему усвоение материалистической традиции в естествознании и философии, ведущей начало от великого основоположника русской науки М. В. Ломоносова.

В 1896 году, уже будучи приват-доцентом по физике, Лебедев писал А. Н. Бекневу: «До сих пор мне жив и памятен тот колоссальный переворот во всем моем миросозерцании, который Вы произвели Вашей электрической машиной из пластины стекла с подушками из офицерских перчаток, и я впоследствии убедился, что в отсутствии такого перелома, в отчужденности от явлений природы, в том, что «явления природы» инстинктивно считают книжной выдумкой, лежит та китайская система «знания», которой проникнута вся Россия от финских хладных волн до пламенной Колхиды» [1].

Благодаря изучению физики у Лебедева все больше и больше укрепляется материалистическое мировоззрение. Конкретное ознакомление с реальными объектами и законами, настойчивое экспериментирование и смелое обобщение установленных фактов приводят его к материалистическим выводам.

Еще в ранние годы своей жизни Лебедев говорил об объективности мира и его закономерностей и их постепенном познании человеком. Будучи студентом, он много занимается вопросом о строении и свойствах материи и их познаваемости. Он создает теорию о вихреобразном движении материи, пытается объяснить атомные веса и установить связь между физикой и химией, специально занимаясь для этого спектральным анализом. В 1888 году Лебедев в противовес махистам делает замечание о том, что молекулы и атомы не только объективно существуют, но что они также и познаваемы [2].

Несколько позже в своих философских письмах к сестре он подчеркивает познаваемость мира. Прекрасно зная классическую литературу, он писал в апреле 1890 года о Гете и его философском произведении «Фауст»: «...В «Фаусте» благодаря глубине философской мысли, над которой великий поэт проработал всю свою долгую жизнь... нельзя было одним словом сказать то «все», которое там заключается...» [3].

Высмеивая средневековых схоластов, пытавшихся познать природу в отрыве от нее, только при помощи толкования и перетолковывания текстов из Аристотеля, критикуя также современных ему «ученых», которые пробовали поступать подобным же образом с творениями Гете, Лебедев пишет: «Повторилась та же история, что с Аристотелем в средние века, когда его творения изучались до виртуозности, сопоставляли, видимо, простые фразы из разных томов, доходили до чудовищных ухищрений, думая, что в Аристотеле — вся природа уже разгадана, стоит только понять тот задний смысл, который кроется в простых фразах; вот каким путем думали в средние века изучать природу — и никому в голову не приходило, что такой гений, как Аристотель, мог и ошибаться и не все сказать, многое не знать и что не мешает прямо посмотреть, понаблюдать то, что делается в живой природе. Так же стали смотреть на Фауста» [4].

В своих письмах, посвященных философии, Лебедев касается также вопроса об источниках наших знаний. Критикуя идеалистов, в письме от 25 ноября 1890 года он справедливо указывает: «...*Нет* «чистого»

---

[1] «Научное наследство». Т. I, стр. 560 (разрядка моя.— *А. Ш.*).

[2] См. Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 82, л. 12.

[3] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 4, № 12, л. 28

[4] Там же, л. 28—29.

познавания, т. е. познавания независимого от наших пяти чувств: все то, что мы познаем, мы так или иначе восприняли нашими пятью чувствами. Это была ошибка древних философов (не всех древних, а идеалистов, надо бы сказать! — *А. Ш.*), которые думали сидя в комнате выдумать все законы природы, тогда как современный ученый не полагается на всесильность своего ума и изучает природу наглядно при помощи пяти чувств, чтобы посредством этих пяти чувств собрать материал и потом уже его рассортировать при помощи познавания и рассуждения» [1].

Однако дальше Лебедев ошибочно указывает, что для познания всего окружающего нас мира якобы недостаточно пяти органов чувств.

Следует особо подчеркнуть, что Лебедев в области исследования проблем физики всегда стоял на материалистических позициях.

В противоположность позитивистам, кричавшим о «банкротстве науки» и утверждавшим, что задача науки не объяснять явления, а только описывать их, Лебедев настойчиво заявлял о неограниченной возможности познания природы. По этому вопросу мы находим достаточно ясные высказывания в его письмах, научных дневниках, лекциях и печатных выступлениях.

В своем публичном выступлении в 1892 году Лебедев подчеркивал возможность познания материального мира в следующих словах: «Перед исследователем открывается огромное поле для изучения движения материи всей вселенной: соединяя скорости движения звезд в направлении луча зрения (получаемые при помощи спектроскопа) с их движением в перпендикулярном направлении (по вычислениям из передвижения по небесному своду), можно получить скорости и направления движений звезд в бесконечном мировом пространстве» [2].

Мощные методы физики, говорил Лебедев, дают возможность исследовать движение материи во всей Вселенной, в том числе и космических тел — звезд. Сейчас нам известны, продолжает он, движения отдельных звезд, но каким общим законам подчиняются эти движения? Какими особыми свойствами обладает вся Вселенная? «Ответ на эти вопросы,— писал Лебедев,— кроется еще в далеком будущем, а теперь я перейду к тем исследованиям, которые должны будут подготовить его» [3].

Еще яснее признание неограниченной возможности познания материального мира высказано им в заключении этой речи: «Те результаты, о которых мы слышали, — только первые, блистательно увенчавшиеся попытки применения нового метода, при помощи которого мы можем в ночной тишине заставить говорить природу: волны звездного света будут рассказывать нам... тайны мироздания. Что даст нам это новое изучение? Где границы исследования природы? — Вот как на это отвечает Полонский:

Царство науки не знает предела,—
Всюду следы ее вечных побед,
Разума слово и дело,
Сила и свет!» [4].

В своей статье «Скала электромагнитных волн в эфире», опубликованной в 1901 году, Лебедев писал: «Весьма вероятно, что не далеко уже то время, когда будет найден переход от наиболее коротких «искусственных» электромагнитных волн к наиболее длинным тепловым: тогда вопрос о длинных волнах, до бесконечно-длинных включительно (статистическое электрическое или магнитное поле), будет решен. Для коротких волн условия совершенно иные: здесь нашим исследованиям положен предел — предел, обусловленный атомным строением материи. Где находится этот предел? Далеки ли мы теперь от него? Какой материал дадут эти короткие волны для изучения материи, а может быть и эфира? Это вопросы, на которые ответ может дать только будущее» [5].

В лекциях о задачах физики, которые Лебедев читал для работаю-

[1] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 4, № 12, л. 55.
[2] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 236—237. 1913.
[3] Там же, стр. 224.
[4] Там же, стр. 239.
[5] Там же, стр. 326.

щих у него в лаборатории, он настойчиво защищал идею познаваемости материального мира. В этих лекциях, читанных в 1903—1904 годах и позже, Лебедев подчеркивает, что цель его состоит в том, чтобы дополнить курс экспериментальной физики в двух направлениях: «*Во-первых,* коснуться тех вопросов, которые стоят на рубеже нашего знания, представляют собою первые попытки проникнуть в область неизвестного, результаты их еще впереди... *Во-вторых* — и на это я особенно хотел бы обратить Ваше внимание — мне хочется попытаться открыть перед Вами закулисную сторону физики, показать, как *созидается* наука, т. е. дать Вам возможность узнать, *какими* задачами *можно* задаваться и *как* следует приступаться к ним, чтобы труд был не напрасным» [1]. Сравнивая цели обычного университетского курса опытной физики и читаемых им лекций по современной физике, Лебедев говорит, что главное, если не исключительное, назначение его курса и «...заключается в том, чтобы, знакомя Вас с границами нашего современного знания, во-первых, разрушить то, в огромном большинстве случаев бессознательное, представление, что вся наука уже окончена и заключается в книжках, что выдумали ее какие-то незримые гиганты, и что Ваша роль — только заучивать то, что другие сделали, а, во-вторых, указать Вам путь к производительному самостоятельному творческому мышлению...» [2].

Затем Лебедев говорит о путях решения научных вопросов. Здесь он отмечает, что, кроме способности, таланта, интереса, необходимых ученому при исследовании того или иного вопроса, обязательным условием успеха в решении задачи является также огромное трудолюбие.

Он считает, что самое интересное в научном исследовании состоит «в переходе от известного к неизвестному, в *отыскании пути,* по которому следует идти. Когда *Ньютона* однажды спросили о том, как он дошел до своих открытий, он мог только ответить: «Я постоянно, почти непрерывно думал об этих вопросах» [3].

Лебедев справедливо говорит, что познание закономерностей материального мира приносит огромное моральное удовлетворение человеку. Он подчеркивает исключительную глубину замечательных мыслей о единстве многообразных явлений материального мира, высказанных А. Гумбольдтом: «...идея: объяснить все существующее из одного общего простого принципа и составляла стремление всех философов — и понятно, они ни к чему не пришли. Этот вопрос нельзя решить наитием свыше, — писал Лебедев, — для его решения нужна огромная масса труда чисто эмпирического. Когда решится этот вопрос окончательно и появится чудная книжка — неизвестно, но вперед хочется дать ей эпиграф из «Космоса» одного из величайших естествоиспытателей — Гумбольдта «Природа есть единство во множестве, есть соединение разнообразного по форме и по составу в одно общее гармоническое целое» [4].

Признавая неограниченную возможность познания материального мира, Лебедев справедливо считает, что познание тогда истинно, когда оно подтверждено экспериментом, опытом. Как известно, Лебедев на протяжении всей своей жизни был горячим сторонником органического соединения слова и дела, теории и практики. Он был против торгашеского подхода к науке, выступая против превращения ее в предмет купли и продажи.

В своей научной деятельности Лебедев не дошел до понимания практики в марксистском смысле как общественной деятельности человечества. Понятие опыта он излагает в своих сочинениях материалистически, но ограниченно, в смысле научного эксперимента и наблюдения.

Лебедев всегда настойчиво подчеркивал, что все теоретические соображения необходимо увязывать с практикой, с экспериментом. Его

[1] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 79, лл. 3—4.
[2] Там же. л. 4.
[3] Там же, л. 9.
[4] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 4, № 12, л. 42.

собственные исследования могут служить образцом прекрасного сочетания теории и эксперимента, их единства. Во введении к своей докторской диссертации по физике он писал: «...На основании полученных результатов изучать более сложные вопросы и, пользуясь непосредственным опытом, проверять на нем наши соображения или исследовать новые, может быть, неожиданные особенности интересующих нас пондеромоторных сил...» [1].

Особенно ясное понимание взаимозависимости теории и практики Лебедев обнаруживает в суждениях об электромагнитной теории света. Он говорил об этом в своей лекции «Экспериментальные основы электромагнитной теории света»: «Стремление объяснить все известные световые явления, исходя из возможно простых основных положений, и таким образом связать в одно целое тот огромный фактический материал, который представляет собой современная оптика, повели к целому ряду попыток создать общие теории света...» [2].

Далее он указывал: «Каждая такая теория только до тех пор и имеет право на существование, покуда у ней нет противоречия с опытом: такое противоречие доказывает, что основные гипотезы неудовлетворительны и должны быть оставлены» [3]. Ясно понимая роль практики, запросов жизни и науки для теоретических заключений, он одновременно подчеркивает и обратное влияние теоретических исследований на технику, эксперимент.

В конспекте лекций по курсу «Современные задачи физики», читанных им в 1895—1905 годах, Лебедев замечает: «Источник механики — технические потребности (Архимед защищал Сиракузы)». «Механика как побуждение к математике» [4].

Важно отметить, что Лебедев не только правильно ставил вопрос о соотношении науки и техники, науки и жизни, но правильно, материалистически объяснял, что познание геометрических аксиом и законов природы, формулируемых в науках, в частности в механике, стало возможно благодаря опыту, практике. Он не сбился с правильной, материалистической линии при решении этого вопроса, что случалось часто со многими его современниками.

* * *

Лебедев в своих дневниках, лекциях и печатных выступлениях неоднократно указывал, что все окружающее нас состоит из материи, что объективный мир управляется присущими ему законами.

Одновременно он подчеркивал, что предметом естествознания является изучение свойств различных тел, явлений, начиная от молекул и кончая звездами. Во введении к конспекту лекции «О движении звезд по спектроскопическим исследованиям» он писал: «Мир молекул... и мир звезд как два крайние предела нашего понятия о материи и движении ее» [5]. В опубликованном тексте этой лекции мы читаем: «С самых первых шагов изучения природы, мы замечаем стремление человека захватить изучаемый предмет во всей его полноте и подойти к границам возможного: при изучении материи, из которой состоит все окружающее нас, такими границами являются с одной стороны мир молекул, а с другой рассеянные в бесконечном пространстве звезды» [6].

Интересны не только приведенные высказывания Лебедева, касающиеся вопроса о материальном единстве мира. Большое значение в этом отношении имеют также его работы по доказательству существования светового давления.

В противоположность идеалистам Лебедев все время подчеркивает наличие объективно существующих закономерностей природы, взаимосвязи, причинности, как одного из моментов универсальной связи явлений материального мира.

Отмечая объективность закономер-

[1] П. Н. Лебедев. Избранные сочинения, стр. 90. 1949.
[2] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 23, л. 1.
[3] Там же
[4] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 65, л. 3.
[5] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 90, л. 150.
[6] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 223. 1913.

ностей, он пишет в заметках, посвященных исследованию резонаторов, что когда «...амплитуды равно направлены — по всем законам природы, надо ожидать *притяжения* — каковое и наблюдается в действительности» [1].

В другом месте, подчеркивая существование объективной закономерности, Лебедев пишет: «Все устроится так, как оно не может не устроиться, такова закономерность явлений». Но далее он замечает: «Не устраивается только у нас, у физиков, когда мы от долготерпеливой матери-природы требуем, по скудоумию нашему, того, что противно ее естеству» [2].

Эти материалистические положения Лебедева являются основой всех его работ.

Материалистические воззрения Лебедева проявились и в том, что в своих дневниках он правильно критиковал несостоятельность идеалистических выводов о тепловой смерти Вселенной, делаемых буржуазными учеными из второго принципа термодинамики.

Лебедев в своих работах неоднократно подчеркивал нерушимость закона сохранения и превращения энергии. Он остался на этой позиции и в тот период, когда раздались идеалистические вопли об ошибочности этого закона, якобы подтверждаемой радиоактивными процессами.

Будучи твердо убежден в верности закона сохранения и превращения энергии, он писал в своей статье «Физические причины, обусловливающие отступления от гравитационного закона Ньютона» следующее: «Чтобы доказать существование электризации газов хвоста, часто указывают на сходство свечения кометных хвостов со свечением в Гейслеровских трубках; такой способ доказательства не выдерживает критики и противоречит принципу сохранения энергии, согласно которому всякое свечение сопряжено с отдачею энергии, а таковое не может иметь места в случае электро*статически* неизменно заряженных газовых молекул...» [3].

Работы П. Н. Лебедева доказали неразрывность материи и движения для случая света, т. е. для тех физических явлений, относительно которых идеалист Оствальд и его последователи утверждали, что существует одно движение без всякого материального носителя. Опыты Лебедева показали всю несостоятельность энергетики Оствальда.

В своих лекциях по современной физике Лебедев критиковал идеалистические высказывания Оствальда, называя их «модными течениями».

К чести русских ученых-материалистов, следует отметить, что против махизма и оствальдовщины выступили решительным образом Менделеев, Столетов, Умов, Гольдгаммер и другие.

Как уже было сказано, Лебедев был убежден в существовании объективного мира и считал задачей различных наук изучение природы во всем ее многообразии. В письмах к сестре Лебедев указывал, что задача состоит в том, чтобы «наблюдать природу, каковой она нам представляется, и стараться объяснить все явления посредством «сил природы» [4].

Лебедев рано приходит к выводу, что в мире нет ничего сверхъестественного. Еще в юношеских дневниках он отмечал: «В духов, конечно, я не верю, потому что нужно быть старухой-салопницей, чтобы верить в «навождения» и вообще все сверхъестественное...» [5].

Убежденность Лебедева в независимости физических явлений от сознания человека находит отражение и в его печатных выступлениях. Так, после открытия рентгеновых лучей в 1895 году Лебедев пишет об их природе следующее: «Целый ряд других особенностей *x*-лучей также без труда объясняется на основании предположения, что они суть ультра-ультра-фиолетовые лучи света. Во всяком случае, это лишь одно из

---

[1] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 90, л. 308.

[2] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 2, № 38, л. 27.

[3] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 330. 1913.

[4] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 4, № 12, л. 48.

[5] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 110/1, лл. 39—40.

возможных предположений, и только всестороннее внимательное исследование самого явления, как оно совершается в природе, независимо от каких-либо теорий, может раскрыть нам сущность его» [1].

Как мы видим, здесь Лебедевым подчеркивается и та мысль, что нельзя смешивать, отождествлять явление, существующее в природе объективно, независимо от нас и наших теорий, с нашим истолкованием этого явления, выражающимся в построении гипотез и теорий.

Говоря об изучении природы рентгеновых лучей, он указывал, что все силы ученых-физиков «направлены на то, чтобы найти те невидимые нити, которые связывают новое явление с другими, нам хорошо известными явлениями природы, выяснить нам то положение, которое оно занимает среди них и тем расширить и обогатить ту стройную картину природы, которую дает нам физика» [2].

Неизменно настаивая на объективном отражении в научных теориях закономерностей материального мира, Лебедев все время борется против произвола и субъективизма, требуя, чтобы установленные исследованием факты обобщались без предвзятых мнений.

Читая в 1895—1896 годах специальный курс по электромагнитной теории света, он подчеркивает: «Не человек выдумал, что свет электромагнитное колебание — свет всегда был и всегда будет электромагнитным колебанием — человек только понял, узнал, что это так» [3].

Следовательно, Лебедев утверждает независимое от человека и его сознания существование света как электромагнитного процесса. Он указывает, что человек в процессе изучения природы познает объективную истину, содержание которой не зависит от его сознания. Таким образом, в своих исследованиях вопроса о сущности света Лебедев твердо стоял на позициях материализма.

Необходимо отметить, что материалистические взгляды Лебедева распространялись не только на область его собственной работы. Его мысли по вопросам методов работы в области биологии, языкознания и других наук, далеких от его специальности, показывают, что он понимал плодотворность научно-материалистических воззрений для самых различных отраслей знания.

Проявляя глубокий интерес к другим разделам науки, в частности к изучению высшей нервной деятельности, Лебедев внушал его и своим ученикам. Один из его учеников, П. П. Лазарев, в 1909 году делает на коллоквиуме в Московском университете сообщение о работах И. П. Павлова. Прекрасно понимая исключительную плодотворность материалистического метода, примененного Павловым при изучении высшей нервной деятельности, Лебедев в противовес идеалистам-психологам придавал особое значение его работам и интересовался деятельностью его лабораторий. Как известно, 28 декабря 1909 года на том же съезде естествоиспытателей и врачей, на котором Лебедев выступал с докладом о световом давлении на газы, произнес свою знаменитую речь «Естествознание и мозг» великий русский физиолог, ученый-материалист И. П. Павлов. Об этой речи и о методе работы Павлова Лебедев дал восторженный отзыв. Он говорил, что в области биологии научно работать можно только так, как работает Павлов, иначе биология перестанет быть наукой.

* * *

Материалистические убеждения Лебедева вместе с его замечательно глубоким познанием природы, гениальным теоретическим предвидением и непревзойденным экспериментальным мастерством явились важнейшим условием, позволившим ему открыть световое давление. Материалистические взгляды дали ему возможность правильно наметить направление своей творческой деятельности. Они привели его к созданию оригинальной молекулярной теории притяжения на основе осмысливания электромагнитной теории света и опытов Столетова и Гертца по выяс-

---

[1] П. Н. Лебедев. Соч., стр. 271. 1913.
[2] Там же.
[3] Архив АН СССР. Ф. 293, оп. 1, № 66, л. 5.

нению сущности света. Молекулярная теория притяжения Лебедева является теоретической основой всех его работ, в том числе и работ, посвященных открытию светового давления на твердые тела и на газы.

Эти открытия имеют исключительно большое значение для современной науки. Опыты Лебедева явились поворотной вехой в развитии мировой науки. Они заложили не только незыблемый экспериментальный фундамент для дальнейшего развития электромагнитной теории света и теории кометных форм, но и явились отправным моментом для пересмотра некоторых основных понятий физики, как понятия массы и энергии, электромагнитного поля, для создания основ современной физики, рассматривающей в единстве прерывного и непрерывного качественные разновидности материи: вещество и поле.

Как показал впервые академик С. И. Вавилов, из соотношения Лебедева для вычисления давления света $P=\frac{E}{c}$ следует в случае излучения соотношение $E=mc^2$, имеющее огромное значение для современной физики вообще и, в частности, для атомной физики. Это соотношение говорит о связи и неразрывности массы и энергии в световом потоке.

До опытов Лебедева считалось, что свет есть лучистая энергия, предполагалось, что он не имеет массы. Гениальные опыты Лебедева показали, что это не так. Он установил, что свет обладает массой, т. е. одним из физических признаков материальности тел.

Обнаружив у света массу, Лебедев установил единство вещества и света. Но веществу присущи и другие свойства, в том числе прерывность, атомистичность. До открытия Лебедева считалось, что свет непрерывен. Его опыты дали возможность утверждать, что свету, как одной из качественных разновидностей материи, одновременно присуща и прерывность. Современные опыты по диффракции электронов также показали, что материальные образования, всегда считавшиеся только частицами, одновременно обнаруживают и свойства волн, т. е. являются не только прерывными, но вместе с тем и непрерывными. Таким образом, начало установлению единства прерывного и непрерывного в строении и свойствах материи было положено опытами гениального русского ученого Лебедева.

Следовательно, его открытие является одним из естественно-научных подтверждений положения диалектического материализма о единстве прерывного и непрерывного.

Все сказанное выше позволяет еще раз подчеркнуть, что открытие Лебедевым светового давления и измерение его величины — это блестящая победа материализма в науке.

О преимущественных системах отсчета в ньютоновской механике и теории относительности

М. Ф. ШИРОКОВ

Земля была первой преимущественной системой отсчёта, к которой человек относил движения всех других тел.

Накопление фактов астрономических наблюдений в отношении движения планет — «блуждающих звёзд» — привело к созданию в XVI веке Коперником гелиоцентрической системы мира, в которой преимущественным телом отсчёта является неподвижное Солнце, находящееся в центре мира.

Как известно, римско-католическая церковь декретом священной конгрегации от 5 марта 1616 года запретила учение Коперника как противное священному писанию и потому, по мнению церкви, ложное. С точки зрения церкви, только Земля является неподвижным центром Вселенной, т. е. преимущественной системой отсчёта для всего мира в целом.

Энгельс в связи с этим следующим образом характеризует значение системы Коперника: «Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы» [1].

В противоположность этой высокой оценке Энгельса буржуазные философы и физики, выполняя социальный заказ своих капиталистических хозяев, пытаются принизить или даже полностью отрицать значение великого открытия Коперника, которое в своё время нанесло сокрушительный удар религиозному мировоззрению и продолжает и сейчас играть большую прогрессивную роль в борьбе с фидеизмом и поповщиной.

Современные представители реакционной буржуазной науки не отрицают прямо правильности системы Коперника, а лишь объявляют её «эквивалентной» геоцентрической системе Птоломея, т. е. равноправной с ней. Впервые такую точку зрения выдвинул Эрнст Мах, а затем её стали поддерживать, пытаясь обосновать при помощи теории относительности, основоположники этой теории А. Эйнштейн и А. Пуанкаре, а также другие учёные. В настоящее время борьба против системы Коперника наиболее интенсивно ведётся в США. Там, например, появляются в свет такие книги, как книга А. Эрмитейджа «Солнце, остановись!» [2]. В ней «доказывается», что Коперник не сделал никакого открытия, а лишь произвёл выбор системы координат, связанной с Солнцем, и принял, что планеты вращаются вокруг него.

Аргументация буржуазных учёных против объективной истинности системы Коперника основывается на вытекающих из их махистских воззрений неправильных толкованиях теории относительности и неясностях, имевших место до последнего времени, при формулировке в этой теории теорем о центре инерции и сохранении количества движения, энергии и массы. Следуя гносеологическим установкам Маха, Эйнштейн выдвинул положение о полном равноправии в любых точках пространства, включая и бесконечно удалённые, систем отсчёта, как движущихся равномерно и прямолинейно (инерциальных), так и ускоренно (неинерциальных). Это положение Эйнштейна неверно по существу, так как равноправие инерциальных и неинерциальных систем отсчёта, по данным опыта, имеет место лишь для бесконечно малых участков пространства и на протяжении бесконечно малых интервалов времени, о чём более подробно будет сказано ниже (см. гл. 4). Между тем именно на основе этого положения Эйнштейном, Эддингтоном и другими зарубежными учёными отрицается существование для изолированных совокупностей тел преимущественных систем отсчёта, связанных с их центрами инерции.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 5. 1949.

[2] Angus Armitage. Sun, stend thou still. New York. 1947.

К числу таких преимущественных систем отсчёта относится и гелиоцентрическая система Коперника. Отсюда и берут своё начало реакционные утверждения об «эквивалентности» систем Коперника и Птоломея, о том, что система Коперника не представляет открытия большого принципиального научного значения, а является лишь «удобной» для расчётов системой координат и т. п. Корни этих рассуждений лежат в тенденциозном толковании теории относительности в духе идеалистических идей Маха, которое не опирается и не может опираться на данные опыта.

Вскрытию ошибочности подобного рода идеалистических извращений современной науки и посвящена настоящая работа.

В начале статьи разбирается обоснование системы Коперника, даваемое в ньютоновской механике. Как уже отмечалось выше, система Коперника является инерциальной системой отсчёта, связанной с центром инерции совокупности тел, образующих нашу планетную систему. Такие системы отсчёта для изолированных совокупностей тел являются преимущественными, так как в них имеют место законы сохранения массы, импульса и энергии и вытекающая из них теорема о центре инерции. В ньютоновской механике все инерциальные системы отсчёта являются равноправными. Поэтому любая система отсчёта, в которой центр инерции данной совокупности тел движется равномерно и прямолинейно, будет также преимущественной.

Далее показывается, что понятие преимущественной системы отсчёта, формулированное в ньютоновской механике, полностью сохраняется в специальной и общей теории относительности. В теории относительности, однако, законы сохранения и теорема о центре инерции распространяются на вновь открытые формы материи — электромагнитные, гравитационные и другие поля — с новыми законами движения.

Новые открытия в физике, таким образом, не только не поколебали понятия преимущественной системы отсчёта ньютоновской механики, а, наоборот, укрепили и обобщили его. Система Коперника, как преимущественная для нашей планетной системы, получила в новых открытиях физики ещё более глубокое обоснование. В сущности, именно в общей теории относительности в наиболее убедительной форме выяснилось, что система Птоломея не может реально осуществляться в природе и, следовательно, не может быть и речи об её объективной истинности и тем более об её эквивалентности системе Коперника.

Отрицательное влияние махизма, позитивизма и других идеалистических концепций проявилось у ряда буржуазных учёных и в таком важном для интересующей нас проблемы вопросе, как теорема о центре инерции в общей теории относительности. Не случайно, что такой крупный учёный, как Леви-Чивита [1], пришёл к ошибочному выводу, что центр инерции в общей теории относительности должен двигаться ускоренно, а многие зарубежные физики весьма пессимистически высказывались вообще о возможности существования в специальной и общей теории относительности теоремы о центре инерции.

Причина такой трудности для этих учёных заключалась в их недооценке факта материальности полей, распределение масс которых сказывается на пространственных координатах центра инерции. Не случайно также и то обстоятельство, что в проблему центра инерции большую ясность внесли именно работы советских учёных, особенно работы В. А. Фока.

Проблема преимущественной системы отсчёта рассматривается ниже как физическая проблема. Объективная истинность системы Коперника вытекает из некоторых положений ньютоновской механики, получивших в дальнейшем более точную и общую формулировку в специальной и общей теории относительности.

Ограничивая рамки нашей работы применением законов физики и механики, мы, естественно, не касались других аргументов в пользу правильности системы Коперника, как то: особая роль Солнца в жизни нашей планетной системы, история её развития и т. п.

1. Преимущественная система отсчёта в ньютоновской механике

Открытия, сделанные в астрономии после Коперника, показали, что Солнце является одним из многочисленных небесных тел, входящих в огромное их скопление, именуемое Галактикой, и, таким образом, система отсчёта, связанная с Солнцем, не является преимущественной не только для Вселенной в целом, но даже и для Галактики.

Понятие преимущественного тела отсчёта для гелиоцентрической системы имеет смысл лишь в применении к совокупности тел, образующих нашу планетную систему.

Такие преимущественные системы отсчёта существуют и для других образований, как, например, наша Галактика, туманности и т. д.

Обнаружение того обстоятельства, что гелиоцентрическая система Коперника не является системой, пригодной для всей Вселенной, нисколько не уменьшило значения его открытия в борьбе науки с

[1] См. его статью в журнале «American Journal of Mathematics». V. 49, p. 9. 1937.

церковным мировоззрением. Церковь отстаивала учение о неподвижной Земле как центре Вселенной, и она осуждала как учение Коперника, в котором за центр мира принималось Солнце, так и учение Джордано Бруно об отсутствии во Вселенной неподвижных центров и о существовании бесчисленных миров, обращающихся вокруг своих солнц.

В ньютоновской механике система Коперника, а также самое понятие преимущественной системы отсчёта получили более глубокое обоснование и уточнение.

Из всех тел нашей планетной системы Солнце имеет наибольшую массу, и поэтому оно практически является центром инерции системы, т. е. не только кинематическим, но и динамическим её центром.

С точки зрения ньютоновской механики, преимущественная система отсчёта должна обладать одним весьма важным свойством: в ней должен выполняться закон инерции для какого-либо тела системы, не взаимодействующего с другими телами. Такие системы отсчёта называются инерциальными.

Требование инерциальности является столь важным, что на выяснении его необходимости следует особо остановиться.

В неинерциальных системах отсчёта тела приобретают дополнительные ускорения, которые происходят вследствие самого факта перехода в ускоренную систему отсчёта.

Силы, возникшие по этой причине, называются инерциальными. Характерной особенностью их является невыполнение для них третьего закона механики о действии и противодействии.

Невыполнение третьего закона механики в неинерциальных системах отсчёта при переходе к ним равносильно помещению какой-либо изолированной совокупности тел в некоторое внешнее силовое поле, вследствие чего эта совокупность перестаёт быть изолированной; суммарные количество движения, энергия и вращательный момент её перестают быть сохраняющимися величинами, что ведёт к невыполнению теоремы о центре инерции.

Так, например, в системе отсчёта, движущейся с постоянным ускорением $-a$, на всякое тело массы m будет действовать сила $F = ma$, что равносильно существованию силового поля с потенциалом $\varphi = -ax$, причём в такой системе отсчёта количество движения, кинетическая энергия и вращательный момент уже не сохраняются.

Поле инерциальных сил распространяется на неограниченную область пространства, и на бесконечно больших расстояниях от системы для этих сил нельзя указать удовлетворительных граничных условий. Так, например, во вращающихся системах отсчёта поля центробежных сил неограниченно растут при удалении от оси вращения; в системах, движущихся с постоянным ускорением, потенциал силового поля растёт по абсолютной величине, стремясь в бесконечно удалённых точках к бесконечности.

Наконец, инерциальные силовые поля имеют характеристики в виде ускорений, угловых скоростей и т. п., относящиеся к самой неинерциальной системе отсчёта, но не свойственные избранной совокупности тел.

Таким образом, в ньютоновской механике неинерциальные системы отсчёта не пригодны в качестве преимущественных потому, что в них не выполняются законы действия и противодействия и сохранения количества движения, энергии и механического момента, и, следовательно, теряет смысл понятие изолированности системы; для силовых полей не имеется удовлетворительных граничных условий в бесконечно удалённых точках, и эти поля имеют характеристики, не свойственные данной системе тел.

Этих недостатков не имеют инерциальные системы отсчёта, и потому они могут быть преимущественными. В качестве таковой для изолированной системы тел может быть избрана система отсчёта, связанная с центром инерции, что фактически и сделал для нашей планетной системы Коперник.

Как известно, в основе механики Ньютона лежит определение абсолютного пространства и времени и различение на основе этого абсолютных и относительных движений. Эти положения Ньютона носили, однако, декларативный характер, без ссылки на какие-либо физические факты.

В механике Ньютона справедлив принцип относительности, согласно которому законы механики одинаковы во всех инерциальных системах отсчёта. Признание равноправности всех инерциальных систем отсчёта равнозначно, однако, отрицанию преимущественной системы отсчёта, связанной с абсолютным пространством.

Из принципа относительности Галилея вытекает, что для данной изолированной совокупности тел в качестве преимущественной может быть избрана любая инерциальная система отсчёта, в которой центр инерции нашей совокупности тел покоится или движется равномерно и прямолинейно.

Так как переход от одних инерциальных систем координат к другим совершается при помощи известных преобразований Галилея, то указанное выше обстоятельство можно формулировать следующим образом: в ньютоновской механике преимущественная система

отсчёта даётся с точностью до произвольного преобразования Галилея.

2. Электродинамика и специальная теория относительности

Понятие преимущественной системы отсчёта классической механики потеряло, однако, свой непосредственный смысл в связи с открытиями электродинамики XIX века.

Дело в том, что в механике Ньютона в инерциальных системах координат силы принимались зависящими только от расстояний между телами и направленными по прямым, их соединяющим. Силы, открытые в электродинамике, оказались обладающими новыми свойствами. Они не только зависят от расстояний между заряжёнными телами (частицами), но и от их скоростей и, вообще говоря, не направлены по прямым, соединяющим тела, а кроме того они распространяются с конечной скоростью, равной в пустоте скорости света.

Закон действия и противодействия поэтому не выполняется для систем, состоящих из заряжённых частиц, что ведёт к невыполнению законов сохранения импульса, энергии и механического момента, а также теоремы о центре инерции, и, следовательно, к невозможности применять понятие преимущественной системы отсчёта ньютоновской механики. То же имеет место и для совокупностей тел, притягивающихся друг к другу по закону всемирного тяготения, если принять во внимание, что силы всемирного тяготения распространяются с конечной скоростью, что, несомненно, имеет место в действительности.

С другой стороны, в электродинамике XIX века возникла идея универсальной привилегированной системы отсчёта, связанной с некоторой гипотетической средой — эфиром, при посредстве которой, как предполагалось, осуществляются электромагнитные взаимодействия. Отождествление этой системы отсчёта с абсолютным пространством Ньютона дало возможность вложить в понятие абсолютного пространства хотя и гипотетическое, но всё же конкретное физическое содержание.

Однако опыты по электродинамике (оптике) движущихся тел Майкельсона, Троутона и Нобля, Ренкина и др. не обнаружили движения в отношении эфира. Это привело к отрицанию существования как самого эфира, так и связанной с ним универсальной преимущественной системы отсчёта и к распространению принципа относительности на все явления, включая и электромагнитные.

Так возникла специальная теория относительности, которая основывается на положениях о равноправности инерциальных систем отсчёта и постоянстве скорости света в пустоте.

Теория относительности исключительно просто ликвидировала трудности электродинамики (оптики) движущихся тел, открыла пути разрешения ряда её сложных проблем и, в частности, интересующей нас проблемы преимущественной системы отсчёта для совокупности заряжённых частиц, взаимодействующих между собою электродинамически.

Оказалось, что из формулировки физических законов в виде, удовлетворяющем принципу относительности, вытекает, что электромагнитное поле само является одним из видов материи; оно имеет свойственные всякой материи физические величины: массу, энергию, количество движения и механический момент,— распределённые с некоторой плотностью и перемещающиеся в пространстве. Так как кроме того масса, энергия и т. д. могут передаваться от поля к частицам и обратно, то по этой причине импульс, энергия и механический момент некоторой системы заряжённых частиц, не взаимодействующих с другими, могут изменяться, т. е. для рассматриваемой системы, без включения в неё поля, не будет иметь места сохранение этих величин.

Если же принять во внимание существование особой формы материи — электромагнитного поля, с особыми законами движения, которые выражаются известной системой уравнений Максвелла, то система, состоящая из частиц и поля, сосредоточенных в конечной области пространства, в инерциальных системах отсчёта, станет изолированной; следовательно, суммарные масса, заряд, энергия, количество движения и механический момент будут сохраняться, в силу чего для этой системы будет выполняться теорема о центре инерции.

При переходе же к неинерциальным системам отсчёта наша материальная система теряет свою изолированность из-за появления полей инерциальных сил с неудовлетворительными граничными условиями в бесконечно удалённых точках. В силу этих обстоятельств все свойства неинерциальных систем отсчёта, по которым они в классической механике признаны были неприемлемыми в качестве преимущественных, здесь могут быть ещё раз перечислены, причём этот перечень, сделанный в предыдущем параграфе, может быть существенным образом пополнен.

Оказывается, в неинерциальных системах отсчёта не только не сохраняются импульс, энергия и механический момент, но не сохраняются также масса и заряд, как локально (в данной точке пространства), так и для всей системы в целом.

Таким образом, на тех же самых основаниях, что и в классической механике, с добавлением новых существенных аргументов, касающихся сохранения массы и заряда, можно утверждать, что преимущественными системами отсчёта в теории относительности могут быть только инерциальные. Одной из них будет система отсчёта, связанная с центром инерции материальной системы. Но в теории относительности все инерциальные системы отсчёта равноправны, и переход от одних из них к другим совершается при помощи преобразований Лоренца, заменяющих преобразования Галилея классической механики. Поэтому, так же как и в ньютоновской механике, в теории относительности для материальной изолированной системы, занимающей ограниченную область пространства, преимущественная система отсчёта даётся с точностью до некоторого произвольного преобразования Лоренца.

Правильность этого положения была показана для систем, состоящих из заряжённых частиц и электромагнитного поля. Однако и все другие поля — гравитационные и поля ядерных сил (мезонные поля) — являются материальными; они обладают массой, энергией и импульсом. Поэтому высказанное выше положение о преимущественных системах отсчёта имеет применимость и к системам, образованным любыми частицами и любыми полями, при помощи которых они взаимодействуют. Такой, например, системой может быть атомное ядро, состоящее из протонов, нейтронов, мезонного и электромагнитного полей, при помощи которых эти частицы взаимодействуют.

Принцип относительности равномерных и прямолинейных движений является положением об одинаковости законов природы во всех инерциальных системах отсчёта. Это положение выполняется как в ньютоновской механике, так и в теории относительности. Различие, однако, заключается в том, что в ньютоновской механике одинаковость законов, или ковариантность их, имеет место по отношению к преобразованиям Галилея, а в теории относительности — по отношению к преобразованиям Лоренца. Математически свойство ковариантности[1] выражается в том, что физические законы формулируются в виде равенств нулю некоторых тензоров — величин, преобразующихся по определённому правилу при переходе от одних координат к другим. Это получается потому, что существует теорема, согласно которой тензор, равный нулю в одной системе координат, равен нулю и во всякой другой, и, следовательно, такого рода равенства в одинаковой форме соблюдаются во всех системах отсчёта.

Согласно преобразованиям Галилея, время не меняется при переходе от одной инерциальной системы координат к другой; поэтому в ньютоновской механике можно было ограничиться трёхмерными тензорами, которые определены лишь в отношении преобразований пространственных координат. Согласно преобразованиям Лоренца, меняются не только пространственные координаты, но и время. Тензоры теории относительности поэтому являются четырёхмерными.

Пространство и время, как формы существования материи, образуют некоторое четырёхмерное многообразие — совокупность точек с координатами x, y, z и t, из которых три являются пространственными и одна — временной. Совокупность таких точек с координатами, меняющимися от $-\infty$ до $+\infty$, в геометрическом понимании, представляет некоторое четырёхмерное пространство, свойства которого определяются материей и её движением.

Координаты x, y, z, t удобно перенумеровать и обозначать x_μ, где $\mu = 1, 2, 3, 4$, причём в специальной теории относительности вместо t целесообразно ввести $x_4 = ict$, где $i = \sqrt{-1}$, а c — скорость света в пустоте.

В нашем четырёхмерном пространстве расстояние ds между двумя бесконечно близкими точками, называемое интервалом, есть инвариант (тензор нулевого ранга), т. е. величина, имеющая одно и то же численное значение во всех системах координат. Кроме того

$$ds^2 = g_{\mu\nu}\, dx_\mu\, dx_\nu. \qquad (1)$$

В этой формуле и далее по индексам, встречающимся дважды, производится суммирование, причём они при суммировании меняют свои значения от 1 до 4.

Соотношение (1) применимо в произвольных системах отсчёта, включая и неинерциальные, а также при пользовании любыми криволинейными координатными сетками. Метрический тензор 2-го ранга (компонента его имеет 2 значка) $g_{\mu\nu}$, являющийся некоторой функцией координат x_μ, определяет геометрические свойства пространства-времени.

Пространства, характеризуемые квадра-

[1] К сожалению, в настоящее время часто вместо правильного термина «ковариантность» неправильно употребляют в том же смысле термин «инвариантность», обозначающий просто одинаковость численного значения данной физической величины во всех системах координат.

тичной формой (1), называются эвклидовскими, если все координаты x_μ вещественны и если для них существует такая система координат, в которой во всём пространстве

$$g_{\mu\nu}\begin{cases} = 0 & \mu \neq \nu \\ = 1 & \mu = \nu \end{cases} \qquad (2)$$

и, следовательно, во всех точках пространства ds^2 равно сумме квадратов дифференциалов координат.

Для эвклидовских пространств такие системы координат будут преимущественными. Они называются прямоугольными системами координат Декарта. Г. Минковский показал, что в специальной теории относительности при употреблении для времени координаты $x_4 = ict$ могут быть построены такие системы координат, в которых во всём пространстве-времени метрический тензор $g_{\mu\nu}$ даётся соотношением (2), причём такие координатные сетки возможны лишь для инерциальных систем отсчёта. По этой причине инерциальные системы отсчёта в теории относительности являются преимущественными, так как они имеют такое же особое значение для пространства-времени, какое для эвклидовских пространств имеют декартовские прямоугольные системы координат. Геометрическая трактовка пространства-времени позволяет, таким образом, с новой точки зрения весьма просто решить проблему преимущественных систем отсчёта.

Для этих систем отсчёта в соответствии с уравнением (2) во всех точках пространства-времени вместо общей квадратичной формы для интервала (1), имеющей место для криволинейных координат и неинерциальных систем отсчёта, квадрат длины интервала определяется простым соотношением:

$$ds^2 = dx_1^2 + dx_2^2 + dx_3^2 + dx_4^2. \quad (1')$$

Пространство-время, даваемое формулой (1′), называется галилеевским. В нём существуют поверхности $x_4 = \text{const}$ ($t = \text{const}$), являющиеся трёхмерными эвклидовскими пространствами.

В преимущественных системах отсчёта для изолированных материальных систем законы сохранения импульса, энергии и массы имеют особо простой вид. Их выражением является равенство нулю расходимости (дивиргенции) суммарного тензора энергии-импульса поля и частиц $T^{\mu\nu}$, что математически запишется в виде:

$$\frac{\partial T^{\mu\nu}}{\partial x_\nu} = 0, \qquad (3)$$

где, как всегда, по индексу, встречающемуся дважды, производится суммирование.

Вся система имеет в силу этого уравнения сохраняющийся вектор энергии-импульса (тензор 1-го ранга)

$$P^\mu = \int T^{\mu\nu} df_\nu\,, \qquad (4)$$

сохраняющийся момент количества движения

$$M^{\mu\nu} = \int (x_\mu\, T^{\nu\alpha} - x_\nu\, T^{\mu\alpha})\, df_\nu \qquad (5)$$

и перемещающийся равномерно и прямолинейно центр инерции, координаты которого [1]

$$Y_\mu = -\frac{M^{\mu\nu}\, P_\nu}{P^\lambda\, P_\lambda}. \qquad (6)$$

В соотношениях (4) и (5) df_ν — вектор площадки гиперповерхности в пространстве-времени, по которой происходит интегрирование. Такая гиперповерхность, перпендикулярная оси времени, представляет обычный трёхмерный объём, и интегралы в (4) и (5) в этом случае сведутся к объёмным в обычном пространстве, что получается после подстановки для индекса α одного значения — «4» и вместо df_4 — обычного элемента объёма.

В заключение следует отметить, что понятие релятивистской ковариантности не является чисто математическим, а имеет глубокое физическое содержание.

Это видно хотя бы из того, что такое исключительно важное положение, как закон взаимосвязи массы и энергии, согласно которому носителем всякой энергии W является материя с массой $M = \frac{W}{c^2}$, вытекает как простое следствие из правильной, с точки зрения релятивистской ковариантности, записи законов сохранения энергии и импульса (3) и выражения (4) для суммарного импульса системы.

3. Элементарные частицы и квантовая теория

Законы движения элементарных частиц (электронов, протонов, нейтронов и др.) и их образований — микросистем (молекул, атомов, атомных ядер и т. д.) — имеют специфические особенности и находят выражение в квантовой теории.

Проблема преимущественной системы отсчёта для микросистем является не менее важной, чем для макроскопических систем. Так, например, выбор системы координат, связанной с центром инерции, для атома

[1] См. статью Ю. М. Широкова в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». Т. 21, вып. 6 за 1951 год, стр. 748.

позволил объяснить особое, так называемое изотопическое смещение спектральных линий. Преимущественные системы отсчёта нужны также для расчёта уровней энергии атомных ядер и молекул, решения задач столкновений двух и более частиц и т. д. Проблема нахождения преимущественных систем отсчёта для микросистем, однако, очень сложна и нуждается в особом рассмотрении.

Успех решения поставленной задачи зависит от того, в какой мере в квантовую теорию могут быть перенесены представления и теоремы ньютоновской (не квантовой) теории, на которых основывается понятие преимущественной системы отсчёта: изолированность микросистем и, следовательно, выполнение для них законов сохранения импульса, энергии и механического момента, а также теорема о центре инерции.

В принципе на этот вопрос можно дать положительный ответ: в квантовой теории для изолированных систем выполняются законы сохранения механических величин и вытекающая из них теорема о центре инерции. Следовательно, в принципе проблема преимущественной системы отсчёта для микросистем может быть решена на тех же основаниях, что и в ньютоновской теории.

В действительности, однако, пока не удалось дать строгой формулировки понятия изолированности для систем, состоящих из частиц и полей, в силу ряда трудностей, существующих в современной релятивистской квантовой теории элементарных частиц и полей.

Поля оказываются эквивалентными бесконечно большому числу осцилляторов, наименьшие значения колебательной энергии которых отличны от нуля и в сумме дают бесконечно большую величину. Заряжённые частицы в квантовой теории являются точечными, поэтому их собственная электрическая энергия оказывается бесконечно большой. Энергия их взаимодействия с переменным электромагнитным полем также содержит бесконечно большой член самовоздействия. Расходящиеся значения энергии получаются у частиц также от взаимодействия с гравитационным полем. Эти трудности, а также другие, здесь не упомянутые, находятся в стадии разрешения путём видоизменения уравнений электродинамики, разыскания нерасходящихся решений уравнений электродинамики и гравитации, релятивистски инвариантного размазывания заряда частицы и другими способами. Разные варианты теории уже и сейчас позволяют в ряде задач релятивистской квантовой теории пользоваться преимущественными системами отсчёта, хотя выбор этих последних ещё нуждается в дальнейшем обосновании.

4. Общая теория относительности

В основе общей теории относительности лежат два положения:

1. Общий принцип относительности: законы природы одинаковы во всех системах отсчёта, движущихся любым образом, т. е. с любыми скоростями и ускорениями.

2. Закон всемирного тяготения: геометрические свойства пространства-времени определяются распределением тензора энергии-импульса полей и частиц $T^{\mu\nu}$, согласно уравнению:

$$G^{\mu\nu} - \frac{1}{2} g^{\mu\nu} G = -kT^{\mu\nu}, \qquad (7)$$

где $G^{\mu\nu}$ — тензор кривизны Эйнштейна, зависящий от метрического тензора $g_{\mu\nu}$ и его первых и вторых производных по координатам, и k — гравитационная постоянная, пропорциональная гравитационной постоянной теории Ньютона.

Общий принцип относительности сводится к требованию ковариантности физических законов по отношению любых преобразований координат вида $x'_\mu = \varphi_\mu (x_1\ x_2\ x_3\ x_4)$, так как такого рода преобразования, вследствие зависимости пространственных координат от времени ($x_4 = ict$ или $x_4 = ct$), содержат в себе переходы к любым образом движущимся системам отсчёта.

Поэтому в общей теории относительности, так же как и в специальной, физические законы должны выражаться в виде равенств нулю некоторых тензоров, определённых в отношении преобразований координат самого общего типа, включающих в себя линейные преобразования Лоренца как частный случай.

Так как произвольные преобразования координат приводят также и к любым криволинейным системам их, то общий принцип относительности, несмотря на его кажущуюся радикальность, в сущности, сводится к естественному требованию формулировки физических законов независимо от выбора тех или иных координатных сеток. Это легко достигается при использовании развитого в современной математике учения о тензорах самого общего типа.

Закон всемирного тяготения (7) утверждает, что пространство-время не является галилеевским, так как его кривизна, описываемая тензором $G^{\mu\nu}$, может быть не равна нулю.

Правильность нового закона подтверждается прежде всего тем, что в нём содержится известный закон Ньютона, как частный случай, соответствующий слабому отклонению пространства-времени от галилеевского, что математически выражается в отклонении на малые величины метрического тензора $g_{\mu\nu}$ от галилеевских значений (2). Новый закон опирается, та-

ким образом, на огромный материал астрономических наблюдений и физических опытов, укладывающихся в рамки теории Ньютона.

Кроме того на основе нового закона дано объяснение смещения перигелия Меркурия, которое не могла объяснить ньютоновская теория, и были предсказаны и подтверждены наблюдением новые эффекты: искривление лучей света звёзд полем тяготения Солнца и смещение спектральных линий к красному концу в излучении звёзд, имеющих большие гравитационные поля. Данные по красному смещению, в частности, в настоящее время используются в звёздной астрономии для оценки масс звёзд. Закон тяготения общей теории относительности, таким образом, является надёжным, опирающимся на опыт обобщением старого закона Ньютона.

Глубокий физический смысл его заключается в том, что тяготение сводится к кривизне пространства-времени, обусловленной не только распределением масс материи, но и их движением, что выражается согласно (7) в пропорциональности некоторого геометрического тензора, связанного с кривизной пространства-времени, тензору энергии-импульса материи.

В новой теории тяготения нашли себе физическое применение геометрические идеи великого русского математика Н. И. Лобачевского.

Оказывается, что даже чисто пространственные интервалы, определяемые (1), в котором $dt = 0$, в полях тяготения не сводятся к эвклидовской форме, т. е. к сумме квадратов координат. Отклонения от эвклидовости будут, однако, весьма малыми и в земных условиях даже и сейчас не могут быть обнаружены экспериментально. Этим и объясняется то обстоятельство, что человеком была первоначально открыта и долгое время считалась единственно правильной геометрия Эвклида, так как её представления с большой точностью соответствуют практике человека.

Интересно, однако, отметить, что при астрономических наблюдениях искривления лучей света в поле тяготения Солнца уже проявляются отклонения от эвклидовости физического трёхмерного пространства. Оказывается, что изгибание светового луча складывается из двух одинаковых частей, из которых одна обязана своим происхождением изменению скорости света в поле тяготения, а другая обусловлена неэвклидовостью чисто пространственного интервала.

Современная наука, таким образом, наносит сокрушительный удар идеалистическому учению Канта о пространстве и времени с априорными, идущими от мышления свойствами; согласно его учению, только геометрия Эвклида является истинной, так как её аксиомы якобы «самоочевидны» и, следовательно, «присущи» нашему уму.

Метафизическое абсолютное пространство-время Ньютона, в сущности, и есть пространство-время Канта. Не случайно поэтому попытки восстановления идей абсолютного движения, представлений об особой мировой среде — эфире — и т. п. обычно связаны с реставрацией в физике идей Канта о пространстве и времени с априорными, идущими от «разума» свойствами. Эти идеи сводятся, по существу, к требованию выполнения аксиом геометрии Эвклида и кинематики Галилея.

Хорошей иллюстрацией правильности сказанного выше может служить недавно вышедшая в свет большая книга французского физика Дива, отличающегося своими откровенно идеалистическими воззрениями[1]. Вместо специальной и общей теории относительности он выдвигает новую теорию, в основу которой непосредственно полагает определение пространства и времени по Канту, мотивируя это тем, что оно хорошо соответствует нашей непосредственной интуиции и потому наилучшим образом удовлетворяет махистскому тезису «удобства описания».

В теории Дива имеется некоторая универсальная преимущественная галилеевская система отсчёта, связанная с абсолютным пространством, заполненным неподвижным эфиром. Тяготение объясняется им деформациями в этом эфире. Допуская ряд ошибок, Див «получает» наиболее важные формулы частной и общей теории относительности или близкие к ним. Его ошибочная теория показывает тесную идейную связь идеалистического учения Канта о пространстве и времени с механистическими концепциями физики XIX века.

Некоторые буржуазные учёные, в том числе и сам автор общей теории относительности А. Эйнштейн, следуя идеям Э. Маха, считают, что в общей теории относительности, вследствие ковариантности основных уравнений физики в отношении систем отсчёта, движущихся любым образом, самая постановка вопроса о преимущественных системах отсчёта лишена смысла. В связи с этим ими высказывается ошибочная и реакционная идея о принципиальной равноправности гелиоцентрической и геоцентрической систем отсчёта Коперника и Птоломея и о бессмысленности

[1] Dive P. Ondes ellipsoidales et relativité. Paris. 1950. См. нашу рецензию на эту книгу. «Новые книги за рубежом», вып. 6, стр. 7. 1951.

борьбы, которая велась в прошлом между сторонниками этих систем.

Так, А. Эйнштейн и Л. Инфельд пишут: «Можем ли мы сформулировать физические законы таким образом, чтобы они были справедливы для всех систем координат, не только для систем, движущихся прямолинейно и равномерно, но и для систем, движущихся совершенно произвольно по отношению друг к другу? Если это можно сделать, то наши трудности будут разрешены. Тогда мы будем в состоянии применять законы природы в любой системе координат. Борьба между воззрениями Птоломея и Коперника, столь жестокая в ранние дни науки, стала бы тогда совершенно бессмысленной. Любая система координат могла бы применяться с одинаковым основанием. Два предложения — «Солнце покоится, а Земля движется», и «Солнце движется, а Земля покоится» — означали бы просто два различных соглашения о двух различных системах координат... Это, в самом деле, оказывается возможным!» [1].

Нетрудно, однако, убедиться, что ковариантность физических законов по отношению преобразований координат самого общего вида, являющаяся выражением общего принципа относительности, не имеет того глубокого физического содержания, которым обладает ковариантность по отношению преобразований Лоренца в специальной теории относительности.

Дело в том, что, несмотря на одинаковость математической формулировки физических законов во всех системах координат, включая и неинерциальные, эти последние попрежнему имеют те же особенности, в силу которых они были признаны в ньютоновской механике и специальной теории относительности непригодными в качестве преимущественных: невыполнение законов сохранения импульса, энергии, механического момента, заряда и массы и в связи с этим теоремы о центре инерции, расходимости полей инерциальных сил и прочее.

В правильности сказанного можно убедиться на примере законов сохранения импульса и энергии, выражаемых уравнением (3). Легко показать, что сохранение любой физической величины, следовательно, любого тензора $A^{\alpha\beta\cdots\nu}$, независимо от выбора системы отсчёта, всегда выражается равенством нулю его расходимости $\frac{\partial A^{\alpha\beta\cdots\nu}}{\partial x_\nu}$, т. е. уравнением вида (3).

Между тем в теории тензоров общего типа обычные производные не являются тензорами и должны быть заменены так называемыми ковариантными производными, поэтому уравнение (3) во всех системах отсчёта будет равенством нулю не обычной производной, а ковариантной, отличающейся от обычной на некоторый дополнительный член, не равный нулю в системах отсчёта, отличных от галилеевских. Отсюда вытекает, что в неинерциальных системах отсчёта уравнение (3) не будет соблюдаться, а следовательно, не будут выполняться и законы сохранения механических величин.

Таким образом, несмотря на одинаковость уравнения сохранения тензора энергии-импульса во всех системах отсчета в виде равенства нулю его ковариантной производной $(T^{\mu\nu})_\nu = 0$, физический смысл этого уравнения в неинерциальных системах отсчёта существенно иной, а именно, оно перестаёт выражать законы локального сохранения энергии и импульса системы.

Это свойство уравнения немедленно приводит к несохранению суммарного вектора энергии-импульса системы (4) и тензора механического момента (5), а отсюда — к невыполнению теоремы о центре инерции.

Из сказанного вытекает неприменимость в общей теории относительности неинерциальных систем отсчёта в качестве преимущественных на тех же самых основаниях, что и в ньютоновской механике и специальной теории относительности.

В наших рассуждениях мы пока молчаливо игнорировали поля тяготения, в которых имеет место неустранимая кривизна пространства-времени во всех его точках и, следовательно, невыполнение законов сохранения импульса и энергии, механического момента и других величин.

Причина этого очень проста. Поле тяготения хотя и имеет особую природу, будучи связано с кривизной пространства-времени, однако оно, как и всякое поле, материально, т. е. имеет массу, энергию и количество движения, которые не были приняты нами во внимание.

Действительно, оказывается, что в полях тяготения уравнения сохранения механических величин в форме (3) будут выполняться, если в них ввести вместо тензора энергии-импульса $T^{\mu\nu}$ тензор

$$S^{\mu\nu} = (-g)\,(T^{\mu\nu} + t^{\mu\nu}), \qquad (8)$$

где g — определитель, составленный из компонент метрического тензора $g_{\mu\nu}$, $(-g^{\mu\nu})$ — тензор энергии-импульса гравитационного поля. Необходимо отметить, что тензор $S^{\mu\nu}$ и входящие в его состав слагаемые $(-gT^{\mu\nu})$ и $(-gt^{\mu\nu})$ являются тензорами лишь по отношению преобразований линейных, а не общих, что, конечно, связано с известными ограничениями при их использовании. Такого рода величины обычно называют псевдотензорами.

[1] А. Эйнштейн и Л. Инфельд. Эволюции физики, стр. 197. 1948.

Количество движения и механический момент всей нашей системы в целом, включая и гравитационное поле, будут сохраняющимися величинами, определяемыми формулами (4) и (5), в которых вместо $T^{\mu\nu}$ подставлено $S^{\mu\nu}$, если избрать систему координат, в которой в бесконечно удалённых точках пространство-время будет галилеевским.

Такая система координат может быть только инерциальной, поскольку в ней в силу сохранения механических величин выполняется закон действия и противодействия, а в неинерциальных системах отсчёта условие галилеевости пространства-времени в бесконечно удалённых точках пространства заведомо не выполняется. Требование выполнения законов сохранения в преимущественных системах отсчёта опять привело нас к признанию непригодности неинерциальных систем отсчёта в качестве преимущественных.

Выбор системы координат с галилеевскими свойствами в бесконечности является всегда возможным, если материя, создающая поле тяготения, сосредоточена в конечной области пространства. Мы касаемся здесь только тех материальных систем, которые возможно рассматривать, не затрагивая проблем космологии. Вследствие сохранения количества движения и механического момента для нашей системы будет выполняться теорема о центре инерции, координаты которого даются формулой (6), с тензором $S^{\mu\nu}$ вместо $T^{\mu\nu}$. Следовательно, эти координаты определяются распределением масс всех частиц и всех полей, образующих нашу систему, включая и гравитационное поле.

Итак, в общей теории относительности и при наличии полей тяготения преимущественная система отсчёта может быть выбрана на основе законов сохранения и вытекающей из них теоремы о центре инерции.

В отличие от ньютоновской механики и специальной теории относительности эти законы в общей теории относительности распространяются на новую форму материи — поля тяготения с особыми законами движения, которые даются новым уравнением тяготения (7).

Очевидно, преимущественной системой отсчёта для совокупности материальных объектов, занимающих конечную область пространства, попрежнему будет инерциальная система координат, в которой центр инерции наших объектов покоится или движется равномерно и прямолинейно.

В общей теории относительности, в её существующей форме в силу одной теоремы такая преимущественная система отсчёта даётся с точностью до любого преобразования координат внутри системы, переходящих в бесконечно удалённых точках в любые преобразования Лоренца. Хотя при этом общая масса системы остаётся неизменной, однако распределение масс и, следовательно, координаты центра инерции могут существенно меняться. Это связано прежде всего с тем, что в любой точке пространства-времени можно совершить локальный переход в галилеевскую систему отсчёта, в которой нет поля тяготения и псевдотензор $S^{\mu\nu}$ превратился в $T^{\mu\nu}$. Кроме того тензор $g^{\mu\nu}$, помимо реально существующей физической части, содержит в себе некоторую фиктивную часть, зависящую от выбора той или иной координатной сетки, причём теория в её современном состоянии не позволяет произвести разделение кривизны пространства-времени на части, зависящие от гравитационного поля и от выбора координатной сетки.

Причина этого заключается в неполноте уравнений тяготения (7). Хотя этих уравнений 10, однако они не определяют полностью все 10 компонент метрического тензора, так как содержат в себе 4 дифференциальных тождества.

По этой причине при решении конкретных задач все исследователи либо постулировали из тех или иных соображений вид зависимостей от координат для тех компонент метрического тензора $g_{\mu\nu}$, которые в силу неполноты уравнений тяготения оставались неопределёнными, либо дополняли уравнения тяготения четырьмя дифференциальными уравнениями с производными $g_{\mu\nu}$ по координатам. Таким образом, из числа всех возможных координатных сеток фиксировалась одна, вполне определённая, которая и принималась соответствующей реально существующему полю тяготения.

Дополнение уравнений тяготения (7) новыми дифференциальными уравнениями является, повидимому, наиболее естественным способом устранения их неопределённости. Вопрос о выборе тех или иных уравнений должен, конечно, решаться на основе данных опыта. Одно из удачных предложений в этом направлении сделано академиком В. А. Фоком [1]. Его дополнительные уравнения имеют вид известных волновых дифференциальных уравнений Даламбера для координат x_μ. Координаты, удовлетворяющие такому условию, Фок назвал «гармоническими» и с успехом использовал их для решения при помощи уравнения тяготения (7) проблемы n тел, взаимодействующих только при помощи гра-

[1] См. его статью в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». Т. 9, вып. 4 за 1939 год, стр. 375.

витационных сил. Он обратил внимание на то, что уравнения тяготения (7) вместе с дополнительными, предложенными им, дифференциальными уравнениями для координат и требованием галилеевости пространства-времени в бесконечно удалённых точках пространства однозначно определяют систему криволинейных координат, соответствующих гравитационному полю. Таким образом, устраняется та неопределённость, о которой говорилось выше, в выборе преимущественной системы отсчёта, связанная с неопределённостью координатной сетки в области, занятой материальной системой.

Добавление к уравнениям тяготения (7) дифференциальных уравнений Фока или каких-либо иных приводит к тому, что в общей теории относительности, так же как и в частной, преимущественная система отсчёта для материи, заполняющей ограниченную область пространства, даётся с точностью до произвольного преобразования Лоренца.

Используя решение Фока для n тел, можно при помощи формулы (6) найти выражения для координат центра инерции системы n тел; из этих уравнений вытекает, что в общей теории относительности они рассчитываются по тем же формулам, что и в ньютоновской механике, то есть по массам тел, в которые включаются, помимо инвариантных масс покоя, также и массы их кинетических и гравитационных энергий в соответствии с известным положением о взаимосвязи массы и энергии.

Такой способ определения центра инерции является, конечно, приближённым, так как по самой своей структуре компонента $S^{\mu\nu}$ суммарного тензора энергии-импульса согласно (8) не распадается простым образом на сумму масс покоя, кинетических и гравитационных энергий и т. п.; кроме того в массу покоя каждого из n тел, по условиям решения, входят массы, соответствующие кинетическим энергиям беспорядочного теплового движения частиц этих тел, гравитационной энергии взаимодействия частей тела между собой и т. д. Попутно отметим здесь, что закон взаимосвязи массы и энергии в общей теории относительности соблюдается так же строго, как и в частной, будучи следствием закона сохранения энергии и импульса в виде (3) и соотношения (4) для общего вектора энергии-импульса системы с тензором $S^{\mu\nu}$, определяемым (8) вместо $T^{\mu\nu}$.

Как уже отмечалось, при создании общей теории относительности её автор А. Эйнштейн, следуя воззрениям Маха, пытался провести идею полной равноправности инерциальных и неинерциальных систем отсчёта в любых точках пространства-времени, включая и бесконечно удалённые. В соответствии с этой идеей, а также вследствие того, что в неинерциальных системах отсчёта теряется изолированность любой материальной системы, такая теория должна была бы по необходимости включать в себя проблему космоса в целом, т. е. космологию. Действительность не оправдала таких надежд. Хотя общая теория относительности, несомненно, имеет большое значение для космологии, однако проблема космоса имеет свои специфические особенности. Во всяком случае, задача построения неинерциальных систем отсчёта, распространяющихся на весь мир, т. е. пригодных в сколь угодно удалённых точках пространства, осталась нерешённой, причём не только не было выдвинуто каких-либо путей её решения, но даже не была показана возможность такого решения, хотя бы в принципе. Формулы обычной кинематики, в таких случаях применяемые, заведомо непригодны, хотя бы потому, что они не содержат релятивистских изменений времени. Кроме того они приводят к явно непригодным результатам с физической точки зрения. Так, например, переход к вращающейся с угловой скоростью ω системе отсчёта, совершаемый по формулам ньютоновской механики для вращающегося твёрдого тела, приводит к неприменимости этих формул в точках, находящихся на расстояниях от оси вращения, равных или больших $\frac{c}{\omega}$, потому что временная длительность событий, совершающихся в этих точках, бесконечно велика или выражается мнимой величиной. Аналогичное имеет место в системах отсчёта, движущихся с постоянным ускорением. В них по достижении скорости, равной скорости света, временные промежутки становятся бесконечно большими, а затем, при дальнейшем нарастании скорости, мнимыми.

Сторонники полной равноправности ускоренно движущихся систем отсчёта с инерциальными объясняют такие не имеющие физического смысла следствия именно неправомерностью использования формул обычной кинематики для перехода к ускоренно движущимся системам отсчёта.

Действительно, непригодность кинематических соотношений ньютоновской механики в качестве формул преобразования не вызывает никаких сомнений. Так, например, преобразования Галилея вполне правомерны в общей теории относительности, однако они противоречат надёжно установленному экспериментальному факту — постоянству скорости света в галилеевских системах отсчёта, и поэтому вместо них

применяются преобразования Лоренца. Остаётся, однако, неизвестным, каким положением нужно руководствоваться при выборе преобразований, дающих переходы от инерциальных систем отсчёта к неинерциальным, пригодным во всех точках пространства-времени. Сторонники полной равноправности тех и других систем считают, что такое положение существует и имеет применение в природе, не указывая, однако, в чём оно заключается. Ввиду этого их заявление о существовании неинерциальных систем отсчёта, простирающихся на весь мир, является, по сути дела, ни на что не опирающейся декларацией. Более того: можно с определённостью утверждать, что задача построения неинерциальных систем отсчёта, пригодных и в бесконечно удалённых точках пространства, вообще лишена физического смысла. Так, например, построение такой вращающейся системы отсчёта, в сущности, сводится к явно не имеющей физического смысла задаче о вращении абсолютно твёрдого тела неограниченных размеров.

Таким образом, попытки Эйнштейна и ряда его последователей реализовать в той или иной форме идеи Маха в общей теории относительности не привели и не могли привести к конкретным физическим результатам.

Бесспорно, однако, что неинерциальные системы отсчёта реализуются материальными телами в конечных областях пространства-времени, и такая более ограниченная задача их нахождения не только не лишена физического смысла, но имеет и практическое применение, например, для объяснения явлений, происходящих на вращающейся Земле.

Общий принцип относительности, таким образом, в отличие от принципа относительности равномерных и прямолинейных движений, имеет, как физическое положение, локальный характер. Равноправие инерциальных и неинерциальных систем отсчёта имеет место лишь в ограниченных областях пространства-времени и носит другой, более узкий характер, чем равноправие инерциальных систем отсчёта между собой.

Резюмируя, можно сказать, что формулированное в ньютоновской механике понятие преимущественной системы отсчёта для материи, сосредоточенной в ограниченной области пространства, в свете дальнейших открытий науки не изменилось, а лишь уточнилось и обобщилось, распространившись на вновь открытые формы материи — электромагнитные, гравитационные и другие поля с новыми законами движения. Значение великого открытия Коперника не только не уменьшилось, а, наоборот, ещё более возросло, выйдя далеко за рамки чисто астрономических проблем.

Эдвард Дембовский—прогрессивный польский философ XIX века

И. С. НАРСКИЙ

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», имеющий огромное методологическое значение для ученых всех специальностей, призывает деятелей исторической науки Советского Союза и стран народной демократии к более глубокому и систематическому изучению места и роли прогрессивной культуры прошлого в жизни общества. Сталинский труд, как отметил в своем докладе член Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии Я. Берман, кладет конец нигилистическому отношению к прогрессивным элементам досоциалистической культуры каждого народа, вдохновляет, в частности, польских историков и философов-марксистов на изучение передовых традиций отечественной общественной мысли [1].

К числу деятелей, создававших прогрессивные традиции польского народа, принадлежит герой Краковского национально-демократического восстания 1846 года Э. Дембовский (1822—1846).

Выходец из среды крупнопоместного дворянства, Дембовский под влиянием революционного движения порвал с аристократией и вырос в идеолога и организатора борьбы за независимую и демократическую Польшу.

Сороковые годы XIX века, когда развернулась деятельность Дембовского, характеризуются в Польше глубоким кризисом феодальных отношений. Несмотря на формальную отмену крепостной зависимости, крестьяне фактически оставались в тисках помещичьей кабалы. Происходившая в то время экспроприация крестьянства, связанная с развитием капиталистических отношений, еще более обостряла противоречия между крестьянами и помещиками. В стране назревала крестьянская революция.

Революционная ситуация в Польше, расчлененной в тот период между феодальными монархиями Европы — царской Россией, Пруссией и Австрией, — обострялась тем, что назревал общеевропейский революционный взрыв. Эту ситуацию углубляли социальные и национальные противоречия в самой стране, вызвавшие образование патриотического лагеря в составе «шляхты, бюргерства городов и частью крестьянства как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии родной страны» [2], которая в страхе перед крестьянской революцией пошла на сговор с угнетавшими Польшу державами. Борьба польского патриотического лагеря за независимость страны имела в середине XIX века общеевропейское прогрессивное значение. Но лагерь этот не был и не мог быть единым. Его подлинно революционное ядро составляли передовые слои крестьянства, ремесленники и предпролетариат городов, наиболее радикальные представители разорившегося шляхетства. Идеологи этих слоев считали, что независимость Польши может быть завоевана только путем аграрной, крестьянской революции.

---

[1] См. газету «Tribuna ludu» от 6 декабря 1950 года.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 383.

Как видно из статей по польскому вопросу, Маркс и Энгельс рассматривали революционную часть шляхетско-буржуазных демократов из так называемого Польского демократического общества (ПДО) как временных союзников польской революционной демократии и европейского пролетариата в надвигающейся буржуазной революции. В то же время Маркс и Энгельс, предвидя дальнейший рост польской революционной демократии, указывали, что этот процесс неизбежно будет сопровождаться эволюцией дворянских демократов из ПДО к либерализму, что обусловит, с одной стороны, отход их от патриотического лагеря и переход наиболее прогрессивных их представителей в ряды разрастающегося народного движения — с другой.

Правильность такого предвидения подтвердило Краковское восстание 1846 года, буржуазное по своему объективному значению. В период подготовки национально-освободительного восстания Дембовский, игравший исключительно активную роль в рядах патриотической конспирации, главное внимание обращал на агитацию среди крестьян и ремесленников. Когда восстание разразилось (оно приняло локальные формы), то Дембовский, который был вдохновителем всех наиболее последовательных антифеодальных мероприятий движения и возглавлял в нем его революционно-демократическое крыло, обратился с призывом к народу через голову шляхетских вождей движения и шел на разрыв с ними. Он трагически погиб при попытке установить связь с восставшими против помещиков крестьянами Галиции.

* * *

Теоретической основой политических взглядов Дембовского была так называемая «философия творчества», или, как он называл, «философия будущего», идеалистическая по своему направлению, основанная на гегелевской диалектике. По мере роста мыслителя как революционного демократа он все более приближался к материализму. Трагическая смерть оборвала философское развитие Дембовского на самом важном этапе.

Уже в статье «Несколько мыслей об эклектизме» (1843) [1] Дембовский подверг критике социально-политический идеал Гегеля, заявив, что сословная конституционная монархия является «союзником богачей» в деле угнетения народа. Дальнейшее развитие эта критика получила в ходе анализа известного гегелевского положения о разумности действительности. В «Мыслях о будущем философии» (1845) польский философ так формулирует свое понимание этого тезиса: разумно то, что прогрессивно, чему принадлежит будущее. Главная же «неразумность» в современной ему Польше, подлежащая уничтожению,— это шляхетское ярмо, гнетущее крестьян.

Некоторое влияние оказала на Дембовского на первом этапе его идейной эволюции философия польского правогегельянца Цешковского, демагогически выступавшего подобно некоторым «истинным социалистам» против отрыва теории от практики и ретроспективности философии Гегеля [2]. Но уже в 1844 году Дембовский понял, что Цешковский радикальными формулами прикрывал реакционные замыслы. Он мечтал о восстановлении прежней, аристократической Польши и в новом желал возродить обреченное на гибель старое. «...В своих социально-политических взглядах он консерватор и стремится всеми средствами сохранить аристократию, хотя бы и в другой, чем ныне, форме, противится всякому радикальному общественному преобразованию и т. д.» [3].

Дембовский был знаком с работами Л. Фейербаха и младогегельянцев, о чем свидетельствует наличие фейербаховской и младогегельянской фразеологии в некоторых статьях польского мыслителя [4]. Но Фейербаха Дембовский отнес к числу «умеренных эклектиков» в идеологии.

---

[1] Русский перевод опубликован в № 3 журнала «Вопросы философии» за 1950 год.

[2] См. A. Cieszkowski. Prolegomena zur Historiosophie. Berlin. 1839. Ср. M. Hess. Philosophie der Tat в книге M. Hess. Sozialistische Aufsätze. Berlin. 1921.

[3] E. Dembowski. Piśmiennictwo polskie w zarysie, str. 384. Poznań. 1845.

[4] См. журнал «Rok» за 1845 год, т. IV, стр. 14—15; журнал «Przegląd naukowy» за 1843 год, т. II, стр. 122.

В то время как Фейербах, стремясь создать религию без бога, подменял политику религиозной этикой, а младогегельянцы пытались заменить христианскую религию лишь более утонченной, облеченной в форму идеалистической философии, Дембовский, отбрасывая религию, призывал перейти от теологических споров к политической борьбе. Объявив религию конгломератом «обмана, насилия, глупости и предрассудков», он в «Польском дьяволе» (1843) и других статьях разоблачал католическую церковь как проводника помещичьего гнета и вдохновителя космополитической феодальной реакции, решительно отметал всякие попытки притянуть религию к теоретическому обоснованию революции и социализма.

Серьезное влияние на формирование мировоззрения Дембовского оказала брошюра Энгельса «Шеллинг и откровение», которую он прочитал в середине 1842 года. Вызов всем религиям, требование поставить философию на службу делу освобождения народа, революционное толкование диалектики и разоблачение реакционных сторон гегелевской философии, призыв к познанию «раскрывающейся» перед человеком природы — эти идеи молодого Энгельса были органически восприняты Дембовским. В октябре 1842 года для журнала «Научное обозрение» он пишет статью «Берлинские лекции Шеллинга», в которой дает оценку «философии откровения», руководствуясь, как сам указывает, статьей «Шеллинг и откровение». Влияние идей Энгельса чувствуется на всем дальнейшем развитии Дембовского как философа.

Дембовский критиковал французских материалистов XVIII века за недооценку ими способности человека к активной деятельности, а также критиковал существующие формы идеализма за отрыв теории от практики. «Философия творчества», писал он, призвана поставить теорию на службу борьбе за преобразование общества. «Задача совершенствования социальной жизни должна быть главным предметом человеческого знания» [1].

[1] Журнал «Tygodnik literacki» за 1843 год, стр. 171.

В статьях 1843—1844 годов Дембовский толковал категорию «творчества» как саморазвивающееся начало, лежащее в основе действительности, как внутренний закон бытия и в то же время как широкий методологический принцип. В применении к философии принцип этот означал признание внутренней активности бытия, в применении к политике — указание на могучую силу передовых идей и на право угнетенных бороться за свое освобождение, к искусству — обоснование действенного, «страстного» гуманизма.

В 1845 году Дембовский вплотную подходит к толкованию «творческого начала» как активной, непрерывно развивающейся материи. В «Мыслях о будущем философии» он при характеристике «творчества» ссылается на жизнь, действительность. «Творчество», пишет Дембовский в 1845 году, находится в таком отношении к разуму, мышлению, в каком отношении жизнь находится к мысли о жизни [2].

Продолжая употреблять гегелевские термины, Дембовский в статьях 1844—1845 годов некоторые из них трактует в материалистическом смысле. Он пишет далее, что «творчество» нельзя отождествлять с гегелевским «становлением», ибо последнее, по его мнению,— абстракция, лишенная «собственной энергии» [3].

Необходимо отметить элементы диалектики в «философии творчества», которые заметны в авторской трактовке законов развития «творчества». Практика освободительного движения и осмысление достижений естествознания (знакомство с открытиями Фарадея и работой Горжковского «О связи электрических, магнитных, тепловых и световых явлений») способствовали тому, что Дембовский приближался к материалистическому пониманию диалектики.

Указывая на вечность и бесконечность развития как в природе, так и в обществе [4], он писал, что борьба

[2] См. журнал «Rok» за 1845 год, т. IV, стр. 13.

[3] Журнал «Rok» за 1844 год, т. VI, стр. 9.

[4] См. журнал «Rok» за 1844 год, т. VI, стр. 12, 16—17.

противоречий — основа всякого прогресса. «Прогресс является столкновением противоречащих друг другу сил, которые в результате взаимной борьбы и, соответственно, в итоге победы одной силы над другой ведут к созданию [нового] организма и составляют прогресс, жизнь именно потому, что вновь ведут непрерывную борьбу с новыми элементами» [1]. Дембовский особо подчеркивал, что «примирить старый и новый этапы прогресса невозможно» [2]. Попытки примирить старое и новое в любых областях жизни и этим извратить суть диалектики Дембовский называл «эклектизмом». К числу «эклектиков» он относил Гегеля, шляхетских реформистов конца XVIII века, христианских «социалистов» и других. «...Под плащом эклектизма чаще всего кроются самые опасные враги прогресса, желающие путем внесения умеренности в принципы прогресса привести их к гибели» [3].

Борьба Дембовского против «эклектизма», отнюдь не исключавшая, как и показала его политическая практика, временных союзов с теми или иными общественными группами на определенном этапе революции, была теоретическим обоснованием той практической борьбы против «польской Жиронды», шляхетских либералов и консерваторов, которую Дембовский вел в период Краковского восстания. Недаром консерваторы и либералы попытались взять под свою защиту принцип «эклектизма». Познанский «Литературный еженедельник» выступил с утверждением, что эклектизм якобы «убеждает менее подвижные умы в необходимости движения вперед, хотя бы и медленно, и удерживает тех, кто несется вперед очертя голову» [4]. Под этими «безумцами» автор пасквильной заметки явно имел в виду Дембовского и его товарищей — Стефанского и других.

Следует отметить, что критика Дембовским «эклектизма» страдала абстрактностью, поскольку он еще не мог в полной мере поставить диалектику на почву материализма, хотя и выдвинул требование «вывести» диалектику из мира понятий в мир практической жизни [5]. Он не был материалистом и в области изучения общественных явлений. Он не понимал того, что принцип борьбы реальных противоречий, как на это указал с большой силой молодой Маркс, органически чужд всякому идеализму.

* * *

Наряду с Мицкевичем Дембовский заложил основы революционно-демократической эстетической теории в Польше. Он настойчиво боролся против религиозно-католической эстетики и, как и украинский поэт-революционер Т. Шевченко, выступал против правогегельянской эстетики К. Либельта [6] и реакционных немецких и польских романтиков.

Центральным вопросом в эстетике Дембовского был вопрос об отношении искусства к действительности, постановка которого изменялась в соответствии с эволюцией политических и философских взглядов мыслителя.

Став на защиту идей революционного романтизма, он в ходе полемики против польских гегельянцев, объявлявших художественное творчество преддверием религиозного экстаза, в статьях 1842—1843 годов выдвинул тезис о том, что искусство есть высшая форма социальной деятельности, возвышающаяся над действительностью. Тезис этот при внешнем сходстве коренным образом отличался от установки позднего Шиллера, который противопоставлял политической борьбе путь «усовершенствования» человечества через искусство. Понимая в данном случае под искусством совокупность всех социально наиболее важных форм человеческой деятельности, Дембовский развивал свой тезис в направлении раскрытия общественной функции искусства и считал, что борьба за освобождение угнетенных, чуждая примирению с окружающей действительностью,— самое прекрасное в

[1] Журнал «Rok» за 1843 год, т. IV, стр. 7.
[2] Журнал «Rok» за 1844 год, т. VI, стр. 10.
[3] Журнал «Rok» за 1843 год, т. IV, стр. 28.
[4] Журнал «Tygodnik literacki» за 1844 год, стр. 123.
[5] См. журнал «Rok» за 1845 год, т. IV, стр. 12.
[6] См. журнал «Przegląd naukowy» за 1842 год, т. IV, стр. 1219.

жизни. Таким образом, эстетический идеал у него в конечном счете совпадал с политическим.

Несомненно, однако, что указанная формула была ошибочной, идеалистической. Вспомним глубокие слова Чернышевского: «Наука не думает быть выше действительности; это не стыд для нее. Искусство также не должно думать быть выше действительности, это не унизительно для него» [1].

Преодолевая идеализм своих ранних формулировок, Дембовский в «Очерке истории польской литературы» (1844) со значительно большей отчетливостью сформулировал свою точку зрения. Он ставит перед собой задачу — «осветить идейное развитие литературы в сопоставлении и связи с политической историей народа, дать оценку писателям и их произведениям, пусть хотя бы и бегло, лишь в общих чертах,— с точки зрения их политического значения и влияния на общественную жизнь и путем этого вскрыть подлинную сущность литературы» [2]. В это же время Дембовский выступил с критикой сторонников «чистого искусства», которая перекликается с выступлениями Мицкевича по этому вопросу на страницах газеты «Польский пилигрим» (1833).

Дальнейший шаг в решении Дембовским вопроса об отношении искусства к действительности представляла разработка им принципа народности в искусстве, в которой получил наиболее яркое выражение революционный демократизм его эстетики.

Неоднократно указывая, что искусство должно «соответствовать пониманию» народа, т. е. быть доступным и понятным широким слоям трудящихся, Дембовский отнюдь не сводил только к этому требование народности искусства. Задача искусства заключается в служении народу. «Отечественная наша драма,— писал он,— должна быть полна наивысшей любви к народу...» [3]. «Любовь к народу» означала для Дембовского ненависть к угнетателям народа, призыв к борьбе против притеснителей и не имела ничего общего ни с пресловутым призывом Фейербаха ко всеобщему примирению, ни с принципами этики религиозного смирения польских мракобесов того времени Кремера и Земенцкой.

Требование прогрессивной идейности в искусстве вело Дембовского к признанию художественного реализма. В этом отношении он шел тем путем, который наметил молодой Энгельс в статье «Немецкие народные книги» и которым шли Белинский в России, Петефи в Венгрии, позднее Ботев в Болгарии. В статье «Несколько слов о нашей самобытной драматической поэме» Дембовский приходит к выводу, что искусство должно отображать глубокие стороны жизни народа и его исторические судьбы, причем пропаганда «любви к простому народу» неразрывно связана с последовательным осуществлением правдивости в отображении жизни народа. «Отображение и любовь, — пишет мыслитель в подцензурной статье,— в этом случае суть два этапа развития...» [4].

В то же время Дембовский выступал против натуралистического шляхетского бытописательства, разоблачал его как апологию феодального уклада жизни. «И кто же решится назвать поэтическими... картины распутного времяпровождения пьяной шляхты, хотя картины эти и будут отечественными, национальными?» [5] — с возмущением спрашивал польский революционный демократ.

В своем собственном поэтическом творчестве Дембовский выступал в основном как революционный романтик, хотя, например, в его «Путевых заметках» чувствуется стремление автора к реализму в искусстве.

В своих статьях по эстетике Дембовский не был сознательным материалистом; он разделял идеалистические взгляды на сущность и движущие силы исторического процесса. Тем не менее его идеи имели в свое время прогрессивное значение, по-

[1] Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, стр. 376—377. 1938.

[2] E. Dembowski. Piśmiennictwo polskie w zarysie, str. V—VI.

[3] Сборник «Jaskółka», str. 39. Warszawa. 1843.

[4] Там же.

[5] Журнал «Przegląd naukowy» за 1842 год, т. II, стр. 454.

скольку в них была подчеркнута важная роль передового искусства в мобилизации народных масс на революционную борьбу.

* * *

Дембовский был крупнейшим польским революционным демократом 40-х годов XIX века.

Во время своих многочисленных разъездов по делам патриотической конспирации он убедился, что положение польского крестьянства крайне тяжелое. В «Путевых заметках» он писал: «Вот миллионы людей, для которых на всем целом свете не оказывается клочка земли и которым запрещено добиваться ее... Придавленные трудом, они медленно умирают по подвалам и норам от недостатка пищи, и тут ужасный крик проклятья «голод!» превращает их в зачумленных, вырывает у них из сердца последнюю надежду. Но эти люди, для которых земля оказывается хуже, чем адом, в действительности представляют собой лучший цвет земли» [1].

Главную причину бедственного положения крестьян Дембовский видел в гнете со стороны шляхты. Его статья «Польский дьявол» по силе обличения помещиков не имеет себе равных в польской публицистике не только 40-х, но и 60-х годов. Шляхту мыслитель клеймит как «непольскую», «антинародную», «дьявольскую», «звериную».

Дембовский был сторонником превращения национальной революции в аграрную, крестьянскую революцию. И это доказывается не столько его бичующими выступлениями по адресу шляхты, сколько его безоговорочной поддержкой Галицийского восстания крестьян 1846 года [2], его борьбой против «эклектиков» — либералов из ПДО, которые в своих планах решения крестьянского вопроса не шли дальше половинчатых реформ (Хельтман, Либельт),— и настойчивым стремлением развязать инициативу крестьян в деле земельных преобразований, что, например, получило отражение в известном манифесте революционного правительства от 25 февраля 1846 года. Дембовский требовал ликвидации помещичьего землевладения и выдвинул требование национализации земли.

К решению национального вопроса Дембовский подходил, как революционный демократ. Его страстный патриотизм, связанный с борьбой против космополитизма, панславизма и мессианизма, базировался на революционно-демократических убеждениях. Указывая в подцензурной печати, что любовь к родине должна быть следствием любви к простому народу и ненависти к шляхте [3], Дембовский имел в виду, что только через полное освобождение крестьян от феодального гнета лежит путь к освобождению Польши.

Дембовский и крестьянский революционер 40-х годов Петр Сцегенный (1800—1890), глава широко разветвленной крестьянской подпольной организации, на выработку социально-политических взглядов которого Дембовский оказал несомненное влияние, считали, что национальный вопрос может быть решен только на основе социального [4].

Дембовский и Сцегенный были революционно-демократическими интернационалистами.

В «Золотой книжечке» Сцегенный призывал к боевому союзу русских, украинских и польских крестьян против царизма, русских и польских помещиков [5]. При полной поддержке Дембовского подпольщики Познани и Кракова вступили в связь с чешскими и венгерскими революционерами. Революционно-демократические призывы, исходившие от группы Дембовского, доходили до украинских крестьян Львовщины [6]. Следует отметить, что мыслитель выступил и в защиту негров Северной Америки [7].

Именно к левым идеологам общества «Польский народ», к Дембовскому и Сцегенному, применимы сло-

[1] Журнал «Tygodnik literacki» за 1843 год, стр. 411—412.

[2] См. E. Dembowski. Rewolucja a lud; журнал «Dziennik rządowy Rzeczy Pospolitej Polskiej» № 2 за 1846 год. Kraków.

[3] См. E. Dembowski. Piśmiennictwo polskie w zarysie, str. 2.

[4] См. ЦГИА, III отд. I эксп., ф. 109, 1844, ед. хр. 188, л. 15.

[5] Там же, л. 36.

[6] См. E. Dembowski. Rewolucja a lud.

[7] См. журнал «Przegląd naukowy» за 1842 год, т. II, стр. 722.

ва «Новой Рейнской газеты», в которых отдавалось должное польским демократам в деле провозглашения ими земельной демократии как единственно возможной формы освобождения всех славянских наций.

Революционный демократизм Дембовского был слит с утопическим социализмом. Не будучи сторонником идеи «исключительности» исторического процесса в Польше, характерной для мессианистского течения в польской социологии, он считал, что и рабочая революция в Западной Европе и крестьянское восстание в Польше создадут непосредственную возможность для организации социалистического общества. Социализм Дембовского не основывался на научном анализе развития социально-экономических отношений и не был связан с пониманием всемирно-исторической роли пролетариата, но, как и теории Ворцеля и Сцегенного, отличался от учений французских социалистов-утопистов тем, что польские социалисты призывали народные массы к вооруженной борьбе [1]. Дембовский подверг критике Фурье за его непоследовательность в отношении к частной собственности, а эпигонов сен-симонизма заклеймил как апологетов буржуазного общества.

Пытаясь с позиций революционного демократизма решить основные вопросы социологии, мыслитель не вышел за пределы идеалистического понимания истории, хотя и высказал немало материалистических догадок.

Дембовский считал, что борьба простого народа против «касты богачей» имеет огромное значение в развитии общества. Он видел классовую борьбу в обществе и был вполне солидарен с высказываниями Лелевеля о том, что «массу событий, имевших место в Славянских странах, которые изображались до сих пор в другом свете, легко объяснить борьбой «верхушечного класса» с крестьянами» [2]. В отличие от французских историков периода реставрации Дембовский, как и Лелевель, распространял классовую борьбу и на современный этап общественного развития Западной Европы, а в отличие от Лелевеля не только признавал тезис о классовой борьбе, но требовал бескомпромиссной народной, антифеодальной революции. Однако, как и многие другие революционные демократы, Дембовский различал классы не по их отношению к средствам производства, а по степени имущественной обеспеченности. Он считал весь исторический процесс в основе своей процессом сознательным, духовным, зависящим от развития разума народа.

В 1844—1845 годах, по мере обогащения революционно-практическим опытом, в социологических взглядах Дембовского происходит усиление материалистической тенденции, выразившееся в изменении постановки вопроса об источнике духовной жизни общества. В статьях «О ступенях в философском понимании бытия» и «О стремлениях нашего времени» он писал, что социологические, философские и религиозные учения «соответствуют социальным условиям» своей эпохи [3]. Понимая под этими «условиями» в первую очередь политическую обстановку, складывавшуюся в ходе столкновения интересов тех или иных общественных групп, Дембовский сумел подметить связь философии с политикой. В силу ограниченности своих классовых позиций и отсталости польских социально-экономических отношений того времени Дембовский не мог понять, что сама политика в конечном счете определяется экономическим положением и интересами классов. Правда, в статье «Творчество в социальной жизни» у Дембовского проскальзывает смутная догадка об определяющем воздействии экономики на политику.

* * *

Дембовский не стоит в стороне от основной линии развития демократического течения в польской культуре. Он продолжил революционно-демократические традиции общества «Польский народ» и прогрессивные философские традиции виднейших

[1] См. Ю. Мархлевский. Из истории Польши, стр. 29. 1925.

[2] J. Lelewel. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. III, str. 49. Poznań. 1855.

[3] Журнал «Rok» за 1845 год, т. VII, стр. 51.

представителей польского Просвещения конца XVIII и начала XIX века — Ст. Конарского, братьев Снядецких и в особенности Г. Коллонтая и С. Сташица — крупнейших представителей материализма XVIII века в Польше.

На трудах Дембовского лежит отпечаток знакомства с идеями Ворцеля и Лелевеля. Сам он оказал воздействие на формирование взглядов крестьянских революционеров Ю. Госляра и П. Сцегенного, а также видного польского философа и экономиста Г. Каменского и оставил глубокий след в истории атеизма в Польше. Политическая деятельность Дембовского не прошла бесследно для идейного развития Мицкевича [1] и Словацкого, положила начало «социалистической фракции» в польской эмиграции [2]. В 60-х годах материалистическая традиция в истории польской философии была продолжена революционным демократом С. Сераковским — последователем политических, философских и эстетических идей Чернышевского.

Дембовский был видным идеологом польской революционной демократии XIX века. Именно о группе Дембовского идет речь в «Коммунистическом манифесте», когда Маркс и Энгельс указывают на то, что коммунисты поддерживают ту партию в Польше, «которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения» [3]. Дембовский боролся против помещичьих националистов и космополитов, за демократическую свободную Польшу. Поэтому газета «Трибуна люду» — орган ЦК Польской объединенной рабочей партии — подчеркивала:

«Эдвард Дембовский — одна из прекраснейших фигур в истории польского народа — должен занять надлежащее место в пантеоне Народной Польши, которая выполнила его завещание и привела к триумфальному завершению дело его жизни» [4].

---

[1] В письме к М. Чапской поэт после Галицийского восстания крестьян в 1846 году писал: «Разве галицийские топоры вас ничему не научили?.. Польская шляхта погубила родину, пусть она сама погибнет!»

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 520—521.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 38. 1948.

[4] Газета «Tribuna ludu» от 27 февраля 1951 года.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Современные «теоретики» международного разбоя

О. Э. ПОЛЕНЦ

В послесловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс писал, что в 30-х годах XIX века пробил смертный час для буржуазной политической экономии. «Отныне,— писал К. Маркс,— дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [1].

Характеристика, данная К. Марксом буржуазной политической экономии, вполне приложима и к другим отраслям буржуазной науки. В период империализма лживость, предвзятость и угодливость буржуазной науки становятся совершенно открытыми и беззастенчивыми. Особенно циничный, корыстный характер имеет буржуазная «наука» международного права, призванная в период империализма «обосновывать» и оправдывать агрессивную политику империалистических государств.

Империализм, по классическому определению В. И. Ленина, есть монополистическая стадия развития капитализма. Последняя стадия развития капитализма — умирающий капитализм. Капитализм давно создал мировой рынок и провозгласил свободу конкуренций. Но монополистический капитал не хочет свободы конкуренции, он стремится к господству. В политике экспансии и развязывания новых войн за мировое господство империализм ищет выхода из тупика. Эта политика отражает природу монополистического капитала, который любой ценой, через насилие и кровь стремится к мировому господству.

Только на путях революционной борьбы за мир во всем мире народы могут избавиться от страданий, которые несет им умирающий капитализм, кровавое господство монополистического капитала.

Центром мировой реакции, застрельщиком агрессии является в настоящее время американский империализм. Американские империалисты ставят себе целью развязывание агрессивной войны во имя установления своего мирового господства. Для обоснования американской агрессивной политики, направленной на политическое, экономическое и идеологическое порабощение Европы и всего мира, дипломированные лакеи империализма усердно распространяют всякого рода «концепции» и «теории», призванные замазать противоречия, разъедающие капиталистический мир, и подвести базу под авантюристические планы новых поджигателей войны.

Не случайно в реакционной американской юриспруденции чрезвычайно распространена сейчас так называемая школа реалистов, которые призывают «повернуться лицом к действительности» и пересмотреть современное международное право «с трезвых реалистических позиций». Под флагом «реализма» эти лжетеоретики проповедуют разбой американских монополий как основу меж-

[1] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 13. 1949.

дународного права. «Реалистическое направление» выражает стремление американского империализма полностью приспособить правовую теорию к своим потребностям, к политике террора, проводимой им внутри страны, и агрессии во внешней политике. Американских империалистов не устраивают существующие нормы международного права, они мешают их политике развязывания новой войны во имя установления господства монополистического капитала США над миром.

Грубое нарушение империалистами США элементарных норм международного права особенно ярко проявилось в развязанной ими варварской бактериологической войне против корейского и китайского народов. Американские людоеды попирают Женевский протокол 1925 года, содержащий запрещение бактериологической войны. Американские агрессоры, издеваясь над нормами международного права, распространяют тяжелые эпидемические заболевания среди мирного населения Кореи. Их злодеяния вызвали гневный протест всех честных людей во всем мире. Глубокое возмущение всего прогрессивного человечества вызывают чудовищные злодеяния, совершаемые американскими агрессорами по отношению к военнопленным в различных «лагерях смерти».

Таково отношение американских капиталистов к международному праву.

Дипломированные лакеи американского империализма, с готовностью выполняя требования своих хозяев, объявляют международное право «не более чем клочком бумаги», правом «неэффективным» и заявляют о необходимости создания «совершенно нового» международного права.

Буржуазная наука международного права, немедленно «оборачиваясь» лицом к «действительности», т. е. к современной агрессивной политике империалистов США, в качестве своей центральной задачи выдвигает задачу борьбы с принципом суверенитета, задачу обоснования мирового господства монополий США. Сигнал к развернутому наступлению буржуазных юристов на принцип суверенитета был дан руководящими политическими и государственными деятелями США.

Буржуазная наука международного права с лакейской угодливостью подхватила брошенный ей Уолл-стритом и лондонским Сити лозунг «Долой суверенитет!».

Виднейший идеолог американской агрессии Кельзен пытается одним росчерком пера разделаться с принципами независимости и равенства. «Вряд ли верно утверждать, — заявляет он,— что каждое государство обладает правом на независимость». И дальше: «...неверно говорить о праве на равенство» [1].

Другими словами, по Кельзену, международное право должно быть основано на «праве» США диктовать свою волю другим государствам, которые-де не обладают правом на независимость и не могут быть равноправными с магнатами Уолл-стрита.

Отрицая принцип суверенитета, буржуазная наука международного права отрицает и принцип невмешательства. Вмешательство, интервенция цинично объявляются «законными средствами защиты государствами их прав» [2].

Эти «теории» находятся в полном соответствии с грубо интервенционистской, попирающей основные принципы международного права политикой американо-английских империалистов.

Ярким проявлением грубо интервенционистской, откровенно агрессивной политики американо-английских империалистов в отношении стран демократического лагеря является подписание 10 октября 1951 года Трумэном «Закона 1951 года о взаимном обеспечении безопасности». Ассигнованные по этому закону средства предназначаются на финансирование подрывной деятельности лиц и вооруженных групп, направленной против стран демократического лагеря. Советское правительство заявило решительный протест по поводу принятия этого «закона». Обсуждение по инициативе Советского правительства

[1] American Journal of International Law (AJIL). Vol. 44, Nr. 2, pp. 265, 267, 269.

[2] C. Eagleton. International Government. pp. 87—88. 1948.

вопроса об агрессивных действиях и вмешательстве США во внутренние дела других стран на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН окончательно сорвало с американских агрессоров маску «миролюбцев». Народы мира с возмущением узнали о преступной деятельности вдохновителей и организаторов диверсий и шпионажа против СССР и других миролюбивых и демократических государств. Американские агрессоры были публично пригвождены к позорному столбу.

Смысл «общетеоретических» рассуждений о «вреде суверенитета» становится до предела ясным при применении этих теорий на практике. Достаточно вспомнить, например, как на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Эквадора «обосновал» попытку вмешательства во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии тем, что «национальный суверенитет должен быть ограничен», или, как 10 октября 1945 года глава американской военной администрации в Корее генерал Арнольд заявил, что суверенитет в Южной Корее принадлежит не корейскому народу, а американской военной администрации. Выступая зимой 1950 года перед студентами университета в Киле, Макклой призвал немцев «отказаться от национальной гордости, национальной чести и от узколобого понятия суверенитета»[1].

Для оправдания беззастенчивого хозяйничанья американского империализма на оккупированной им территории Германии, превращаемой в плацдарм новой войны, в поддержку Макклоя и компании придумана теория так называемой дебелляции (завоевания). Ученые апологеты американского империализма в один голос заговорили о том, что акт безоговорочной капитуляции со стороны Германии означает «дебелляцию» Германии, что отныне германский суверенитет перешел к западным державам, которые вправе распоряжаться Германией, как им будет угодно, вплоть до аннексии любой части или всей Германии. В той или другой форме эти «теории» проповедуются буржуазными юристами, в том числе Кельзеном и Филиппом Джессепом. Теория «дебелляции» служит исходным пунктом для оправдания американо-английской политики срыва заключения мирного договора с Германией. Апологеты американского империализма, в частности Пелла, заявляют, что с Германией не надо заключать мирного договора, но следует возложить на нее односторонний «договор-санкцию», который не требует ни соблюдения равенства, ни согласия другой стороны, т. е. представителей германского народа. Совершенно ясно, что эта «теория» должна обосновать заключение так называемого «общего договора», мало чем отличающегося от оккупационного статута и закрепляющего закабаление Западной Германии империалистами США.

Полную противоположность американо-английской политике захватов, политике попрания суверенитета других государств и народов представляет собой политика лагеря мира и демократии, политика советского социалистического государства. Советский Союз ведет упорную и непрекращающуюся борьбу против вмешательства американо-английских империалистов во внутренние дела других стран и народов, против попыток их экономического и политического порабощения. Борьба СССР за суверенитет как больших, так и малых государств имеет чрезвычайно большое значение. Суверенитет представляет собой преграду интервенционистской, захватнической политики империалистических государств и единственно возможную основу мирного сотрудничества всех государств и социально-экономических систем. Суверенитет, свобода от иностранного вмешательства представляет собой в настоящее время непременное условие построения коммунизма в СССР и социализма в странах народной демократии, непременное условие освобождения всех угнетенных и зависимых народов. Принцип невмешательства во внутренние дела государств служит правовой преградой для нарушения суверенных прав малых государств и народов, является фактором, способствующим демократическим преобразованиям.

[1] Газета «Правда» от 7 декабря 1950 года.

Борьба СССР за суверенитет всех государств и народов является ярким выражением социалистического, справедливого характера его внешней политики, основанной на признании равноправия всех народов, на уважении их свободы и независимости. Народы всего земного шара видят в Советском государстве защитника всех порабощенных и угнетенных, борца за их права и интересы, за их освобождение от иностранного империализма.

Международное право включает в качестве одного из своих основных принципов право наций на самоопределение.

Большевистской партией право наций на самоопределение было провозглашено задолго до Октябрьской революции. Советское социалистическое государство, государство трудящихся, возникшее в результате победоносной Октябрьской революции, провело в жизнь во внутригосударственном плане и неизменно отстаивало на международной арене принцип самоопределения наций. После второй мировой войны, в условиях колоссального роста национально-освободительного движения, Советский Союз добился закрепления в Уставе ООН (ст. 1-я) права наций на самоопределение. Благодаря Советскому Союзу право наций на самоопределение стало в настоящее время одной из основных норм международного права. Как показала VI сессия Генеральной Ассамблеи ООН, против этого принципа голосовали только колониальные державы: США, Англия и Франция. Однако вопреки их сопротивлению этот принцип вновь был подтвержден как важнейший принцип международного права. Но империалистические государства попирают эту норму международного права, как и многие другие.

Буржуазные апологеты в угоду своим империалистическим правительствам признают «законными» лишь те правительства, которые послушны воле заправил Уолл-стрита и лондонского Сити. Откровенно империалистическая политика ярко выражена в так называемой декларативной теории признания. В соответствии с этой «теорией» новое государственное образование не имеет никаких прав и получает их лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку оно будет «признано» остальными, уже существующими государствами. Таким образом, право народа, нации на самостоятельное государственное существование зависит-де от воли иностранных правительств!

Эта антинародная, глубоко реакционная «теория» разоблачает буржуазную науку международного права как прислужницу американских империалистов. Буржуазные ученые, таким образом, «признают» всякого рода политических мертвецов и отказываются признавать правительства, избранные народом и осуществляющие эффективную власть над определенной государственной территорией.

Так, например, отказ американского правительства признать народное правительство Китайской Народной Республики «Американский журнал международного права» силится оправдать с точки зрения правовой [1].

Эти жалкие попытки опереться на «право» свидетельствуют лишь о грубом нарушении империалистами всех принципов международного права, когда они идут вразрез с интересами монополистов Уолл-стрита. Непризнание законного, избранного народом, осуществляющего эффективный контроль над всей территорией Китая Китайского Народного правительства и поддержка изгнанной народом шайки предателей во главе с Чан Кай-ши являются вопиющим нарушением всех основных норм и принципов международного права, разоблачающим открыто агрессивную политику США.

Известно, что эксплуатация колониальных и зависимых народов представляет собой характерную черту империализма вообще, американского империализма в частности. «Империализм есть самая наглая эксплуатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обширнейших колоний и зависимых стран» [2].

---

[1] См. AJIL. Vol. 45, Nr. 1.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 73.

Именно поэтому буржуазные апологеты империализма во что бы то ни стало стремятся доказать, что угнетение и эксплуатация колониальных и зависимых народов совершаются... во имя их же блага.

Так, например, некий Ф. М. Браун, посвятивший задаче «теоретического» обоснования империалистического господства ряд своих работ, объявил Британскую империю «величайшей из когда-либо существовавших школ обучения самоуправлению», а нарушение Англией суверенитета Египта и Соединенными Штатами суверенитета Панамы жульнически объясняет необходимостью охраны интересов... египетского народа и народа Панамы. «...В обоих этих случаях ясно,— заявляет Браун,— что здесь нет империализма, эксплуатации... но скорее охрана стратегических международных путей во имя блага всех наций» [1].

За космополитической идейкой о «благе всех наций», во имя которого должен быть растоптан суверенитет Египта, скрывается стремление англо-американских колонизаторов продолжить оккупацию Египта, удержать страну в кабале магнатов Уоллстрита и Сити. Браун выражает «сожаление» по поводу того, что «термин империализм все еще употребляется... для определенных законных целей наций расширить свою торговлю и влияние на земном шаре» [2]. Браун силится доказать, что стремление империалистов «расширить свое влияние на земном шаре» якобы законно, и сетует на то, что их называют империалистами, а не благодетелями. Отбрасывая всякую маскировку, Браун прямо заявляет: «Мы приходим таким образом к выводу, что эксплуатация народов, не готовых еще для самоуправления, не готовых к тому, чтобы принять на себя все обязательства в семье народов, определенно предписана» [3]. Старая лживая песня империалистов о том, что некоторые народы «не готовы для самоуправления» и поэтому якобы должны находиться в колониальной кабале, повторяется буржуазными «теоретиками» международного права на разные лады.

«Обоснование» сохранения во что бы то ни стало колониального господства американскими апологетами империализма находится в полном соответствии с агрессивной политикой США. Вернувшись в начале 1951 года из поездки в Европу, Эйзенхауэр в своем выступлении перед конгрессом заявил: «Мы должны сохранить у власти в Европе правительства, обладающие колониями, так как Америка нуждается во всех других политически зависимых районах, откуда США могут получать марганец, медь, уран и т. д.» [4].

Для обоснования этой политики грабежа и разбоя и изобретаются самоновейшие буржуазные международно-правовые «теории», по сути дела, стремящиеся ликвидировать все нормы международного права.

Современная буржуазная «наука» международного права для «обоснования» порабощения колониальных и зависимых народов широко использует расовые теории.

Статус колониальных и зависимых территорий, заявляет, например, П. Б. Поттер, «объясняется, в конечном итоге, их географическим расположением в совокупности с некоторыми определенными биологическими факторами и воздействиями...» [5]. Гитлеровская ложь о том, что якобы «биологические факторы» ведут к разделению народов на «низшие» и «высшие», повторяется ныне «теоретиками» англо-американского империализма.

Расовые теории немедленно пускаются в ход в тех случаях, когда речь идет о подавлении законных требований народов, борющихся за свою независимость, против политики попрания их суверенитета. Так, например, захват американо-английскими империалистами под свой контроль Суэцкого канала «обосновывается» тем, что этот канал, как известно, стоивший огромных жертв местному на-

---

[1] AJIL. Vol. 39, Nr. 1, p. 84—85.
[2] Там же.
[3] Там же, p. 86.

[4] Газета «Правда» от 28 февраля 1951 года.
[5] P. B. Potter. An Introduction to the Study of International Organization, p. 31, 1948.

селению, является якобы «продуктом гения исключительно белой расы» [1].

Апологеты американо-английского империализма воспроизводят расистские бредни своих гитлеровских предшественников, продолжают жевать расистскую жвачку, несмотря на то, что всякого рода расистские бредни давно уже опровергнуты историей. Наглядным доказательством полной несостоятельности всех и всяческих расистских «теорий» является быстрый прогресс братских народов Советского Союза. В условиях советского социалистического строя благодаря братской помощи русского народа, русского рабочего класса, под руководством большевистской партии ранее жестоко угнетавшиеся народы царской России, «тюрьмы народов», достигли невиданного расцвета как в области политического, экономического, так и в области своего культурного строительства. По пути быстрого прогресса идут в настоящее время все народы стран народной демократии Восточной Европы и Китайской Народной Республики, сбросившие иго империалистической эксплуатации.

Под флагом расовой теории буржуазные «теоретики» международного права оправдывают прямую аннексию территории колониальных и зависимых народов. Аннексия империалистическим правительством Южно-Африканского Союза Юго-Западной Африки, в прямое нарушение Устава ООН и вопреки решению Генеральной Ассамблеи, встретила полное одобрение буржуазных социологов и «теоретиков» международного права [2].

Буржуазные «теоретики» не признают за подопечными народами права на суверенитет; суверенитет, по их мнению, «принадлежит управляющей власти».

«Теоретическая концепция», в соответствии с которой суверенитет, поскольку это касается подопечной территории, принадлежит управляющей власти, преследует цель «обосновать» превращение подопечных территорий в вассалов и использовать их население в качестве пушечного мяса империалистических государств. Вопрос о том, кому принадлежит суверенитет в отношении подопечной территории, пишет откровенно Кельзен, имеет большое значение в случае войны. Если суверенитет принадлежит управляющей власти, то вступление государства-опекуна в войну автоматически влечет за собой вступление в войну на его стороне и подопечной территории [3].

В этом суть различных софистических ухищрений буржуазных социологов и юристов, стремящихся обосновать «право» американских монополий на пушечное мясо.

Буржуазная наука международного права отказывается признать целью опеки достижение независимости. В соответствии с буржуазной международно-правовой концепцией опека устанавливается навсегда или, во всяком случае, на неопределенно долгий срок... в интересах обеспечения «свободы морей» и «свободы воздуха» [4]. Лозунги «свобода морей» и «свобода воздуха» едва прикрывают экспансионистские планы американских империалистов, стремящихся вытеснить своих капиталистических партнеров из принадлежавших им до сих пор «сфер влияния».

Правительства капиталистических государств, которые не в состоянии собственными силами справиться с растущим национально-освободительным движением, как известно, обращаются за помощью к американскому империализму. США в современном мире выступают в роли мирового жандарма. Используя свое положение сильнейшей капиталистической державы, США все более вытесняют своих капиталистических соперников из принадлежащих им «сфер влияния», «сфер» эксплуатации колониальных и зависимых народов. Именно этот смысл имеет провозглашенная Трумэном в послании конгрессу от 20 января 1949 года программа «помощи» слаборазвитым странам. Именно в этих целях амери-

[1] André Siegfried. Suez, Panama et les Routes Maritimes Mondiales, p. 289—292. Paris. 1948.

[2] H. Kelsen. The Law of the United Nations, p. 598. London. 1950.

[3] См. H. Kelsen. The Law of the United Nations, pp. 688—691. London. 1950.

[4] AJIL. Vol. 38, Nr. 2, p. 282.

канский империализм пытается использовать и систему опеки.

Эти устремления хищнического американского империализма находят своих идеологов в лице представителей буржуазной науки международного права, выдвинувших требования установления «коллективной опеки» или «международного мандата», т. е. допущения американского империализма к эксплуатации колониальных и зависимых народов, формально находящихся под властью других колониальных держав.

Систему опеки, вопреки целям и принципам, записанным в Уставе ООН, империалистические державы стремятся использовать для того, чтобы, прикрываясь авторитетом ООН, сохранить свое колониальное владычество, беспрепятственно продолжать эксплуатацию колониальных и зависимых территорий и использовать подопечные территории для создания на них военных плацдармов.

Подобная практика представляет собой вопиющее нарушение Устава ООН, в котором записано (ст. 76), что «основные задачи системы опеки состоят в том, чтобы способствовать прогрессивному развитию населения территорий под опекой в направлении к самоуправлению или независимости...»

В колониальных и зависимых странах, на подопечных территориях царят дикий произвол, расовая дискриминация и угнетение. Буржуазная наука международного права лишь различными способами стремится узаконить эту дискриминацию и произвол. Буржуазные ученые утверждают, что не существует нормы международного права, которая предусматривала бы запрещение дискриминации колониальных и зависимых народов. Управляющая власть, заявляет, например, Кельзен, не обязана обеспечивать населению подопечной территории демократических прав и свобод, так как подобное обязательство вовсе не предусматривается Уставом ООН [1].

На самом деле в ст. 1 Устава ООН говорится, что ООН преследует цель осуществлять международное сотрудничество... в поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и быть центром для согласованных действий наций в достижении этих общих целей. В ст. 76 Устава прямо говорится, что основные задачи системы опеки состоят в том, чтобы поощрять уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

В писаниях современных «теоретиков» международного права ясно видно, что составной частью политической линии американских империалистов, взявших курс на установление своего господства во всем мире, является политика экспансии, подчинения своему господству других стран, захвата чужих территорий, все новых рынков сбыта и источников сырья.

Буржуазная «наука» международного права отражает экспансионистскую, захватническую природу американского империализма. Она не только не осуждает захваты, но, наоборот, стремится узаконить захваты, доказать их «правомерность».

Касаясь вопроса о приобретении территории, Кельзен откровенно пишет, что территория приобретается в «результате применения силы или угрозы ее применения» [2]. Таким образом, международное право превращается в апологию разбоя и грабежа, а шантаж, угрозы и давление объявляются «законными средствами».

«Мир,— цинично заявляет Мортимер Адлер,— может быть установлен путем завоевания всего земного шара» [3]. Такова империалистическая концепция «мира», являющаяся на самом деле апологией войны.

Не менее откровенен и Клайд Иглтон. «Отрицать захваты,— заявляет он,— значит отрицать и войны, а войны до сих пор не поставлены вне закона» [4]. Иглтон хотел бы скрыть, что захватническая война осуждена всем прогрессивным человечеством, что агрессия была признана между-

[1] H. Kelsen. The Law of the United Nations, p. 638.

[2] AJIL. Vol. 44, Nr. 2, pp. 265—269.

[3] War and the Law, ed. by E. W. Putkammer, p. 196. Chicago. 1944.

[4] C. Eagleton. International Government, pp. 60—61. 1948.

народным преступлением в ряде международных актов и документов: в пакте Бриана — Келлога от 27 августа 1928 года, в Уставе Международного Военного Трибунала, в Уставе ООН.

Идеологи агрессивного американского империализма откровенно предлагают произвести раздел и суши и морских пространств всего мира, призывают к оккупации империалистами США этих пространств.

Американский капитализм бесцеремонно протягивает руку к наиболее важным в военно-стратегическом отношении территориям и водным путям. Выражением этих экспансионистских устремлений империалистов США является наглое требование передачи в собственность «надгосударственной власти» проливов и каналов международного значения — Гибралтара, Суэцкого, Панамского и других, а также военных баз, расположенных в различных концах земного шара, всех рек, внутренних морей и озер, железных дорог и аэропортов, всей промышленности, имеющей стратегическое значение, рудников и т. д.

Совершенно ясно, что слова «надгосударственный», «международный» и т. д. на деле обозначают власть американских империалистов, создающих различные военные блоки своих партнеров и сателлитов, использующих «международный» флаг для осуществления агрессивных целей.

Для осуществления своих агрессивных планов американские империалисты сколачивают всякого рода военные блоки и союзы, а ученые лакеи империализма немедленно объявляют их соответствующими потребностям духа времени и «обосновывают» возрожденными геополитическими бреднями, широко использованными в свое время германским фашизмом.

Одну из своих задач буржуазные ученые видят в «обосновании» так называемого регионального характера всех этих военно-агрессивных блоков.

Суть призывов буржуазных ученых к созданию «региональных федераций» и «региональных союзов» сводится к стремлению дать возможность американским империалистическим хищникам совершать любые беззакония под прикрытием этих «региональных союзов», дать возможность крупным империалистическим хищникам использовать так называемое региональное международное право как орудие навязывания своей воли другим государствам и народам. Таким образом, геополитические «теории» и проповедь регионального международного права полностью и целиком соответствуют тому характеру, который имеют союзы и блоки, сколачиваемые американским империализмом. «Вся эта возня вокруг «западных союзов», «атлантических союзов», «средиземноморских блоков» и т. п.,— указывает товарищ В. М. Молотов,— прикрывается оборонительными декларациями, могущими ввести в заблуждение лишь слишком наивных людей. На деле эти «союзы» и «блоки» преследуют цели подготовки новой агрессии и развязывания новых войн, в которых заинтересованы те или иные правящие группы, но отнюдь не народы Соединенных Штатов Америки, Англии или какой-либо другой страны. Что касается Англии и Франции, то они находятся в противоречии с пактами о дружбе и взаимопомощи, заключенными этими странами с СССР» [1].

Совершенно очевидно, что создаваемые американо-английским империализмом блоки не носят регионального характера, а «воплощают в себе претензии определенных держав на господство во всех частях земного шара» [2]. Они находятся в вопиющем противоречии с духом и буквой Устава ООН, служат не делу мира, а подготовке войны.

Несколько замаскированной геополитической «теорией» является придуманная американскими буржуазными юристами и так называемая теория международной границы [3].

---

[1] В. М. Молотов. 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 30. 1948.

[2] Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте. «Правда» от 29 января 1949 года.

[3] D. Hall. Mandates, Dependencies and Trusteeship, p. 3—25. Washington. 1948; см. также AJIL. Vol. 42, Nr. 1.

В соответствии с этой теорией зоны, в пределах которых «сталкиваются интересы великих держав», образуют международную границу. Эта «международная граница» может совпадать частично с национальными границами, однако, как правило, «международная граница» лежит за пределами национальных границ, т. е. «сфера интересов» империалистических хищников далеко выходит за пределы их границ, захватывая территории других государств и народов. Таким образом, область, отграничиваемая «международной границей», представляет собой тот же «гроссраум», как говорили гитлеровцы,— «жизненное пространство» крупных империалистических хищников. Совершенно очевидно, что теория «международной границы» служит интересам экспансионистской политики американского монополистического капитала. Апологет этой «теории», некий Дункан Холл, откровенно заявляет, что «американская мощь и дипломатия, как они выражены в доктрине Монро..., отодвигают латино-американский континент в сферу, отграничиваемую международной границей», т. е., другими словами, вся Латинская Америка не имеет национальных границ и входит в «сферу влияния» США. Так в угоду США «объясняется» и «обосновывается» утрата латино-американскими государствами суверенитета, их фактическое полуколониальное положение.

Однако в настоящее время американским империалистам уже недостаточно американского континента: они взяли курс на завоевание мирового господства, и наемные «теоретики» немедленно раздвигают «сферу влияния» США на весь земной шар. «Основной географический пояс международной границы, — пишет Дункан Холл, — проходит в настоящее время... вокруг Европы: от оккупированной Германии до оккупированной Японии — круг, замыкаемый Арктикой. Пояса меньшего масштаба в Европе и Тихом океане образуют часть этой системы» [1]. «Восточная граница США,— заявляет Холфорд Хоскинс, старший консультант по вопросам международных отношений библиотеки Конгресса,— расположена на Европейском континенте» [2].

Переход американо-английского империализма к сколачиванию единого военно-агрессивного союза всех стран эксплуататорского мира во главе с США во имя завоевания мирового господства американским монополистическим капиталом нашел свое отражение в теории «всемирного государства», пропагандируемой в буржуазной науке международного права. Теория «всемирного государства» представляет собой идеологическое выражение планов мирового господства американского капитала.

Разоблачая в 1915 году лозунг «Соединенные Штаты Европы», В. И. Ленин указывал, что «Соединенные Штаты Европы», в силу противоречий, господствующих между капиталистическими государствами, возможные лишь как временное соглашение, означали бы соглашение европейских капиталистов о том, «как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии...» [3]. Это ленинское положение в полной мере относится и к современным планам создания всякого рода «надгосударственных объединений».

Вдохновители агрессивной политики США и Англии проводят политику подрыва международного сотрудничества и международных соглашений. «Покончить с Тегераном, Ялтой и Потсдамом» — этот лозунг поджигателя войны Джона Фостера Даллеса лег в основу внешней политики США после второй мировой войны.

Теория «всемирного государства» имеет в виду порабощение американским монополистическим капиталом всех государств и народов, поэтому апологеты американского империализма, восхваляющие мировое государство, не скрывают, что они не заинтересованы в эффективном функционировании международных организаций, целью которых является

---

[1] AJIL. Vol. 42. Nr. 1, p. 46.

[2] Halford Hoskins. The Atlantic Pact, p. 63. Washington. 1949.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 310.

борьба за мир и суверенитет как больших, так и малых государств и народов.

Всякого рода «региональные теории» и теории «всемирного государства», проповедуемые апологетами американо-английского империализма, построены на песке. Вторая мировая война привела к углублению и обострению всеобщего кризиса капитализма. Основными и характерными чертами всеобщего кризиса капитализма является все увеличивающаяся слабость капиталистической системы, укрепление сил социализма и демократии во всем мире, обострение противоречий капиталистической системы.

Резкое обострение противоречий между капиталистическими государствами говорит о непрочности, о внутренней гнилости любых «блоков» и «союзов», сколачиваемых капиталистическими государствами. Главными из этих противоречий являются англо-американские противоречия. Эти противоречия находят свое выражение в острой борьбе за рынки сбыта и источники сырья, за сферы влияния, они проявляются и в вопросе о создании «европейской армии» и в вопросе об усилении гонки вооружений странами агрессивного Атлантического блока. Особенно остро эти противоречия проявляются в периоды наибольшей напряженности международного положения, когда империалистический лагерь терпит какие-либо неудачи в политическом, экономическом или военном отношении.

О беспочвенном характере надежд американо-английских империалистов на мировое господство свидетельствует и обострение противоречий внутри капиталистических стран — между трудящимся большинством и эксплуататорским меньшинством, между национально-освободительным движением колониальных и зависимых народов и горсткой угнетающих их империалистических хищников.

Победа народно-демократических сил Китая, возглавляемых коммунистической партией, подняла национально-освободительное движение во всем мире на новую, более высокую ступень.

Новая ступень национально-освободительной борьбы характеризуется тем, что в настоящее время колониальные и зависимые народы стали под руководством рабочего класса и коммунистических партий на путь создания самостоятельных государств, на путь борьбы за национальные, независимые государства.

Трудящиеся всего мира все более активно выступают в защиту мира, против гонки вооружений, ложащейся тяжелым бременем на их плечи, отнимающей у них последние остатки свободы, ведущей к чудовищному снижению жизненного уровня.

Важной чертой современной борьбы рабочего класса, народов всего мира является то, что она сочетается с борьбой против империалистической реакции внутри капиталистических стран, с борьбой против американского империализма как основной силы современной реакции. Крепнет единство рабочего класса и прогрессивных сил всего мира как в национальных, так и в международных масштабах. Логика борьбы толкает трудящихся к совместным действиям. Руководящую роль в борьбе за мир во всем мире играют рабочий класс и его коммунистические партии. Все более активное участие в борьбе за мир, против агрессивной политики американского империализма начинает принимать американский народ.

«Американский народ начинает понимать, что если поджигатели войны организуют новую бойню людей, то горе матерей, жен, сестер, детей посетит и американский континент» [1].

Американо-английские империалисты стремятся расшатать, ослабить международные организации, целью которых является борьба за мир, за суверенитет как больших, так и малых народов. Претенденты на мировое господство стремятся превратить их в орудие своей агрессивной политики.

Именно такую политику, как известно, проводят американо-английские империалисты в отношении Организации Объединенных Наций. Эту политику стараются обосновать

[1] Г. М. Маленков. 32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 22.

буржуазные «теоретики» международного права.

«Агрессорским ядром ООН являются десять стран — членов агрессивного Северо-атлантического пакта (США, Англия, Франция, Канада, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия, Исландия) и двадцать Латино-американских стран (Аргентина, Бразилия, Боливия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Доминиканская республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Венецуэла)» [1].

В результате политики, проводимой этим агрессорским ядром в ООН, «Организация Объединенных Наций, созданная как оплот сохранения мира, превращается в орудие войны, в средство развязывания новой мировой войны» [2].

Основной удар в ООН американо-английские империалисты и их «ученые» прислужники направили против принципа единогласия как такого принципа, который «закрывает путь к сговору отдельных держав, которые пожелали бы действовать в узко групповых интересах и в обход Организации Объединенных Наций» [3].

В первый период после окончания войны апологеты американского империализма опасались прямо требовать отмены принципа единогласия. В полном соответствии с политикой правительств США и Великобритании, предпочитавших в тот период действовать обходными путями, американские юристы призывали к «либерализации» правила единогласия, понимая под «либерализацией» максимальное ограничение этого правила. Одновременно американо-английские юристы «советовали» усилить значение Международного суда и Генеральной Ассамблеи в противовес Совету Безопасности с ненавистным для них правилом единогласия. Так, например, Питтман Поттер советовал не более, не менее, как передать право принятия решений о применении санкций от Совета Безопасности административному органу, находящемуся под контролем Генеральной Ассамблеи и особенно Международного суда [4].

Апологеты американского империализма заботливо подсказывали своим хозяевам с Уолл-стрита и лондонского Сити, что принятие правила единогласия еще ничего не означает, так как впоследствии его можно будет устранить путем различного рода махинаций. Так, например, английский юрист Норман Бентвич, выступая в период создания Устава ООН на заседании Лондонского Международно-правового общества имени Гроция, предлагал пойти на уступку, принять предложение СССР относительно Устава только для того, чтобы затем постепенно изменить Устав, устранив прежде всего право «вето» [5].

По мере того как американо-английские империалисты все более откровенно становились на путь отказа от международного сотрудничества, на путь подготовки новой войны, апологеты американо-английского империализма все более нагло требовали превращения ООН в придаток государственного департамента. Требование подобной метаморфозы ООН в интересах американо-английского империализма они маскируют разговорами о необходимости «эволюции» ООН в сторону превращения этой организации в «мировое правительство». Эту идею усиленно проповедуют такие американские теоретики, как Клайд Иглтон, Филипп Джессеп, Китон и Шварценбергер, Томас Финлеттер, В. Нэш и другие.

Буржуазные юристы не только на словах, но и на деле помогают американо-английским империалистам превращать ООН в ширму и орудие проведения политики беззакония и агрессии. Многие из буржуазных юристов (например, Джессеп, Ссель) непосредственно в органах ООН про-

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», стр. 10—11. Госполитиздат. 1951.

[2] Там же, стр. 30.

[3] А. Я. Вышинский. Вопросы международного права и международной политики, стр. 342. 1949.

[4] См. AJIL. Vol. 39, Nr. 2.

[5] Transactions of the Grotius Society. Vol. 31, Part I. Proceedings of the International Law Conference 1945, pp. 17—18. London. 1946.

водят реакционную политику американо-английских империалистов.

Империалистическому лагерю, проводящему политику срыва международного сотрудничества, подрыва ООН и превращения ее в орудие Уолл-стрита, противостоит борьба СССР и всего демократического лагеря за мирное сотрудничество, за соблюдение принципов Устава ООН. Мощное движение сторонников мира требует, чтобы ООН вернулась к тем принципам, на которых была создана эта организация, требует допустить в ООН Китайскую Народную Республику, использовать влияние ООН для того, чтобы добиться соблюдения международных соглашений по вопросу о разоружении Германии и ускорить заключение мирного договора, который сделал бы возможным отвод оккупационных войск и восстановление объединенной и демилитаризованной Германии. Всемирный Совет Мира призвал Генеральную Ассамблею ООН поставить на обсуждение предложения о разоружении, принятые Советом Мира.

Советские предложения о сокращении вооруженных сил, о запрещении атомного оружия и установлении контроля над производством атомной энергии встретили поддержку всего прогрессивного человечества. Буржуазные «теоретики» международного права, находящиеся на службе американского империализма, который перешел от политики подготовки агрессии к политике непосредственного ее осуществления, приперты к стене. Поэтому они изобретают все новые лживые теории, прикрывающие звериную сущность современного американо-английского империализма. Буржуазные теоретики из кожи лезут вон, стремясь узаконить агрессивную войну и обмануть народные массы в вопросе о тех причинах, которыми вызываются войны, убедить их в «миролюбии» американских агрессоров.

Причиной войн буржуазные ученые объявляют «человеческую природу», они без устали твердят, что до тех пор, пока на земле существуют человеческие существа, якобы будут существовать и войны. «Политическая и дипломатическая история всех веков,— заявляет Соттиль,— говорит о том, что мир является «анормальным состоянием», исключением, состоянием почти что антиестественным»[1]. Соттиль и ему подобные защитники американских агрессоров попросту повторяют лживые бредни о благодетельности войн, которые распространяли гитлеровские головорезы.

«Современный человек,— вторит Соттилю американский социолог Квинси Райт,— может... принять войну как выход из ограниченного, обыденного существования, как приключение, представляющее собой разнообразие, которого ему не хватает»[2].

Все эти лженаучные «теории» призваны скрыть тот факт, что причиной войн является существование капиталистической системы. Империализму имманентно присущи агрессивные войны — войны за передел мира, за сферы влияния, за рынки сбыта, за захват источников сырья. Войны коренятся в самой природе империалистического общества, в неравномерности развития капиталистических государств.

Буржуазные «теоретики» международного права усердно стараются внушить людям идею якобы неосуществимости и даже бесцельности сокращения вооружения, которое на практике срывается их американо-английскими хозяевами. Они хотели бы своими рассуждениями подорвать веру людей в великую силу движения за мир.

«...Разоружение, даже полное, не разрешит проблему войны»[3],— заявляет Иглтон. Отсюда предлагается сделать вывод, что не следует бороться за сокращение вооружений, что политика гонки вооружений якобы «законна» и не должна вызывать ни протестов, ни сопротивления.

Капиталистические государства пытаются при помощи гонки вооружений устранить угрозу кризиса. Однако гонка вооружений не только

---

[1] A. Sottile. Le Nouveau Droit Pénale International — seul Moyen Efficace pour assurer la Paix du Monde, p. 3. Genève. 1945.

[2] Q. Wright. A Study of War. Chicago. 1942.

[3] C. Eagleton. International Government, p. 386. New York. 1948.

не устранила угрозы кризиса, но, наоборот, еще более приблизила ее.

Товарищ И. В. Сталин в докладе на XVIII съезде партии указывал, что перевести хозяйство на рельсы военной экономики — «это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения,— следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом» [1].

Таким образом, милитаризация страны, политика агрессии ведут, в конечном итоге, к еще большему обострению кризиса.

Буржуазная наука международного права старательно избегает определения агрессии или же дает такие определения, которые могут лишь запутать вопрос. Потугам буржуазной науки увильнуть от прямого ответа в этом вопросе подвел итог Кельзен, заявивший, что вообще якобы «следует избегать термина «агрессия», так как этот термин является «скорее военно-техническим, чем правовым», и что «вряд ли возможно дать ему удовлетворительное определение в правовых целях» [2]. Виляния Кельзена понятны, ибо вряд ли можно дать определение агрессии, удовлетворительное для американских агрессоров! Американские агрессоры, ведущие зверскую войну в Корее с применением бактериологического и химического оружия, пойманы с поличным, поэтому их ученые лакеи ищут способы, как бы отменить самое понятие «агрессии».

Американские «блюстители законности» хотели бы узаконить захватническую войну и пропаганду поджигателей войны. Американские империалисты клевещут на Советский Союз и страны народной демократии, стремятся привить враждебное отношение к народам этих стран. Известно, что, например, радиопередачи «Голос Америки» представляют собой один из методов ведения «холодной войны», разжигания военного психоза. «Американский журнал международного права» из кожи лезет вон для того, чтобы установить «право» империалистов США клеветать и вести пропаганду войны посредством передачи «Голос Америки». «Единственно, о чем следует пожалеть,— пишет автор статьи «Пропаганда холодной войны» Дж. Б. Уиттон в «Американском журнале международного права»,— это о том, что эта кампания (радиопередачи «Голос Америки».— *О. П.*) была начата слишком поздно и что она все еще ведется в недостаточных масштабах» [3].

Апологеты американского империализма в своем презрении ко всем нормам международного права и элементарным правилам справедливости доходят до бессовестного утверждения о том, что якобы «агрессия и оборона от агрессии одинаково правомерны» [4]. Таково последнее слово американской «науки» международного права!

Кровавая интервенция в Корее и агрессивная политика американского правительства в отношении Корейской Народно-Демократической Республики встречают всемерную поддержку представителей американской «науки» международного права. Апологеты американского империализма выступают за «превентивную» войну против СССР и стран народной демократии. Они всячески стараются замаскировать злодейские замыслы империалистов США, извратив нормы международного права, превратить международное право в теорию разбоя и грабежа.

Так, например, в статье «Критический взгляд на превентивную войну» Питтман Поттер призывает к созданию под «международным» флагом вооруженных сил, предназначенных для «организации» и осуществления так называемой превентивной войны. Без «международного» флага, цинично заявляет Поттер, «превентивная военная акция будет лишена правового основания; это относится и

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 567. 11-е изд.
[2] AJIL. Vol. 39, Nr. 1, p. 74.
[3] AJIL. Vol. 45, Nr. 1, p. 151—152.
[4] C. Eagleton. International Government, p. 85.

к превентивной войне США против Советской России». Стараясь оправдать разбой американских империалистов, Поттер договаривается до такого беспримерного по своему цинизму заявления: «Бывают моменты, когда этично нарушать право» [1].

Идея создания под «международным» флагом вооруженных сил американо-английских империалистов чрезвычайно популярна среди буржуазных юристов. Эти «международные вооруженные» силы должны, по их планам, принуждать государства к выполнению решений «наднационального», то есть американского, органа по контролю над атомной энергией, который должен быть учрежден в соответствии с «планом Баруха» и иметь право без всякого решения и помимо Совета Безопасности захватывать любой завод и любые материалы, имеющие отношение к производству атомной энергии [2]. Помимо «международных вооруженных сил», предусматривается и создание «международной разведки», которой каждое государство должно сообщать данные о новых открытиях в области вооружений и оставаться, таким образом, безоружным перед лицом агрессивного, вооруженного до зубов американо-английского империализма [3].

Не удивительно, что американо-английские юристы всячески в течение ряда лет стараются оправдать германских и японских военных преступников, творивших чудовищные злодеяния. Они на все лады твердили о «незаконности» Нюрнбергского процесса, они договорились до того, что объявили японских военных преступников Того и Мамору Сигемицу «борцами за мир» [4].

Попытки апологетов американского империализма оправдать германских и японских военных преступников имеют свои веские основания. Об этих основаниях достаточно откровенно высказался «Журнал уголовного права и криминологии». Если принять принцип наказания военных преступников, предупреждает журнал, то если бы США проиграли какую-либо большую войну, американским высшим офицерским кадрам грозила бы опасность подвергнуться тюремному заключению или быть казненными [5].

Задолго до начала агрессии в Корее американские буржуазные юристы начали выступать с требованиями отказа от норм и обычаев ведения войны, признанных народами всего земного шара, с апологией самых варварских, бесчеловечных средств массового уничтожения.

Апологеты американского империализма в один голос твердят о том, что характер современной войны и развитие военной техники, в первую очередь развитие авиации, привели якобы к тому, что различие между комбатантами и некомбатантами потеряло всякое практическое значение, и отсюда делают вывод о «правомерности» массового истребления населения.

Лакеи американских агрессоров прямо призывают к отказу от всех принятых норм и обычаев войны, цинично «обосновывая» этот призыв тем, что нормы и обычаи войны якобы никогда не соблюдались.

Например, Лестер Нурик призывает к «реалистическому признанию» природы войн и принятию таких норм войны, которые не противоречили бы «практике воюющих», т. е. бесчеловечной, зверской практике империалистических хищников, истребляющих миллионы человеческих жизней [6].

Казалось бы, трудно превзойти Лестера Нурика в области бесстыдной защиты злодеяний американских агрессоров. Однако статья Эллери Стоуэлла, помещенная в том же номере «Американского журнала международного права», что и статья

---

[1] AJIL, Vol. 45, Nr. 1, p. 144; см. также AJIL. Vol. 44, Nr. 4.

[2] См. AJIL. Vol. 40, Nr. 1.

[3] См. World Security Force. Report of Military Committee of Societes for the Promotion of International Law and Order. London. 1949.

[4] Hankey. Political Trials and Europe, p. 119. Oxford. 1950.

[5] The Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. XXXVI, Nr. 3, September—October 1945, p. 183; см. также H. A. Smith. The Crisis in the Law of Nations, p. 48. London. 1947.

[6] См. AJIL. Vol. 39, Nr. 4.

Нурика, еще более цинична в своей наглой откровенности [1].

Стоуэлл прямо провозглашает, что на войне «законно любое средство, которое поведет к успешному ведению войны». Стоуэлл, так же как и Лаутерпахт, так же как и Лестер Нурик, призывает отказаться от «нерационального и сентиментального взгляда на иммунитет и неприкосновенность гражданских лиц».

Эллери Стоуэлл проповедует отказ от заключения международного соглашения по контролю над атомным оружием, выдвигая в качестве довода «современный уровень международной морали». Что и говорить, уровень морали американских каннибалов, творящих свои злодеяния в Корее, явно невысок!

Апологеты американских агрессоров не только выступают против запрещения атомного оружия, но и призывают, не стесняясь, использовать его в широких масштабах.

Некий Смит в книге «Кризис международного права» выдвинул новую «теорию» войны «в трех измерениях» [2], причем при ведении войны в третьем измерении, т. е. при нападении с воздуха, Смит оправдывает использование атомного оружия.

Бесчеловечные рассуждения современных апологетов международного разбоя находятся в полном соответствии со звериной политикой американских правящих кругов. Развязав кровавую агрессию против Кореи, американские интервенты не брезгают никакими, самыми чудовищными по своей жестокости средствами для того, чтобы сломить сопротивление героического корейского народа. Кровожадные американские изверги и лисынмановцы разрушают города и села Кореи, грабят и истребляют мирное корейское население. Земля, занятая американскими оккупантами и их лисынмановскими прислужниками, полыхает пожарами; американские «цивилизованные» варвары жгут, убивают, насилуют женщин, лишают население крова и имущества. В лагерях военнопленных совершаются чудовищные насилия и злодеяния. В тюрьмах на оккупированной американскими разбойниками территории томятся не только взрослые, но и малолетние и грудные дети, брошенные туда вместе с родителями. Американские империалисты используют варварские орудия массового уничтожения мирного населения — напалм, отравляющие вещества, бактериологические средства ведения войны.

Действия американских агрессоров в Корее находятся в вопиющем противоречии с общепризнанными нормами международного права. В соответствии с элементарными и общепризнанными нормами международного права запрещается издевательство над мирным населением, истребление и грабеж мирного населения, нападение на мирное население и мирные населенные пункты с воздуха.

Применение бактериологических и химических средств войны прямо запрещено Женевским протоколом 1925 года. США уклонились от ратификации этого протокола.

Отказ от поддержки запрещения мучительных и массовых средств уничтожения вообще характерен для практики США. Еще в 1899 году правительство США отказалось присоединиться к конвенции о запрещении разрывных пуль «дум-дум». В 1945 году правительство Трумэна сбросило атомную бомбу на японские города Хиросима и Нагасаки. В настоящее время правительство США не только усиленно готовит бактериологическую войну в широких масштабах, но уже применяет бактериологическое оружие на практике.

Буржуазная наука международного права в настоящее время полностью и целиком обслуживает нужды и интересы американского империализма. Апологеты американского империализма беззастенчиво оправдывают и «обосновывают» политику вмешательства американских империалистических хищников во внутренние дела других государств и народов, политику угнетения колониальных и зависимых народов, политику срыва мирного сотрудничества, подрыва ООН и превращения

[1] См. AJIL. Vol. 39, Nr. 4.

[2] H. A. Smith. The Crisis in the Law of Nations, pp. 69—78.

ее в орудие войны, политику непосредственного развязывания агрессии и подготовки новой мировой войны во имя установления мирового господства монополистического капитала США. Буржуазные правоведы беззастенчиво оправдывают и теоретически «обосновывают» варварские способы ведения войны: истребление мирного населения, поджоги и грабежи, воздушное пиратство, применение средств массового уничтожения мирного населения, — ныне на практике применяемые американскими «цивилизованными» дикарями в Корее.

Буржуазная теория международного права все более превращается в наглую апологетику агрессивной политики американского империализма.

Прогрессивные силы всего мира борются против разбойничьей политики американо-английского империализма, за мирное сотрудничество и мир во всем мире.

Во главе сил, борющихся за мир и демократию, стоит Советский Союз. Это исторически закономерно, ибо Советский Союз является государством, построившим социализм и строящим в настоящее время коммунизм, т. е. государством, создавшим самый высокий общественный строй по сравнению со всеми существовавшими в истории человечества. Советский Союз является знаменосцем новых, прогрессивных идей общественного развития, прокладывающим всему человечеству дорогу к счастью и справедливости.

Народы всего мира требуют соблюдения основных демократических норм международного права — равенства и независимости всех народов и наций, как больших, так и малых, недопустимости агрессии, запрещения всех средств массового уничтожения людей, сокращения вооружений, поддержания и укрепления мира во всем мире.

Лучшие, передовые ученые стран капиталистического мира объединяют свои усилия с представителями интеллигенции стран демократического лагеря, с народами этих стран во имя борьбы против международного разбоя американо-английских империалистов. Прогрессивные юристы всех стран мира объединились в международную ассоциацию юристов-демократов, борющуюся за мир и демократию во всем мире. Передовая наука базируется на марксистско-ленинском диалектическом методе, она вдохновляется великими, всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма и отражает новые, социалистические общественные отношения.

Идеалистическое освещение квантовой механики в новом выступлении Гейзенберга*

А. П. ПОЛИКАРОВ (София)

Квантовая теория имеет уже пятидесятилетнюю историю. Безусловно, доказала свое право на существование наиболее совершенная ее форма — квантовая механика, как физическая теория, охватывающая весьма богатый экспериментальный материал из области современной атомной физики.

Эта теория представляет собой новый шаг вперед в познании объективного мира. Она проникает в те области явлений, которые были совершенно необъяснимы с позиций старой, «классической» физики, незыблемость основных представлений которой является главной догмой метафизического материализма.

Естественно поэтому, что философское истолкование квантовой механики имеет первостепенное значение в борьбе материализма против идеализма. Проповедники идеализма в наши дни так же, как и на рубеже XX века, после краха некоторых метафизических представлений, пытаются доказать, что крушение метафизики есть крушение материализма. Софистичность этого приема была блестяще разоблачена В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм», где убедительно показано, что полная неспособность метафизического материализма объяснить новые явления в естествознании является ярким свидетельством победы диалектического материализма. В настоящее время в связи с резким обострением непримиримой идеологической борьбы между новым миром социализма и демократии и миром агонизирующего империализма идеалистическая философия проявляет несравненно большую активность в использовании софистики для истолкования новых данных естествознания в нужном для правящих классов смысле. Показательна в этом отношении последняя статья Гейзенберга. В ней автор, работающий сейчас в Геттингене, подводит итоги пятидесятилетнего развития квантовой теории, передает свои воспоминания о создании квантовой механики, в частности, историю установления соотношения неопределенностей и их интерпретации в духе копенгагенской школы.

Идеалистический характер истолкования Гейзенбергом вопросов, связанных с возникновением и развитием квантовой механики, проявляется прежде всего в преувеличении роли так называемых мысленных экспериментов. Именно эти «эксперименты», согласно Гейзенбергу, дают возможность выяснить сферу применимости понятий классической физики. Таким образом, получается, что новая физическая теория строится в первую очередь на основе фактов сознания. Однако ясно, что мысленный эксперимент сам по себе не может окончательно решить вопрос о применимости тех или иных представлений к объективной действительности, пока он не будет проверен на практике. История науки изобилует примерами, показывающими, что результаты мысленных экспериментов нередко оказывались в резком противоречии с действительностью. Так, на основе своего рода «мысленного эксперимента» в средние века, например, отрицалось суще-

* W. Heisenberg. 50 Jahre Quantentheorie. «Die Naturwissenschaften». 38. H. 3. 1951.

ствование антиподов. Согласно другому мысленному эксперименту, в правомерности которого долгое время не сомневались даже сторонники Коперника, камень, брошенный с мачты движущегося корабля, должен упасть на некотором отдалении от основания, поскольку корабль за время падения камня должен пройти некоторое расстояние. На основе этого рассуждения доказывалась неподвижность Земли. Мысленный эксперимент может играть большую роль в процессе возникновения догадки, гипотезы, но он не может служить доказательством истинности; критерием истинности может служить лишь практика, лишь осуществленный эксперимент. Например, соотношение неопределенностей можно обосновать таким физическим опытом, как эффект Комптона. Мысленный же эксперимент может быть использован лишь в качестве иллюстрации, в лучшем случае, в качестве догадки.

Типично махистские, махрово идеалистические установки Гейзенберга проявляются и в его утверждении, что «новая квантовая теория имела дело, попросту выражаясь, не непосредственно с природой, а с нашими знаниями о природе». Это означает, что и результаты этой теории могут быть применены лишь к знаниям о природе, а не к самой объективной реальности, что опровергается всей богатой практикой применения выводов квантовой механики к исследованию физических явлений, т. е. непосредственно к природе.

Приведенное утверждение Гейзенберг связывает с тем, что, поскольку знания о природе «обнаружили себя как необходимо неполные, статистический, случайный элемент не мог быть избегнут и в новой теории. И эти знания не допускали объективирования простым способом».

Перед нами образец метафизического образа мышления, приводящего к идеализму. Вопрос об отношении между случайным и необходимым, являвшийся одним из камней преткновения домарксовой философии, представляет для Гейзенберга неразрешимую трудность. Он не в состоянии подняться до понимания единства необходимого и случайного, до понимания объективного характера случайности, к которому приходит, например, выдающийся представитель статистической физики М. Смолуховский[1]. Вместо этого у Гейзенберга имеется некоторая предвзятая абстрактная схема физической теории, напоминающая построение классической механики, в соответствии с которой и должны быть, по его мнению, объяснены явления микромира.

Если же эти явления не могут быть объяснены в соответствии с такой механической схемой и новая теория, т. е. квантовая механика, допускает «случайный элемент», то, поскольку случайность, по мнению Гейзенберга, имеет чисто субъективный характер и в природе ее не существует, квантовая механика не имеет отношения к действительности, является чисто мысленным построением (вероятно, с целью упражнения в решении дифференциальных уравнений). Таким образом, метафизическое понимание случайности приводит к махистскому утверждению, согласно которому квантовая теория есть не физическая, а психологическая теория, что означает фактически ее ликвидацию.

Любопытную деталь представляет оговорка Гейзенберга, заключающаяся в словах «простым способом». Эта оговорка обусловлена пресловутым махистским принципом «экономии мышления». С позиций диалектического материализма совершенно очевидно, что простота или сложность «объективирования» не имеет принципиального значения в вопросе о том, отражает ли квантовая механика объективную реальность.

Пытаясь использовать квантовую механику для опровержения материализма, Гейзенберг прибегает к софистической подмене понятий, к отождествлению всякого материализма со старой, непоследовательной и метафизической его формой, т. е. к тому приему, который был давно разоблачен классиками марксизма и

---

[1] М. Смолуховский. О понятии случайности и о происхождении законов вероятностей в физике. Журнал «Успехи физических наук». Т. VII, вып. 5 за 1927 год, стр. 329.

особенно В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Рассказывая о противодействии, которое встретило идеалистическое толкование квантовой механики на Сольвейском конгрессе физиков 1927 года, Гейзенберг пишет: «Речь шла в действительности не только о физическом эксперименте, но и об истинных философских позициях. Здесь боролось старое, укрепившееся со времени Декарта представление о разделении мира на объективный, развивающийся в пространстве и времени мир и отделенную от него душу, в которой он отражается, против новых воззрений, в свете которых он уже не может подвергаться разделению прежним примитивным способом».

Логика действительно потрясающая: если дуалистическое представление Декарта примитивно, то, оказывается, не остается ничего другого, как ухватиться за «новое понимание», которое, по существу, есть не что иное, как довольно-таки старенькая идеалистическая концепция епископа Беркли, возродившаяся на рубеже XX века под маской «новейшей философии» эмпириокритицизма и разгромленная В. И. Лениным.

Гейзенбергу, если он уже взялся писать по философским вопросам, следовало бы помнить, что, помимо идеалистической философии и картезианства, существует и диалектический материализм. И если идеализм топчется в порочном круге, то пытаясь оттолкнуться от солипсизма, то смыкаясь с ним, если новые идеалистические школы, особенно в наше время, просто воскрешают наиболее реакционные и отжившие свой век системы и идеи (берклеанство, томизм, пифагореизм и пр.), то материализм все время развивался — от стихийного материализма древних греков к материализму Спинозы и французских материалистов и от материализма Фейербаха и русских материалистов XVIII—XIX веков к диалектическому материализму Маркса и Энгельса, разработанному далее в трудах Ленина и Сталина.

Диалектический материализм, представляющий собой революционный переворот в истории философии и человеческой культуры вообще, преодолевает последовательно все те трудности, которые были неизбежны для старого, метафизического материализма.

Другая линия, по которой Гейзенберг направляет борьбу против материализма, связана с вопросом о причинности. Здесь, как и в старых работах, он выступает активным сторонником так называемой концепции дополнительности Бора, составляющей философское кредо копенгагенской школы неомахизма. Согласно этой концепции, описание процессов природы в пространстве и времени, с одной стороны, и причинность — с другой, являются исключающими друг друга, по терминологии Бора, дополнительными. В квантовой теории мы можем якобы сохранить причинность только в математической схеме, вне пространства и времени (?!).

Не отличая способ описания от объекта описания, представители этой школы начинают толковать об отказе от «однозначной объективируемости» вследствие невозможности отделения явлений от средств наблюдений и даже... объективного мира от сознания. И эта субъективно идеалистическая, псевдонаучная установка преподносится чуть ли не как последнее слово науки. Бор пытался внедрить эту установку в биологию, физиологию, психологию и науку об обществе [1], а его последователь Иордан использовал ее для обоснования расовой генетики [2].

Гейзенберг добавляет новые «аргументы» против принципа причинности. Он пишет, что, поскольку современное положение в теории элементарных частиц приводит к мысли о замене (применительно к достаточно малым пространственным и временным интервалам) прежних типов причинных связей частиц взаимодействиями более общего характера, «мы должны считаться с отклоне-

[1] N. Bohr. Atomtheorie und Naturbeschreibung. 1931; N. Bohr. On the Notion Causality and Complementarity. «Dialectica». 7/VIII. V. 2, 3—4. 1948.

[2] P. Jordan. Quantenmechanik und Grundprobleme der Biologie und Psychologie. «Die Naturwissenschaften», 20, H. 45. 1932.

ниями от закона причинности также в тех случаях, когда прежняя квантовая теория функционирует еще причинно»[1].

Итак, факт углубления и расширения наших знаний о причинности, выход за рамки устаревших представлений о ней используются Гейзенбергом как аргумент в пользу индетерминизма. Здесь вновь сказывается полное незнание или сознательное игнорирование Гейзенбергом диалектического материализма, являющегося идеологией всего передового человечества. Все это говорит о классовых, партийных позициях этого типично буржуазного ученого.

Подведем некоторые итоги.

Толкование квантовой механики в духе копенгагенской школы есть пропаганда идеализма и ничего общего не имеет с действительным физическим содержанием теории.

Причина идеалистических устремлений современных буржуазных физиков, так же как и их предшественников, как было вскрыто В. И. Лениным, состоит в том, что они не знают другого материализма, кроме метафизического, в том, что они сами не освободились от метафизического образа мышления, ведущего прямой дорогой в болото идеализма, что объясняется логикой классовой борьбы, а не научными соображениями.

За всем этим, говоря словами В. И. Ленина, нельзя не видеть борьбы партий в философии. Линия идеализма в философии в последнем счете выражает тенденции и идеологию эксплуататорских классов современного общества. Вот почему *«ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове,* раз речь заходит о философии»[2].

Статья Гейзенберга свидетельствует о бессилии идеализма, о том, что действительное развитие физики, как и науки вообще, возможно лишь на основе диалектического материализма, что подтверждается все возрастающим прогрессом передовой советской науки.

---

[1] W. Heisenberg. Paradoxien des Zeitbegriffs in der Theorie der Elementarteilchen. Festschrift zur Feier des 200—jährigen Bestehens der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1951.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 327—328.

Познаваемость мира и его закономерностей

С. П. ДУДЕЛЬ

1. Классики марксизма-ленинизма о познаваемости мира и его закономерностей

Основной вопрос философии об отношении мышления к бытию имеет две стороны. Первая сторона вопроса состоит в том, что́ является первичным: сознание или материя. Сущность диалектико-материалистического ответа на этот вопрос дана в сталинской характеристике первой и второй черт марксистского философского материализма. В определении третьей черты марксистского философского материализма дается ответ на вторую сторону основного вопроса философии: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?» [1].

Философский материализм в противоположность идеализму утвердительно решает вопрос о познаваемости мира. Классическая формулировка положений марксистского философского материализма о познаваемости мира и его закономерностей дана И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме»:

«В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой,— марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» [2].

В этой формулировке содержится характеристика основных вопросов марксистско-ленинской теории познания (гносеологии), теории отражения.

Марксистско-ленинская теория отражения исходит из признания того, что внешний мир существует вне и независимо от отражающего его сознания. Достоверность отражения доказывается практикой.

Теория отражения рассматривает познание не как простое фотографирование предметов, а как сложный и диалектически противоречивый процесс отражения в мозгу человека бесконечно развивающегося мира, существующего вне сознания, как процесс углубления знаний от явлений внешнего мира к их сущности и от менее глубокой ко все более глубокой сущности, как процесс творческого развития наук о природе, обществе и мышлении.

Поэтому диалектический материализм учит, что «в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалекти-

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, стр. 17. 1949.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543. 11-е изд.

чески, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Диалектический характер процесса познания обусловлен диалектикой развития самого объективного мира. Диалектика познания отражает диалектику самих вещей. «*Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [2].

В. И. Ленин дал глубокий анализ диалектического процесса отражения явлений и их сущности, как процесса, идущего от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике.

Все эти важнейшие положения марксистско-ленинской теории отражения нашли свое обобщенное выражение в приведенной выше формулировке товарищем Сталиным третьей черты марксистского философского материализма — о познаваемости мира и его закономерностей.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин развил далее важнейшие вопросы теории познания марксизма-ленинизма: вопросы о неразрывной связи языка и мышления, о взаимосвязи чувственного и логического, о роли языка в процессе познания мира и его закономерностей.

Труды классиков марксизма-ленинизма: «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, «Анархизм или социализм?», «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталина — являются классическими произведениями марксистского философского материализма, всесторонне излагающими теорию познания диалектического материализма.

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 91.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 168. 1947.

И. В. Сталин поднимает марксистско-ленинскую теорию познания на высшую ступень в соответствии с новыми данными науки и общественной практики. Изложить содержание третьей черты марксистского философского материализма — значит раскрыть основные вопросы марксистско-ленинской теории отражения.

Марксистско-ленинская теория отражения вооружает нас в борьбе против всех видов идеализма.

2. Коренная противоположность материализма и идеализма в вопросе о познаваемости мира

Обобщая опыт борьбы философского материализма против идеализма, И. В. Сталин отмечает, что идеализм оспаривает возможность познания мира и его закономерностей.

Все идеалисты отрицают существование внешнего мира вне и независимо от нашего сознания. Тем самым философский идеализм отрицает объективную реальность как предмет познания. Так, например, объективный идеалист Гегель утверждал, что познает будто бы сам себя «мировой дух» (т. е. бог). Гегель отождествлял бытие с обожествленным им мышлением. «Гегель возвышает знание, уверяя, что знание есть знание бога» [3]. Субъективные же идеалисты объявляют ощущение или мышление человека единственным объектом познания. Таким образом, по существу, все разновидности идеализма отрицают возможность познания материи.

На «доказательстве» бессилия человеческого разума познать окружающий человека объективный мир специально сосредоточил свои усилия агностицизм — разновидность идеализма.

Ленин пишет: «Агностик — слово греческое: *а* значит по-гречески *не; gnosis — знание.* Агностик говорит: *не знаю,* есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это...» [4].

[3] Там же, стр. 147.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 115.

Агностики вроде Юма (XVIII век) и его последователи в современной буржуазной философии утверждают, что люди знают только свои ощущения, а все, что они предполагают находящимся за пределами ощущения,— это будто бы является только необоснованными догадками и измышлениями.

По мнению агностиков, человек не может «выпрыгнуть» за пределы ощущения. Поэтому Юм предлагал, например, совсем устранить вопрос о том, существует ли что-нибудь за пределами человеческих ощущений. «Устраняю вопрос о том, есть ли что за моими ощущениями» — так характеризует Ленин вывод Юма, вскрывая его антинаучное содержание [1].

Разоблачая агностические взгляды немецкого буржуазного философа Канта, Ленин указывал, что когда в отличие от Юма Кант допускал существование «вещей в себе», вещей вне нас, то это было известной уступкой материализму. Когда же Кант объявлял эту «вещь в себе» непознаваемой, «потусторонней», существующей вне пространства и времени, то здесь Кант выступал как идеалист-агностик, сторонник и пропагандист поповщины.

«Кант принижает знание, чтобы очистить место вере» [2], — писал Ленин.

Марксизм-ленинизм разоблачил всевозможные реакционные попытки агностиков отрицать познавательную роль ощущений. Так, например, немецкий физиолог Гельмгольц, отвергая материалистическое понимание ощущений, как образов внешнего мира, называл их символами, «условными знаками», т. е. чем-то совершенно несхожим с самими вещами, вызывающими ощущения. Плеханов вместо того, чтобы выступить против этой теории, по существу, с ней солидаризировался, назвав ощущения «иероглифами».

Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» разоблачил теорию «символов», «иероглифов» и показал, что отрицание сходства чувственного образа с вызвавшим его предметом ведет к признанию непознаваемых «вещей в себе» и в конечном счете к идеализму, к поповщине. Ленин показал, что признание ощущений «символами» дает повод идеалистам утверждать, что этим «символам» (ощущениям) в природе ничего не соответствует. Это означает сомнение в существовании самой материи, как источника наших ощущений.

Теория «символов» или «иероглифов» воспроизводит основные аргументы Беркли, Юма, Канта, утверждавших, что человек не может выйти за пределы своих ощущений; она отличается трусливой терпимостью по отношению к вере в существование леших, домовых, чертей и тому подобной мистической чепухи.

Пример с Гельмгольцем показывает, как в обстановке капитализма многие крупные в своей специальной области ученые оказываются в плену у идеализма и, в частности, агностицизма, что ведет их к антинаучному истолкованию открытий науки. Однако действительное развитие науки в союзе с практикой опрокидывает все искусственно воздвигаемые агностицизмом препятствия на пути познания человеком окружающего его внешнего мира.

Отрицая познаваемость явлений общественной жизни и присущих ей закономерностей, агностицизм отвергает возможность существования подлинной науки об обществе. Такие взгляды с особым усердием проповедовали оппортунисты II Интернационала и проповедуют правые социалисты, широко использующие взгляды Канта для ревизии марксистской науки об обществе. Они всячески пытаются доказать, что общественная жизнь является непознаваемой «вещью в себе», что к ней якобы неприменимо понятие закономерности, представляющей собой, по мнению кантианцев, чисто умственную, субъективную конструкцию. Они выступают против марксистского положения о познаваемости законов общественного развития, против возможности теории научного коммунизма, против объективной закономерности социальных революций.

Агностицизм — составная часть реакционного идеалистического ми-

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 55.
[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 147.

ровоззрения — глубоко враждебен науке. В условиях загнивания капитализма, смертельно боясь роста сил социалистического лагеря, ненавидя народные массы своих стран, идеологи империалистической буржуазии особенно широко пропагандируют агностицизм, отвергают возможность познания мира, возможность научного предвидения.

«Обоснованию» ограниченности человеческого разума и познания, утверждениям о бессилии науки, открытой проповеди мистики посвящаются многочисленные «научные труды» в США, Англии и других империалистических странах. Пессимизм, упадочничество, неверие в возможность познания мира находят свое выражение уже в названиях этих «трудов»: «Пределы науки», «Против возможности научного предвидения» и т. п.

Агностицизм, как ржавчина, разъедает всю буржуазную науку. Современные идеалисты-агностики договорились до того, что даже такое средство познания материи, как научные физические приборы, объявили принципиальной преградой на пути к будто бы непознаваемому микромиру.

В США и в маршаллизированной Европе объявлен поход против истины и разума в форме пропаганды иррационализма. Это делается с целью оболванивания народных масс, воспитания фашистских грабителей и насильников, слепо выполняющих преступные приказы своих империалистических хозяев.

Философы вроде Карнапа предлагают вообще выбросить из философского словаря слово «истина», а политики вроде некоего Джексона цинично заявляют, что в борьбе против коммунизма им нужна не истина, а подрывные действия и поддержка всех головорезов и хулиганов.

Наука и разум нужны трудящимся в борьбе против империализма. Именно поэтому современные буржуазные философы выступают против науки и разума, против познаваемости мира.

В противоположность идеализму все материалистические школы в философии выступали врагами агностицизма и утверждали познаваемость мира. Однако домарксистские материалисты не располагали решающим средством борьбы против агностицизма. Даже те из них (например, Чернышевский и др.), кто вплотную подошел к вопросу о роли практики в познании, не понимали роли общественно-производственной деятельности для доказательства познаваемости мира, для разоблачения агностицизма. Кроме того метафизические материалисты не могли раскрыть диалектический характер процесса познания.

Домарксистские материалисты считали критерием правильности познания мира либо разум (рационалисты), либо чувства (эмпирики), либо, наконец, единство чувств и разума, но не общественно-производственную деятельность.

Смертельный удар агностицизму и идеализму в целом нанес диалектический материализм, впервые показавший действительную роль практики в познании. Марксистский философский материализм противопоставил агностицизму научное, доказанное всей практикой человечества положение о познаваемости мира, указав пути познания мира и вооружив науку мощным средством раскрытия закономерностей природы и общественной жизни.

3. Марксизм-ленинизм о роли практики в познании

Марксистский философский материализм понимает практику прежде всего как общественно-производственную деятельность людей.

Развитие общественных производительных сил доказывает, что человек, осваивая природу, познает ее все глубже и полнее и по мере познания объективных законов становится господином ее стихийных сил.

Эксперимент в лаборатории ученого или в заводской лаборатории, проводимый при помощи научной аппаратуры, являющейся показателем и выражением успехов производства и науки, также является частью общественно-производственной практики.

Эта важная сторона практической деятельности людей непосредственно связана с производительными силами

общества. Марксистский философский материализм исходит из того, что, прежде чем люди стали аргументировать, прежде чем появились философы-идеалисты, утверждающие о непознаваемости мира, люди уже производили в определенных общественных условиях материальные блага, с помощью орудий труда изменяли природу и тем самым познавали ее.

Энгельс писал о том, что самым решительным опровержением агностицизма является практика, именно эксперимент и индустрия: «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой (т. е. непознаваемой.— *С. Д.*) «вещи в себе» приходит конец» [1].

Правильное представление о предметах, закономерностях объективного мира, будучи применено на практике, в производстве, позволяет достигать заранее намеченных результатов, в силу чего успехи производственной деятельности людей являются проверкой применяемых в ней теоретических представлений.

С другой стороны, ошибки и неудачи в производственной деятельности, а также в научном эксперименте свидетельствуют о неполноте наших знаний и тем толкают к дальнейшему, все более глубокому познанию мира и его закономерностей. Об этом говорит вся производственная деятельность людей, весь опыт истории науки и техники.

В свое понимание практики марксизм-ленинизм включает наряду с производительными силами и производственные отношения на разных этапах общественного развития, опыт классовой борьбы в классовом обществе и практику социалистического и коммунистического строительства в советском обществе.

Такое понимание практики качественно отличает марксистский философский материализм от материализма предшествующего периода. Известно, что материалисты до Маркса часто употребляли понятие практики в смысле не производственной, а только лишь идеологической деятельности людей.

Вне практики (в ее марксистском понимании) нельзя разрешить вопрос о правильности или неправильности человеческих представлений о внешнем мире. Больше того, попытка оторвать вопрос о познаваемости мира от практики ведет неизбежно к схоластике.

«Вопрос о том,— писал Маркс,— обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [2].

Продолжая дальше мысль Маркса, Ленин пишет: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики» [3].

Марксистско-ленинская гносеология исходит из того, что практика является основой процесса познания, целью познания и критерием истины.

Практика является основой познания потому, что она предшествует теории, процесс накопления материала для познания идет в ходе практической общественно-производственной деятельности людей. Без труда не было бы человеческих ощущений, человеческого мышления и речи.

Практика, имеющая в виду задачи преобразования природы, успешную борьбу людей с силами природы в процессе производства материальных благ, на основе познанных объективных законов развития природы и общества, выступает тем самым как цель познания, увеличивает власть человека над силами природы.

Познание, основываясь на практической деятельности людей и проверяя свои выводы через практику, направлено на достижение практических целей; оно вооружает практику,

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, стр. 18.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 383. 1949.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 130.

подымая ее тем самым на ступень сознательного, достигающего заранее поставленных целей общественного действия.

Практика является не только основой познания объективного мира и целью познания, но, как это сказано выше, и критерием истины, подлинным мерилом правильности всех наших представлений о действительности.

Практику, как критерий истины, надо понимать диалектически. Из характера предмета нашего познания вытекает необходимость конкретно-исторического подхода к практике, как критерию истины. Сама практика постоянно развивается. Проверенные практикой положения науки являются истинами, но не окостенелыми догмами. То, что являлось истиной в одних исторических условиях, в других, изменившихся условиях может перестать быть истиной, хотя практика и подтвердила это положение в прежней исторической обстановке.

В. И. Ленин указывал, что «критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют» (т. е. в догму.— *С. Д.*), и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [1].

Так, например, было время, когда физические эксперименты доказывали истинность процессов расщепления атомного ядра, происходящих без участия человека (например, все опыты с естественной радиоактивностью), но не могли еще доказать достоверность предположения о возможности искусственного освобождения атомной энергии и использования ее в интересах производства.

В наши дни практика уже доказала возможность управления атомными процессами. Но в то время как в СССР достижения атомной физики используются в мирных целях, в лагере империализма атомная техника поставлена на службу поджигателям войны.

Оправдались слова бессмертного Ленина: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней» [2].

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» разоблачил извращения в понимании практики идеалистами.

Прагматисты (Джемс, Дьюи и др.) — идеологи американского империализма — утверждают, что основой их философии будто бы является практика. Однако под практикой они понимают лишь все то, что выгодно капиталисту.

Прагматисты отвергают существование внешнего материального мира, первичного по отношению к сознанию, отвергают понимание практики, как критерия объективной истины, выступают в роли философских оруженосцев империалистической реакции. Они объявляют «истинным» все то, что полезно капиталу и приносит ему успех, прибыль. С точки зрения прагматистов, религия, например, является «истиной» потому, что она «полезна» эксплуататорским классам, идеализм оказывается «истинным» на том же основании. Прагматисты объявляют «истиной» любую ложь, если эта ложь выгодна империалистической буржуазии.

О прагматистах В. И. Ленин писал: «Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого pragma — дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику... и... преблагополучно выводит изо всего этого бога в целях практических, только для практики...» [3].

Вскрывая коренную противоположность между субъективно-идеалистическим и диалектико-материалистическим пониманием практики, Ленин писал: «Для солипсиста «успех» есть

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 130.

[2] Там же, стр. 268.

[3] Там же, стр. 327. Примечание.

все то, что *мне* нужно *на практике*, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм,— говорит марксист» [1].

В противоположность прагматизму марксистский философский материализм органически связывает вопрос о роли практики в теории познания с материалистическим решением основного вопроса философии, с признанием существования материи вне сознания, с принципом познаваемости объективного мира.

Марксистский философский материализм разоблачает всевозможные ухищрения идеалистов, все их попытки извратить вопрос о практике и ее роли в познании.

Характерным приемом идеалистов в борьбе против науки является извращенное толкование понятия «опыт», которое широко применяется реакционной философией для прикрытия антинаучного содержания своих теорий.

В противоположность субъективно-идеалистической трактовке махистом Богдановым практики («опыта»), как ощущения и якобы единственного объекта познания, марксистский философский материализм признает, что единственным объектом научного познания является материальный мир, существующий вне и независимо от сознания и существовавший еще тогда, когда не было общества и производственной деятельности людей.

Махисты, жонглируя понятием «опыт», отвергали объективное содержание в опыте. Они рассматривали «опыт» идеалистически, только как ощущение, переживание человека. На махистскую удочку попался и Плеханов, согласившийся с одним из махистских истолкований понятия «опыт».

Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» показал, что различные объяснения понятия «опыт», вроде трактовки его как «средства познания» или «предмета познания», сами по себе еще не раскрывают основных гносеологических расхождений между материализмом и идеализмом. Суть дела заключается в том, чтобы раскрыть объективное содержание в опыте и подойти к нему как к средству познания объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания.

В противоположность махизму марксистский философский материализм определяет опыт, эксперимент как часть общественно-производственной деятельности людей, направленной на раскрытие законов материального мира, на изменение мира.

История науки и техники подтверждает положение марксистского материализма о познаваемости мира, о роли практики, как критерия истины.

Марксистский философский материализм учит, что нет вещей непознаваемых, а есть только вещи, пока еще не познанные, которые, однако, рано или поздно будут познаны силами науки и практики. Одним из примеров превращения «вещей в себе» в «вещи для нас» является практика использования в промышленности достижений современной синтетической химии.

В 1931 году И. В. Сталин, подводя итоги успехам, достигнутым за три года первой пятилетки, сказал: «У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении» [2].

И. В. Сталин поставил перед советскими химиками задачу — в короткий срок разгадать тайну химического строения молекулы каучука и научиться самим в лабораториях и в промышленности производить то, что без участия человека, в виде сока особых растений, производит природа.

Выполняя указания И. В. Сталина, советские химики раскрыли тайну строения каучука и разработали производственный процесс получения синтетического каучука.

Практическим доказательством познаваемости мира является не только

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 127.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 324. 11-е изд.

промышленное, но и сельскохозяйственное производство. В этом отношении весьма показательны практические достижения советской мичуринской агробиологии, в особенности открытия академика Т. Д. Лысенко.

Т. Д. Лысенко еще в 1925—1926 годах начал свои первые опыты, которые привели его к открытию теории стадийного развития растений [1].

Результат исследований был впервые доложен автором на Всесоюзном генетическом съезде в 1929 году. Однако тогда сообщение Т. Д. Лысенко выглядело как одна из многих еще не доказанных гипотез о причинах неколошения озимых в условиях весеннего посева. «Какое же из этих объяснений верно, аудитории трудно было разобраться» [2],— говорил Т. Д. Лысенко.

Только практика превратила гипотезу Т. Д. Лысенко в доказанную теорию. В соответствии с требованиями новой теории «практический посев подтвердил главнейшие выводы наших исследований, — пишет Т. Д. Лысенко, — после чего они приобрели права гражданства» [3].

Получив поддержку со стороны партии, правительства и лично И. В. Сталина в борьбе за повышение урожайности путем яровизации семян и выведение новых, лучших сортов зерновых культур, Т. Д. Лысенко расширил свои опыты уже на колхозных полях. «...Принципиальный в науке вопрос о причинах неколошения озимых при весеннем посеве советской наукой был окончательно разрешен на колхозных и совхозных полях, т. е. в производственных условиях» [4].

Естествознание и современная техника неопровержимо свидетельствуют о том, что человек с каждым научным открытием все глубже и полнее познает объективный мир и закономерности его развития. Правильность открытий подтверждается практикой. Познавая объективные законы природы, человек использует их для достижения своих практических целей, изменяет природу, овладевает ее стихийными силами и даже создает в процессе производства по заранее намеченным планам такие предметы и явления, которые без него природа на земле еще не создавала (например, химические элементы тяжелее урана, некоторые молекулы пластмасс, новые сорта растений, новые породы животных и т. д.).

Все это является неопровержимым доказательством познаваемости мира и его закономерностей. Познание природы является необходимым элементом в развитии общественной жизни и ее материальной основы — общественного производства.

Диалектический материализм полностью разоблачил агностические утверждения относительно якобы непознаваемости законов развития общества. И здесь решающим критерием истины также является практика.

То обстоятельство, что на протяжении тысячелетий отсутствовала точная наука об обществе, марксизм объясняет недостаточным развитием производительных сил в период до появления пролетариата и его идеологов, а также враждебностью отживающих классов подлинно научному исследованию истории.

В условиях капитализма пролетариат — единственный класс, практическая деятельность и жизненные интересы которого требуют изучения законов развития и изменения общественной жизни. Поэтому точная наука об обществе и была впервые создана великими вождями и учителями рабочего класса Марксом и Энгельсом. Маркс и Энгельс на основе познания ими законов капиталистического способа производства впервые смогли научно предвидеть неизбежность гибели капитализма, неизбежность победы пролетариата — творца и строителя коммунизма.

Великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин подняли на новую, высшую ступень марксистскую науку об обществе.

Практика классовой борьбы пролетариата, победа Великой Октябрьской социалистической революции и

---

[1] См. Т. Д. Лысенко. Агробиология. 1948. 4-е изд.
[2] Там же, стр. 20.
[3] Там же, стр. 22.
[4] Там же, стр. 23.

победоносное строительство коммунизма в СССР доказали и доказывают достоверность и силу марксистско-ленинской теории.

4. Объективная, абсолютная и относительная истина

Марксизм, как наука о законах развития природы и общества, отражает мир таким, каким он существует в действительности.

Сила марксизма заключается в точном отражении им объективной реальности, в его жизненной правде, истинности.

Истина — это правильное, достоверное, проверенное практикой отражение в сознании людей предметов и явлений природы и общества, существующих вне и независимо от сознания.

Учение марксизма-ленинизма об истине в корне противоположно идеалистическому пониманию истины.

Философский идеализм, отрицая первичность материи и вторичность сознания, отвергает тем самым и возможность отражения внешнего материального мира в сознании, объективную истину.

Объективный идеализм (Гегель) определяет истину как тождество мышления и бытия. Субъективный идеализм понимает под истиной тождество ощущения и предмета. Таким образом, все идеалисты, признавая истину на словах, на деле отрицают ее и так или иначе приходят к субъективизму.

Диалектический материализм решительно отвергает субъективизм в вопросе об истине. Предметом всех человеческих знаний является объективная реальность — существующая вне сознания бесконечно развивающаяся природа.

Марксистский философский материализм исходит из того, что «наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин» [1].

В. И. Ленин называет объективной истиной такое содержание наших представлений, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» [2].

Например, факт движения земли вокруг солнца существует независимо от сознания, отображающего этот факт. Доказанное практикой научное положение о вращении земли вокруг солнца имеет значение объективной истины. Всякая подлинно научная истина есть объективная истина.

Марксистский философский материализм применяет понятие объективности в отношении к истине в смысле признания существующего независимо от сознания и правильно отображенного в сознании материального мира. Субъективный идеалист А. А. Богданов, фальсифицируя значение понятия «объективное», утверждал, что «объективное» есть лишь «общезначимое», т. е. воспринимаемое в ощущении не одного, а многих людей и потому будто бы существующее только в сознании, а не вне его. Богданов называл истину «социально-организованным», «социально-гармонизированным» опытом людей. Ленин показал, что если понимать истину так, как понимает ее Богданов, то нужно признать «истинным» существование бога, чертей, русалок и прочей чертовщины, так как миллионы людей пока еще верят в бога, в существование леших, домовых.

Объективность истины доказывается не количеством воспринимающих ее людей, а практикой, как об этом было сказано выше.

Без признания объективного существования познаваемых нами предметов вне и независимо от сознания, без признания первичности материи нельзя ставить вопроса об объективной истине.

Вопрос об истине неразрывно связан как с предметом познания, так и с самим процессом познания. Например, Земля существовала тогда, когда человека не было. Однако положение о существовании природы до человека, имеющее значение объективной истины, впервые было сформулировано только людьми, т. е. было высказано в форме суждения тогда, когда уже существовали люди.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543. 11-е изд.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 110.

Марксистский философский материализм дает единственно научный ответ и на другую сторону вопроса об истине: «Могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?» [1].

Это вопрос о полноте наших знаний, о соотношении истины абсолютной и относительной. Марксизм-ленинизм впервые поставил и решил вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины.

Учение об абсолютной и относительной истине является теоретическим обоснованием вопроса о неисчерпаемости познания человеком бесконечного мира, о творческом характере наук. Оно направлено против релятивизма и догматизма.

В борьбе против материализма субъективные идеалисты, ссылаясь на изменчивость наших знаний о строении материи, утверждают, что все истины науки являются лишь относительными истинами, якобы не имеющими никакого объективного содержания, никакой даже частицы абсолютной истины. Утверждение же того, что все наши знания абсолютно неполны, только лишь относительны, субъективны и никакой достоверностью не обладают, есть релятивизм, разновидность идеализма.

Принцип релятивизма, «который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий... *при незнании диалектики* — неминуемо ведет к идеализму» [2].

В решении вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины необходимо наряду с разоблачением главного врага материализма — философского идеализма — вести борьбу также и против метафизического материализма.

В противоположность идеалистам метафизические материалисты утверждают познаваемость мира и признают объективную истину. Однако метафизические материалисты отвергают диалектический характер процесса познания бесконечной материи. В вопросе об истине они стоят на позициях догматизма.

Метафизический материализм считает возможным выразить в человеческих представлениях объективную истину сразу, целиком, в «окончательном виде». Поэтому каждое установленное в специальной области знания и доказанное опытом научное положение он признает неизменной и абсолютной истиной «в последней инстанции». Метафизический материализм рассматривает научные истины вне движения, вне развития, превращая их в окостеневшие догмы, якобы исчерпавшие все стороны изучаемого объекта.

Каждое новое открытие в физике, ломку устоявшихся «истин» о строении материи метафизики-материалисты рассматривают как крах всех прежних научных знаний о материи. Эта беспомощность буржуазных, метафизически мыслящих ученых перед новыми физическими открытиями используется философами-идеалистами для борьбы против материализма.

В. И. Ленин убедительно показал, как метафизически мыслящие естествоиспытатели-догматики в обстановке империалистической реакции и крутой ломки привычных понятий в науке, не сумев подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму, скатываются к идеализму.

В отличие от метафизического материализма марксистский философский материализм утверждает неисчерпаемость процесса познания человеком объективного мира, признает процесс познания бесконечным, так как бесконечной в своем развитии является сама природа. Тем самым неполнота, относительность наших знаний в каждый данный момент рассматриваются диалектическим материализмом в противоположность идеализму как показатель постоянного развития наук, как свидетельство все большей полноты и точности отражения объективного мира, как процесс все большего приближения к абсолютной истине, т. е. к полному познанию мира.

Ошибка метафизиков-материалистов в данном вопросе заключается также в крайнем упрощении или са-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 110.
[2] Там же, стр. 295.

мого понятия абсолютной истины. Метафизики-материалисты сводят вопрос об абсолютной истине только лишь к вопросу о так называемых «вечных истинах», т. е. к простой констатации уже совершившихся фактов. К таким «вечным истинам» действительно относится любой факт, который когда-либо имел место и который не опровергнут никакие обстоятельства будущего (например: «Коперник умер в 1543 году»). Однако сведение абсолютной истины к подобным плоским «вечным истинам» ничего не дает для углубления наших знаний о бесконечно развивающейся природе.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин ярко характеризует борьбу Энгельса против Дюринга по вопросу о так называемых «вечных истинах».

Разоблачая догматизм метафизиков в вопросе об истине, марксистский философский материализм указывает, что понимание абсолютной истины обязательно включает вопрос о ее вечности, но не исчерпывается признанием ее вечности. Абсолютная истина — это не просто такая истина, правильность которой не смогут опровергнуть никакие обстоятельства будущего. Абсолютная истина — это полное знание о всей бесконечной природе, ее предметах, явлениях, законах. Абсолютная истина есть процесс. Наше познание — процесс все более правильного отражения существующего вне сознания и бесконечно развивающегося мира. Это бесконечный процесс познания. В мире нет вещей и явлений, принципиально непознаваемых, но есть и всегда будут вещи, еще не познанные, которые будут познаны силами науки и практики.

Материя бесконечно многообразна и находится в постоянном движении, изменении, развитии, она неисчерпаема. В силу этого процесс познания человеком природы безграничен, и отдельные научные положения, объективные истины являются вместе с тем относительными истинами, т. е. неполными, не исчерпывающими всего бесконечного мира. Но в каждой такой относительной истине содержится вместе с тем частица абсолютной истины. Поскольку мы правильно познали закон природы, действующий для определенной области конкретных явлений, и доказали практикой достоверность нашего знания, то это отражение в мозгу человека закона природы «(в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Конечно, все наиболее общие законы развития материи, изучаемые марксистско-ленинской философией, или же такой закон естествознания, как закон сохранения и превращения материи и энергии, являются абсолютной истиной именно потому, что они относятся ко всей материальной Вселенной. Однако эти наиболее общие законы существуют и действуют всегда в конкретных формах движения материи, в определенных условиях места и времени.

Познание природы человеком — это отражение внешнего мира, его процессов, явлений, совершающихся всегда в определенных условиях места и времени. Правильное отражение природы в сознании человека является в этом смысле каждый раз конкретным. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна. Тем самым она верна не безусловно, а лишь для определенных исторических условий. Так положение Маркса и Энгельса о возможности победы социализма одновременно во всех странах Европы и положение Ленина о том, что в период империализма социализм не может победить одновременно во всех странах, а может победить сперва лишь в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране, — оба верны, но не безусловно, а каждое для определенных условий: первое — для условий домонополистического капитализма, второе — для условий империализма.

Природа, являющаяся объектом нашего познания, никогда не может быть познана «сразу», «целиком», «абсолютно», потому что она неисчерпаема и бесконечно развивается. Жизнь каждого ученого и целых поколений ученых ограничена. Возможность научного предвидения также

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 177.

имеет в каждом данном случае свои пределы. Процесс безграничного познания природы в каждый данный момент ограничен уровнем производства, уровнем научного эксперимента. «...Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно» [1],— писал Ф. Энгельс.

Характеризуя диалектико-материалистическое понимание соотношения относительной и абсолютной истины, Энгельс говорил, что познание мира есть исторический процесс все более правильного, адэкватного познания материальной природы всеми жившими в прошлом, ныне живущими и будущими поколениями людей.

При помощи современного телескопа мы видим сегодня больше, чем видели в свое время Галилей или Ломоносов, но мы знаем, что есть в мире и такие явления природы, которые находятся пока еще вне пределов досягаемости самых сильных телескопов. В дальнейшем человек построит более сильные телескопы и микроскопы и узнает многое из того, чего сегодня он еще не знает. Вселенная бесконечна, и знания о ней будут развиваться дальше.

Имея в виду бесконечно развивающийся объект нашего познания, Энгельс писал о жизненном противоречии «между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограниченна. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» [2].

Это противоречие между неограниченными возможностями познания мира и ограниченным осуществлением этих возможностей у каждого отдельного поколения людей разрешается, как и всякое диалектическое противоречие, в движении, в историческом развитии.

На каждом этапе научного познания материи человек познает не всю природу, а только часть ее. Поэтому требуется всегда дальнейшее уточнение и углубление наших знаний о природе с учетом изменяющихся условий места и времени.

Марксистский философский материализм рассматривает конкретную истину науки как относительную, т. е. неполную, содержащую не всю, а лишь частицу абсолютной истины, как ступень познания бесконечной природы прогрессирующей наукой человека. Развитие науки в союзе с практикой может уточнять, суживать или, наоборот, расширять объем отдельной научной истины.

Каждая конкретная научная истина является относительной, неполной также и потому, что она содержит не только то, что является действительно правильным отражением объективной реальности (а это и есть частица абсолютной истины), но и то, что впоследствии может быть раскрыто как заблуждение, хотя и считается до поры до времени истиной, или же то, что, будучи истинным в одних условиях, перестает быть истинным с изменением условий.

Так Энгельс писал: «...То, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно могло считаться прежде истиной» [3]. Например, известно, что антинаучные положения о теплороде в свое время опирались на имеющееся в действительности сходство тепловых явлений с некоторыми свойствами жидкостей. Однако это действительное сходство

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 81. 1950.

[2] Там же, стр. 81—82.

[3] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, стр. 38.

было неправильно истолковано. Ошибочным оказалось также положение о всеобщности для всех форм движения материи законов, открытых Ньютоном.

Ленин дал развернутое решение вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины в гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм». «...Из суммы относительных истин в их развитии,— писал В. И. Ленин, — складывается абсолютная истина... относительные истины представляют из себя относительно-верные отражения независимого от человечества объекта... эти отражения становятся все более верными... в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...» [1].

Мы познаем природу, не исчерпывая ее, но каждый шаг научного познания вперед дает нам все более полную картину мира.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма,— писал В. И. Ленин,— исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно тó, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно тó, что эта картина изображает объективно существующую модель» [2].

Окончательно разоблачив философский релятивизм, т. е. утверждение идеалистов об абсолютной относительности наших знаний, Ленин показал, что релятивизм ведет к субъективизму, идеализму, агностицизму и софистике. «Для Богданова (как и для всех махистов),— писал Ленин,— признание относительности наших знаний *исключает* самомалейшее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов — релятивист. Энгельс — диалектик» [3].

Примером движения науки в сторону все большего приближения к абсолютной истине является история развития физических знаний о строении материи, история атомистических учений о структуре вещества.

Современная ядерная физика уже обнаружила в области атомных процессов такие явления (ядерные силы), которые не могут быть объяснены ни с помощью механики Ньютона, ни с помощью квантовой механики, а требуют дальнейшего расширения и развития физической теории, а также дальнейшего усовершенствования техники физического эксперимента.

Задолго до открытия ядерных сил В. И. Ленин писал об углублении наших знаний о физическом строении материи: «...Если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы, прогрессирующей наукой человека» [4]. В. И. Ленин указывал, что будущая физика создаст какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, чем механическая или электромагнитная картины. «Разрушимость атома,— писал В. И. Ленин,— неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» [5].

Философское учение марксизма-ленинизма о бесконечности познания материи является теоретическим обоснованием творческого марксизма.

Примером творческого марксизма является открытие Лениным закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма.

Исходя из духа марксизма, Ленин заменил устаревшее в новых исторических условиях положение Маркса и Энгельса об одновременной победе социализма во всех странах или в большинстве стран Европы новым положением — о возможности победы социализма в немногих странах или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране — и тем самым творчески двинул вперед теорию Маркса.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 295—296.
[2] Там же, стр. 123.
[3] Там же, стр. 121.
[4] Там же, стр. 249.
[5] Там же, стр. 268.

Практика Великой Октябрьской социалистической революции и победоносного строительства социализма в СССР доказала истинность новой, ленинской теории социалистической революции.

Великий корифей творческого марксизма И. В. Сталин, осуществляя заветы Ленина, развил ленинизм дальше, открыл законы развития и новые движущие силы социализма в СССР. И. В. Сталин развил учение о построении социализма в одной стране, обосновал возможность построения коммунизма в СССР.

И. В. Сталин учит, что государство в СССР сохранится и при коммунизме, если к тому времени не будет ликвидировано капиталистическое окружение.

И. В. Сталин показал, что формула Энгельса об отмирании государства и формула советских марксистов об укреплении государства после завоевания диктатуры пролетариата хотя и исключают друг друга, но обе правильны, однако «не абсолютно, а каждая для своего времени: формула советских марксистов — для периода победы социализма в одной или нескольких странах, а формула Энгельса — для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе социализма в большинстве стран и когда создадутся, таким образом, необходимые условия для применения формулы Энгельса» [1].

Точно так же И. В. Сталин показал, что выдвинутое им положение о том, что при скрещивании нескольких национальных языков побеждает один из уже существующих языков, правильно для эпохи до победы социализма в мировом масштабе, а другое положение — о слиянии национальных языков в новый, международный язык — действительно для эпохи после победы социализма в мировом масштабе.

И. В. Сталин учит в своих трудах, как надо развивать марксизм-ленинизм: «Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь *развивать ее и двигать вперед*, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке» [2].

Труд И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании является классическим примером творческого развития марксизма.

В своем труде И. В. Сталин подчеркивает необходимость конкретно-исторического подхода к познанию мира, необходимость непримиримой борьбы против начетничества и талмудизма в вопросах истины, необходимость творческого развития науки через борьбу мнений и свободу критики.

Все эти положения И. В. Сталина показывают коренные условия познания истины.

5. Путь познания истины

Характеризуя движение познания — от познания явлений к познанию сущности,— Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [3].

Познание природы человеком в процессе его общественно-производственной деятельности начинается с живого созерцания, т. е. с активного процесса взаимодействия человека и его органов чувств с окружающей внешней средой. В результате этого взаимодействия человек получает массу ощущений от предметов внешнего мира. Ощущения являются непосредственно чувственным отражением (копией, снимком, образом) тех объективно реальных свойств предметов внешнего мира, которые воздействуют на органы чувств человека.

Материя является источником на-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 51. 1950.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 340.

[3] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146—147.

ших ощущений, а ощущения являются отображением материи, отображением бытия.

Объективные, существующие независимо от ощущений человека механические, физические, химические и другие свойства предметов воспринимаются нашими органами чувств как ощущения цвета, запаха, вкуса, звука и т. д.

В природе, однако, нет изолированных друг от друга свойств, а есть целостные предметы и явления, связанные друг с другом и обладающие совокупностью определенных свойств. Человек при помощи своих органов чувств воспринимает не одно какое-либо свойство предмета природы, изолированное от других его свойств, а явление природы в целом.

Целостное, предметное восприятие вещей и явлений природы, возникающее в процессе активного взаимодействия человека с окружающим миром,— это и есть живое созерцание, начало познания природы.

Отличительная черта этой ступени познания явлений природы заключается в наглядно-образном отражении предметов и явлений и в непосредственной связи познающего с познаваемым объектом.

Современная наука располагает средствами экспериментального доказательства достоверности наших ощущений и восприятий. Зная физическую, химическую и др. сущность отображаемых в ощущениях явлений, например, цвета (длину и частоту электромагнитной волны, характер воздействия на фотопленку и т. д.), ученые могут проверить правильность ощущения того или иного цвета не только путем сравнения ощущений цвета одним человеком с ощущениями этого же цвета другим человеком, но и путем экспериментальной проверки цветности исследуемых предметов при помощи специальных приборов.

Поскольку ощущения способны адэкватно-правильно отражать окружающий мир, постольку они по своему содержанию, источнику объективны. Вместе с тем ощущения, т. е. образы внешнего мира, существуют в нас, порождаемые действием вещей на наши органы чувств. С этой точки зрения, как указывал Ленин, «ощущение есть субъективный образ объективного мира» [1].

Итак, процесс познания человеком окружающего мира начинается с чувственного познания, с ощущений. «Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем» [2],— писал В. И. Ленин.

Данные живого созерцания служат исходным, отправным материалом для работы мышления, которое способно более глубоко, чем ощущения, отражать внешний мир.

В процессе чувственного восприятия предметов и явлений внешнего мира человеку дается не только их внешняя связь, но и их сущность. Это оказывается возможным в силу диалектического характера самих предметов внешнего мира, единства конкретного и общего, явления и сущности.

Уже в ощущениях наряду с конкретным, частным дано общее, но это общее выделяется в процессе познания только мышлением, при помощи которого происходит познание сущности явлений, более глубокое отражение внешнего мира, чем при непосредственно чувственном познании — живом созерцании.

Это положение ленинской теории отражения подчеркивается в статье Мао Цзэ-дуна «Относительно практики»: «Для полного отражения всей вещи, отражения сущности вещи, отражения внутренних закономерностей вещи необходима функция мышления, переработка богатого материала чувственного восприятия, заключающаяся в отсеве шелухи и отборе зерен, удалении ложного и сохранении действительного, переходе от одного к другому, от внешнего к внутреннему» [3].

С помощью одних только органов чувств, без мышления, мы не можем познать сущность явлений. Так, например, мы не можем непосредственно увидеть своими глазами стоимость товаров, но, тем не менее, мы досто-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 106.
[2] Там же, стр. 288.
[3] Мао Цзэ-дун. Относительно практики, стр. 15. 1950.

верно знаем, что стоимость в условиях товарного производства существует, что стоимость — это общественное отношение, возникающее в процессе производства, обнаруживающееся в процессе обмена и зависящее от количества общественно необходимого абстрактного труда, затраченного на производство товара. Мы знаем это потому, что марксистская политическая экономия, отвлекаясь при помощи научной абстракции в ходе познания от чувственной стороны товаров, постигает их сущность. «*Стоимость,*— писал В. И. Ленин, разоблачая буржуазных экономистов,— есть категория, которая «лишена вещества чувственности», но она *истиннее,* чем закон спроса и предложения» [1].

Таким образом, познание сущности предметов и явлений происходит путем логической обработки чувственных данных при помощи понятий.

Способность отражать с помощью понятий сущность явлений, способность, позволяющая человеку в процессе познания законов природы мысленно выходить далеко за пределы того, что он непосредственно может увидеть и воспринять органами чувств, есть абстрактное мышление.

Понятия, как и ощущения, представляют собой субъективные образы объективного мира. В отличие от ощущений, представлений, которые суть наглядные непосредственно-чувственные образы предметов и явлений окружающего мира, понятия являются умственными, опосредованными образами сущности этих явлений.

Мысль, выраженная в понятиях и отражающая внутреннюю сущность материальных процессов природы или общества,— это и есть научная абстракция. Научная абстракция, отражая совокупность существенных свойств предметов и явлений, представляет собой обобщение конкретных знаний. Правильная абстракция глубже отражает внешний мир, приближает нас к внешнему миру, а не отделяет от него.

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 148.

Абстрактное мышление человека возникло как закономерный результат развития общественно-производственной деятельности людей. Человек в процессе общественной практики углублял свои познания объективных связей природы, учился выделять разные свойства реальных предметов, отделять главное от неглавного, основное от второстепенного. Анализ и синтез на практике явились основой и стимулом для усовершенствования анализа и синтеза в мыслях, явились причиной дальнейшего усовершенствования абстракции и обобщения, присущих его предкам. В. И. Ленин писал, что «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур...» [2]. Практика выступает определителем того, что нужно человеку в используемых им предметах природы.

Мышление в понятиях является результатом не только непосредственного индивидуального опыта какого-то одного человека (переработка личных его впечатлений), но и результатом совокупного опыта многих поколений людей, закрепленного мышлением с помощью речи и письма.

Итак, абстрактное мышление в понятиях — качественно новая форма отражения природы. В логическом мышлении нет той наглядности, образности, которая присуща живому созерцанию. Человек здесь отвлекается от чувственно воспринимаемых свойств отдельных предметов, но лишь для того, чтобы глубже понять природу и отобразить внутреннюю органическую связь ее явлений.

Способность абстрактного мышления дает человеку возможность на основе познания объективных законов развития мира научно предвидеть тенденции развития предметов и явлений и предсказать бытие новых, еще непосредственно не данных в живом созерцании, но объективно существующих явлений природы.

История физики атомных процессов дает множество примеров того, как ученые, пользуясь научной аб-

[2] Там же, стр. 164.

стракцией, предсказывали наличие и свойства еще не открытых частиц материи, а затем практика физического эксперимента доказывала существование этих частиц. Так, например, в 1930 году было предсказано существование частицы с положительным зарядом — позитрона,— а затем, через два года, это было установлено экспериментально.

Менделеев на основе открытого им периодического закона элементов с большой точностью предсказал свойства трех еще в то время неизвестных химических элементов.

Сила научной абстракции огромна. «Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1].

Классическим примером таких глубоко научных абстракций являются основные понятия диалектического и исторического материализма. Философские понятия материи, движения, пространства, времени, все наиболее общие закономерности развития, сформулированные марксистской диалектикой, отображают в сознании человека материальный мир в целом. Огромное значение имеют данные классиками марксизма-ленинизма определения империализма, классов, государства, нации и др. Эти понятия явились результатом обобщения громадного количества общественных явлений в их развитии, в их живой жизни. Они показывают неизбежность гибели империализма, слома буржуазного государства, пути уничтожения классов, перспективы развития Советского государства, социалистических наций и т. д. Эти понятия, таким образом, заключают в себе научное предвидение будущего. Практика классовой борьбы, практика социалистического строительства в нашей стране подтвердила достоверность этих понятий.

Итак, абстрактное мышление есть рациональная ступень познания материи и представляет собой качественно новую форму отражения природы в сознании человека. Научная абстракция есть отражение в мышлении (путем выделения общего из единичного) сущности явлений, законов природы и общества.

Понятия и ощущения являются отражением внешнего мира и при всем качественном различии не могут быть абсолютно оторваны друг от друга. Даже самая отвлеченная научная работа прибегает к силе наглядного примера, чтобы быть понятой. Момент наглядной образности всегда присутствует в процессе научного абстрактного мышления. В этом смысле «Капитал» Маркса является блестящим образцом, он показывает всю капиталистическую формацию «как живую» (Ленин). Достаточно напомнить главу о первоначальном капиталистическом накоплении или об изображении системы машин в виде чудовища, «тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле слова»[2].

Этот образ чудовища не случаен у Маркса. Он отражает сущность капиталистического использования машин. Маркс показывает, как машина при капитализме превращена в вампира, в средство эксплуатации пролетариата.

Однако связь живого созерцания и абстрактного мышления не означает их тождества. Как уже было показано выше, абстрактное мышление является не непосредственным, а опосредствованным отражением действительности, результатом логической переработки чувственных данных и не обладает чувственной наглядностью, характерной для живого созерцания.

Основными формами абстрактного мышления наряду с понятиями являются суждения и умозаключения, отражающие предметы и явления объективного мира и их связи.

Диалектический материализм утверждает, что связь идей при помощи логических законов отражает

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146.

[2] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 388. 1949.

связь вещей. Энгельс отмечал, что логическое есть историческое, но взятое в его очищенной от случайностей форме. Энгельс рассматривал логическое мышление как отражение действительности в движении понятий.

В. И. Ленин указывал, что «логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития... всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[1]. Подчеркивая материалистическое истолкование логики понятий как производной от вещей и их связей, И. В. Сталин писал: «Логика вещей сильнее всякой иной логики...»[2].

Марксистский философский материализм учит при изучении логических форм мышления применять материалистический принцип первичности материи и вторичности сознания и вскрывать в понятиях, суждениях и умозаключениях отображение предметов объективного мира. Наряду с этим марксистский философский материализм учит применять диалектику к процессу мышления, рассматривать его во всей сложности и противоречивости, в движении и развитии.

Изучение законов и форм мышления является предметом двух наук: логики и диалектики[3].

Марксистская теория познания, раскрывая диалектический процесс движения понятий, разоблачает метафизический догматизм и софистику.

Марксистская философия требует универсальной гибкости понятий, но понимает эту гибкость объективно, как отражение в диалектике понятий жизненной диалектики самих предметов и явлений природы и общества. Всякая «гибкость» понятий, взятая субъективно, т. е. в отрыве от жизни, ведет к жонглированию понятиями, к эклектике, к софистике. Поэтому особенно важно помнить указание Ленина о том, что от абстрактного мышления мы должны идти к практике, проверять на практике правильность результатов абстрактного мышления, освещая путь практике светом научной теории и отвергая все вздорные, метафизические абстракции, извращающие, а не отражающие действительность. В качестве образца Ленин ссылался на логический и исторический анализ товара в «Капитале» Маркса, где проверка фактами, практикой есть в каждом шаге анализа[4].

Ленин указывал, что практика должна войти в полное определение предмета и как критерий истины и как практический определитель того, что нужно человеку.

Таким образом, практика выступает как цель познания, а именно: познание мира имеет своей задачей активное воздействие на природу и общество, внедрение результатов теории в жизнь.

Практика лежит в основе всего процесса познания объективной реальности. Живое созерцание природы, как и абстрактное мышление, исторически могли возникнуть и развиваться лишь в процессе практического воздействия человека на природу и общество, в ходе общественно-производственной деятельности людей.

Характеризуя марксистско-ленинскую теорию познания, Мао Цзэ-дун пишет: «Через практику открывать истины, через практику же подтверждать истины и развивать истины. От ощущений, от чувственных восприятий активно переходить к рациональному познанию, от рационального познания к активному руководству революционной практикой, к преобразованию субъективного и объективного мира. Практика — познание, вновь практика и вновь познание — эта форма в своем циклическом повторении бесконечна, а содержание каждого цикла практики и познания относительно поднимается на более высокую ступень»[5].

Диалектический материализм утверждает единство живого созерцания и абстрактного мышления на основе практики. Всякая попытка свести процесс познания только к одному из этих моментов противоречит

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 66.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 140.

[3] Об этом см. журнал «Вопросы философии» № 6 за 1951 год, стр. 143—149.

[4] См. В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 216.

[5] Мао Цзэ-дун. Относительно практики, стр. 23.

реальным фактам действительности, ведет к извращению марксистско-ленинской теории отражения. Ограничение процесса познания внешнего мира только лишь одними данными чувственного познания, недооценка роли абстрактного мышления ведут к простому накоплению фактов без раскрытия их внутренней связи. Искусственное ограничение познания природы только абстрактным мышлением, которое не опирается на данные органов чувств и не проверяется практикой, прямо ведет к схоластике. Практика, рассматриваемая вне связи с теорией, ведет к делячеству, к работе ощупью, вслепую. Анализ любого конкретного вида человеческой познавательной деятельности подтверждает правильность этого вывода.

В результате развития промышленности и науки на помощь органам чувств и мышлению человека в ходе его познания внешнего мира приходит вся современная научная аппаратура. Для того чтобы изготовить современные телескопы, световые и электронные микроскопы, сейсмографы, радиоприемники, телевизоры, конденсационную камеру, бетатрон, циклотрон, радиолокатор и другие сложные приборы, нужен высокий уровень развития производства, огромный запас жизненных наблюдений, высокий уровень развития абстрактного, научного мышления.

В результате единства живого созерцания и абстрактного мышления на основе практики наше познание все глубже и глубже отражает природу. При помощи сейсмографов ученые записывают в Москве колебания земной коры, которые происходят на другом конце земного шара или где-нибудь на дне океана.

Советские астрофизики при помощи инфракрасных лучей, преодолевая мощные облака межзвездной материи, сумели сфотографировать считавшийся недоступным центр Млечного пути (нашей Галактики).

Советские ученые сумели обнаружить атмосферу на Луне, тяжелый углерод в составе звезд-гигантов, сумели доказать, что в составе Млечного пути звезды не возникали одновременно, как об этом писали буржуазные астрофизики-идеалисты, а что в нем и сейчас идет процесс звездообразования.

Мы можем сегодня видеть невооруженным глазом в конденсационной камере следы движения отдельного электрона, фотографировать полет позитрона, превращение света в вещество и т. п.

Благодаря достижениям советской радиотехники и телевидению удалось сконструировать такую аппаратуру, которая позволяет ученым, находясь на земле, наблюдать процессы, происходящие на огромной высоте при прохождении космических лучей через специальные приборы, поднятые в стратосферу.

Советские ученые сконструировали приборы, которые дают возможность наблюдать явления и процессы, протекающие в одну миллионную долю секунды.

Все глубже проникает человеческое познание в историю вселенной. Так, коллективом советских ученых во главе с академиком О. Ю. Шмидтом разработана новая теория происхождения земли. Раскрывается одна из самых больших «тайн» природы — сущность работы высшего продукта материи — головного мозга. Советские ученые, продолжатели дела великих русских физиологов-материалистов Сеченова и Павлова, с каждым годом все точнее и точнее познают особенности природы самого человека и его психики.

Таким образом, наука и практика доказали правильность положений марксистского философского материализма о беспредельных возможностях человеческого познания, движущегося в ходе практической деятельности от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него — опять к практике.

6. Роль языка в познании мира

Мышление человека неразрывно связано с языком. Только при посредстве языка становится «возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [1]. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания с особой силой подчеркнули

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

взаимосвязь языка и мышления в процессе познания мира.

Марксистское понимание роли языка в познании мира означает утверждение того, что:

а) мышление человека неразрывно связано с языком;

б) язык регистрирует и закрепляет в словах и в предложениях результаты познавательной работы мышления;

в) при помощи языка, облекающего мышление в материальную языковую оболочку, становится возможным обмен мыслями людей в коллективе и достигается взаимопонимание между ними в обществе;

г) язык в своем словарном составе непосредственно отражает изменения, происходящие в развитии производства, базиса, надстройки;

д) важнейшая составная часть языка, его грамматический строй, является результатом длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, показателем громадных успехов мышления.

И. В. Сталин всесторонне раскрыл диалектику связи языка и мышления в ходе познания объективного мира и разоблачил вульгаризаторов марксизма в вопросе о языке.

Идеалисты утверждают о существовании каких-то мистических, «нематериальных» средств передачи мысли «на расстоянии», о наличии особого, так называемого «логического», «не анатомического» пространства, которое является будто бы местом «чистой» мысли, свободной от «природной материи» языка, и т. д.

Вульгарные материалисты рассматривают мысль как разновидность материи и, скатываясь к идеализму, отождествляют звуковой язык и мышление, мышление и речь.

Труды И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании разоблачили подобные положения как антинаучные. Мышление не есть материя: оно является функцией мозга, реально существующим свойством высокоорганизованной материи.

И. В. Сталин показал, что язык «непосредственно связан с мышлением» [1], что «реальность мысли проявляется в языке» [2], что язык дает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку [3], без которой нет обмена мыслями между людьми.

И. В. Сталин с особой силой подчеркнул тот важнейший факт, что «оголенных мыслей, не связанных с языковым материалом, не существует у людей, владеющих языком» [4].

Именно с этих материалистических позиций И. В. Сталин критикует Марра, который, «говоря об языке (звуковом) и мышлении, отрывает язык от мышления и впадает таким образом в идеализм» [5]. И. В. Сталин указывает, что «только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка» [6].

И. В. Сталин показал познавательную роль языка (в неразрывной его связи с мышлением), как средства отражения действительности. Понятия выражаются словами, а словарный состав языка находится почти в непрерывном процессе изменения именно потому, что изменяется жизнь, отражаемая в понятиях и словах.

И. В. Сталин указывает, что язык «регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [7].

Так, например, слова «материя», «энергия» или же соединение слов в предложении: «Любой вид движения при определенных условиях каждый раз, вполне определенным способом, может превратиться в любой другой вид движения» — зарегистрировали и закрепили при помощи языка результаты долголетней познавательной работы человека, пришедшего на основе практической деятельности к открытию закона сохранения и превращения материи и энергии, на применении которого основано все развитие современной техники. Будучи выражен средствами языка, этот

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[2] Там же, стр. 39.
[3] См. там же.
[4] Там же, стр. 45.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 39.
[7] Там же, стр. 22.

закон, как и другие достижения познавательной работы человека, становится достоянием каждого вновь вступающего в жизнь поколения уже со школьной скамьи.

Благодаря языку осуществляется, таким образом, передача из поколения в поколение опыта и знаний, накопленных обществом в борьбе с природой. Все это означает, что язык и письменность в гигантской степени ускоряют процесс все более глубокого познания мира каждым новым поколением. Благодаря языку и письменности человечество не возвращается каждый раз к повторению заново того, что уже проделано предшествующими поколениями людей, а использует зарегистрированные и закрепленные в языке результаты проделанной ими познавательной работы.

Эксплуататорские классы на всем протяжении человеческой истории стремились монополизировать в своих узко классовых целях результаты научных исследований в самых различных отраслях знаний. Они заинтересованы в том, чтобы держать народные массы в состоянии темноты и невежества. Характерным выражением этого факта было широко распространенное в период феодализма изложение результатов науки на языке, не понятном для широких народных масс, например, на мертвом латинском языке. На заре развития капитализма передовые деятели науки в борьбе против средневековой идеологии требовали регистрации и закрепления результатов познавательной работы мышления на народно-разговорном языке. Такую борьбу за изложение науки на понятном народу языке вели в шестнадцатом веке Джордано Бруно, в восемнадцатом веке М. В. Ломоносов и другие русские ученые.

В условиях капиталистического общества, особенно в период империализма, одной из форм национально-колониального угнетения со стороны так называемых «великих» держав является политика насильственной ассимиляции национальных языков угнетенных народов и народностей.

Коммунистические партии, возглавляющие борьбу угнетенных и эксплуатируемых масс, требуют свободы развития всех национальных языков и рассматривают родной народно-разговорный язык как могучее орудие развития и борьбы масс за свое национальное и социальное освобождение.

Все народы вдохновляются в этой борьбе примером и опытом Советского Союза, программными указаниями Ленина и Сталина в области национально-колониального вопроса.

На базе ликвидации эксплуататорских классов в СССР родились новые, социалистические нации. Партия и правительство неуклонно заботятся о развитии всех форм национальной культуры на языках народов СССР. Широчайшие массы трудящихся имеют возможность читать сочинения Ленина и Сталина, а также лучшие произведения великих русских писателей и ученых на своем родном языке.

Сплотившись в дружную братскую семью, народы нашей Родины во главе с великим русским народом строят коммунизм и всемерно используют для этого язык как орудие общения и развития.

Сам по себе словарный состав языка еще не составляет языка, хотя и является тем строительным материалом, без которого нет языка. Только благодаря грамматике язык получает стройный, осмысленный характер.

Грамматический строй языка (морфология, синтаксис) является «собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении»[1]. Без грамматики язык не мог бы облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку. Следовательно, без грамматики не было бы обмена мыслями в обществе.

«Абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы»[2].

Таким образом, развитие языка

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

[2] Там же, стр. 24.

неразрывно связано с развитием мышления.

Раскрывая характерные признаки языка, И. В. Сталин пишет: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества» [1].

Как видим, язык и мышление имеют длительную историю, выходят далеко за пределы жизни одного поколения, одного базиса, они связаны с историей всего общества, всего человечества.

Гениальный труд И. В. Сталина по вопросам языкознания освещает пути дальнейшего развития языков, как средства обмена мыслями в обществе. В будущем, после победы социализма во всемирном масштабе, результаты познавательной работы человечества будут закрепляться в словах и предложениях единого общечеловеческого языка.

7. Значение марксистского положения о познаваемости мира для практической деятельности коммунистической партии

Марксистское положение о познаваемости мира и его закономерностей является одним из важнейших принципов мировоззрения марксистско-ленинской партии. Из этого принципа следуют важнейшие выводы о познаваемости законов развития природы и общества, о творческом характере марксизма-ленинизма, о единстве марксистской науки и революционной практики.

Великая сила марксистско-ленинской теории состоит прежде всего в том, что она правильно отражает объективные законы общественного развития. В жизненной правдивости идей марксизма-ленинизма заключается их величайшая мобилизующая, организующая и преобразующая роль.

Правильность марксистско-ленинской теории о законах развития общества доказана практикой классовой борьбы пролетариата против буржуазии, практикой борьбы советского народа за построение коммунизма.

Марксистский философский материализм учит не только проверять на практике достоверность научных выводов и открытий, но и широко применять теорию для активного изменения мира. Практика классовой борьбы пролетариата против буржуазии в странах империализма, практика коммунистического строительства в СССР и социалистического строительства в странах народной демократии озарена светом великой марксистско-ленинской науки о неизбежности победы коммунизма.

И. В. Сталин учит, что единство теории и практики является путеводной звездой партии пролетариата. Партия проводит огромную работу по пропаганде в массах марксистско-ленинской теории, которая вооружает и мобилизует советских людей на построение коммунизма. Великая цель порождает великую энергию масс, указывает И. В. Сталин.

Чем выше овладение марксистско-ленинской теорией, чем глубже коммунист познает законы общественного развития, тем сознательнее становится его практическая деятельность, тем больше проявляет он свою инициативу, тем лучше ориентируется в конкретных условиях своей работы, тем меньше сделает он ошибок, тем успешнее его борьба за победу коммунизма.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, о победе социализма во всех странах, о строительстве коммунистического общества. Эта наука имеет всемирно-историческое значение и является знаменем борьбы для народов всего мира против империализма.

Обогащенные великим опытом СССР, коммунистические партии во всех странах строят программу своей борьбы на незыблемой основе марксизма-ленинизма и руководствуются в своей практической деятельности его научными выводами из познанных законов развития общества.

Так, например, компартия Великобритании заявляет в своей програм-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

ме, что «ее политика и программа опирается на непоколебимую основу марксистской теории, на науку, воплотившую в себе опыт международного рабочего движения, на учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое, как показывает история, является теорией и практикой побед рабочего класса и социализма» [1].

Американские коммунисты заявляют:

«Марксистско-ленинское учение, которого мы твердо придерживаемся, составляет часть нашей жизни и руководит всей нашей деятельностью. Принципы, величайшими знаменосцами которых в нашу эпоху являются Ленин и Сталин, уже привели к освобождению свыше 800 миллионов человек во всем мире. Мы знаем, что эти принципы побудят и американский рабочий класс, стоящий во главе всех угнетенных в США и руководимый своим авангардом—коммунистической партией, идти вперед через борьбу — к победе. Дело, которое мы отстаиваем,— дело социализма — победит в Соединенных Штатах, так же как оно уже победило в Советском Союзе, как оно побеждает в странах народной демократии и в новом Китае» [2].

В гениальном труде «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин показал, какое значение для практической деятельности коммунистических партий имеет положение марксистского философского материализма о познаваемости мира и его закономерностей.

«Если мир познаваем, — пишет И. В. Сталин, — и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку.

Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата» [3].

---

[1] Журнал «Большевик» № 3 за 1951 год, стр. 64.

[2] Юджин Деннис. Идеи, которых не упрятать за решетку. Цит. по журналу «Новый мир» № 9 за 1951 год, стр. 244.

[3] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 544—545. 11-е изд.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О содержании современной физической теории пространства и времени*

1. Пространство и время суть формы существования материи. Они так же неисчерпаемы, как и сама материя. Мировое пространство неограниченно, а время длится вечно — в этом их количественная неисчерпаемость. Качественной неисчерпаемостью обусловливается смена на определенных этапах развития физики одних конкретных физических представлений о пространстве и времени другими, более совершенными.

В начале нашего века в физике накопился ряд фактов о процессах, распространяющихся со скоростью, сравнимой со скоростью света. Эти факты оказались в противоречии со старыми представлениями о пространстве и времени. В результате возникла новая физическая теория пространства и времени, снявшая указанные противоречия. Она получила название «теории относительности» [1].

Итак, теория относительности есть физическая теория пространства и времени материальных процессов, распространяющихся со скоростями, сравнимыми со скоростью света.

Основоположники диалектического материализма еще в прошлом веке установили неразрывное единство пространства, времени и движения. Этим они на много лет опередили развитие физической науки.

Теория относительности вскрыла конкретные формы связи пространства и времени. Она установила, что пространство и время представляют своеобразное единое «геометрическое» многообразие. Эта «геометрическая» связь не обнаруживалась физикой, имевшей дело со скоростями, гораздо меньшими скорости света. Установление этой конкретной формы связи пространства и времени и представляет основное содержание теории относительности.

Приведя к новым физическим представлениям о пространстве и времени, то есть о формах существования материи, теория относительности раскрыла и новое содержание: она сформулировала общие законы движения материи в области больших скоростей и энергий. Эти так называемые релятивистские законы широко подтверждены практикой и являются физической базой для ряда новых областей техники. Релятивистские законы движения полей и частиц служат основой для расчета современных «ускорителей» частиц (циклотроны, синхротроны, бетатроны и др. ускорители) и для анализа ядерных реакций.

Как релятивистские законы движения, так и представления теории относительности о пространстве и времени стали действенным теоретическим рабочим инструментом не только физиков-теоретиков, но и инженеров-практиков ряда специальностей.

2. Теория относительности разделяется на две части: на специальную теорию относительности и так называемую общую теорию относительности.

Специальная теория относительности не учитывает действия гравитационных полей и рассматривает только «инерциальные системы отсчета». Общая теория относительности допускает произвольные системы отсчета при наличии гравитационных полей и, по сути дела, является релятивистской теорией гравитационного поля.

Практические применения имеет почти исключительно специальная теория относительности. Когда говорят о надежном экспериментальном обосновании теории относительности, то имеют в виду специальную теорию относительности, так как не все выводы общей теории относительности надежно подтверждены экспериментально. Надежно экспериментально подтверждены только некоторые следствия общей теории относительности.

---

* Публикацией настоящей статьи продолжается обсуждение вопросов теории относительности (см. журнал «Вопросы философии» № 2 за 1951 год и № 1 за 1952 год).

[1] Ниже будет показано, что это название не отражает правильно содержания теории, однако мы будем пока его употреблять, поскольку другие названия еще не обсуждались.

Ниже мы рассмотрим вопросы, относящиеся преимущественно к области специальной теории относительности.

3. Теория относительности создана главным образом трудами Лоренца, Пуанкаре, Эйнштейна и Минковского. Следует, однако, заметить, что основная идея теории относительности о «геометрической» связи пространства и времени была подготовлена трудами Лобачевского. Только революционные идеи Лобачевского помогли освободиться от метафизического взгляда на пространство и время. Особое значение имели идеи Лобачевского для теории гравитационных полей. Самая мысль о зависимости свойств пространства от распределения материи, лежащая в основе общей теории относительности, принадлежит Лобачевскому.

Далее, трудами Ланжевена, Лауэ, Умова и других физиков были разработаны многие принципиально важные вопросы теории относительности, раскрывающие ее физическое содержание, как теории пространственно-временного многообразия материальных процессов, распространяющихся со скоростями, сравнимыми со скоростью света. Теория относительности возникла в результате развития электродинамики и создания электронной теории.

Ньютоновы представления о пространстве и времени, хорошо отображавшие относительно медленные механические процессы, оказались не соответствующими изображению электромагнитных процессов, распространяющихся со скоростью света. Это противоречие между старой формой и новым содержанием привело к пересмотру ньютоновых представлений о пространстве и времени, завершившемуся возникновением новых представлений.

4. Лоренц в 1904 году впервые нашел преобразования пространственных координат и времени (соответствующие переходу от неподвижной системы отсчета к движущейся), оставлявшие неизменными (ковариантными) уравнения электромагнитного поля. В этих преобразованиях уже содержалось новое в представлениях о пространстве и времени. Однако Лоренц, не поняв основного содержания своих преобразований, не считал преобразованные координаты и время столь же реальными, как и исходные. Он смотрел на них, как на математически удобные переменные для рассмотрения электромагнитных явлений в движущихся телах. Лоренц не мог еще оторваться от ньютоновских представлений об абсолютном времени, хотя и подошел вплотную к новым представлениям, вытекавшим из его преобразований.

5. Следующий шаг был сделан в 1905 году почти одновременно Пуанкаре и Эйнштейном. Как тот, так и другой сформулировали так называемый постулат, или принцип относительности, положив его в основу новых воззрений на пространство и время.

Теории Пуанкаре и Эйнштейна несколько отличаются по форме.

Пуанкаре взял, как уже известные, преобразования Лоренца и, рассмотрев их с точки зрения постулата относительности в электродинамике, вскрыл содержавшуюся в них количественную связь пространства и времени. На основе этих представлений Пуанкаре построил релятивистскую теорию электрона и развил математический аппарат новой теории.

Эйнштейн в отличие от Пуанкаре вывел преобразования Лоренца из двух принципов — принципа относительности и принципа постоянства скорости света — и четко сформулировал определение одновременности разобщенных событий. Теория Эйнштейна отличалась от теории Пуанкаре более ясной физической трактовкой и была гораздо легче воспринята физиками, чем сугубо математическая теория Пуанкаре.

Эйнштейном и Пуанкаре была найдена конкретная форма неразрывной связи пространства и времени, выраженная количественно в преобразованиях Лоренца, а также в формулах для изменения одновременности разобщенных событий, изменения длины движущихся масштабов и хода движущихся часов. Были вскрыты изменения в основных законах движения материальных тел в области скоростей, близких к скорости света.

6. Однако наиболее полно существо новых представлений о пространстве и времени было раскрыто лишь в 1908 году Минковским. Минковский установил, что преобразования Лоренца имеют геометрический характер, что пространство и время образуют четырехмерное многообразие, имеющее особую четырехмерную геометрию. Отождествив время с некоторой «четвертой координатой», Минковский тут же вскрыл и глубокое качественное отличие временной координаты от пространственных. Минковский показал, что «постулат относительности» не является главным содержанием теории относительности, и предложил даже существенно изменить название основного постулата.

Минковский построил четырехмерную механику и электродинамику (принято говорить: релятивистскую механику и электродинамику). Только на базе четырехмерных представлений Минковского Эйнштейн смог развить в дальнейшем общую теорию относительности.

Теорию Минковского с полным правом можно рассматривать как дальнейшее развитие идей, заложенных Лобачевским.

7. Начиная с Эйнштейна и Пуанкаре теория относительности использовалась для «обоснования» философского релятивизма. Разоблачение попыток идеалистического истолкования содержания теории относительности в значительной мере затрудняется тем, что ее признанный автор, Эйнштейн, прилагал и прилагает немало усилий для использования теории относительности против материализма. Позитивизм Эйнштейна глубоко проник в формулировки исходных положений, выводы и истолкования теории относительности. Самое название «теория относительности» не отражает существа этой теории. Оно обусловлено махистскими взглядами Эйнштейна и способствует идеалистическим ее толкованиям.

Догматическое истолкование теории относительности в идеалистическом духе в значительной мере задержало развитие этой физической теории. А многочисленные попытки Эйнштейна построить, исходя из утвердившихся представлений, так называемую единую теорию поля превратились в схоластику, дискредитирующую физическое содержание теории. Все попытки Эйнштейна на протяжении последних 35 лет завершить теорию, которая обосновала бы релятивистскую концепцию Маха, оказались безуспешными.

Совершенно очевидно, что перед советскими физиками и философами стоят задачи: вскрыть и очистить от идеалистических формулировок и выводов истинно материалистическое содержание так называемой теории относительности; отбросить, как мешающие развитию теории относительности, различные фетиши, утвердившиеся в теории еще со времен первых формулировок Эйнштейна; выявить все новое и развивающееся и всемерно его поддержать для того, чтобы вывести физическую науку из идеалистического тупика. Особое внимание уделить развитию прогрессивных идей Лобачевского и Минковского.

8. Содержанием принципа относительности является утверждение о независимости математической формы законов физики от выбора инерциальной системы отсчета. Иными словами, утверждается, что законы физики ковариантны по отношению к преобразованиям координат, соответствующим переходу от одной инерциальной системы отсчета к другой.

Остановимся прежде всего на понятии «система отсчета». Часто систему отсчета отождествляют с «телом отсчета», однако такое отождествление сужает более широкое понятие системы отсчета. Под системой отсчета понимается в физике воображаемая координатная сетка, изображающая все точки трехмерного пространства, и линейная последовательность чисел, изображающая равномерно протекающее время. Инерциальная система отсчета отличается от всех других возможных неинерциальных систем отсчета тем, что движение тел по инерции (то есть при отсутствии внешних сил, действующих на эти тела) изображается в этих системах как изменения координат тела, пропорциональные времени, то есть в виде линейной зависимости координат тела от времени.

Инерциальных систем отсчета, так же как и неинерциальных, может быть придумано бесчисленное множество, однако каждая из этих систем отображает в нашем сознании реальные свойства одного и того же объективного пространства-времени.

Обычно системы отсчета связываются с какими-либо конкретными телами и процессами (часами). Эйнштейн считает эту связь необходимой и само собой разумеющейся. Он оправдывает это представлением, что бессмысленно говорить о вещах, которые не измеряются непосредственно при помощи определенных операций. Такой «операционалистский» подход хотя и кажется естественным с точки зрения конкретных измерений, однако приводит к искажению понятия «система отсчета». Всякий физик прекрасно знает, что для отображения в нашем сознании любого явления можно выбирать самые разнообразные координатные сетки и временные последовательности, нимало не заботясь о телах отсчета и часах, которыми измеряются координаты и время. Систему отсчета можно связывать с центром солнца или с электроном, с лабораторной установкой или с центром тяжести системы взаимодействующих элементарных частиц, с которым не связано ни одно реальное тело.

В теоретической физике выбор системы отсчета определяется не наличием каких-либо реальных тел отсчета, а постановкой задачи и методами ее решения.

Таким образом, система отсчета — это только способ изображения реальных пространства и времени, существующих независимо от нашего сознания.

С точки зрения четырехмерных геометрических представлений, система отсчета — это обобщение понятия системы координат на четырехмерное многообразие пространства-времени. Так же как система координат в аналитической геометрии, система отсчета в теории относительности может быть выбрана в известной мере произвольно.

9. Говоря о произвольности выбора системы отсчета, не следует, однако, упускать из виду ограниченность этого произвола, обусловленную свойствами реального пространства-времени, изображаемого координатно-временной сеткой. Не всякая коорди-

натно-временная сетка может правильно отобразить пространство и время всех возможных материальных объектов и процессов. Если декартова система координат и однородная временная последовательность хорошо отображают макроскопические процессы земных масштабов, то для объяснения процесса распространения света вблизи звезд необходимо пользоваться неэвклидовой пространственно-временной системой отсчета. Известно также, что неинерциальные системы отсчета правильно отображают пространство и время только в ограниченной пространственно-временной области. Так, например, система отсчета Птоломея, жестко связанная с Землей, правильно отображает пространство и время только в ограниченной сфере вокруг земного шара, а вне этой сферы становится ложной.

Следовательно, выбор системы отсчета далеко не произволен, а ограничивается действительными свойствами пространства и времени, отражающимися в представлении о системах отсчета.

Операционалистский подход к системам отсчета обычно игнорирует указанную ограниченность в их выборе и абсолютизирует представление об известной условности этого выбора. При таком подходе выбор системы отсчета целиком обусловлен измерительными возможностями, представляющимися субъекту, а не свойствами реального пространства-времени, изображаемого посредством системы отсчета. Операционалистский подход только внешне кажется материалистическим, ибо в нем координатная сетка и временная последовательность как бы существуют в действительности, как представленные реальными телами и часами. На самом же деле этот подход приводит к представлению о полной условности пространственно-временного многообразия. Действительно, если пространство отождествляется с линейками, а время с часами, то пространство и время становятся субъективными категориями, ибо как расположение и масштабы линеек, так и ход часов могут быть выбраны в значительной мере произвольно, в зависимости от намерений наблюдателя [1].

Итак, известная относительность в выборе систем отсчета действительно имеет место, однако, прежде чем возводить ее в принцип, необходимо установить, в какой мере рассматриваемые системы отсчета правильно отображают реальные свойства пространства-времени. Выбор систем отсчета произволен только в известных границах.

10. Все физические законы, выражающие пространственно-временные зависимости физических величин, изображаются посредством некоторых систем отсчета.

Согласно принципу относительности специальной теории относительности, физические законы имеют одну и ту же форму в любой инерциальной системе отсчета. Как было отмечено выше, этот принцип не абсолютен, а справедлив постольку, поскольку рассматриваемые «произвольные», инерциальные системы отсчета правильно отображают свойства пространства-времени. Однако там, где это имеет место, принцип относительности выражает лишь независимость свойств пространства, и времени, и физических законов от выбора системы отсчета, который условен, относителен.

Название «принцип относительности» можно понимать, таким образом, как выражение относительности выбора систем отсчета. Ясно, однако, что это название не вскрывает содержания самой физической теории относительности.

Во-первых, суть дела вообще не в том, что в ы б о р системы отсчета относителен, а в том, что в наших представлениях о пространстве и времени и законах движения содержатся элементы абсолютного, независимого от выбора системы отсчета, представляющей только один из способов отображения реального пространства-времени. Во-вторых, хотя выбор системы отсчета и относителен, однако эта относительность не абсолютна, а носит ограниченный характер, обусловленный реальными свойствами пространства и времени. С этой точки зрения упор на «относительность» искажает истинное положение дела.

Для махиста Эйнштейна важно все свести к измерениям, а поэтому относитель-

---

[1] Попытка последовательно провести концепцию отождествления пространства и времени с конкретными масштабами и часами сделана в лекциях академика Л. И. Мандельштама по теории относительности, изданных посмертно в обработке проф. С. М. Рытова (Л. И. Мандельштам. Полное собрание трудов. Т. V. 1950). Однако эта попытка привела к чистейшему махизму. Согласно Л. И. Мандельштаму, нельзя, оказывается, у з н а т ь, что такое длина или время, а можно лишь о п р е д е л и т ь, что н а з ы в а т ь длиной или временем. В лекциях Л. И Мандельштама утверждается: «Я... не узнал, что такое длина, а я определил, что я назову длиной»; или: «Понятие времени t также опирается на определение, базирующееся на предъявлении какого-либо реального процесса. Обычно в качестве часов предъявляется вращение Земли... Это — определение. Нельзя спросить: действительно ли Земля в равные времена поворачивается на равные углы? Мы так определили равные времена» (стр. 178, 179). Таким образом, по Л. И. Мандельштаму, пространство и время — лишь условные определения физиков, а не формы существования материи, независимые от нашего сознания.

ность выбора системы отсчета рассматривается им как основное содержание теории. Для материалиста же важно не то, какими способами можно изображать пространство-время, а их существование, независимо от любых способов изображения. Важно показать, что пространство и время обладают объективными свойствами независимо от способа изображения их в сознании физиков. Эти свойства необходимо раскрыть как абсолютную истину, слагающуюся из суммы истин относительных.

Несомненно, правильнее вообще заменить термин «принцип относительности» названием «постулат ковариантности», или, более длинно, — «постулат независимости физических законов от выбора инерциальных систем отсчета».

В соответствии с истинным содержанием теории относительности ее правильнее называть даже не «теория ковариантности» (ибо «постулат ковариантности» не отражает еще всего существа теории), а просто «четырехмерная теория» в соответствии с представлениями, вскрытыми Минковским. Конечно, о терминах можно еще спорить.

11. Представление Минковского о четырехмерном, геометрическом пространственно-временном многообразии и взгляд на систему отсчета только как на способ изображения пространства времени устраняют затруднения с истолкованием так называемой «относительности» одновременности, длины и промежутка времени.

Пространство и время абсолютны как формы существования материи, но они неразрывно связаны, что количественно выражено в преобразованиях Лоренца, и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Все «парадоксы» возникают при попытке разорвать пространственную и временную формы материальных тел.

Так же как в обычной трехмерной геометрии выбор системы координат не влияет на геометрические формы и размеры тел, так и в четырехмерной теории пространства-времени выбор системы отсчета не влияет на пространственно-временную форму физических процессов, она остается а б с о л ю т н о й при любом выборе системы отсчета. Изменяются лишь порознь взятые пространственная и временная формы, так же как в трехмерной геометрии изменяются формы проекции тел на координатные плоскости при повороте системы координат.

Одновременность пространственно разобщенных событий в теории относительности оказывается относительной, зависящей от выбора системы отсчета. Однако в этом положении нет ничего парадоксального, ибо совершенно аналогично проекции двух разобщенных точек на плоскость могут либо сливаться либо расходиться в зависимости от выбора направления плоскости в пространстве. Точно так же временной интервал между пространственно разобщенными событиями будучи проекцией четырехмерного интервала в четырехмерном пространственно-временном многообразии, может изменяться в зависимости от выбора гиперповерхности, на которую он проектируется.

Итак, в области физических процессов, распространяющихся со скоростями, сравнимыми со скоростью света, пространственная и временная формы существования материи выступают в неразрывной геометрической связи. Абсолютным является пространство-время, но разделение на пространство и время приобретает в этой области в известной степени относительный характер.

В теории относительности пространственно-временные размеры тел измеряются уже не «длиной» и «промежутком времени», а «интервалом», который в частных случаях может выражать либо длину либо промежуток времени.

12. Разберем вопрос об относительности скорости и траектории, для решения которого, по сути дела, достаточно дорелятивистских представлений. Часто положение об относительности скорости и траектории изображается как положение об относительности движения вообще. Скорость отдельного тела и форма пространственной траектории, действительно, зависят от выбора системы отсчета. Физик, рассчитывающий какой-либо ускоритель электронов, выбирает разнообразные системы отсчета для изображения движения отдельного электрона в зависимости от того, какое проявление этого движения его интересует. Скорость рассматриваемого при этом электрона и его траектория будут иметь различные значения и вид в зависимости от в ы б о р а системы отсчета. Означает ли, однако, эта относительность скорости и траектории относительность движения вообще? Совершенно очевидно, что не означает. Движение материи абсолютно. Только в нашем сознании движение изолированных объектов может изображаться по-разному, в зависимости от выбранных единиц измерения, направления осей и расположения начала координат выбранной системы отсчета, — одним словом, от способа изображения пространства и времени. Однако движение не будет понято, пока в этом относительном его изображении не будут открыты черты абсолютного. Так, абсолютность движения отдельного тела раскрывается при рассмотрении его взаимосвязи со всеми окружающими телами. Так же раскрывается и абсолютный смысл траектории отдельного тела.

Движение отдельного тела происходит только относительно остальных тел. Остальные же тела всегда существуют. Изолированное тело — это только абстракция, иногда необходимая, но могущая превратиться в пустую, если ее абсолютизировать, если рассматривать ее не как копию, снимок с объективной реальности, а отождествить с самой материей. Таким образом, движение материи абсолютно, но его отражение в нашем сознании относительно и в той или иной мере всегда зависит от избранной точки зрения.

Этот вопрос особенно проясняется в теории относительности. Оказывается, что в четырехмерном многообразии всякое тело имеет абсолютную траекторию и абсолютную четырехмерную скорость (квадрат четырехмерной скорости во всех системах равен минус квадрату скорости света). Обычная трехмерная траектория оказывается всего лишь проекцией абсолютной четырехмерной траектории на пространственную гиперповерхность. Естественно, что форма этой проекции будет существенно зависеть от выбора «расположения» пространственной гиперповерхности. От выбора системы отсчета, оказывается, зависит только «направление» четырехмерного вектора скорости, самая же скорость по абсолютной величине во всех системах отсчета постоянна.

Итак, движение материальных объектов абсолютно и не зависит от сознания. Относительны лишь способы отображения движения тел, изолированных в нашем воображении от окружающего.

13. Не следует также путать вопрос об абсолютности движения с вопросом о существовании абсолютной системы отсчета. Признание абсолютности движения не означает утверждения о существовании абсолютной системы отсчета. Пространственно-временное многообразие едино для всего материального мира, однако оно так же неисчерпаемо, как и самая материя. Никакая конкретная система отсчета не может исчерпывающе, до конца отобразить свойства всего мирового пространства. Любая предлагаемая система отсчета с исчерпывающей полнотой может отобразить только пространство и время ограниченной совокупности материальных объектов. Не существует поэтому никакой «мировой» системы отсчета, относительно которой можно было бы считать всю материю неподвижной. Не существует такой системы, так же как не существует никакого «центра» у неограниченной вселенной. Однако для любой, сколь угодно большой материальной совокупности тел можно указать систему отсчета, наилучшим образом отображающую пространство-время этой совокупности. В рамках существующих физических представлений о пространстве и времени такая преимущественная система отсчета совпадает с наиболее инерциальной (наиинерциальнейшей).

Можно также ожидать, что для очень больших или очень малых материальных систем пространство и время имеют новые качественные особенности, не отображаемые обычными системами отсчета. Для изображения пространства-времени таких систем, возможно, понадобится коренное изменение наиболее современных представлений, вытекающих из теории относительности. Одной из важных задач теоретической физики является установление границ применимости представлений теории относительности о пространстве и времени.

14. В своей статье «К вопросу о принципе относительности в физике»[1] Г. И. Наан пытается дать материалистическое истолкование принципа относительности и отбросить его идеалистические извращения. Автор не решает, однако, эту задачу удовлетворительно. Весь свой весьма подробный анализ формул преобразований координат и времени теории относительности Г. И. Наан строит, считая, что основным содержанием этой теории является именно принцип относительности. Для того же, чтобы отсечь идеалистические выводы, следующие из догматизации этого принципа, Г. И. Наан предлагает, во-первых, считать «физическую относительность» не имеющей ничего общего с «относительностью в философии» и, во-вторых, отделить «наблюдателя» от «системы отсчета».

Г. И. Наан пишет: «С самого начала следует подчеркнуть, что проблема физической относительности ни в коей мере не может быть отождествлена с проблемой относительности в философии, с проблемой относительности наших знаний — даже в применении к движению, пространству, времени. Это совершенно разные вещи» (стр. 57).

Таким образом, Г. И. Наан пытается обосновать некоторое понятие объективной физической относительности, существующей независимо от человека и его познавательных способностей. Для этой цели все физические величины и понятия он относит к системам отсчета, которые считает не воображаемыми координатно-временными сетками, а реальными телами и процессами. Г. И. Наан пытается, таким образом, физическую относительность изобразить как объективные отношения между реальными телами. Он не замечает, однако, что эта точка зрения не может спасти от субъективных элементов, кото-

[1] Журнал «Вопросы философии» № 2 за 1951 год.

рые он считает недопустимыми. Ведь любое данное тело находится в объективных отношениях со всеми остальными телами вселенной. При рассмотрении же движения данного тела физики выбирают одну-единственную систему отсчета, связанную (согласно Наану) с одним-единственным выбранным телом отсчета. Но выбор системы отсчета всегда зависит от намерений наблюдателя.

Таким образом, попытка отделить физическую относительность от философской приводит, в лучшем случае, к маскировке субъективной стороны рассматриваемой в физике относительности и отнюдь не способствует раскрытию объективного содержания физической теории относительности.

Глубоко ошибается Г. И. Наан и тогда, когда он ратует за эйнштейновский тезис о тождественности системы отсчета и тела отсчета, считая, что такое представление о системе отсчета выбивает почву из-под ног у физических идеалистов. Он считает, что идеалистические выводы «...основаны на софизме, который состоит в подмене системы отсчета наблюдателем и его точкой зрения, в подмене объективного субъективным»; далее он утверждает: «В основе системы отсчета лежит тело, среда, материальная система, которые для краткости называют «телом отсчета». Оно существует объективно, вне и независимо от нашего сознания» (стр. 70).

Нет спора, что система отсчета может быть связана с реальным телом, однако это не делает еще систему отсчета чем-то безотносительным к нашему сознанию. Самое название «система отсчета» говорит о том, что кто-то что-то отсчитывает, т. е. измеряет. Ясно, что понятие «система отсчета», так же как и вообще понятие «измерение», лишено какого-либо смысла без допущения познающего субъекта.

Здесь мы сталкиваемся с тем же самым приемом, которым некоторые физики пытаются спасти махистский принцип дополнительности в квантовой механике, придавая принципиальное значение «классическому прибору», но считая, что приборы могут измерять без какого-либо участия наблюдателя.

Итак, поставленная Г. И. Нааном задача не решена им удовлетворительно.

Принцип относительности не является основным содержанием теории относительности. Положение о независимости законов физики от выбора инерциальной системы отсчета, относительно которой эти законы формулируются, является только предпосылкой для установления геометрической связи пространства и времени, составляющей главное содержание теории.

К идеализму ведет не смешение физического и философского понятий относительности, как это утверждает Г. И. Наан, а чрезмерное преувеличение роли принципа относительности в физической теории и его незаконная абсолютизация. Перестройка и дальнейшее развитие теории относительности, или, лучше сказать, — четырехмерной теории пространства-времени, должны основываться на материалистических идеях о пространстве, заложенных Лобачевским и распространенных Минковским на пространственно-временное многообразие.

Я. П. ТЕРЛЕЦКИЙ

Учение И. П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии

Остро и повелительно встала сейчас перед советской психологией и каждым советским психологом задача перестройки психологической науки.

Философской основой советской психологии является великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Разработанное И. П. Павловым, развивавшим идеи И. М. Сеченова, диалектико-материалистическое учение о высшей нервной деятельности создало естественно-научный фундамент для построения подлинно научной марксистской психологии.

Наша советская жизнь — строительство коммунистического общества и связанное с ним дело коммунистического воспитания нового человека — ставит перед психологами такие великие и вдохновляющие задачи, которые должны породить великую энергию.

Не подлежит сомнению, что у советской психологии есть известные достижения. Передовое советское мировоззрение, определяющее общий подход нашей науки к решению ее основных проблем, коренным образом противопоставляет советскую психологию господствующей сейчас за рубежом реакционной идеалистической психологии, открыто превратившейся в прислужницу агрессивной политики врагов мира и демократии, возглавляемых США.

Тем не менее приходится констатиро-

вать, что состояние психологии, этой важной отрасли научного знания, в настоящее время явно неудовлетворительно.

Советские психологи не овладели еще духом творческого марксизма, не сумели разработать подлинно марксистско-ленинскую теорию психологии. В существующих психологических воззрениях все еще не преодолены до конца влияния порочных концепций идеалистической психологии. Психология еще не превращена в должной мере в действенную, преобразующую науку, помогающую практике социалистического строительства, делу коммунистического воспитания. Специально надо отметить как существенный недостаток, что в основу психологических исследований не было положено учение И. П. Павлова.

Эти недостатки отчетливо выступают в наших «Основах общей психологии». Главным недостатком «Основ» является то, что они не следовали по павловскому пути и некритически восприняли некоторые положения зарубежной психологии. В ходе дальнейшего изложения мы по ряду затрагиваемых нами проблем пойдем вразрез с теми или иными положениями «Основ», давая теперь новую трактовку рассматриваемых вопросов. Содержание «Основ общей психологии» не отражает тех воззрений, к которым в настоящее время пришел их автор, учтя направленную по его адресу справедливую критику.

Пути перестройки и дальнейшего развития советской психологии определяются двумя важнейшими событиями в истории советской науки за последнее время. Это прежде всего появление классических трудов товарища Сталина по вопросам языкознания, поднявших марксизм-ленинизм на новую, высшую ступень, и решения сессии двух академий, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова. Гениальные труды товарища Сталина имеют исключительное значение для психологии.

Порочное, как ясно показал товарищ Сталин, представление, будто каждое явление, связанное с общественной жизнью, относится либо к базису либо к надстройке, тормозило развитие не только языкознания, но и психологии. Некритически принимая это неправильное положение, некоторые наши советские психологи объявляли всю психику целиком «надстроечным» явлением и считали, что с каждым изменением экономического базиса изменяется в с я психика людей со в с е м и ее закономерностями. Эти вульгаризаторские представления служили препятствием для подлинно марксистского изучения человеческого сознания. Они использовались для того, чтобы «теоретически», якобы марксистски обосновать унаследованный от идеалистической буржуазной психологии отрыв психологии от ее естественно-научных основ. Именно эти вульгаризаторские представления явились существенным тормозом для реализации указания В. И. Ленина о значении естествознания в изучении психики как функции мозга, для продолжения в нашей советской психологии материалистической линии Сеченова — Павлова.

Работы товарища Сталина положили конец этим вульгаризаторским представлениям и открыли путь для построения подлинно марксистской психологии.

Объединенная научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук, созванная по инициативе товарища Сталина, со всей определенностью подчеркнула, что исследования И. П. Павлова создали прочный естественно-научный фундамент для психологии, и поставила перед психологами вопрос о необходимости перестройки психологии на основе учения И. П. Павлова. Однако следует признать, что почти за два года, прошедшие после окончания работы объединенной сессии, никакой существенной перестройки в области психологии не произошло.

Для осуществления перестройки психологии, что является сейчас нашей первоочередной задачей, надо правильно понять истинный смысл этой перестройки.

1. Основная задача перестройки психологии — это прежде всего творческая и последовательная реализация марксизма в психологии. Павловское учение о высшей нервной деятельности — естественно-научный путь разрешения именно этой задачи. Оно реализует в естествознании, в учении о мозге и его деятельности, материалистический монизм марксистско-ленинской теории. Правильное теоретическое осмысливание и применение учения Павлова к построению психологии возможны только на философской основе марксизма-ленинизма. Вопрос о философских основах нашей психологии был, есть и будет главным и решающим.

2. Перестройка психологии на естественно-научной основе павловского учения никак не означает сведения психологии к физиологии. Такое решение вопроса о павловской психологии находилось бы в вопиющем противоречии с марксистско-ленинской философией и не соответствовало бы взглядам самого Павлова.

Перестройка психологии на павловской основе должна означать не ликвидацию психологии, а, наоборот, разработку подлинно научной психологии.

3. Перестройка психологии на павловской основе требует решительной ломки еще господствующих в психологии идеалистических концепций и творческой разработки новой психологической теории, отве-

чающей духу марксизма-ленинизма и павловского учения. Эта новая психологическая теория должна быть вместе с тем не чем иным, как дальнейшим творческим развитием материалистической линии Сеченова — Павлова в психологии на основе марксизма-ленинизма.

Ошибочным является стремление некоторых психологов усмотреть весь смысл перестройки психологии на павловской основе только в том, чтобы присоединить к психологическим работам старого образца,— ничего, собственно, не меняя в них по существу,— раскрытие физиологических механизмов психологических явлений, описанных в этих работах. Не до конца еще изжита тенденция, декларативно приняв учение Павлова, отвести от себя необходимость сделать отсюда выводы по части перестройки собственно психологических теорий и взяться за конкретную перестройку психологии, за разработку основных проблем психологии на основе павловского учения.

При разрешении этой задачи основная установка должна быть взята не на размежевание, а на объединение, на союз психологов и физиологов — представителей двух областей человеческого знания, которые, как указывал И. П. Павлов, изучают деятельность одного и того же органа. Это практически важнейшая задача. От объединения, а не от размежевания «сфер влияния» будет более всего зависеть успех исследования отражательной деятельности человеческого мозга и быстрейшее продвижение как психологии, так и физиологии высшей нервной деятельности по пути решения стоящих перед ними больших задач, связанных с реализацией конечного замысла И. П. Павлова по изучению человека.

* * *

Построение научной, материалистической психологии должно исходить из положения диалектического материализма о неотделимости мышления от материи, которая мыслит.

Нельзя, учит товарищ Сталин, «отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку» [1]. Вместе с тем, как подчеркивал товарищ Сталин еще в своем труде «Анархизм или социализм?», «та мысль, что сознание является формой бытия, вовсе не означает, будто сознание по своей природе есть та же материя» [2]. Этими положениями товарища Сталина и должно определяться истинное понимание отношения психического и физиологического, а также соотношения физиологии высшей нервной деятельности и психологии как науки.

Формулируя положение о неотделимости мышления от материи, которая мыслит, товарищ Сталин пишет: «...Мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга» [3]. Характеризуя материалистический монизм, Ленин писал: «Дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира» [4].

Психика — это отражение материального мира, осуществляемое мозгом. Психическая деятельность — в своей основе нервная деятельность. Психическое — «субъективный образ объективного мира» — неотделимо от своей материальной основы. Материалистический монизм непримирим с представлением о психической деятельности, существующей якобы обособленно от нервной деятельности. Признание неотделимости психического от материального, от мозга и его материальной нервной деятельности, не отрицание их различия — относительного, не «чрезмерного» (Ленин) различия материального и психического, субъективного, идеального — характеризует диалектический материализм и выражает истинное положение дел.

«Субъективный образ объективного мира» — ощущение, восприятие и т. д.— возникает в результате рефлекторного ответа мозга на воздействия внешнего мира. Законы высшей нервной деятельности и компетенция учения о высшей нервной деятельности распространяются на всю безостаточно деятельность мозга. Нет и не может быть никакой части психической деятельности («высших» психических процессов), на которую не распространялись бы законы высшей нервной деятельности. Вместе с тем каждый субъективный образ (ощущение, представление, мысль) выполняет определенную роль в жизни индивида. Будучи отражением объективной действительности, он позволяет действовать в соответствии с ее условиями и преобразовывать ее. В этой специфической роли и изучает психология отражательную деятельность человеческого мозга. Способность изменять свои действия согласно условиям внешней обстановки обусловлена способностью зрения, слуха, осязания давать изменчивые по форме, чувственные показания в связи с изменчивостью раздражения [5], писал Сеченов. Именно потому, что психическая деятельность есть отражательная деятельность, человек может изме-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 107.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 317.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 107.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 78.

[5] См. И. Сеченов. Физиологические очерки. Ч. II, стр. 74. 1923.

нять свое поведение по отношению к объективной действительности. В способности служить для «различения условий действия» и таким образом открывать возможность для действий, «соответственных этим условиям», и видел И. М. Сеченов те «два общих значения», которые характеризуют психику («чувствование»)[1]. Объективные изменения в реальных взаимоотношениях индивида с окружающим миром, связанные с психической деятельностью, как отражательной деятельностью мозга, открывают путь для построения психологии как объективной науки.

Признавая существование психологии как особой науки, надо подчеркнуть, что научная разработка ее возможна только при обязательном условии преодоления обособления психологии от павловской физиологии. И Сеченов и Павлов боролись против обособления психологии и физиологии высшего отдела головного мозга, имеющих своим предметом единую высшую нервную, или психическую, деятельность мозга.

Еще в лекции «Первые твердые шаги на пути нового исследования», прочитанной в Стокгольме в 1904 году, Павлов заострил внимание на этом вопросе: «Что должен делать физиолог с психическими явлениями? Оставить их без внимания нельзя, потому что они теснейшим образом связаны с физиологическими явлениями, определяя целостную работу органа»[2].

На необходимость союза физиологии и психологии в изучении человека И. П. Павлов указывал и в дальнейшем. Как «странный факт» отмечал он то, что «две области человеческого знания, занимавшиеся деятельностью одного и того же органа в животном и человеческом организме (кто может теперь оспаривать это?), держались вообще более или менее обособленно и иногда даже принципиально независимо друг от друга». «В результате этой странности,— говорит Павлов,— получилось то, что физиология высшего отдела головного мозга долгое время оставалась почти без всякого движения, а психология не могла даже выработать общего языка для обозначения явлений изучаемого ею материала, несмотря на многократные попытки ввести общепринятый между всеми психологами словарь»[3].

Говоря о павловской физиологии высшего отдела головного мозга — учении о высшей нервной деятельности,— никак нельзя забывать, что ее важнейшая задача заключается как раз в физиологическом анализе психической деятельности.

И. П. Павлов писал: «Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем (Сеченовым.— *С. Р.*) и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования вместо половинчатого весь нераздельно животный организм. И это — целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли»[4]. Павлов исследует высшую, или психическую, деятельность. Подвергая ее физиологическому анализу, он строит, как сам он указывал, физиологическое учение о высшей нервной деятельности — настоящую физиологию высшего отдела головного мозга.

Полное, подлинно научное познание отражательной деятельности человеческого мозга могут дать лишь павловское физиологическое учение о высшей нервной деятельности и основывающаяся на нем материалистическая психология в неразрывном союзе и сотрудничестве.

Определяя взаимоотношение психологии и физиологического учения о высшей нервной деятельности, надо помнить, что павловская настоящая физиология высшего отдела головного мозга принципиально отличается от всей допавловской физиологии. Тот факт, что Павлов изучает не обособленную от психического физиологическую деятельность мозга, а высшую нервную, или, «по обыкновенной терминологии» (Павлов), психическую, деятельность, исключает возможность строить психологию рядо- и внеположно к учению о высшей нервной деятельности.

Учение И. П. Павлова вскрывает нервные физиологические механизмы высшей нервной деятельности, но оно никак не может быть сведено к изучению «механизмов». Совершенно очевидно, что павловская физиология вскрывает и содержание деятельности мозга, поскольку она выявляет связи организма с условиями его существования. Вот почему связь психологии с павловской физиологией так интимна и глубока.

* * *

Павловское учение о высшей нервной деятельности не только вскрывает физиологические основы психической деятельности, но и ведет с необходимостью к новому пониманию самой психической деятельности, к новой психологической теории ощущения, восприятия, мышления и т. д. Ощущение, восприятие и т. д. являются результатом рефлекторной деятельности мозга. И задача психологии заключается именно в том, чтобы сделать все отсюда

[1] См. И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 416. 1947.

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 53. АН СССР. 1949.

[3] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. IV, стр. 52.

[4] И. П. Павлов. Избранные произведения, стр. 49. 1949.

вытекающие выводы для психологической теории: противопоставить, например, рефлекторную теорию ощущения и восприятия старой рецепторной теории и разработать, скажем, такую психологическую теорию восприятия, которая отвечала бы физиологической трактовке его как рефлекса или совокупности рефлексов. Раскрыть и разработать эту новую психологическую трактовку основных проблем психологии — такова первая задача, за разрешение которой должны взяться советские психологи для того, чтобы не на словах, а на деле приступить к перестройке психологии на павловской основе. Ниже мы делаем попытку наметить, насколько это возможно в рамках одной статьи, пути решения этой задачи на примере нескольких проблем.

Ключевой позицией, определяющей решение всех проблем учения о высшей нервной деятельности и психологии, является новое павловское естественно-научное решение центральной проблемы «мозг и психика». Павловское решение этой проблемы является конкретной реализацией в естествознании, в учении о мозге, материалистического монизма марксистско-ленинской философии.

В советской психологической литературе материалистический монизм подменялся положением о «психофизическом единстве» (у Корнилова, у нас в «Основах общей психологии» и др.). В связи с этим следует подчеркнуть, что материалистический монизм означает не единство двух начал — психического и физического,— а наличие одного-единого начала — материального, по отношению к которому психическое является производным. «...Монизм,— пишет товарищ Сталин, — исходит из одного принципа — природы или бытия, имеющего материальную и идеальную формы, тогда как дуализм исходит из двух принципов — материального и идеального, которые, согласно дуализму, отрицают друг друга» [1].

Утверждение единства двух начал, несмотря на слово «единство», не есть материалистический монизм. Поэтому формула «психофизическое единство» является в лучшем случае двусмысленной. Материалистический монизм нельзя подменять ни психофизическим монизмом (Ананьев), ни идеалистическим учением о психофизической «нейтральности» «установки» личности (Узнадзе).

Учение Павлова создало естественно-научные предпосылки для реализации в учении о мозге и психике подлинно материалистического монизма.

Решение проблемы «мозг и психика» в духе подлинного материалистического монизма связано у Павлова с учением о динамической локализации функций в мозгу, которое Павлов противопоставил традиционному морфолого-психологическому направлению, как его обозначил А. Г. Иванов-Смоленский. Это морфолого-психологическое направление до последнего времени господствовало в нашей психологической литературе (см., например, обобщающую статью А. Р. Лурия «Мозг и психические процессы» в № 9 журнала «Советская педагогика» за 1947 год).

Традиционное психолого-морфологическое направление, сложившееся, как известно, в 70-х годах прошлого столетия в немецкой науке, соотносило психические функции непосредственно с морфологической структурой мозга.

Эта концепция дуалистическая, так как она соотносит с мозгом, как материальной вещью, чисто духовную — психическую — деятельность, в основе которой не предполагается материальная физиологическая деятельность мозга.

Психическая деятельность, согласно этой точке зрения, представлялась детерминированной изнутри строением мозга независимо от его деятельности и условий жизни человека. Таким образом создался порочный дуалистический разрыв между зависимостью психики от мозга и ее зависимостью от условий жизни, между ее обусловленностью природными, органическими условиями (строение мозга) и общественной жизнью. Признание роли условий жизни на этой основе приводило к теории двух факторов: психика определяется, с одной стороны, мозгом (его строением), с другой — извне — условиями жизни. Проблема детерминации психического заводилась в тупик.

Павлов преодолел эту психолого-морфологическую концепцию, связывавшую психическую деятельность со структурой мозга без учета его материальной нервной деятельности.

Научный психолог прямо берется за изучение «материального субстрата психических явлений — нервных процессов» [2]. Павлов и Сеченов, в отличие от «психоморфологов», так именно и делали. Они преодолевают таким образом дуализм, скрытый в прежней концепции, и идеалистическое представление о психической деятельности как чисто духовной. Психика неотделима от мозга, от нервных процессов, динамика которых приурочена к материальной структуре мозга.

Павловское понимание приурочения функциональной динамики к структуре мозга преодолевает то обособление морфологической структуры от функции, которое характерно для старой, допавловской морфологии мозга. Павловская концепция ана-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 327.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 127.

лизатора, принципиально отличная от все еще не изжитых представлений о «первичных», «вторичных» и «третичных» морфологических зонах, или структурах, как «механизмах» психической деятельности, представляет собой образец объединения структуры и функции в соответствии с их реальными взаимоотношениями, складывавшимися в ходе развития. Старая морфологическая концепция структур кладет в основу структурную разобщенность различных анатомических зон мозга, как мертвой вещи, и в зависимости от этого искусственно расщепляет, по существу, единые функции на различные компоненты. Павловская концепция анализаторов, исходя из функций, объединяет пространственно отдаленные морфологические элементы (ядро анализатора и находящиеся в различных местах коры части его) в один прибор, в единую материальную «конструкцию». И в этих вопросах павловская концепция означает коренной переворот, требующий еще своей реализации в морфологических концепциях. Материальным субстратом психики является мозг, его структура в действии. Нервная деятельность мозга — это, по Павлову, деятельность рефлекторная, т. е. отражательная. При этом павловская концепция рефлекса и рефлекторной деятельности принципиально отличается от концепции, господствовавшей до Сеченова и Павлова.

Павловская концепция рефлекса сломила господствующее в зарубежной физиологии представление, согласно которому рефлекс якобы всецело определяется постоянными морфологическими свойствами рефлекторной дуги, на которую попадает раздражитель. Она поняла рефлекторную деятельность мозга (в которой всегда имеются как безусловные, так и условные рефлексы) как деятельность, посредством которой реализуются все переменные отношения организма к окружающей среде. Эту особенность павловской теории очень хорошо отметил К. М. Быков в своем докладе на Международном физиологическом конгрессе.

Рефлекс — это не просто временная связь, образующаяся между двумя точками коры — внутри мозга, внутри организма. Это вместе с тем осуществляемая корою связь организма с условиями жизни. Объединенными устойчивой временной связью в коре оказываются те точки, связь между которыми подтверждается, подкрепляется действительностью. Временная связь, по Павлову,— это как бы временное замыкание проводниковых цепей между явлениями внешнего мира и реакциями на них животного организма [1].

Эта черта павловской концепции рефлекса является основной.

Павловская концепция рефлекса исходит из единства организма и условий его существования. Она приобретает полную свою значимость для психологии в свете ленинской теории отражения, в свете указания В. И. Ленина о том, что ощущение является непосредственной связью сознания с внешним миром. Ощущение, восприятие, вообще каждое психическое явление, возникая как результат временного замыкания проводниковых цепей между явлениями внешнего мира и реакциями на них живого организма, само есть выражение этой связи организма и среды. Такова существеннейшая черта марксистско-ленинской психологии, которая строится на естественно-научной основе павловского учения о высшей нервной деятельности.

Эта черта павловского понимания условной связи коренным образом отличает материалистическую концепцию Павлова от идеалистической и механистической концепций американских исследователей «обусловливания» поведения, типичным представителем которых является Газри. Основное положение Газри, которое он пытается противопоставить рефлекторной концепции Павлова и на котором строится вся его трактовка условно-рефлекторной деятельности, заключается, как известно, в том, что условным раздражителем он признает не свойства внешних предметов, а идущие из организма двигательные импульсы. Условно-рефлекторная деятельность в целом представляется, таким образом, лишь динамикой внутриорганических реакций, для которых внешнее воздействие является не более как поводом. Вся концепция американских «условников», все их экспериментальные и теоретические ухищрения направлены в конечном счете на то, чтобы вытравить из условно-рефлекторной деятельности самую существенную ее черту — ее отражательный характер по отношению к внешнему миру. В «Ответе физиолога психологам» Павлов подверг концепцию американского бихевиориста Газри сокрушительной критике.

Учение Павлова о рефлексе заключает в себе, далее, и учение о «мотивации» поведения, о его детерминации. «Теория рефлекса,— пишет Павлов,— постоянно теперь, как и с самого начала ее появления, беспрерывно увеличивает число явлений в организме, связанных с определяющими их условиями, т. е. все более и более детерминизирует целостную деятельность организма» [2]. Это павловское учение о детерминированности поведения строится на основе диалектико-материалистического по-

[1] См. И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 97.

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 437.

ложения о единстве организма и условий его жизни.

Согласно всем механистическим и идеалистическим зарубежным концепциям рефлекторной деятельности, раздражитель выступал в качестве физического агента, никак, собственно, не связанного с организмом, на который он воздействовал, а рефлекторный ответ организма, определяясь морфологической структурой нервной системы, фиксированными в ней морфологическими путями, никак, по существу, не был связан с раздражителем, который его вызвал. Такая рефлекторная концепция не могла объяснить поведение, его направленность. Для объяснения этой последней приходилось предполагать наличие стоящих за рефлексами, как «механизмами», внутренних импульсов (влечения, инстинкты, тенденции), которые-де направляют действие этих рефлекторных механизмов в желательную для организма сторону.

Совсем в новом свете выступает эта проблема у И. П. Павлова, который, следуя и в этом за И. М. Сеченовым [1], исходил из положения о единстве организма и среды, организма и условий его жизни.

Вся павловская физиология неразрывно связана с общими проблемами биологии, строящейся на диалектико-материалистической основе, биологии мичуринской. И в этом ее существеннейшая, ценнейшая отличительная черта.

Для того чтобы стать раздражителем рефлекса (безусловного), физический агент должен обладать биологической значимостью для организма, отвечать тем требованиям, которые организм предъявляет к условиям своего существования. Условнорефлекторная деятельность — в качестве деятельности сигнальной — направлена, по Павлову, на то, чтобы отыскивать в беспрестанно изменяющейся среде «основные, необходимые для животного условия существования, служащие безусловными раздражителями...» [2]. Раздражитель вызывает у организма соответствующую рефлекторную реакцию потому, что в качестве условий жизни — или того, что сигнализирует их,— он отвечает требованиям, которые этот организм предъявляет к среде,— его потребностям. Сами же эти потребности формируются в ходе развития теми именно условиями жизни, которых они требуют.

Таким образом, рефлекторная деятельность устанавливает связь, единство животного организма с условиями его жизни. Головной мозг, и особенно его кора,— орган, осуществляющий эту связь.

Исходное положение, общее у Павлова и Сеченова с мичуринской биологией, о единстве организма и условий его жизни придает рефлекторной теории совсем новый смысл, коренным образом отличающий учение Павлова от всех господствующих за рубежом направлений в физиологии и психологии.

Павловская концепция рефлекторной деятельности не требует и не допускает никакого находящегося за рефлексом в глубинах организма «мотива», двигателя, импульса, который неизвестно какими путями пускал бы этот рефлекторный механизм в ход. Связь между раздражителем и рефлекторным ответом на него организма, согласно Павлову, внутренняя, диалектическая. Потребности включены в самую рефлекторную деятельность. Американские представители учения об обусловливании (conditioning) — Хильгардт, Маркис, Мейер, Шмейрля и др.,— которые позволяют себе обвинять Павлова в механицизме на том основании, что он не учитывает стоящей за рефлекторными механизмами мотивации, не понимают и фальсифицируют подлинного Павлова.

Павловская рефлекторная теория инстинктов вдребезги разбила реакционные идеалистические теории инстинкта как изнутри идущего импульса или влечения, не зависимого от условий жизни,— это основное оружие, которое зарубежная идеалистическая психология (Фрейд, Мак-Дауголл и др.) дала в руки мировой реакции. Именно эти теории инстинктов служат для того, чтобы представить войны и все язвы насквозь прогнившего, преступного эксплуататорского капиталистического строя обусловленными инстинктами человека, его врожденной и якобы неизменной природой. Павловское учение дает естественно-научные предпосылки для построения пока еще не разработанного в советской психологии подлинно научного детерминистического учения о мотивах поведения, опирающегося на марксистское учение о потребностях, формирующихся в ходе общественно-исторического развития.

Признавая материальной основой психики функционирующий, действующий мозг и утверждая рефлекторный, отражательный характер его деятельности, Павлов преодолел все порочные выводы психолого-

---

[1] См. И. М. Сеченов. Растительные акты в животной жизни. (Журнал «Медицинский вестник» № 25 за 1861 год.) «Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен, — пишет Сеченов,— поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него».

См. также его «Элементы мысли», где Сеченов, изучая эволюцию чувствительности, исходит из взгляда на «жизнь, как на согласование жизненных потребностей с условиями среды».

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 392.

морфологической концепции по коренному вопросу о детерминированности психической деятельности. В конечном счете психика определяется внешними условиями, в зависимости от которых в ходе эволюции формируется и самый мозг, его строение и функции. Вместе с тем любое отражение внешних условий — общественных или природных — есть рефлекторная деятельность мозга.

Павловская трактовка проблемы «мозг и психика» вносит коренной переворот в решение того вопроса, который является основным для построения психологической науки,— вопроса о детерминированности психических явлений. Признание детерминированности психических явлений условиями жизни создало теоретическую основу для направленного изменения психической деятельности. Возможности такого направленного изменения психической деятельности становятся особенно значительными благодаря раскрытию физиологических механизмов, посредством которых осуществляется детерминирующая роль условий жизни.

В этой связи очень существенно и другое. Из павловской концепции о динамической локализации функций в мозгу вытекает необходимость коренного изменения общего понимания психических функций или процессов. С морфологическими структурами или анатомическими зонами как таковыми, безотносительно к физиологическим процессам, в них совершающимся, можно связать не определенный конкретный процесс, скажем, восприятие таким-то человеком в данных условиях такого-то предмета, а в лучшем случае лишь восприятие «вообще» — понятие, категорию или «функцию» восприятия. Понятие функции как абстрактной, формальной категории, сложившееся в конце прошлого столетия в «функциональной психологии»,— это естественное дополнение к установившемуся в 70-х годах прошлого столетия в немецкой науке представлению об анатомической зоне или морфологической структуре как непосредственном «механизме» психических процессов [1].

Психо-морфологическое учение о локализации функций в мозгу и идеалистическая функциональная психология — это две взаимосвязанные части по существу единой концепции.

Павловская динамическая концепция локализации функций в мозгу заключает в себе не только новое представление о мозговых механизмах психических процессов. Она ломает и сложившуюся на основе психолого-морфологической концепции трактовку самых этих процессов как детерминированных изнутри отправлений мозговой структуры, как абстрактных функций в понимании идеалистической функциональной психологии. Она влечет за собой новую диалектико-материалистическую концепцию самих психических процессов как рефлекторных деятельностей мозга, обусловленных отношением к внешнему миру, к условиям существования, основу которой заложил еще И. М. Сеченов. Все формы психики, как отражения, осуществляются в деятельности, в активном отношении индивида к окружающему миру.

В советской психологической литературе уже неоднократно выдвигалось требование преодолеть абстрактную функциональную психологию. Но до сих пор это требование не было реализовано.

Павловское учение о единой аналитико-синтетической деятельности мозга преодолевает в самой ее основе абстрактно-функциональную метафизическую концепцию, с точки зрения которой каждый психический процесс, будь то память, восприятие или мышление, превращается в особую сущность. В павловском учении о высшей нервной деятельности все психические процессы получают единую, общую основу в функциональной динамике рефлекторной деятельности мозга. Диалектический подход к изучению психических процессов противопоставляется, таким образом, метафизическому.

Концепция обособленных функций рушится прежде всего потому, что одни и те же основные формы деятельности мозга — анализ и синтез — выступают в разных психических процессах как их общий знаменатель. Конкретно это преодоление функционализма может быть показано, например, на анализе ощущения—восприятия—мышления как звеньев единого процесса познания. Именно такое их понимание отвечает ленинской теории отражения. Именно так подходил к этой проблеме в психологическом плане И. М. Сеченов. Таким образом, совершенно ясно, каким путем надо идти советской психологии, чтобы преодолеть еще фактически господствующую в психологической литературе функциональную трактовку ощущения, восприятия и мышления.

Это действительное преодоление абстрактного функционализма коренным образом отличается от того мнимого его преодоления в

---

[1] Об отличии павловской динамической локализации функций от традиционного учения, основанного на непосредственных морфолого-психологических корреляциях, см. А. Г. Иванов-Смоленский «Очерки» и его доклад на павловской сессии двух академий «Пути развития идей Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности».

нашей психологической литературе, которое сводилось к попыткам установить «межфункциональные» связи, якобы определяющие структуру сознания (Л. С. Выготский), или к утверждению, что один психический процесс участвует в другом (например, мышление в памяти — у нас, у А. А. Смирнова и др).

* * *

Значение учения Павлова о высшей нервной деятельности для перестройки психологии легко продемонстрировать на любой психологической проблеме.

Прежде всего павловское учение об анализаторах и о коре головного мозга как о грандиозном органе чувствительности не только заключает в себе новое учение о физиологическом механизме ощущения и восприятия, принципиально отличное от гельмгольцевской концепции органа чувств, но и влечет за собой новую психологическую трактовку самого ощущения, самого восприятия. Мы остановимся относительно подробно на этом вопросе для того, чтобы хотя бы на одном примере более конкретно показать перестройку психологии.

Учение И. П. Павлова об анализаторах и о коре как совокупности центральных частей анализаторов наносит сокрушительный удар по восходящей в основном к Мюллеру и Гельмгольцу периферической теории ощущения, которая составляет теоретическое ядро всей так называемой психофизиологии органов чувств и прямым путем ведет к физиологическому идеализму. Оно бьет по дуалистической концепции восприятия, господствующей по сегодняшний день в психологической литературе, в частности и в наших «Основах общей психологии». Оно ведет к устранению разрыва между ощущением и восприятием, характерного для идеалистической психологии.

Периферическая теория ощущения, дуалистическая концепция восприятия, разрыв между восприятием и ощущением представляют связанные между собой части по сути единой идеалистической концепции, звенья одной цепи, в которой каждое звено тянет за собой все остальные.

Исходной точкой старой, порочной системы идей является в основном мюллер-гельмгольцевская рецепторная периферическая теория ощущения. Согласно этой теории, физиологической основой ощущения являются процессы раздражения, совершающиеся в периферических рецепторах. Ощущение — результат периферических процессов, обособленных от центральных корковых; центральные корковые процессы, в свою очередь, обособленные от периферических, дают, согласно этой точке зрения, в качестве своего продукта представления, умозаключения, суждения и т. п.,— словом, мыслительные, не чувственные образования.

Восприятие при этом выступает как производное от ощущения и мышления, причем то, что является специфическим для восприятия, в отличие от ощущения объявляется продуктом мышления — производным от представления, умозаключения или суждения. Отсюда разрыв между ощущением и восприятием. Таким образом, порочный разрыв между периферическими и центральными процессами в плане физиологии выступает в психологии в виде разрыва ощущений и восприятий, ощущения и мышления. Отсюда же, между прочим, и трактовка их как особых функций в духе функциональной психологии. Отсюда же и совершенно неправомерный разрыв между так называемой психофизиологией органов чувств и «общей» психологией.

Порочная дуалистическая концепция восприятия, господствующая в традиционной идеалистической психологии, не преодолена до конца и поныне в советской психологической литературе. (Особенно показательна в этом отношении вышедшая в 1950 году книга Н. Н. Волкова «Восприятие предмета и рисунка», по существу, антипавловская, пронизанная изощреннейшим интроспекционизмом. В ней эта ветхая, насквозь порочная дуалистическая теория восприятия поднимается на щит и преподносится в качестве «нового слова» советской психологии.)

Павловское учение об анализаторах наносит сокрушительный удар по этой концепции. Объединение периферических и корковых процессов в деятельности анализатора как органа чувствительности с необходимостью влечет за собой в психологии преодоление разрыва между ощущением и восприятием.

Началу этой новой концепции заложил еще И. М. Сеченов, который трактовал чувствующий снаряд как прибор, в котором периферическая часть объединена с центральной: «чувствование»[1] Сеченов связывает с последней. Сеченовский чувствующий снаряд — это никак не копия гельмгольцевского рецептора; это прообраз павловского анализатора. Сеченов неоднократно употребляет и самый термин анализатор[2].

Исходя из объединения в чувствующем снаряде периферического рецептора и его центрального коркового конца, Сеченов объединяет ощущения и восприятия; восприятия для него — «сложные ощущения».

---

[1] См. И. М. Сеченов. Физиологические очерки. Ч. II, стр. 59.

[2] См. И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 124, 127, 525.

Материалистическая линия Сеченова — Павлова, противоположная линии всей идеалистической психологии, должна быть сейчас продолжена и развита в советской психологии на основе ленинской теории отражения.

В свете павловского учения о деятельности анализаторов перед нами встают сейчас неотложные задачи.

Необходимо с павловских позиций коренным образом переосмыслить все данные так называемой психофизиологии органов чувств. Надо до конца преодолеть господствовавшую в ней периферическую рецепторную теорию и реализовать во всей ее проблематике центральную рефлекторную теорию чувствительности.

Согласно периферической рецепторной теории чувствительности, чувственный образ формируется в периферическом рецепторе. Так, например, первичный зрительный образ якобы определяется самим по себе сетчаточным образом. Переработка этого последнего, в результате которой зрительный образ оказывается адэкватным предмету, не имея, согласно периферической теории, никакой материальной основы в центральной корковой деятельности мозга, представляется поэтому как результат чисто духовной деятельности. Таким образом, периферическая рецепторная теория, несмотря на то, что в качестве рецепторной она представляет чувственный образ ощущения как продукт чистой, пассивной рецепции, или, вернее, именно поэтому, с необходимостью ведет к идеализму. Только рефлекторная теория, согласно которой за воздействием внешнего раздражителя на периферический конец анализатора сейчас же следует центральная корковая переработка периферического раздражения, способна материалистически объяснить формирование образа, адэкватного предмету, объективной действительности. Преодоление периферической рецепторной теории лишает традиционную «психофизиологию органов чувств» права на существование в качестве самостоятельной дисциплины, не упраздняя ее основной проблематики.

Нашей задачей здесь не может быть новое решение всех проблем так называемой психофизиологии органов чувств. Мы покажем лишь настоятельную необходимость в этом на примере учения о порогах раздражения и понятия чувствительности. Чувствительность при старом понимании порогов представляется как отправление органа, определяемое и лимитируемое морфологической структурой периферического рецептора. Между тем пороги, с которыми мы практически имеем дело,— это не морфологически фиксированные лимиты, а результат изменчивой динамики корковых процессов. Соответственно перестраивается и понятие чувствительности. Оно строится не на непосредственных, фиксированных психолого-морфологических корреляциях, а с учетом функциональной динамики высшей нервной деятельности. Чувствительность выступает как результат рефлекторной деятельности, отражающей все переменные отношения индивида к окружающему миру. В силу этого открывается возможность объективно понять зависимость чувствительности от характера деятельности, отношения к ней человека и т. д. Такое понимание чувствительности создает прочную теоретическую основу для более успешного решения задач, связанных с повышением чувствительности, имеющим большое практическое значение для представителей различных специальностей — от сталеваров и шлифовщиков до работников авиации и подводного флота.

Не менее принципиальной перестройке, чем учение о порогах, должно подвергнуться и понимание взаимодействия органов чувств. От взаимодействия органов чувств к взаимодействию анализаторов нельзя перейти путем простой подстановки одного термина на место другого. Этот переход требует глубокой перестройки всей концепции взаимодействия. Преодолено должно быть встречающееся в прежних психологических работах по взаимодействию (например, в работе С. В. Кравкова «Взаимодействие органов чувств») представление о взаимодействии как процессе, всецело определяемом фиксированными морфологическими путями и выражающемся лишь в количественных изменениях чувствительности.

Взаимодействие должно быть понято как функционально-динамический процесс. На передний план должно выступить взаимодействие в сеченовском его понимании — как содержательная взаимосвязь, например, зрения и осязания, в отражении предмета,— а взаимодействие аппаратов, выражающееся в изменении порогов, которыми обычно занималась психо-физиология органов чувств, должно превратиться в подчиненный аспект этой проблемы

Взаимосвязь анализаторов в сеченовском, в павловском понимании, осуществляемая путем образования системы условных связей, играет решающую роль в формировании восприятий. Изучение процесса образования этих условных связей в ходе онтогенеза у ребенка с первых дней его жизни имеет существенное значение для понимания не только развития ребенка, но и структуры восприятия. Опора на учение Павлова открывает перед психологией новые возможности для подлинно научного познания путей развития психики ребенка, а значит, и для более успешного превращения этого развития в направленный процесс формирования — воспитания.

С изменением общей концепции чувствительности связана перестройка понимания ощущения.

Опыты Быкова — Рогова — Пшоника в заостренной форме выявили роль корковых механизмов в формировании ощущения. Периферический импульс переходит в ощущение, лишь включаясь в корковые связи первой и второй сигнальных систем. Корковый анализ, синтез, генерализация раздражителей, считавшиеся до Сеченова и Павлова специальным достоянием мышления, включаются уже в ощущение.

Это павловское понимание физиологических механизмов ощущения приводит к новой психологической трактовке ощущений. В старой ассоциативной психологии ощущение представлялось как конечный термин, исходный для синтеза и предельный для анализа. Сейчас ясно, что синтез и генерализация, анализ и диференциация включаются в самое ощущение. Из точечного образования ощущение превращается в образование системное.

По-новому должна строиться и психологическая теория восприятия. Учение Павлова создало естественно-научную предпосылку для общей теории восприятия, которая строится на философской основе ленинской теории отражения. Восприятие должно быть понято как высший уровень чувствительности. Так, Павлов рассматривает «предметное зрение» — зрительное восприятие предметов — в отличие от простого диференцирования световых раздражителей как результат высшего синтеза и анализа [1].

И. П. Павлов вскрыл физиологический механизм, лежащий в основе восприятия. Этим механизмом является образование комплексного раздражителя, объединение нескольких раздражителей посредством рефлекторных связей. Им обусловлено восприятие как предмета, так и тех его свойств, которые не могут быть отображены в результате воздействия одного раздражителя на специфический прибор, предназначенный для его рецепции. Восприятие, как указывал Павлов, есть результат сложной рефлекторной деятельности.

В этой связи решается и вопрос о так называемой «константности» восприятия, об адэкватном восприятии объективных свойств — формы, величины, цвета и светлоты предмета — при изменяющихся условиях их восприятия субъектом.

Когда исходят из предпосылки, что каждое периферическое раздражение действует само по себе, не включаясь ни в какие центральные корковые связи с другими раздражителями, возможность адэкватного восприятия объективных свойств вещей при изменяющейся периферической стимуляции становится чем-то загадочным и непостижимым. Павлов указал путь для решения этой проблемы на примере восприятия величины. В основе восприятия величины предмета, по Павлову, лежит условное рефлекторное объединение нескольких сигналов в один комплексный раздражитель. Таков в принципе общий физиологический механизм восприятия собственной формы, рельефа, светлоты и прочих свойств предмета при изменяющихся условиях их восприятия субъектом.

Остов психологической теории восприятия предмета наметил еще Сеченов (см. его «Впечатление и действительность»).

Физиологической основой восприятия предмета во всем многообразии его содержания является не сам по себе периферический, сетчатковый, а «к о р т и к а л ь н ы й о б р а з» вещи (термин, вскользь брошенный Ухтомским), т. е. корковое образование, состоящее из сложной системы рефлекторных связей. Этот «кортикальный образ» складывается по мере того, как в ходе индивидуального развития с первых дней жизни начинают формироваться корковые связи проекции сетчаткового образа в коре со все более многообразными данными других рецепций. Для построения чувственного образа предмета особенно существенна, как указывали Сеченов и Павлов, взаимосвязь сигналов от зрительного анализатора с сигналами от движущейся, действующей с предметами и осязающей их руки.

Наряду с данными других рецепций в «кортикальный образ» входит и прошлый опыт — следовые раздражители. Наконец, по мере того, как у ребенка в процессе овладения речью создаются натуральные рефлекторные связи между образом вещи и словом, ее обозначающим, в «кортикальный образ» вещи включается новый компонент — связи второй сигнальной системы, закрепленные в значении слова. Смысловое содержание слова посредством рефлекторного замыкания объединяется со зрительным образом предмета.

Работы лаборатории А. Г. Иванова-Смоленского, посвященные взаимодействию второй сигнальной системы с первой, выявили это замыкание связи между словом и образом. Все части этого сложного образования скреплены рефлекторными связями в единое целое. Слово включается в единый комплексный раздражитель, образующий физиологическую основу человеческого восприятия предмета. Самое слово при этом сплошь и рядом, пользуясь выражением И. П. Павлова, «маскируется», как и любой другой побочный раздражитель, входящий в состав комплексного раздражителя. В результате слово как таковое, как особое

[1] См. И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. IV, стр. 283 и далее.

образование, не осознается. Его смысловое содержание включается в восприятие предмета и осознается как содержание не слова, а самого воспринимаемого предмета. Именно в силу этого мы воспринимаем предметы как наделенные не только непосредственно чувственно данными, но и посредством слова обозначенными свойствами. Именно поэтому они уже в восприятии выступают перед нами как насыщенные включающимся в них через слово общественным, историческим содержанием.

С преодолением дуалистической теории восприятия, превратно представляющей восприятие как производное от мышления, необходимо связано иное понимание соотношения восприятия и мышления, а это с необходимостью влечет за собой и новое понимание самого мышления. Существенно должна быть перестроена вся психология познавательных процессов. Ощущение, восприятие, мышление должны выступить как звенья единого процесса познания.

Для понимания человеческого мышления решающее значение имеют положения товарища Сталина о взаимоотношении мышления и языка. «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли,— пишет товарищ Сталин,— они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка» [1].

Основу для разработки учения о мышлении образует павловское учение об условных связях, анализе, синтезе, генерализации. Изучение человеческого мышления должно быть неразрывно связано с разработкой учения Павлова о второй сигнальной системе как возникающей на фазе человека «чрезвычайной прибавке» к механизмам нервной деятельности.

«Слово,— пишет Павлов, — составило вторую, специально нашу сигнальную систему действительности». «Именно слово сделало нас людьми» [2]. Речь, речевая функция, внесла новый принцип в деятельность больших полушарий. Речевые сигналы, «представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самой» [3].

Именно учение о второй сигнальной системе в ее взаимодействии с первой должно было бы привлечь к себе особое внимание психологов. Однако, несмотря на исключительное значение идей Павлова о второй сигнальной системе для психологии, психологи до недавнего времени вовсе игнорировали их. Экспериментальной разработке вопросов, связанных с взаимодействием второй сигнальной системы с первой, посвящены, по существу, только исследования А. Г. Иванова-Смоленского и его сотрудников, а также работы К. М. Быкова — А. Т. Пшоника.

Со второй сигнальной системой, функционирующей всегда во взаимодействии с первой, связаны все специфически человеческие особенности психики. Они проявляются в волевом действии и в специально человеческих типах так же, как в ощущении и мышлении. Но самое формирование второй сигнальной системы неразрывно связано с процессом овладения словом, с развитием у ребенка речи и речевого мышления, начиная с самого их зарождения.

Закономерности высшей нервной деятельности, установленные Павловым и его школой, открывают возможность подлинно научного объяснения ряда фактов речевого развития ребенка, до сих пор не получивших научного объяснения [4].

Можно уже ясно обозначить основные вопросы, подлежащие исследованию в этой проблеме, и наметить пути их разрешения.

Первый вопрос касается формирования чувственной основы, или оболочки речи, неотрывного, конечно, от развития смысловой стороны речи,— вопрос о развитии у ребенка фонематического слуха.

Учение Павлова открывает совсем новые пути изучения фонематического слуха.

Фонематический слух, как известно, слух обобщенный. Но фонема не понятие и не общее представление, как думают обычно лингвисты и психологи, а чувственно данный звук, обработанный в соответствии с фонематическим строем родного языка в результате коркового анализа и синтеза, диференциации и генерализации звуков речи. Успех общения посредством слова служит как бы «подкреплением» для формирования у ребенка фонематического слуха в соответствии с фонематическим строем родного языка. Раскрытие подлинных закономерностей формирования фонематического слуха будет, несомненно, иметь немалое практическое, педагогическое значение

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39. Госполитиздат. 1951.

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 568, 569.

[3] Там же, стр. 490.

[4] Начало изучения развития речи ребенка на основе учения о высшей нервной деятельности положено Н. И. Красногорским.

для выработки у детей правильного произношения при обучении их родному языку. Так же важно раскрытие этих закономерностей в логопедической работе и при обучении иностранному языку.

С вопросом о формировании чувственной звуковой, фонематической стороны слова неразрывно связан, далее, вопрос о развитии значения слова. Первые значения слов у детей строятся, как показывает исследование ранних детских обобщений, на генерализации чувственного содержания восприятия. Поэтому, исследуя эволюцию значения слов у ребенка, можно проследить, как совершается переход от генерализации к понятийному обобщению, и выявить процесс формирования второсигнальных форм мышления на чувственной основе «элементарного мышления», совершающегося по законам первой сигнальной системы.

Наконец, решающее значение в развитии речи ребенка имеют вопросы об овладении словарным составом и грамматическим строем родного языка.

Общей исходной точкой для понимания овладения как словарным составом, так и грамматическим строем русского языка является тот факт, что восприятие слов ребенком в период быстрого овладения словарным составом и грамматическими формами родного языка отличается резко выраженной «морфичностью». Слово в восприятии ребенка резко членится на составляющие его морфемы.

Необходимо подвергнуть этот факт углубленному исследованию. Исходя из этого факта, можно будет понять процесс овладения как грамматическим строем, так и словарным составом родного языка (а также словотворчество детей) как результат анализа и синтеза состава речи, выделяющего и объединяющего морфемы, а также генерализации и диференциации отношений между морфемами, являющимися в строе русского языка основными словообразующими элементами, и грамматическими формативами [1]. В отношении грамматических форм И. П. Павлов сам указал на связь оперирования ими с выработкой системности нервных процессов. И. П. Павлов при этом прибавляет: «Пусть мы не можем сейчас представить себе отчетливо, как это происходит; но это, наверное, лишь потому, что еще не знаем полностью ни конструкции, ни механизма динамических процессов» [2].

Здесь требуется тщательное и углубленное, шаг за шагом продвигающееся исследование. Но в принципе бесспорно, что именно на этой павловской основе можно будет впервые дать подлинно научное объяснение речевого развития ребенка. В свете классических трудов товарища Сталина ясно, какое большое значение имеет разработка вопросов как о чувственной оболочке речи и мышления, так особенно о грамматическом строе и словарном составе языка. Понятно также, насколько важно выяснение закономерностей процесса овладения ребенком — в результате общения со взрослыми и обучения — словарным составом и грамматическим строем родного языка для педагогической практики.

То положение, что учение И. П. Павлова с необходимостью влечет за собой и перестройку психологической теории, можно было бы продемонстрировать еще на ряде проблем. Не вдаваясь в конкретное рассмотрение этих вопросов, мы в заключение остановимся только на значении учения Павлова о типах высшей нервной деятельности для психологии личности. При этом мы не собираемся поднимать всю эту большую и сложную проблему, потому что рассмотрение ее не может уместиться в рамках настоящей статьи. Самая постановка проблемы личности в целом невозможна без рассмотрения вопросов другого плана — вопросов, связанных с историческим материализмом. Мы отметим здесь лишь одну, с нашей точки зрения, особенно важную для психологии черту павловского учения о типах высшей нервной деятельности. Мы имеем в виду преодоление в учении о темпераменте и характере — так же, как в учении о локализации функций,— непосредственных психолого-морфологических корреляций.

В учении о физиологических основах темперамента и характера преодоление непосредственных психолого-морфологических корреляций является необходимой предпосылкой для того, чтобы освободиться от биологизаторской трактовки личности, не становясь на идеалистическую позицию, рассматривающую психические свойства личности в отрыве от их материального субстрата. Один из основных пороков ряда господствовавших до Павлова попыток вскрыть материальный субстрат темперамента и характера заключается именно в непосредственном соотношении психических черт личности с ее морфологическими свойствами. Эта порочная линия на непосредственные психолого-морфологические

[1] См. В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. Сборник статей «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». 1952. См. также его «Русский язык. Грамматическое учение о слове». 1947.

[2] И. П. Павлов. Полное собрание трудов. Т. III, стр. 450.

корреляции без учета функциональной динамики высшей нервной деятельности в учении о характере выступает особенно заостренно и с полной очевидностью у Кречмера. Кречмер, как известно, связывает характер и все особенности личности, вплоть до мировоззрения ученого и стиля художника, непосредственно с телосложением. При таком представлении о материальных основах характера характерологические свойства человека неизбежно представляются грубо биологизаторски, как детерминированные изнутри фиксированными свойствами обособленного индивида, якобы не зависящими от исторически изменяющихся условий его существования. Нервизм павловской концепции в учении о типах высшей нервной деятельности, определяющих темперамент, т. е. динамическую сторону характера, составляет первую существенную черту павловской трактовки основ характера. Не менее существенное значение имеет и понимание системы безусловных, условных, перво- и второсигнальных связей индивида с определенными условиями его жизни как основы содержательной стороны характера.

Столь же существенна роль павловского учения и для проблемы способностей — одной из самых острых проблем психологии, поскольку именно в учении о способностях особенно выпукло проявляются и реакционные политические тенденции и порочные вейсманистско-морганистские установки зарубежной, и прежде всего американской, психологии.

Господствующее еще в психологической литературе представление о том, что для каждой способности предуготовлен свой задаток, строится на непосредственных психолого-морфологических корреляциях. Оно как бы проецирует способность — формирующееся в течение жизни сложное образование, обусловливающее пригодность человека к тому или иному виду общественно-полезной деятельности, — в его анатомо-морфологическую структуру без учета особенностей его высшей нервной деятельности. Такое понимание способностей, доведенное до своего логического конца, приводит к вейсманистскому представлению о способностях как «духовных генах» (Торндайк), которые независимо от условий жизни и путей развития человека предопределяют все его возможности.

Конечно, не приходится отрицать значение для одаренности человека свойств его мозга и тех или иных его анализаторов (например, слухового для развития музыкальных способностей). Но для правильного решения вопроса об органических предпосылках способностей необходимо не сводить все к непосредственным психолого-морфологическим корреляциям, а учитывать индивидуально-типологические свойства процессов высшей нервной деятельности.

Учение Павлова о типах высшей нервной деятельности общих и специальных, связанных с соотношением первой и второй сигнальных систем, взятое в его отношении к способностям, а не только к характеру, должно послужить отправным пунктом для нового решения вопроса о наследственных предпосылках способностей, для ломки всех порочных, реакционных вейсманистских, морганo-менделистских представлений в учении об одаренности и для завершения коренной перестройки учения о способностях, предпринятой, но еще не завершенной советской психологией.

Только психологическое учение о способностях и характере, которое вытекает из учения классиков марксизма-ленинизма и находит естественно-научные предпосылки в учении Павлова о типах высшей нервной деятельности, может дать теоретическую основу для плодотворного участия психологов в той большой воспитательной работе по формированию характера и способностей советских людей, которая сейчас — почти без всякого участия психологов — в таких грандиозных масштабах повсеместно и повседневно проводится в нашей стране под руководством партии и правительства.

* * *

Создание на основе марксизма-ленинизма психологии, неразрывно связанной с павловской физиологией высшей нервной деятельности, требует глубокой, коренной перестройки психологической теории в результате целой системы конкретных исследований. Реализация этих исследований существенно изменит весь облик психологической науки и вооружит психологию на разрешение больших задач, выдвигаемых практикой социалистического строительства, делом коммунистического воспитания.

Разработка теории марксистско-ленинской психологии, которой предстоит сейчас заняться советским психологам, должна проходить в ожесточенной борьбе с идеализмом в психологии и с проникновением всяческих буржуазных влияний в советскую психологию. В современных условиях, когда возглавляемому СССР лагерю мира, демократии и передовой науки противостоит возглавляемый США лагерь войны, реакции и мракобесия, особенно важно, чтобы заодно с павловской физиологией и наша психология стала таким же грозным, отточенным оружием в той великой идеологической борьбе, которую мы ведем за освобождение умов простых людей во всем мире от векового гнета суеверий и мракобесия.

Чл.-корр. АН СССР
С. Л. РУБИНШТЕЙН

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Петр Любовский — передовой психолог начала XIX века

А. В. ПЕТРОВСКИЙ (Вологда)

Русская психология в XVIII и в первой половине XIX века находилась в начальном периоде своего развития, но уже тогда в науке о душе («душесловии», как тогда называли психологию) происходила ожесточенная борьба между идеализмом и материализмом. Борьба материализма с идеализмом в психологии, нового с отживающим являлась могучим фактором развития этой науки. Она привела к победе прогрессивного, материалистического направления, что стало ясно уже в середине XIX века, когда возникло материалистическое учение И. М. Сеченова, который убедительно показал, «кому и как следует разрабатывать психологию». Открытия Сеченова были подготовлены всем ходом развития отечественного естествознания, философии и психологии.

Рассматривая общее состояние психологии в России на рубеже XVIII и XIX веков, следует иметь в виду конкретно-историческое своеобразие предмета, задач и основной проблематики психологии того времени. Совершенно очевидно, что предмет и круг вопросов психологии в те времена коренным образом отличался от предмета и круга вопросов современной психологии.

Особенностью развития психологии в XVIII веке и на протяжении первой половины XIX века является прежде всего то, что она представляла собой раздел, или часть философии, выступая вместе с логикой как пропедевтика философии. Будучи частью философии, психология развивалась вместе с нею в связи с изменением общественно-экономических условий жизни России.

Процесс выделения психологии из состава философских наук тогда еще только начинался и происходил главным образом в связи с развитием ее естественно-научной основы — анатомии, физиологии и эмбриологии, а также в связи с растущими потребностями передовой части общества в объяснении фактов так называемой психической деятельности человека.

Выделение психологии из состава философии, превращение ее в «положительную науку», форсировалось развитием смежных отраслей знания, ставивших перед психологией конкретные задачи, которые, разумеется, невозможно было разрешить в рамках одной только философии. Психологическая проблематика стихийно проступает в ряде наук и прежде всего в анатомии и физиологии (мозг, его строение и функции), в медицине («душевные болезни»), в педагогике (вопрос о способностях, о наследственности и т. д), в теории права (проблема мотивов преступления и «вменяемости» и т. д.). Даже при разработке проблем физики (в особенности в трудах Ломоносова) поднимались вопросы психофизиологии зрительных и слуховых ощущений. Все эти вопросы лишь отчасти учитывались психологией и отражались в ней, по большей же части она оставалась им чужда. Основным препятствием к выделению психологии из состава философии и превращению ее в «положительную науку» в первой половине XIX века являлось отсутствие объективных методов изучения духовного мира человека. И «рациональная» и так называемая «эмпирическая (или опытная) психология» в те времена располагали в основном лишь методами субъективными, а именно наблюдением и самонаблюдением. Объективные же методы тогда еще только создавались в недрах естествознания, и лишь с именем Сеченова связано начало выработки объективного метода исследования психических явлений.

Но и до 60-х годов XIX века, когда психология делает первый решительный шаг к превращению в «положительную науку», ее развитие проходило отнюдь не без борьбы Завоевания Сеченова были бы невозможны, если бы борьба материализма против идеализма не подготовила почву для его материалистического учения о рефлексах головного мозга. Под влиянием материалистических идей находились многие профессиональные психологи-философы на-

чала XIX века, составлявшие оппозицию по отношению к мистикам и фидеистам, которые, пользуясь своим господствующим положением, самоуправствовали в философии и психологии. Борьба между сторонниками материализма и идеализма в рамках официальной психологии того времени, являясь фактором развития науки, для современников выливалась в форму борьбы за умы учащейся молодежи, которые адепты «христианского благочестия» пытались заморочить различными «бредоумствованиями», полными мистики и мракобесия. Особое значение при этом имели, разумеется, учебники и учебные пособия, как первые книги, с которыми сталкивалось молодое поколение на пути к знаниям.

Многочисленные переводные учебники психологии (Снеля, Кампе, Якоба, Баумейстера, Эрнести и др.) создавались, как правило, на основе неприкрытого фидеизма и обветшалых схоластических схем; они засоряли головы учащейся молодежи религиозными догмами о бессмертии и субстанциальности души, ее невещественности и т. п.

Задачу создания отечественного учебника по психологии решил учитель слободско-украинской гимназии, магистр Харьковского университета Петр Михайлович Любовский, который в 1815 году издал в Харькове книгу под названием «Краткое руководство к опытному душесловию».

Мировоззрение Любовского формировалось в обстановке идейной борьбы между сторонниками философского идеализма, преимущественно кантианского толка, и защитниками материалистических позиций, развернувшейся в Харьковском университете почти с начала его существования. Крайней идеалистической точки зрения придерживался профессор Иоганн Шад, занимавший прежде кафедру в Иенском университете, ученик Фихте и почитатель Канта. Шад пропагандировал в России немецкий идеализм. Материалистическое направление в университете возглавлял выдающийся философ и математик Тимофей Осиповский [1].

Любовский являлся не только свидетелем, но и участником этой борьбы. В 1813 году он пытался стать адъюнктом кафедры философии при университете. Однако Шад предпочел закрепить это место за своим подручным — бездарным иностранцем Дудровичем. Философия этого жалкого пособника мракобесов в области идеологии была, по замечанию одного из дореволюционных историков университета, «ancilla theologiae» (служанкой богословия.— *А. П.*). Несмотря на резкое противодействие Осиповского, по проискам Шада адъюнктом стал Дудрович.

Любовский после этого продолжал заниматься преподавательской деятельностью и особенно интенсивно — литературной работой. Вот перечень его печатных трудов в хронологическом порядке: «О достоинствах человека, происходящих от дарования слова» (1812), «О правописании буквы Ы и И...» (1814), «Краткое руководство к опытному душесловию» (1815), «Опыт логики» (1818), «О грамматическом разборе» (1819).

Труды Любовского издавались чуть ли не каждый год; имя его в этот период встречается в различных официальных и неофициальных документах. Но в 1819 году резко обрывается литературная и общественная деятельность Любовского, и из печати исчезают всякие упоминания о нем. Работа его «О грамматическом разборе» переиздается в 1820 и 1831 годах уже без имени автора. Дальнейшая судьба Любовского неизвестна [2]. Необходимо отметить, что в это же время из Харьковского университета был изгнан профессор Осиповский. Есть основания поставить исчезновение Любовского в связь с жестокой расправой, которую учинил тогда попечитель Харьковского университета мистик Карнеев над свободомыслящими профессорами и преподавателями учебных заведений Харькова.

Учебник психологии, написанный Любовским, представляет собой небольшую книжку (140 стр.), подразделяющуюся на три части, предваряемые вступлением, состоящим из трех глав. Первая часть посвящена «чувствительности» (ощущениям), вторая — «познанию»; в ней рассматриваются «внимание», «воображение», «размышление», «разум», «память» и т. д. Третья часть посвящена «влечениям» и «воле», здесь же трактуется вопрос о «темпераментах», «привычках», «склонностях» и «страстях». Построение книги имеет в общем традиционный для систематических курсов психологии того времени характер.

Во «Вступлении» Любовский говорит о разнице между «опытным душесловием» (эмпирической психологией) и «умственным душесловием» (трансцендентальной, рациональной психологией).

В отличие от «умственной» психологии, которая составляет часть метафизики и носит сугубо умозрительный характер, «опытная» психология «не принадлежит к философии в тесном или собственном смысле» и есть «наука, излагающая все душевные дарования, по колику оныя могут

---

[1] См. статью И. Н. Кравеца в журнале «Вопросы философии» № 5 за 1951 год.

[2] Выяснение биографии Любовского затруднено тем, что архив Харьковского университета погиб от фашистской бомбы.

быть замечены опытностью» (стр. 1). Попытка представить «опытную психологию» вне рамок спекулятивной метафизической философии была, несомненно, знаменательной, но для тех времен явно неосуществимой. Это лишь первые ростки будущего расцвета эмпирической психологии в России.

В предисловии автор указывал, что содержание учебника составили собранные им «...из разных рассеянных замечаний касательно душесловия места и приведенные в учебный порядок, так и собственные замечания, приобретенные... наиболее в течение преподавания сей науки...» Весьма примечательно, что в качестве источника иллюстраций и примеров Любовский использует современную ему периодическую литературу. В тексте книги встречаются многочисленные ссылки на русские журналы того времени. Это, как и многое другое, связывало книгу Любовского с злободневными вопросами русской действительности того времени.

Однако, работая над «Кратким руководством...», Любовский отнюдь не ограничивал себя задачей систематизации чужих мнений и взглядов. Его книга в большей части содержит самостоятельные, оригинальные мысли и наблюдения самого автора. Он указывает, что «...во многих местах и почти во всей третьей части помещены мною такие мысли, каких во всех (по крайней мере известных мне) по сей части сочинениях не находится, но которые, кажется, существенно принадлежат к сей науке» (из предисловия).

Общефилософская концепция Любовского носит вполне очевидный дуалистический характер. В главе второй, «О природе человеческой вообще», мы находим традиционный дуализм души и тела, изложенный в виде теории психофизического взаимодействия. Но, решая конкретные психологические вопросы, особенно в третьей части книги, автор отходит от позиции дуализма и дает материалистические, если не объяснения, то, во всяком случае, описания. Любовский оказывается идеалистом там, где отправляется от абстрактных философских постулатов, и приближается к материализму там, где отправными точками его воззрений оказываются факты живой действительности, которые он черпал из своей педагогической практики. В таком подходе к решению проблем психологии, несомненно, чувствуется прогрессивное влияние усвоенных Любовским идей русских материалистов XVIII века и прежде всего Ломоносова и Радищева.

Материалистические тенденции Любовского заметны уже в определениях, которые он дает отдельным видам ощущений. Так, зрение он определяет как «чувствование», которое «состоит в принятии впечатлений, производимых лучами, от светящихся предметов простирающимися» (стр. 8). Аналогичные объяснения получают слух, обоняние и т. д.

Любовский не ограничивается абстрактными определениями «способностей чувствования». Он стремится дать физиологическую характеристику тех или иных ощущений. Почти за 50 лет до Гельмгольца, который в своей книге «Ощущение тонов» (1863) выдвинул так называемую резонансную теорию слуха, до сих пор считающуюся классической, Любовский утверждал, что мы можем «в одно и тоже время слышать разные звуки» в связи с разницей «свойств звучащих тел», а также устройства уха, делающего сие орудие способным к принятию «всех разных звуков». По резонансной теории слуха Гельмгольца, отдельные волокна основной перепонки являются как бы струнами, настроенными на различную высоту от нижнего до верхнего пределов слуха. Более короткие волокна, лежащие у основания улитки, воспринимают более высокие звуки, более же длинные волокна, находящиеся у вершины ее, — низкие.

Предвосхищая в общих чертах гипотезу Гельмгольца, Любовский утверждает, что волокна, которые образуют перепонку улитки, напоминают струны, которые «одна другой короче». Далее Любовский поясняет: «...самые низкие тоны потрясают только самые длинные жилочки, которые с ними согласны, а высокие тоны потрясают токмо самые короткие жилочки». Таким образом, каждый тон действует с успехом только «на ту жилочку, коея напряжение сходно с его напряжением» (стр. 13).

«Чувствительность», понимаемая Любовским как «способность принимать впечатления от предметов, на нее действующих» (стр. 17), зависит от нервов и является основой «размышления». Благодаря чувствительности возникает «более или менее верное изображение того предмета, который произвел впечатление» (стр. 23).

Переходя от чувствительности, ощущений, к более высокой ступени познания, Любовский рассматривает «силу воззрения и внимание», делая некоторые интересные замечания, касающиеся причин рассеянности и колебания внимания.

Рассматривая память как основу разума, Любовский различает два основных вида памяти («воспоминания»): непроизвольное (случайное) и произвольное («нарочитое воспоминание»). Весьма любопытно, что Любовский впервые в русской психологии выдвигает закон ассоциации («содружества понятий») как объясняющий принцип памяти («удерживание с нами бывающего» и «возобновление оного») (стр. 43). Он пи-

шет, что «понятия... или вообще замеченные нами наши изменения, будучи возобновлены удобно возбуждают и присоединяют к себе другие понятия, имеющие с возобновленными взаимное отношение». Характерно, что ассоциациями, по мнению Любовского, определяется не только механическая память (пользуясь терминами современной психологии), но и память смысловая, логическая. Ассоциативные отношения возникают не только между сходными и противоположными, а также смежными во времени и пространстве, но и между причиной и следствием, между целым и частями («причина рождает понятие о действии и обратно») (стр. 45). Совершенно очевидно, что речь идет о смысловых ассоциациях, логических связях. Принципом ассоциации Любовский объясняет и другие психические процессы. Давая беглый обзор качеств памяти, он стремится объяснить их возникновение особенностями воспитания: «Превратное воспитание: пустые мелочи... нередко заглушают совершенно сию прекрасную способность. Как жалко смотреть на того, кто помнит все глупые рассказы нянек, все роды бостонов им сыгранных, все опрометчивости в танцах и т. п. и не знает никаких мест из лучших писателей, не знает никаких важнейших происшествий...» (стр. 47).

Память, «как разумная, так и механическая, весьма много зависит от свойства и расположения мозга» (стр. 49). Поэтому особое значение, по мнению Любовского, принадлежит мозгу, «где все нервы совокупляются». Любовский замечает: «Между всеми членами тела мозг есть самая важная для душеслова (психолога. — *А. П.*) часть оного» (стр. 15).

О стремлении Любовского к материалистическому решению многих вопросов свидетельствует и тот факт, что, говоря о «мечтательности» и дав объяснения сновидениям, как явлению естественному и зависящему от «законов чувствительности, воображения, мечтательности и памяти» (стр. 53), он выражает удивление, «что многие, понимая сущность сего явления и позволяя быть ему естественным, имеют, однако, доверие к предзнаменованиям оного. Кажется, они в таком случае руководствуются больше любовью к удивительным предметам, а иногда и самолюбием, нежели здравым рассудком, который, выключая немногие сновидения священные, все другие предчувствия снов отвергает и изъясняет их по вышеозначенным... причинам, или обстоятельствам жизни» (стр. 53). Скрытая ирония звучит в словах автора о «священных» сновидениях. Эта оговорка не снимала материалистической устремленности мысли Любовского и лишь свидетельствовала о трудных условиях подцензурной печати в то время. Знаменательно то, что Любовский одну из задач психологии видит в разрушении суеверий, из-за которых многие душевные явления кажутся невеждам чудесами: «сновидения, исступления и проч.» (стр. 5).

Анализ высших познавательных процессов («разум» и «ум») обнаруживает зависимость воззрений Любовского от традиционных идеалистических схем. Понятно, что диалектика перехода от ощущения к мысли не могла быть обнаружена Любовским. Признание врожденности некоторых категорий является очевидной кантианской ошибкой Любовского. Однако в целом концепция мышления, которую развивает Любовский, не имеет характера кантианской агностики.

Он с сочувствием приводит мнение Гольбаха, что разум основывается на данных памяти и, следовательно, «самый разум производят от мозга» (стр. 49), утверждает связь и единство всех актов мышления между собой. Он отмечает, что «разум не может представить ни какого... понятия, не учинивши в ту же минуту рассуждения и заключения».

Большой интерес представляют высказывания Любовского о природе мышления и роли *слова* в мышлении, как фактора бесконечной «усовершаемости» разума. Он отмечает, «что разум... обыкновенно вместо *действительных изображений* представляет *изображения изображений*, т. е. *слова*, в чем также он ощутительно различается от воображения, представляющего нам одни *образы* вещей, и посему слова и понятия составляют почти одно и тоже» (разрядка Любовского) (стр. 30). К проблеме слова как орудия мышления Любовский неоднократно обращался в своих сочинениях. Особенное значение имеет его речь «О достоинствах человека, происходящих от дарования слова». Здесь Любовский как бы раскрывает то, что лишь намечено в его «Руководстве». Речь «О достоинствах человека...» нельзя рассматривать в отрыве от учебника психологии Любовского, анализ которого, в свою очередь, оказывается неполным, если оставить в стороне упомянутую «Речь», где Любовский высказал замечательные идеи о роли языка в развитии человеческого мышления.

Любовский пишет: «Что отличает человека так явственно от всех животных и всех тварей? Что дает ему перед ними преимущество несравненное? Что поставляет его царем вселенныя? Сей вопрос любители мудрости удобно решают, ответствуя: разум — разум, которым человек проницает и в самые сокровенные таинства природы; разум, которым руководствуясь покоряет самых сильных и свирепых животных и

проч.» [1]. Но, признавая значение разума, Любовский подчеркивает, что вне речи, без языка, без слов, в которых человек «воплощает» процессы мышления («замечания, исследования и заключения»), разум был бы чрезвычайно слаб. «Однако будем искренни, признаемся сколько бы сей разум был слаб... если бы все его замечания, исследования и заключения не были воплощены словом? Кратко сказать, чтобы с нами было, если бы мы говорить не умели?» (стр. 10).

Мы не можем не видеть в этих высказываниях Любовского живой связи с лучшими традициями русской философской и психологической мысли, с идеями Ломоносова и Радищева, касающимися проблем языка и мышления. Так же отчетливо эта связь выступает в замечаниях Любовского, относящихся к вопросу о сходстве и различии между людьми и животными. Мы читаем у Любовского: «...находятся весьма многие между бессловесными животными поступки и случаи, которых все философы не могут истолковать иначе, как позволив тварям сим иметь некоторую степень разумения. Кто знает, может быть такая же степень разума находилась бы и в премудром ныне смертном, если бы природе не угодно было снабдить его даром слова, если бы все познания ума не были оживотворены и изображены другим умам помощию оного» (стр. 11. Разрядка моя. — *А. П.*).

Эти мысли созвучны с идеями Ломоносова и Радищева. Видимо, не случайно Любовский с похвалой и глубочайшим уважением отзывается в этой речи о Ломоносове. В «Грамматике» Ломоносова мы читаем: «...естьли бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому; то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения... но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей рассыпанных по лесам и по пустыням» [2]. Радищев, собрание сочинений которого было издано всего за два года до выступления Любовского и, по всей вероятности, было известно последнему, характеризуя преимущества человека перед животными, заключал: «Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностию, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немы» [3].

Более столетия спустя гениальный русский ученый Павлов, наследник и продолжатель материалистических традиций Ломоносова, Радищева, революционеров-демократов и Сеченова, сформулировал сущность научного понимания этого преимущества человека над животными, заложив основы учения о первой и второй сигнальных системах. «Именно слово,— писал Павлов в статье «Условный рефлекс»,— сделало нас людьми, о чем, конечно, здесь подробнее говорить не приходится» [4].

Но в первой четверти XIX века, когда жил Любовский, как и в XVIII веке, во времена Ломоносова и Радищева, когда истинный характер отличий человека от животных не был еще вскрыт, об этом важно было говорить во весь голос.

Любовский рассматривает слово как средство выражения «чувствований, мыслей и желаний», как способ общения между людьми. Он задает вопрос: «Неужели одними словами только и можно переливать в душу других свои чувствования, мысли и желания?» Не являются ли «музыка», «мимика», «живопись» столь же полноценными средствами общения между людьми?

Всесторонне рассматривая этот вопрос, Любовский замечает, что успехи музыки, живописи и других искусств «обязаны дару слова». Главное же заключается в том, что ни музыка, ни мимика, ни живопись не обладают такими всеможностями выражения и обобщения всевозможных признаков и свойств явлений, какими располагает слово: «...в том нельзя выразить места, в том времени, в том движения, в том света и тени; во всех по крайней мере с такой живостью отвлеченных, высоких понятий умственных, с какой изображаются одним речением, сею тесною, но достаточнейшею картиной всякого понятия» (стр. 13). Несмотря на наивность формулировок, в высказываниях Любовского содержатся замечательные догадки о природе слова — «речения». Никакие суррогаты языка, изобретения «неизвестных средств», заменяющих «дар слова», не выдерживают сравнения. Любовский восклицает: «Не лучше ли вняв гласу опыта признать себя одолженными во всех высоких совершенствах нашего познания дару слова? Вся честь и слава, познаниями роду смертных приносимая, принадлежит слову, яко необходимой орудной их причине» (стр. 13).

Знания, которые накапливают люди в процессе индивидуальной практики, не закреплялись бы и не сохранялись в сознании людей, если бы люди не располагали речью, языком. «Не имея средств сообщать их (знания, мысли.— *А. П.*) можем ли мы остающихся после смерти уведомить о про-

[1] Речи, говоренные в гимназиях и уездных училищах округа Харьковского университета при публичных испытаниях, бывших в конце июня месяца 1811 г., стр. 10. X. 1812. (Далее цитирую по этой книге.— *А. П.*)

[2] М. В. Ломоносов. Сочинения. Т. IV, стр. 13. СПБ. 1898.

[3] А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения, стр. 289. 1949.

[4] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений. Т. III, кн. 2, стр. 336. 1951.

исшествиях нашей жизни, и дать из них полезные наставления нашим присным?» (стр. 13). Характерно, что Любовский совершенно избегает религиозно-догматического толкования слова, теологической трактовки проблемы речи и мышления.

В последней части «Руководства...» Любовского центральной является самостоятельно разработанная им проблема «влечения», понимаемого как стимул к действию.

Любовский разделяет влечения на «душевные» и «телесные». В общей трактовке душевных влечений весьма отчетливо видна связь воззрений Любовского с идеями французских материалистов XVIII века и идеями Радищева. По мнению Любовского, ведущим душевным влечением, на котором основываются такие мотивы деятельности, как любовь к жизни, «влечение к приобретению собственности», «влечение к богатству и отвращение от бедности» и т. п., является самолюбие. Здесь нельзя не заметить связи этой мысли Любовского с крамольными для того времени идеями Гольбаха и Гельвеция. Любовский, между прочим, подчеркивает, что самолюбие не следует смешивать со сходным, но отрицательным качеством «янством», «ячеством».

Одним из важнейших влечений человека Любовский считает «любовь к отечеству». В раскрытии содержания «любви к отечеству» легко обнаружить традиции, восходящие к замечательному русскому патриоту Радищеву, хотя патриотизм Радищева был более глубоким, чем патриотизм Любовского. Проф. Ананьев [1] справедливо замечает, что Любовский в своей работе совершенно не упоминает «об императоре» и «царственной фамилии», в воспевании любви к которой упражнялись в период создания «Священного союза» борзописцы реакционного направления. Любовский анализирует психологию любви «к отечеству», а не к самодержавию. Наглядным примером для характеристики этого влечения Любовский взял Кутузова. Бессмертный спаситель отечества, как называл Любовский Кутузова, показал всем образец самоотверженной любви к родине и тем самым ответил на вопрос, возникавший у современников: «Почему он при всех невыгодах своей службы не берет отставки?» («Краткое руководство к опытному душесловию», стр. 102). В этом тонком намеке на тягостное положение Кутузова при Александре и Аракчееве раскрывается понимание Любовским подлинной любви к отечеству.

Исследуя человеческие влечения, Любовский особенно выделяет стремление к труду, понимаемое им как потребность в активности, в деятельности. Он считает, что «...человек трудится не только для того, чтобы приобретать средства к содержанию себя. Испытатели его природы нашли, что он имеет врожденное стремление к труду, врожденную охоту... так, что ничем столько не тяготится, как совершенною бездейственностью» (стр. 78. Разрядка Любовского). Он подмечает, что дети «не довольствуются играми легкими, но ищут тяжелейших» (стр. 79). Однако подлинный общественно-исторический характер труда, разумеется, не был раскрыт Любовским.

Развитие «любви к деятельности» зависит от развития жизненных потребностей, которые в «благоустроенном обществе» имеют тенденцию «умножаться». «...Любовь к деятельности нигде такой пищи для себя не находит, как в благоустроенном обществе... причиною же сего есть то, что в благоустроенном гражданском обществе умножаются надобности жизни, которым не иначе удовлетворить можно, как собственной деятельностью». С влечением к деятельности непосредственно сопряжена любовь к свободе.

Любовский подвергает анализу вкусы, эстетические чувства: «Достойно замечания, что временный и местный вкусы, по большей части зависят от влияния каких-нибудь происшествий, климата и других обстоятельств того народа, над которым он владычествует. Следовательно начало той приверженности, которая у него бывает к известному роду красот должно искать в бытиях его» (стр. 88. Разрядка моя.— *А. Н.*). Значение подобных высказываний для первой четверти XIX века трудно переоценить.

Под телесными влечениями человека Любовский понимает темперамент. Он трактует темпераменты как телесные расположения, полученные от природы и изменяющиеся под влиянием обстоятельств жизни. «Чистых» темпераментов, по мнению Любовского, нет: каждый человек может иметь черты нескольких темпераментов. «По сему всегда почти бывает очень трудно определить какой главный у кого темперамент особенно находится» (стр. 115). Учение Любовского о темпераментах носило, несомненно, передовой характер для психологии того времени.

В своем трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» А. Н. Радищев разработал теорию «соучаствования» — особой формы межчеловеческих чувств, являющихся следствием особой нервной организации человека: «Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров человек паче всех есть

[1] См. Б. Г. Ананьев. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков, стр. 73. 1947.

существо соучаствующее»[1]. Такие специфические человеческие чувства, как грусть, жалость, сострадание и пр., являются следствием «соучаствования». Как бы продолжая мысли Радищева, Любовский писал: «На таковых телесных, а от них происшедших и душевных расположениях, или, лучше сказать, на сходстве их основывается, во-первых, влечение. так называемое сочувствование... которое состоит в том, что человек невольно участвует в состоянии другого, а особливо сходствующего своим расположением так, что движения, желания и отвращения одного... и в другом... возбуждают подобные движения, желания и отвращения» (стр. 119). Так же, как и Радищев, Любовский связывает «соучаствование» с «так называемой нервной системой», «особливо, когда сей состав слишком чувствителен и нежен» (стр. 119).

Развитие Любовским учения о влечениях в целом, несомненно, носит передовой характер, хотя некоторые из его высказываний имеют индетерминистическую окраску. Так, он поддерживает, правда, только декларативно, мнение сторонников свободы воли.

Суммируя смысл и значение высказываний Любовского, рассмотренных выше, можно констатировать, что его книга содержит передовые для своего времени психологические идеи и, безусловно, превосходит многочисленные схоластико-теологические руководства по психологии, отражавшие невысокий уровень зарубежной, преимущественно немецкой, философии и психологии. В «Руководстве...» Любовского мы не находим ни традиционных выпадов против материализма и атеизма, ни ссылок на священное писание, как того требовали мистики, возглавлявшие министерство народного просвещения. Несмотря на многие ошибочные и наивные утверждения, вызванные исторической ограниченностью воззрений, следует признать, что Любовский успешно справился с задачей создания русского учебника по психологии.

* * *

В лице Петра Михайловича Любовского мы, несомненно, имеем талантливого русского ученого и философа. Разносторонность, передовые взгляды и смелые мысли Любовского делают его значительной фигурой русского просвещения начала XIX века.

Творчество Любовского свидетельствует, что славные материалистические традиции русской науки являлись серьезным фактором формирования мировоззрения лучших отечественных ученых, непосредственно не примыкавших к революционному лагерю, но активно боровшихся с мистикой, суевериями и схоластикой в области тех наук, которые они разрабатывали и двигали вперед.

[1] А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения, стр. 292.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

На ложных позициях

В журнале «Советская педагогика» № 8 за 1951 год опубликована статья М. Н. Скаткина «Некоторые вопросы политехнического образования». В этой статье автор правильно ставит вопрос о том, что средняя школа должна готовить всесторонне развитых людей. Однако статья содержит целый ряд ошибок, и главная ошибка состоит в том, что автор не учитывает крайней перегруженности учащихся средней школы и не разъясняет конкретно, как увязать преподавание школьных дисциплин с выработкой у учащихся практических навыков.

Автор требует, чтобы школа давала учащимся знание всех основных отраслей современного производства, знание их технологии. Но поскольку современная научная классификация насчитывает около четырехсот отраслей научного знания и соответственно такое же количество специальностей, совершенно очевидно, что школьнику овладеть всеми ими явно невозможно. Чтобы выйти из затруднения, автор статьи решил свести все многообразие специальностей к четырем основным отраслям производства. Вот эта «сжатая» классификация, предложенная профессором Скаткиным.

«В соответствии с особенностями технологии,— пишет М. Н. Скаткин,— различают четыре основных отрасли производства: 1) производства, основанные на механической обработке материалов, 2) химическое производство, 3) сельскохозяйственное производство, 4) производство энергии.

В основе этого деления лежит классификация основных форм движения материи, установленная Энгельсом. Указанные четыре отрасли охватывают все многообразие конкретных производств. На какое бы производство впоследствии ни попали учащиеся, оно или будет относиться к одной из указанных главных отраслей или заключать в себе элементы соответствующих технологий» («Советская педагогика» № 8 за 1951 год, стр. 14).

Как видим, операция удалась: четыреста конкретных производств сведены в четыре. Молодой человек, познакомившийся в школе с технологией, скажем, добычи торфа, будет знать в какой-то мере, как полагает М. Н. Скаткин, и технологию добычи угля, нефти и всех видов энергии, начиная с электрической вплоть до атомной. Далее наш автор пытается доказать, насколько несложно освоить ту или иную специальность, как быстро и легко можно разобраться в устройстве любой машины и овладеть техникой выращивания и воспитания любого сельскохозяйственного растения и животного. При этом автор еще раз указывает, что изучить теоретически все отрасли производства — это только полдела: задача состоит в том, чтобы школьник прошел и надлежащую практику, приобрел производственные навыки (см. стр. 17).

Далее автор, заметив, что его классификация охватывает не все отрасли производства, решает добавить детям еще одну небольшую нагрузку:

«Изучая основы механической, химической технологии, энергетики и сельского хозяйства, учащиеся, оканчивающие общеобразовательную школу, должны быть осведомлены и о других отраслях техники (например, техники транспорта, связи, полиграфии и др.)» (стр. 18).

Короче говоря, профессор Скаткин хочет, чтобы оканчивающий среднюю школу знал технологию всех отраслей производства и обладал навыками в любой специальности.

Можно ли всерьез принять эти советы? Совершенно очевидно, что нельзя, так как требования, предъявляемые автором к оканчивающим общеобразовательную школу, невыполнимы.

К чему может привести такая ориентация школы, если на минуту допустить, что какой-либо директор школы вместе со всем коллективом учителей примет всерьез советы автора статьи? К тому, что школа потерпит полный крах: она не сможет подготовить ни одного грамотного человека. Окончив такую школу, дети не будут знать основ науки, т. е. русского языка и литературы, алгебры и геометрии, физики и химии, истории и географии, не говоря уже о логике; ни одного грамотного студента из такой школы наши вузы не получат. А что получит завод? Очень плохого ремесленника-всезнайку, верхогляда, из которого очень трудно будет воспитать стахановца, рационализатора производства.

Стахановцы — и это надо бы знать автору статьи — это прежде всего люди целеустремленные, глубоко изучившие свою

работу, отдавшиеся ей целиком и не помышляющие о том, чтобы оставить ее и переквалифицироваться. Вместе с тем это люди образованные, с широким кругозором. А тов. Скаткин, повидимому, полагает, что наиболее полезным членом трудового коллектива может быть тот, кто с легкостью порхает с одного предприятия на другое, из одной отрасли промышленности в другую. А что он думает именно так, а не иначе, об этом свидетельствует следующее положение автора статьи: «Политехническое образование и должно обеспечить такую всестороннюю подготовку молодежи, которая позволит молодым людям поочередно переходить от одной отрасли производства к другой» («Советская педагогика» № 8 за 1951 г., стр. 11). В этой выписке, являющейся лейтмотивом статьи, проводится мысль, противоречащая всей политике нашей партии, нашего государства. Неужели тов. Скаткину не известно, что мы всемерно боремся за устойчивые кадры, всячески поощряем постоянную, долголетнюю работу на одном предприятии, в одной отрасли промышленности? По этому поводу мы имеем многочисленные партийные и правительственные решения; в целях поощрения долголетней работы правительством введены государственные премии за выслугу лет во всех основных отраслях производства и в государственных и педагогических учреждениях.

В речи на восьмом съезде ВЛКСМ в 1928 году товарищ Сталин, призывая молодежь учиться, категорически высказался против всезнайства, против дилетантства:

«Нам нельзя теперь ограничиваться выработкой коммунистических кадров вообще, большевистских кадров вообще, умеющих поболтать обо всём понемножку. Дилетантство и всезнайство — теперь оковы для нас. Нам нужны теперь большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т. д. и т. п.» [1].

Эту же мысль товарищ Сталин подчеркнул и на восемнадцатом съезде ВКП(б). Но с тех пор прошло много лет, и, может быть, опыт строительства социализма требует поправки? Может быть, научные открытия последних лет упрощают положение?

Как раз наоборот. Новейшие научные открытия, включая открытие атомной энергии, требуют все более глубокого овладения основами наук, все более совершенного знания математики, физики, химии, все более глубокой специализации. Передовой опыт новаторов производства и науки также свидетельствует о том, что рабочий или ученый добивается успеха только тогда, когда всецело отдается своему делу и в течение целого ряда лет или даже десятилетий работает в одной области науки или производства.

Автор статьи совершенно абстрагируется от фактора времени. Он приглашает учащихся участвовать в кружках по всем предметам, пытается дать им целую систему знаний не только по технологии основных отраслей производства, но и по организации социалистического хозяйства.

Но смогут ли учащиеся взять на себя эту дополнительную нагрузку без ущерба для основных занятий? Ведь тов. Скаткину должно быть известно, что учащиеся седьмых — десятых классов сильно перегружены, что они не успевают как следует готовить уроки, читать художественную литературу в том объеме, как это требуется программой, недостаточно уделяют времени изучению иностранных языков и многих других предметов. Мы еще не можем считать, что наши высшие учебные заведения получают пополнение, в достаточной мере овладевшее основами наук.

Школа должна повысить требовательность к учащимся в отношении усвоения основных предметов: русского языка, литературы, физики, химии, математики, истории, логики и иностранного языка. Необходимо неуклонно добиваться повышения теоретического уровня оканчивающих среднюю школу. Однако требование всемерного повышения теоретического уровня учащихся вовсе не означает забвения практики. Наоборот, тесная связь обучения с практикой является одним из необходимых условий повышения теоретического уровня обучения. Большую помощь в этом деле должно оказать улучшение состава преподавателей и улучшение качества учебников для школы. Надо стремиться к тому, чтобы ведущие предметы в старших классах школы преподавали кандидаты наук, а учебники писали доктора наук и академики.

А как же быть с политехнизацией? В нашей стране политехнизация осуществляется многими путями. Миллионы трудящихся учатся и повышают свою квалификацию без отрыва от производства, сотни тысяч овладевают научными знаниями в вечерних средних школах рабочей и крестьянской молодежи, в техникумах, вузах и на всевозможных курсах. Миллионы юношей и девушек проходят обучение в системе трудовых резервов. В средних школах предусматривается не только теоретическая, но и практическая подготовка учащихся по многим предметам (в пределах учебной программы). На уроках физики, химии, биологии, зоологии, черчения учащиеся знакомятся с практикой, проводят самостоятельную лабораторную работу, приобретают известные практические навыки.

Однако эта работа поставлена пока плохо. Оканчивающие среднюю школу юноши и девушки все еще не имеют должных навыков для самостоятельной практической работы. Это объясняется тем, что школа слабо связана с жизнью, с практикой. Школьные кабинеты не имеют хорошего оборудования, интересных экспонатов. Надо добиваться, чтобы школьные кабинеты стали действительно первоклассными лабораториями. Тогда учащиеся будут с интересом работать в них. Опыты, проводимые в научных кабинетах, будут пробуждать любознательность учащихся, их стремление углублять свои познания в

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 77.

какой-либо одной области науки, совершенствовать свои практические навыки в одной определенной области производства.

Уровень современной науки и техники требует высокой степени специализации. Надо поэтому разъяснять учащимся, что они должны посвятить всю жизнь какому-либо одному делу, чтобы быть наиболее полезными своему Отечеству. Само собой разумеется, что специалист должен быть в то же время и высокообразованным человеком.

И. В. Мичурин, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, будучи высокообразованными людьми, всю жизнь отдали своему делу, и именно поэтому они достигли, каждый в своей области, выдающихся успехов.

Нельзя вовлекать детей во все кружки, готовить из них «специалистов» по всем отраслям науки, чтобы (как требует автор на стр. 14) они могли быстро ориентироваться «в любом производстве».

Статья М. Н. Скаткина содержит еще одну очень крупную ошибку. Он рассматривает все научное образование, которое дает школа подрастающему поколению, каким-то описательным, недейственным. При этом профессор Скаткин недозволительно использует работу Ленина для доказательства истинности выдвинутого им положения.

На страницах 19—20 автор пытается доказать, что все научные знания, которые ранее приобретались учащимися в школе,— это созерцательные знания. Этот малообоснованный тезис автор и решил подкрепить ссылкой на В. И. Ленина.

«Раньше считалось,— пишет М. Н. Скаткин,— что ученик усвоил знания, если он понял и запомнил их и может безошибочно воспроизвести устно или письменно. Такое понимание усвоения соответствовало созерцательному подходу к действительности. Но задача науки, как учат основоположники марксизма-ленинизма, не только созерцать, описывать и объяснять действительность, но и *преобразовывать* ее. Действенному характеру науки соответствует и действенный характер образования. А отсюда и новое понимание *усвоения* знаний: усвоить знания — это не только понять, запомнить и уметь их воспроизвести в устной или письменной форме, но и уметь *применять* их для решения тех или иных теоретических или практических задач» (стр. 20). В качестве заключения автор далее приводит цитату из речи В. И. Ленина:

«...Ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического уменья».

Во всем этом рассуждении М. Н. Скаткина прежде всего бросается в глаза какое-то глумление автора над всей прошлой системой образования, которая была якобы недейственной и которой профессор Скаткин решил придать действенный характер. Совершенно неприкрыто также в нем выражено нигилистическое отношение к советской высшей и средней школе. Но особенно возмутительно здесь обращение автора с трудами Ленина. Всем известно, как высоко ценил Ленин школу и университет, какое огромное значение придавал народному образованию, овладению основами наук. У В. И. Ленина есть очень много статей и речей о том, как надо учиться, овладевать знаниями, накопленными человечеством. Но тов. Скаткин попросту игнорирует эти руководящие указания В. И. Ленина, поскольку они не могут служить обоснованием его порочной концепции о никчемности теоретического обучения. М. Н. Скаткин, напротив, пытается найти в работах В. И. Ленина такую цитату, на которую он мог бы «опереться». С этой целью он и цитирует речь В. И. Ленина на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 года. В этой речи В. И. Ленин обосновывал необходимость временно пойти на сдачу Камчатки в концессию.

«С точки зрения опасности столкновения капитализма и большевизма надо сказать,— говорил В. И. Ленин,— что концессии есть продолжение войны, но на другом поприще. Придется следить за каждым шагом противника... На эту войну будет поголовно мобилизоваться всякий, кто трудится; ему будут говорить и пояснять: «Если капитализм делает то-то, вы, рабочие и крестьяне, свергнув капиталистов, должны делать не меньше их. Учитесь».

Я уверен, что Советская власть догонит и обгонит капиталистов, и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический. Мы получим науку, выучку: ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического уменья»[1].

Как видим, В. И. Ленин говорил рабочим о том, что концессии мы используем не только экономически, но что мы используем опыт и знания иностранных инженеров по организации добычи нефти, угля и других полезных ископаемых и получим науку, выучку. А тов. Скаткин выдернул из контекста речи Ленина полторы строчки, чтобы попытаться умалить значение теоретического обучения в советской школе. Такое использование трудов классиков марксизма, какое позволяет себе автор, вряд ли может быть признано позволительным.

Нашей школой проделана большая работа в области воспитания и обучения. Однако в наших требованиях к школе мы должны исходить из все растущих задач, которые сама жизнь, борьба за победу коммунизма выдвигает перед школой. И. В. Сталин поставил перед нашими учеными задачу догнать и превзойти достижения науки за рубежом. Наша школа должна принять это указание товарища Сталина как директиву, как требование партии и государства и к школе — повысить уровень подготовки учащихся для высшей школы.

Наша страна располагает солидными кадрами специалистов во всех областях; мы имеем пять миллионов специалистов с законченным высшим и средним техническим образованием и пять миллионов специалистов-практиков. Это огромная армия. Однако строительство коммунизма, создание материально-производственной базы коммунизма связано с технической рево-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 427.

люцией, которая требует неуклонного роста армии специалистов и повышения уровня общей и технической грамотности всех членов коммунистического общества до уровня инженерно-технических и агротехнических работников.

Большую и ответственную задачу поставил товарищ Сталин перед школой еще в предвоенные годы — научить детей правильному, последовательному, логическому мышлению. Решение этой задачи будет способствовать повышению культуры умственного и физического труда во всех звеньях производственной, общественной и государственной работы. Несмотря на то, что с 1947 года логика включена как обязательный предмет в программу средней школы, задачу эту нельзя считать решенной. До сих пор не создано учебника по логике для средней школы и учебника для вузов, которые отвечали бы требованиям нашего времени.

Автор статьи совершенно не касается этих указаний товарища Сталина, не исходит из них. Эти вопросы, к сожалению, остаются и вне поля зрения журнала, призванного разрабатывать теоретические вопросы советской педагогической науки и бороться за повышение теоретического уровня преподавания.

Следует отметить, что М. Н. Скаткин сам недавно выступил в «Литературной газете» против перегрузки учащихся в средней школе, однако в своей статье он не подверг критике ошибочные взгляды, высказанные им на страницах журнала «Советская педагогика».

* * *

Нельзя сказать, что журнал «Советская педагогика» не занимается вопросами теории. На страницах журнала в течение 1951—1952 гг. шла дискуссия по вопросу: является ли воспитание составной частью надстройки или оно не относится ни к базису, ни к надстройке? Дискуссия открыта во втором номере журнала за 1951 год статьей Ф. Ф. Королева «О некоторых особенностях воспитания как общественного явления». В течение года редакция журнала опубликовала по этому вопросу ряд статей, написанных профессорами, доцентами, научными работниками. В отдельных статьях имеются здравые мысли, представляющие интерес для педагога, однако в целом дискуссия прошла на холостом ходу, поскольку выбор темы дискуссии не отвечал насущным задачам педагогики. Более того, значительная часть дискуссионных статей, опубликованных в журнале, вносит путаницу и уводит от актуальных научных проблем.

В седьмом номере журнала «Советская педагогика» помещена статья профессора Н. Ф. Познанского «Воспитание, воспитательные учреждения. Педагогические взгляды и их отношение к надстройке», в которой утверждается, что воспитание не входит в надстройку, что оно определяется не базисом, а многими другими факторами: «Воспитание в значительной степени определяется национальным характером, особенностями духовного облика людей, объединенных в нацию» (стр. 102).

Развивая далее свой взгляд, профессор Познанский приходит к выводу, что воспитание не входит в надстройку, а педагогические теории и воспитательные учреждения должны быть отнесены к надстройке. Аргументирует этот свой вывод Н. Ф. Познанский тем, что ведь базис и производительные силы также рассматриваются обособленно (см. стр. 109).

В одиннадцатом номере журнала опубликована статья С. М. Шабалова «Воспитание как общественное явление». Автор статьи утверждает, что политика партии в области народного образования и «государственная система управления и руководства всем народным образованием и школой — вот явление, несомненно, надстроечного характера» (стр. 96). Что же касается воспитательных учреждений, то, по мнению С. М. Шабалова, должно быть ясно, что «все они в целом не могут войти в состав надстройки. Не может даже и школа в целом войти в состав надстройки. Во-первых, потому, что и она есть продукт не одной эпохи, и, строя школу, люди также «стоят на плечах предшествующих поколений». Во-вторых, «потому, что школа даже у нас разная, как различно еще и само воспитание» (стр. 96) (?!).

Не говоря уже о том, что позиция обоих авторов не отличается ясностью и логической последовательностью, оба они явно отступают от основных положений исторического материализма, утверждающего, что в надстройку входят не только определенные взгляды общества, но и соответствующие им учреждения. Казалось бы, достаточно здравого смысла, чтобы понять, насколько нелогичны выводы Н. Ф. Познанского. Если педагогические теории и воспитательные учреждения относятся к надстройке, то нельзя утверждать, как это делает Н. Ф. Познанский, что воспитание не относится к надстройке, ибо что же такое воспитание без педагогических теорий и воспитательных учреждений? Однако, идя по следам тов. Познанского, С. М. Шабалов делает новый шаг в том же направлении и еще более запутывает дело, утверждая, что «не может даже и школа в целом войти в состав надстройки».

Почему же школа не входит в надстройку? Потому, говорит тов. Шабалов, что она не есть продукт одной эпохи, и что, строя школу, люди «стоят на плечах предшествующих поколений». Но разве художественные и философские взгляды общества и даже новые, революционные идеи возникают на пустом месте? Разве не опираются они в известной мере на все лучшее, созданное предшествующими поколениями? Однако вряд ли на этом основании тов. Шабалов будет утверждать, что философские и художественные взгляды данного общества не входят в его надстройку.

В двенадцатом номере журнала помещена статья тов. Виданова «О воспитании как общественном явлении», которая вносит еще бо́льшую путаницу. Статья тов. Виданова — наиболее путаная из всех статей, опубликованных в журнале в ходе дискуссии.

«Процесс воспитания,— пишет Виданов,— при любом общественном строе остается процессом воздействия на психику, на органы чувств, на нервную систему, на мозг, на костно-мышечную систему воспитуемых.

Органы чувств, нервная система, мозг — эта материальная основа психики — функционируют по законам природы, а не по каким-либо классовым законам или законам надстройки» [1].

Доводя до логического конца, то есть до абсурда, свою точку зрения, тов. Виданов пишет:

«...система общественного распределения знаний, опыта и навыков строится в соответствии с потребностями материального и духовного производства, а не по произволу только господствующего класса. Как только отдельным лицам или группам лиц, составляющим новое поколение, подаются соответствующие «порции» знаний, опыта и навыков, то усвоение этих знаний, опыта и навыков, внедрение их в сознание и жизнь воспитуемых совершается по законам воспитания, обучения и образования, подобно тому, как асимиляция растениями воды и растворенных в ней питательных веществ совершается по законам биологии» [2].

Эти пространные выписки из статьи показывают, что тов. Виданов составил себе весьма ложный взгляд на вопросы воспитания. Порывая с марксистскими взглядами, тов. Виданов умудряется так биологизировать весь процесс воспитания, что из области социальных, идеологических отношений уходит в область биологии и физиологии.

Вопросам воспитания подрастающего поколения наша партия всегда уделяла и уделяет большое внимание.

В решениях Центрального Комитета ВКП(б) и советского правительства о школе содержится научное определение предмета воспитания. Десятки постановлений по общим вопросам работы школы, решения о школьных программах, учебниках, школьной дисциплине, пионерских организациях школы, принятые партией и правительством, определяют все направление обучения и воспитания в школе.

Наши вожди и учители В. И. Ленин и И. В. Сталин в своих неоднократных выступлениях по вопросам работы школы изложили основные принципы коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Выступая на III съезде комсомола, В. И. Ленин высказал свои взгляды на вопросы воспитания и образования подрастающего поколения:

«Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [3].

«В основе коммунистической нравственности,— говорит далее Ленин,— лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения» [4].

В докладе об итогах XIII съезда РКП(б) в 1924 году И. В. Сталин, развивая положение Ленина о воспитании трудящихся масс, указал, что «одна из существенных задач партии в эпоху диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы развить работу по перевоспитанию старых поколений и воспитанию новых в духе диктатуры пролетариата и социализма» [5].

Ученик и соратник Ленина и Сталина, М. И. Калинин, уделявший большое внимание вопросам педагогики, неоднократно указывал на прямую противоположность коммунистического воспитания воспитанию буржуазному.

Преподаватель-воспитатель, указывал Калинин, может и должен не только внедрять коммунистическое мировоззрение, но уметь показать и доказать его превосходство над мировоззрением буржуазии и всех других эксплуататорских классов; преподаватель должен уметь логически, научно доказать, что «коммунистическое воспитание в корне отличается от буржуазного не только своими задачами, что понятно и без доказательств, но и методами. Коммунистическое воспитание неразрывно связано с развитием политического сознания, общей культуры, повышением интеллектуального уровня масс» [6].

Кажется, вопрос ясен, двух толкований быть не может. Стоило тов. Виданову и некоторым другим участникам дискуссии вдуматься хотя бы в вышеприведенные высказывания Ленина и Сталина, и они бы отказались от многих совершенно ложных положений, высказанных ими в дискуссионных статьях.

Что же касается редакции журнала «Советская педагогика», то она, видимо, действовала по известной пословице: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Редакция журнала, очевидно, решила, что раз идет дискуссия, то в дискуссионных статьях можно писать все, что кому взбредет в голову, включая и то, что несовместимо с коренными положениями исторического материализма.

Странное, нейтральное отношение редакции к этим путаным и вредным статьям свидетельствует о том, что она стоит на ложных позициях.

В № 4 журнала «Советская педагогика» за 1952 год опубликована статья «Итоги дискуссии о специфике воспитания как общественного явления». Статья подписана шестью членами редколлегии (из девяти), следовательно, она выражает точку зрения редакционной коллегии.

Статья в основном правильно определяет

---

[1] Ф. А. Виданов. О воспитании как общественном явлении. Журнал «Советская педагогика» № 12 за 1951 год, стр. 85.

[2] Там же, стр. 82.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 266.

[4] Там же, стр. 270.

[5] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 248.

[6] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, стр. 72. Изд. «Молодая гвардия». 1947. Доклад на собрании партийного актива г. Москвы 2 октября 1940 года.

место и роль воспитания как общественного явления и справедливо критикует наиболее грубые ошибки участников дискуссии. Нельзя не признать также правильным один из основных выводов из дискуссии — о том, «что она продемонстрировала необходимость решительного повышения идейно-теоретического уровня и методологической вооруженности педагогических кадров» (стр. 90).

Однако нам представляется совершенно неправильным вывод редколлегии, будто дискуссия в основном решила поставленную перед ней задачу и наметила пути дальнейшей научно-исследовательской работы.

«Она, — говорится в заключительной статье,— привлекла внимание советской педагогической общественности к важнейшим теоретическим проблемам педагогической науки и выявила круг вопросов, которые должны стать предметом творческой разработки в научно-исследовательских институтах Академии педагогических наук РСФСР, в научно-исследовательских институтах педагогики союзных республик и на педагогических кафедрах высших учебных заведений» (стр. 89).

Какие же это важнейшие теоретические проблемы педагогической науки, каков тот круг вопросов, поднятых дискуссией, решением которых должны заняться теоретики-педагоги?

Об этих проблемах авторы заключения скромно и вполне разумно умалчивают. И вполне понятно почему: потому, что сама проблема, выдвинутая как дискуссионная, вовсе не дискуссионна.

Неужели редакторы «Советской педагогики» всерьез считают проблемой вопрос о том, куда относится — к базису или к надстройке — школа, школьное здание, отдел народного образования, Академия педагогических наук, журнал «Советская педагогика» и т. д.?

В нашей стране, в наших школах обучается 38 миллионов школьников. Есть много вопросов, над которыми педагогическая наука должна работать с тем, чтобы помочь огромной армии учителей улучшить подготовку учащихся, улучшить все дело овладения учащимися основами наук. Именно над этими проблемами, имеющими решающее практическое значение для работы школы, для улучшения постановки преподавания, и должна работать педагогическая теоретическая мысль. Именно на решение этих проблем, на обобщение передовой педагогической практики и должен направлять творческую мысль журнал «Советская педагогика», а не отвлекать теоретиков педагогической науки от решения актуальных проблем бесплодными дискуссиями по схоластическим вопросам.

М. И. СИДОРОВ

Новая книга по логике для высшей школы

Постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», опубликованное в 1946 году, обязало Министерство высшего образования СССР и Институт философии АН СССР издать в 1947 году учебник логики для высшей школы.

В конце 1946 года вышла «Логика» М. С. Строговича, а в 1947 году — «Логика» В. Ф. Асмуса.

Происходившие в разных местах и в разное время обсуждения указанных книг показали, что ни одна из них не удовлетворяет полностью требованиям нашей школы. Как указывалось в опубликованных рецензиях, в этих книгах, помимо фактических ошибок, имеются серьезные методологические недостатки, прямые идеалистические и метафизические извращения в толковании ряда принципиальных вопросов логики.

Однако на протяжении последующих лет до 1951 года не было издано ни одной книги по логике, которая могла бы служить пособием для преподавателей и студентов высших учебных заведений.

С тем бо́льшим интересом встретили преподаватели логики изданную в 1951 году «Логику» К. Бакрадзе[1] в надежде, что, может быть, в этой книге не будет тех серьезных ошибок, которые были присущи книгам по логике, вышедшим ранее.

В книге К. Бакрадзе рассматриваются следующие вопросы: логика, ее предмет и ее задачи; учение о понятии; теория суждения; теория умозаключения; учение традиционной логики о силлогистических умозаключениях; теория дедуктивных умозаключений; учение об индукции; аналогия и гипотеза; законы мышления; учение о доказательстве.

Содержание книги свидетельствует о том, что ее автор хорошо эрудирован в вопросах логики, знает ее проблематику, умеет вскрыть слабые места в существующих логических взглядах и теориях. Об этом можно судить хотя бы по тому, как тонко и основательно подмечены автором недостатки и противоречия в распространенной в настоящее время среди логиков теории дедуктивных умозаключений.

В книге К. Бакрадзе можно найти материал, который в имеющихся пособиях по логике или совсем не находит себе места или если и находит, то не получает достаточно полного освещения. Это — материал по критике буржуазных теорий логики, дающих идеалистическое истолкование форм и законов мышления, по вопросу о природе суждения и его структуре, о логических взглядах Каринского и Рутковского и др.

[1] К. Бакрадзе. Логика. Редактор — С. Церетели. 455 стр. Изд. Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина. Тбилиси. 1951.

В книге К. Бакрадзе имеется философское введение, посвященное вопросам марксистско-ленинской теории познания. Нет нужды доказывать, насколько необходимо такого рода введение в учебнике логики, предназначенном для вузов.

Однако снабдить курс логики интересным фактическим материалом и предпослать изложению этого курса философское введение — это еще не значит сделать все, что необходимо для создания полноценного учебника логики. Главное заключается в том, чтобы дать фактическому материалу правильное освещение, наметить в философском введении правильную линию и провести ее через всю книгу от начала до конца. Ведь может оказаться, что фактический материал книги добротный, в книге имеется философское введение, но само это введение неправильно, отчего и освещение фактического материала будет неправильным. Так отчасти и получилось в книге К. Бакрадзе.

Уже на первых страницах своего труда К. Бакрадзе заявляет, что формальная логика есть философская наука, причем в такой же мере философская, в какой ею является диалектика.

Зачисление формальной логики без всяких оговорок в разряд «философских наук» приводит автора к тому, что он включает ее в марксистскую философию, а следовательно, и в марксизм (потому что другой философии, кроме марксистской, мы не признаем). А это, в свою очередь, ведет, как будет показано ниже, к серьезным методологическим извращениям.

К. Бакрадзе во многих местах своей книги пытается строго отграничить круг вопросов, которыми занимается логика, от круга вопросов, которыми занимается диалектика. Он предупреждает: «...нельзя смешивать эти две науки, нельзя, чтобы логика решала проблемы, стоящие перед диалектикой, так же, как нельзя, чтобы диалектика решала специальные задачи логики» (стр. 3) [1].

Но безоговорочно признав логику философской наукой, включив ее в марксистско-ленинскую философию, К. Бакрадзе на деле смешал ее с диалектикой.

«Поставленная нами выше проблема (проблема соотношения логики и диалектики.—*М. А.*) решена: предмет логики представляет собой один момент, одну сторону более обширного предмета диалектики как теории познания. Поэтому и логика как наука является моментом, частью теории познания, т. е. диалектики» (стр. 74). Об этом же говорится на стр. 86.

Надо отметить, что смешение логики и диалектики, включение формальной логики в диалектику происходит у автора не только на словах, но и на деле. Приведем несколько примеров.

На стр. 82 автор приводит известное высказывание И. В. Сталина о силе логики в речах В. И. Ленина [2]. Чем же объясняет К. Бакрадзе силу логики в речах Ленина? Оказывается, одной лишь формальной последовательностью мыслей, лишь правильным выведением из посылок выводов, знанием и соблюдением Лениным элементарных правил умозаключения.

Конечно, у Ленина никогда не было нарушений правил умозаключения, как равно и нарушений других форм мышления. Ленин всегда соблюдал элементарные правила логики, его рассуждения и в этом отношении — образец для всех. Но не это составляет особенность силы логики в речах Ленина.

Сила логики в речах Ленина — это сила правдивого, глубокого, диалектического анализа действительности, сила учета всех конкретных условий и перипетий борьбы. Нельзя сводить логику Ленина к соблюдению формальных правил умозаключения. Кто сводит силу логики в речах Ленина к простой последовательности мыслей в рассуждении, к согласованности одной мысли с другой мыслью, тот принижает логику Ленина.

На этот путь и встал К. Бакрадзе, потому что он смешал логику и диалектику, стал объяснять диалектику формальной логикой.

Излагая традиционную классификацию суждений по количеству, качеству, отношению и модальности, К. Бакрадзе неоправданно втискивает в нее диалектико-материалистическую классификацию суждений, данную Ф. Энгельсом (см. «Диалектику природы»), извращая тем самым принцип этой классификации. В противоположность Энгельсу К. Бакрадзе считает все суждения энгельсовской классификации общими.

«Все эти суждения,— пишет К. Бакрадзе,— которые формулирует Энгельс, являются общими суждениями: 1) трение есть источник теплоты (суждение единичности), 2) всякое механическое движение способно превратиться в теплоту (суждение особенности) и 3) любая форма движения способна превратиться в любую другую форму движения (суждение всеобщности)» (стр. 215).

Рассматривая закон противоречия, автор наряду с правильной формулировкой этого закона дает также и неправильную формулировку. Он пишет:

«Закон противоречия можно формулировать следующим образом: в процессе познания нельзя противоречить действительности» (стр. 421).

Но что значит подобная оценка сущности закона противоречия? Так понимать закон противоречия — это значит положить его в основу теории отражения. В этой формулировке закон противоречия выступает не как закон связи мыслей (хотя и отражающий действительность), как его прежде всего и рассматривают в формальной логике, а как закон познания, отражения мыслью объективной действительности. Следовательно, у К. Бакрадзе этот закон абсолютизируется, кладется в основу теории отражения, теории познания, диалектики.

То же получается и с законом исключенного третьего. Закон исключенного

[1] В скобках указываются страницы рецензируемой книги.

[2] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 55.

третьего К. Бакрадзе распространяет на все те случаи, в которых дается решение альтернативы «либо — либо» (стр. 425), не учитывая, что приведенные им примеры, взятые из трудов классиков марксизма, не могут быть подведены под формально-логический закон исключенного третьего.

Во всех приведенных примерах К. Бакрадзе смешивает диалектику с формальной логикой, подменяет диалектику формальной логикой. Он пытается объяснить результаты, добытые диалектической логикой, средствами формальной логики.

Ясно, что такое смешение приводит к извращению правильных положений, определений и законов логики, вынуждает автора противоречить самому себе, запутывает читателя. Читателю трудно понять, являются ли суждения: «трение есть источник теплоты», «всякое механическое движение способно превращаться в теплоту», «любая форма движения способна превратиться в любую другую форму движения» — общими суждениями, как их квалифицирует автор в одном месте книги, или первое из них единичное, второе особенное, третье всеобщее, как утверждает он в другом месте. На этот вопрос в книге даются два прямо противоположных ответа.

Далее К. Бакрадзе считает, что марксистская диалектика ни в каком смысле не является логикой. На стр. 5 он пишет: «У логики... есть свои проблемы, свои задачи; их не может решать ни одна другая наука; их не решает и диалектика».

Но что же это за проблемы, какую область они составляют? Об этом мы узнаем на стр. 69, где автор, пытаясь сослаться на Ф. Энгельса, выделяет ту «область, которую изучает логика. Эта область — мышление и его законы». Диалектическая логика, говорит К. Бакрадзе,— «это не учение о формах и законах правильного, последовательного мышления, а общая методология познания, методология практической деятельности» (стр. 79). Умозаключение, с помощью которого, по словам автора, «приобретаются самые ценные знания о действительности» (стр. 47), полностью исключается им из компетенции диалектической логики.

Следовательно, по Бакрадзе, диалектическая логика — это вовсе не логика (разумеется, «логика» в более высоком смысле слова), а только метод, теория познания.

Можно ли после этого удивляться тому, что автор в своем понимании материалистической диалектики отошел от ленинского принципа единства, тождества логики, диалектики и теории познания! [1].

Метафизически абсолютизируя формальную логику, К. Бакрадзе выдает ее за единственную науку о законах и формах мышления.

Метафизическое преувеличение значения формальной логики находит у автора свое выражение также и в том, что он превращает ее из элементарного учения о формах и законах мышления в надежное средство, гарантирующее от реакционных философских идей и направлений.

«Логика,—пишет К. Бакрадзе,— надежное оружие против софистики, казуистики, мистики и иррационализма» (стр. 91).

Нет надобности доказывать, насколько неправильно такое преувеличение значения формальной логики. Формальная логика, конечно, необходима, но далеко еще недостаточна для борьбы с софистикой, иррационализмом. Одною логикой иррационализм не уничтожишь. Объявить формальную логику надежным, достаточным оружием борьбы против этих реакционных философских направлений — это значит недооценить действительно надежное средство в этой борьбе, каковым является диалектический материализм.

Незаконно преувеличивая роль и значение формальной логики, автор доходит до того, что начинает даже подчинять ей диалектику.

Вот что он пишет на стр. 76:

«Диалектика господствует всюду: ей подчиняются и простейшие отношения и сложнейшие отношения между вещами и явлениями. Но познание не может осуществиться вне ее (т. е. диалектики.— *М. А.*) подчинения принципам логики». Это не просто признание того положения, что всякое мышление, в том числе и диалектическое, должно соблюдать правила формальной логики. К. Бакрадзе утверждает другое: объективная диалектика, господствующая всюду, должна, по его мнению, в области познания подчиняться (!) принципам формальной логики.

К. Бакрадзе в общей форме пишет об органической связи между истинностью и правильностью, однако в своей книге он фактически выключает из логики вопрос об истине. Это тем более странно, что сам К. Бакрадзе считает логику философской наукой. Тем самым К. Бакрадзе отрывает правильность от истинности.

Важно отметить одну деталь, характеризующую то, как автор использует высказывания классиков марксизма-ленинизма для обоснования своих неверных утверждений.

К. Бакрадзе неоднократно цитирует следующее положение Энгельса:

«Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...» [2].

Но К. Бакрадзе каждый раз обрывает на этом цитату и не приводит следующие за этим слова Ф. Энгельса, направленные как раз против абсолютизации правил формальной логики.

«Но, к сожалению,— пишет далее Ф. Энгельс,— этого почти никогда не бывает, либо же имеет место лишь в совершенно простых действиях» [3].

---

[1] См. В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 215. Госполитиздат. 1947.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», стр. 317. Госполитиздат. 1950.

[3] Там же.

Эти заключительные слова Ф. Энгельса К. Бакрадзе молчаливо обходит, потому что в них подчеркивается ограниченность формальной логики.

Неправильное решение вопроса о соотношении логики и диалектики, отрицание за диалектикой права быть логикой, сведение проблемы логичности мышления к одной формальной правильности привело К. Бакрадзе к выводу о том, что логикой можно считать только ту науку, которая изучает формальную правильность.

Отход от материализма в книге К. Бакрадзе обнаруживается и в толковании формально-логических законов. Разъясняя сущность формально-логических законов, К. Бакрадзе акцентирует внимание читателя не на том, что соединяет их с законами бытия, как должен делать всякий материалист, а на том, что их различает, причем это различие он видит не там, где оно действительно существует. В начале книги К. Бакрадзе ставит вопрос: «...что представляют собой так называемые законы мышления: являются ли они законами мышления, как определенной области действительности, или законами всей действительности?» (стр. 6—7).

В конце книги дается ответ на этот вопрос.

«...своеобразие мышления, — пишет К. Бакрадзе,— как своеобразное качество по сравнению с природой и обществом указывает на своеобразную закономерность мышления; поэтому нельзя отождествлять законы объективной действительности с законами логического мышления» (стр. 413).

Если бы автор видел своеобразие мышления в том, что оно идеально, в отличие от материальной действительности, тогда с ним нечего было бы спорить. Однако автор иначе понимает это своеобразие, а именно: как принципиальное отличие законов мышления от законов бытия. В понимании К. Бакрадзе рационально понятое тождество, непротиворечие, исключение третьего, достаточное основание действуют только в сфере мышления и совсем не действуют в сфере природы; они специфические черты одного мышления. Выходит, что если, например, понятия являются, как учит закон тождества, вполне определенными, то отражающиеся в этих понятиях вещи не являются определенными, а расплываются в каком-то неуловимом потоке процессов.

Ведь известно, что, согласно марксистско-ленинской теории отражения, законы мышления, в сущности, не отличаются от законов бытия, а только имеют иную форму проявления.

«Над всем нашим теоретическим мышлением,— пишет Ф. Энгельс,— господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой» [1].

К. Бакрадзе не только придерживается неправильного взгляда на сущность законов мышления, он обвиняет всех тех, кто не согласен с этим взглядом, в... метафизике.

«...Законы мышления,— пишет он,— поэтому и закон тождества,— не законы природы и общества; отождествлять логический закон тождества с законами вещей и явлений — значит стать на нелепую, метафизическую точку зрения» (стр. 418).

Конечно, нельзя отождествлять логическую форму проявления «закона тождества» с формой его проявления в объективном мире, недопустимо отождествлять мысль о вещи с самой вещью. Однако К. Бакрадзе говорит нечто иное: он хочет подчеркнуть принципиальное отличие логического закона тождества от момента тождества, существующего в объективных вещах. Повидимому, автор забывает, что метафизика в изложении законов мышления проистекает не от признания их в качестве образов, копий законов бытия, о чем он совершенно правильно говорит на других страницах книги, а от абсолютизации этих законов (даже в пределах самого мышления), от превращения их в универсальные и единственные законы.

Таковы методологические ошибки рецензируемой книги, свидетельствующие о том, что ее автор в истолковании основных вопросов логики отходит от принципов диалектического материализма.

В «Логике» К. Бакрадзе имеются и другие погрешности.

Автор недостаточно полно раскрывает значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для логики. Не показано, например, какое значение для определения предмета логики имеет определение грамматики, данное И. В. Сталиным. Давая критику теории познания представителей домарксовского материализма (глава 1), автор не использует работы русских революционных демократов, которые в отличие от других материалистов и в этом вопросе вплотную подошли к диалектическому материализму.

Книга К. Бакрадзе не свободна от объективизма. Критикуя враждебные нам философские направления (глава 1), автор не всегда показывает их классовую, социально-политическую сущность.

При изложении конкретных вопросов логики автор недостаточно раскрывает познавательное значение отдельных форм, правил и приемов мышления. В книге много материала, не имеющего, на наш взгляд, никакого практического и научно-теоретического значения (например, специальные правила четвертой фигуры силлогизма, антилогизм и т. п.). Вместе с тем очень важные вопросы логики совсем не получили в книге своего освещения (например, категории), а другие (определение, аналогия, гипотеза) получили освещение явно недостаточное.

Вызывает серьезные возражения весьма спорная и недостаточно аргументированная автором классификация дедуктивных умозаключений, в которой фактически игнорируется довольно существенное различие, имеющееся между дедуктивными и традук-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Примечания к «Анти-Дюрингу», стр. 349. Госполитиздат. 1950.

тивными выводами. Автор решает проблему дедуктивных умозаключений словесно, путем расширительного употребления термина «дедукция».

В книге К. Бакрадзе содержится много неправильных утверждений, неточных формулировок и определений. Вот некоторые из них.

На стр. 99 дается, по существу, гегелевское истолкование соотношения понятия и суждения: «суждения создают понятия и понятия создают суждения». На стр. 104 высказывается неправильная мысль, будто «в повседневной жизни люди пользуются большей частью не понятиями, а представлениями». На стр. 128 автор ошибочно говорит о каком-то сходстве между концептуалистической теорией общих понятий и марксистско-ленинской теорией. На стр. 405—406 автор почему-то утверждает, что Маркс создал лишь гипотезу о сущности капиталистического общества, которая только впоследствии оправдалась ходом истории. К. Бакрадзе не учитывает указания В. И. Ленина о том, что «теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» [1].

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 125.

Книга К. Бакрадзе не свободна от противоречий, свидетельствующих о том, что у автора нет полной ясности в понимании отдельных вопросов принципиального характера. Например, на стр. 60 говорится, что у мышления «нет своей собственной, самостоятельной, независимой от объективного мира закономерности», а на стр. 413 утверждается нечто прямо противоположное: «своеобразие мышления, как своеобразное качество по сравнению с природой и обществом, указывает на своеобразную закономерность мышления...» На стр. 154 автор справедливо критикует идеалистический взгляд, согласно которому предикат суждения высказывается не относительно предмета, а относительно субъекта суждения, а на стр. 159 он сам же высказывает этот ошибочный взгляд, противореча тому, что сказал несколькими страницами раньше: «В утвердительном суждении предикат утверждается относительно субъекта; в отрицательном суждении предикат отрицается относительно субъекта...»

«Логику» К. Бакрадзе вследствие имеющихся в ней серьезных методологических ошибок нельзя считать книгой, удовлетворяющей требованиям нашей высшей школы.

М. Н. АЛЕКСЕЕВ

Против талмудизма и вульгаризации марксизма в учебнике логики для средней школы*

Создание хорошего, популярного учебника логики для средней школы является одной из важных задач советских философов. К сожалению, эта задача все еще не может считаться решенной. Причина заключается в том, что авторы различных проектов школьного учебника логики упорно стремились каким-то образом «сочетать», «согласовать», «соединить» формальную логику с диалектикой. При этом совершенно не учитывался тот факт, что в числе школьных предметов нет курса диалектического и исторического материализма, а потому самый вопрос о соотношении формальной логики и диалектики для школьников непонятен. Но главный порок попыток «соединить» формальную логику с диалектикой заключался даже не в этой методической несостоятельности, а в их принципиальной ошибочности. Вместо изложения школьной, или формальной, логики школьникам преподносится какая-то эклектическая смесь из кусочков формальной логики как школьной дисциплины и механически вкрапленных и потому непонятных для учащихся цитат, выхваченных из трудов классиков марксизма-ленинизма и касающихся уже не формальной логики, а марксистского диалектического метода.

В проекте первой главы школьного учебника по логике, написанном профессором В. Ф. Асмусом и опубликованном в 1944 году в № 4—5 журнала «Под знаменем марксизма», были смешаны два совершенно разных вопроса, а потому этот проект представлял собой пример нелогичности мышления. Прочитав эту главу, невозможно было решить, что, собственно, взялся излагать автор учащимся средней школы: формальную логику, изучающую самые элементарные правила логического мышления и отражающую собою самые обычные отношения вещей, или же марксистскую диалектику.

В 1946 году было опубликовано постановление ЦК ВКП(б), обязывающее органы народного образования ввести преподавание логики в средней школе, а Институт философии подготовить к изданию популярный учебник логики для средней школы.

Выполняя поручение ЦК ВКП(б), Институт философии выпустил в 1947 году «Учебник логики», написанный С. Н. Виноградовым. В составлении предварительного проекта этого учебника принял участие профессор П. С. Попов, который, исходя из ошибочной установки на «соединение»

* С. Н. Виноградов и А. Ф. Кузьмин. Логика. Учебник для средней школы. 3-е изд. 1949 года; 4-е изд. 1950 года; 5-е изд. 1951 года (при участии Н. И. Кондакова).

формальной логики с диалектикой, пытался эклектически, в духе грубейшей вульгаризации марксизма, «пронизать» проект учебника, написанный С. Н. Виноградовым, своими псевдомарксистскими, псевдодиалектическими рассуждениями и примерами. От всего этого ненужного наслоения учебник С. Н. Виноградова был очищен работниками Института философии, после чего он был утвержден Министерством просвещения РСФСР в качестве учебника для средней школы.

Изданный учебник не был свободен от серьезных недостатков. Основным из них был отрыв от современной общественно-политической жизни, дающей громадный, очень интересный и вполне знакомый учащимся материал для иллюстрации элементарных правил логического мышления, для наглядного показа того, к чему приводит их нарушение, умышленное или неумышленное. Вместо умелого подбора животрепещущих, актуальных по своему содержанию примеров автор С. Н. Виноградов и редактор учебника А. А. Чудов увлеклись заимствованием традиционных примеров из старых учебников логики, с их неизменным «Сократ смертен». Так, например, ученикам предлагалось установить, какая ошибка заключается в следующем рассуждении: «Все люди суть живые существа; Сократ — человек; следовательно, Сократ жив»,— или дать ответ на вопрос, как можно разрешить следующий спор: «У знаменитого в древней Греции софиста Протагора был ученик Эватл. Плата за обучение была разделена на два срока так, что вторую половину платы Эватл должен был внести после того, как он выиграет свой первый процесс. Так как Эватл не выступал в судах, то Протагор решил требовать деньги судом и обратился к Эватлу с такой дилеммой: «Если ты выиграешь наш процесс, то ты должен заплатить мне согласно нашему договору; если же ты наш процесс проиграешь, то должен будешь заплатить согласно решению судей; но ты или выиграешь процесс или проиграешь его и, стало быть, все равно должен заплатить мне следуемую сумму». Эватл отвечал ему обратной дилеммой: «Если я выиграю наш процесс, то я не должен буду платить в силу судебного решения; если я проиграю процесс, то не должен буду платить в силу нашего условия; но я или выиграю процесс или проиграю его и, стало быть, ни при каких условиях не должен платить требуемых денег» (стр. 106—107).

Подобными схоластическими «примерами» учебник только забивал головы советских школьников, отнимая время на разбор софистических ухищрений, словно им предстояло в будущем стать судейскими крючкотворцами и казуистами.

Другим не менее существенным недостатком учебника было почти полное отсутствие в нем того фактического, в особенности естественно-научного материала, которым овладел учащийся в школе. Примеры, которыми иллюстрировались логические правила, были надуманными и не опирались на круг знаний учащихся, приобретенных в школе при прохождении школьного курса, хотя именно из этого круга знаний и обязан был исходить автор учебника, предназначенного для учащихся средней школы.

Короче говоря, учебник С. Н. Виноградова оказался формализованным, оторванным от жизни, что сближало его со старыми, схоластическими учебниками логики. Указание В. И. Ленина о необходимости преподавать формальную логику в советской школе «с поправками» было явно не учтено ни автором, ни редактором учебника.

На «Учебник логики» С. Н. Виноградова вскоре последовала резко отрицательная рецензия В. П. Рожина в «Учительской газете» от 25 октября 1947 года. Правильно отмечая ряд недостатков учебника, рецензент делал, однако, неверный вывод, что для устранения этих недостатков необходимо вернуться к уже осужденной установке на «смешение» школьной, или формальной, логики с марксизмом. Эта порочная, вульгаризаторская, немарксистская установка была подхвачена кое-кем из работников Министерства просвещения. К переработке учебника С. Н. Виноградова были привлечены в качестве соавторов и редакторов люди, стоявшие на позиции «смешения» формальной логики с диалектикой, с марксизмом. В 1948 году учебник по логике для средней школы С. Н. Виноградова был переработан А. Ф. Кузьминым и вышел вторым изданием под двумя фамилиями: автора и соавтора; последующие издания (3-е, 4-е и 5-е, по одному на каждый год, начиная с 1949 г.) выходили со следующим примечанием от редакции: «Для настоящего издания авторы использовали весь положительный материал учебника «Логики» С. Н. Виноградова в обработке и под редакцией А. Ф. Кузьмина (изд. 1948 г.). Часть глав переработана коренным образом; большинство глав написано заново А. Ф. Кузьминым при участии Н. И. Кондакова».

А. Кузьмин и Н. Кондаков переделали учебник логики в духе упомянутой ошибочной рецензии, опубликованной в «Учительской газете». Они не проявили особой заботы о том, чтобы наполнить учебник примерами, взятыми из жизни и из круга знаний учащихся, хотя некоторые незначительные улучшения в этом направлении были ими внесены. Однако такие схоластические примеры крючкотворства и казуистики, как приведенный выше судебный случай с Протагором и его учеником, попрежнему неизменно украшали все издания учебника логики. Свою энергию «соавторы» Кузьмин и Кондаков направили в основном на то, чтобы заполнить школьный учебник по формальной логике материалом, заимствованным из трудов классиков марксизма-ленинизма. Это намерение «соавторы» осуществили, грубо попирая все соображения методического характера и абсолютно не считаясь с тем, будет ли понятен приводимый ими материал учащимся средней школы и не придется ли ученикам попросту зазубривать положения марксизма-ленинизма, не понимая их смысла. Подходя сами к марксизму догматически, названные «соавторы» стали прививать такой же подход к

марксизму и учащейся молодежи. Известно, что всякого рода «пролеткультовцы», рапповцы, марровцы и т. п. были вульгаризаторами марксизма. Прикрываясь «марксистской» фразеологией, марровцы извращали и вульгаризировали марксизм, создавали всякого рода антинаучные «учения», вроде «нового учения о языке».

Точно так же действуют вульгаризаторы марксизма в области логики. В связи с этим следует отметить следующий факт. В первом издании «Учебника логики» С. Н. Виноградова (1947 г.) проводилась чрезвычайно важная и глубоко верная мысль о том, что мышление связано с языком именно как средством общения между людьми, что недостаточно только правильно мыслить: необходимо также уметь столь же правильно и точно передавать другим людям в процессе общения с ними результаты своего мышления. Об этом вполне ясно было сказано в § 1 первой главы учебника: «Мышление всегда облекается в словесную форму, т. е. выражается в словах, речи. Потребность передать свои мысли другим людям заставляет нас позаботиться о том, чтобы окружающие люди *поняли* ход нашей мысли и согласились с выводами. Мы стараемся *изложить* ход нашего мышления так, чтобы в *результате получились выводы*, очевидные для других людей. Стало быть, логика, будучи наукой о правильном мышлении, тем самым является наукой о правильном формулировании и *изложении* мыслей» (стр. 3—4). Более того: в первой главе был особый параграф, посвященный выяснению соотношения логики и грамматики (см. стр. 6—7). В этом параграфе совершенно правильно говорилось: «Мышление теснейшим образом связано с речью. Речь возникла и развивалась вместе с мышлением в процессе общественно-трудовой практики. Мы видели (§ 1), что логическая мысль есть мысль, выраженная в слове, или сформулированная мысль. Это формулирование мыслей заключается в подборе таких слов и таких выражений, которые точно и правильно выражают понятия и переходы от одних наших мыслей к другим мыслям. Если мышление и речь не могут быть разобщены, то и грамматика не может существовать изолированно от логики. Логика учит тому, как нужно мыслить, чтобы мышление было правильным; но она учит также точной передаче результатов мышления. Отсюда следует, что логика и грамматика — науки смежные. Тот, кто изучает логику, должен очень часто обращаться к грамматике. Тот, кто изучает грамматику, должен обращаться к логике за тем, чтобы научиться из грамматических форм делать правильный выбор для более точного выражения своих мыслей».

«Соавторы» Кузьмин и Кондаков фактически исходили из прямо противоположных установок, родственных марровским утверждениям о классовости и надстроечности языка. Пытаясь выдумать какую-то особую, «советскую» логику, принципиально отличную от старой, формальной, якобы буржуазной логики, они встали на ложный путь. «Переработка» учебника логики Кузьминым и Кондаковым выразилась прежде всего в том, что из учебника были полностью выброшены приведенные выше верные положения о соотношении языка и мышления, грамматики и логики, поскольку они мешали «соавторам» протащить в учебник порочную, по сути дела, марровскую установку, требующую рассматривать язык и неразрывно связанное с ним логическое мышление как явления классового, надстроечного порядка. Даже самый параграф «Логика и грамматика» был исключен Кузьминым и Кондаковым из учебника (см. издания 1949 и 1950 гг.).

В противовес правильному взгляду на логику и на мышление в их связи с языком Кузьмин и Кондаков объявили логику классовой, поскольку-де «борьба направлений в философии является выражением классовой борьбы» (см. стр. 7 изданий 1949 и 1950 гг.).

Итак, «соавторы» самовольно выбросили из учебника правильную трактовку логики в ее связи с грамматикой и мышления в его связи с языком как средством общения между людьми и заменили эту правильную трактовку ошибочной, по сути дела, марровской трактовкой, согласно которой логика, а значит, и логическое мышление рассматриваются как явления классовые, отражающие наличие ожесточенной классовой борьбы в истории общества и в современном обществе. Совершенно ясно, что такой «переработкой» Кузьмин и Кондаков не улучшили учебник С. Н. Виноградова, а значительно ухудшили его.

Отбросив из первой главы прежний § 3 («Логика и грамматика») и переделав всю главу так, чтобы формальная логика и изучаемые ею логические законы мышления не выступали как общечеловеческие, Кузьмин и Кондаков ввели в эту главу новый параграф (§ 2), озаглавленный «О материалистическом понимании мышления» (стр. 6—10 изданий 1949 и 1950 гг.). Не смущаясь тем, что у школьников нет никакой философской подготовки, «соавторы» вписали в учебник (в кавычках и без кавычек) целый ряд сложнейших философских положений марксизма, требующих для своего понимания и усвоения глубокого знания философии. При этом они даже не попытались разъяснить эти положения доступным для учащихся средней школы языком. Так, например, «соавторы» привели без всякого пояснения известную мысль Ленина из «Философских тетрадей» в таком изложении: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. С течением времени эти фигуры логики приобретают устойчивый характер» (стр. 10 изданий 1949 и 1950 гг.). Вот и все, что сказано по поводу происхождения логических фигур из человеческой практики. Ни одного примера или хотя бы пояснения, каким именно образом и в каких конкретных фигурах практика «закреплялась» в сознании людей, авторы не приводят. Ученику, не уяснившему смысл этого ленинского положения, остается одно: добросовестно заучить его слово в слово. Таких неразъясненных философских положений в учебнике очень много. На стр. 14—15 находим следующие формулировки, ко-

торые учащийся из-за отсутствия сколько-нибудь вразумительного объяснения вынужден также попросту зазубривать: *«Мышление есть опосредствованное и обобщённое познание действительности»;* «Мышление есть качественно отличная форма познания, более совершенная по сравнению с чувственным познанием», и т. д., и т. п. На полутора страницах учебника «соавторы» умудрились перечислить целый ряд сложнейших гносеологических проблем и дать на них ответы в кратких, ничего не говорящих учащимся формулах, освободив себя от обязанности мало-мальски разъяснить то, что они пишут в своем учебнике. В результате все эти положения школьникам остается лишь механически запоминать. Может ли, например, ученик средней школы понять следующее положение из ленинских «Философских тетрадей», приведенное в учебнике без должного разъяснения: «Правильное мышление не отходит от действительности, а подходит к ней, так как отражает действительность глубже, вернее, полнее, чем чувственное познание» (стр. 14 изданий 1949 и 1950 гг.)? Доступны ли для понимания учащихся средней школы следующие положения из «Философских тетрадей» В. И. Ленина, которые излагаются в учебнике без кавычек, «своими словами»: «Представления — это наглядные образы предметов, явлений. Поэтому нельзя, например, иметь представления о скорости движения света, так как нельзя получить наглядного образа такого движения. Но мыслить скорость движения мы можем. Мы имеем понятие о движении света со скоростью 300 000 *км* в секунду» (см. стр. 24 изданий 1949 и 1950 гг. и стр. 21 издания 1951 г.). «Соавторы» не дали себе труда разъяснить, почему же нельзя «получить наглядного образа такого движения» (они хотели сказать: движения такой большой скорости). А без ответа на этот вопрос все рассуждение остается для учащихся непонятным и вновь толкает их на простое заучивание приведенного текста, без усвоения его смысла.

Бегло, поверхностно, сугубо догматически изложен «соавторами» основной вопрос философии. Никаких разъяснений, никаких примеров, одни голые формулировки, две — три общие фразы (см. стр. 8 изданий 1949 и 1950 гг. и стр. 6 издания 1951 г.). Сухо, без раскрытия глубочайшего содержания философских положений, преподносят «соавторы» учащимся формулировки, касающиеся материалистической теории познания. Не будучи усвоены, теоретические положения этого раздела неизбежно будут попросту зазубриваться учениками, как и другие положения, оставшиеся для них непонятными. Уж если Кузьмин и Кондаков решили излагать школьную логику с позиций марксистского философского материализма, они обязаны были прежде всего вразумительно, доходчиво разъяснить учащемуся средней школы существо этого учения, а не преподносить одну формулу за другой, не заботясь о том, как воспримет учащийся все эти неразъясненные цитаты и голые формулировки.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин дают классические образцы того, как надо разъяснять народу самые сложные теоретические положения. «Соавторы» не следуют в этом отношении примеру классиков марксизма-ленинизма и не пытаются разъяснить учащимся приводимые в учебнике положения; они обедняют и опошляют марксистский философский материализм в глазах учеников средней школы, подменяя глубокое разъяснение его основных положений некоторым количеством цитат, вырванных из контекста трудов классиков марксизма-ленинизма, и голых, ничего не говорящих уму учащегося формулировок. В итоге и здесь «соавторы» толкают советских школьников на путь догматического заучивания положений марксизма, без понимания и усвоения смысла этих положений.

И так преподносятся в учебнике все примеры, взятые «соавторами» из трудов классиков марксизма-ленинизма. Поясняя такой логический прием, как сравнение, «соавторы» приводят без всякого пояснения оборванную ими цитату из работы Ленина, направленную против меньшевиков: «В. И. Ленин отмечает, что они (т. е. меньшевики; далее идет цитата.— *Б. К.*), «сравнивают аршины с пудами, реакционность крестьянских идей о социалистической революции с реакционностью либеральной политики в буржуазной революции» (стр. 16 изданий 1949 и 1950 гг.). И больше ничего, никакого пояснения, как будто вопрос о несравнимости тех и других реакционных идей ясен для школьников сам собою.

Приведем еще несколько примеров аналогичного характера. В учебнике, опять-таки без всякого пояснения, приводятся слова В. И. Ленина: «Логической противоречивости»,— при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» (см. стр. 87 изданий 1949 и 1950 гг., стр. 84 издания 1951 г.). При этом не сказано даже, что В. И. Ленин не допускал «логической противоречивости» вообще ни при каких условиях. Таким образом, у школьника, читающего это место, может создаться неверное представление, будто Ленин считал недопустимой «логическую противоречивость» только в экономическом и политическом анализе При этом в учебнике не дано никакого пояснения, в чем состоит подобный анализ. Одно из двух: либо эту цитату не следовало приводить вовсе либо, приведя ее, надо было разъяснить учащемуся ее значение, чего «соавторы» не удосужились сделать.

В параграфе «Правила доказательства» «соавторы» также приводят непонятные для учащихся примеры и нарочито оборванные цитаты. Так, на стр. 149 изданий 1949 и 1950 годов говорится: «В одной из статей, направленных против меньшевиков. В. И. Ленин отмечает, что новоискровцы в споре об участии социал-демократов во временном революционном правительстве неоднократно пытались «подменить один спорный вопрос другим». Кто такие были «новоискровцы» и какой вопрос каким другим и с какой целью они пытались подменить — обо всем этом «соавторы» решили умолчать. В результате их «разъяснение»

превратилось в какой-то ребус, над которым учащемуся надо ломать голову. На следующей, 150-й стр. тех же изданий приведено и другое высказывание Ленина, причем опять, словно нарочно, оно изложено так, что ничего нельзя понять: «Когда на третьем съезде партии во время обсуждения Устава партии делегат Иванов внес предложение избирать один партийный центр, вместо намечавшихся в Уставе двух, В. И. Ленин выступил с речью, которую начал такими словами: «Должен признаться, что аргументы, которыми т. Иванов защищает свою идею единоцентрия, кажутся мне несостоятельными». Кузьмин и Кондаков, приведя эти слова Ленина, ухитрились обойти вопрос о том, в чем же состояли аргументы Иванова и почему Ленин считал их несостоятельными. Тем самым они не только свели на нет приведенный ими пример, но, как и всюду в учебнике, молчаливо толкнули учащегося на путь механического заучивания приведенных «примеров», поскольку он не в силах понять их.

Отсутствие элементарно правильного подхода к цитированию трудов классиков марксизма, бесцеремонное использование цитат, непонимание того факта, что такое цитирование без серьезного, вдумчивого разъяснения приведенных цитат может привести к искаженному пониманию марксистских положений,— все это характеризует легкомысленное отношение Кузьмина и Кондакова к тому ответственному делу, за которое они взялись.

«Учебник логики» в «обработке» Кузьмина и Кондакова свидетельствует о том, что кое-кто у нас, очевидно, по недомыслию, пытается привить нашей советской молодежи еще на школьной скамье навыки талмудизма и начетничества, книжного, догматического подхода к марксизму, механического зазубривания марксистских положений без уяснения их смысла, их существа. В этом и заключается прежде всего тот громадный вред, который приносит «Учебник логики», «обработанный» Кузьминым и Кондаковым. Опасность подобной «обработки» является тем большей, что она прикрывается ссылками на марксизм, проводится от имени марксизма, «подкрепляется» цитатами из трудов классиков марксизма.

Разумеется, на словах «соавторы» против догматизма, но на деле у них получается нечто совсем обратное. Например, на стр. 7 учебника издания 1951 года ими вставлено следующее рассуждение: «При первом серьезном столкновении с жизнью нелогичное мышление опровергается логикой вещей. В. И. Ленин указывал: «Никакие предрассудки против марксистского «догматизма» не устоят против неумолимой логики событий». История на многих фактах подтвердила это».

Здесь Ленин взял слово «догматизм» в кавычки, ибо противники марксизма, пытаясь оклеветать марксистов, называли их приверженность революционному учению Маркса догматизмом. Логика событий, т. е. сама жизнь, опровергла эту клевету врагов марксизма. «Соавторы» же изложили эту цитату так, что она звучит как оправдание догматического подхода к марксизму.

Особенно возмутительным является включение в число школьных логических упражнений важнейших положений марксистской теории (см. стр. 160—165 изданий 1949 и 1950 гг., стр. 161—166 издания 1951 г.). «Соавторы» приводят эти положения не для того, чтобы учащиеся вникли в их значение и смысл, а лишь для формалистических упражнений, с тем чтобы отыскивать в них субъект, предикат и связку, менять местами субъект с предикатом и т. д. «Соавторы» не придумали ничего лучшего, как наряду с упоминавшимся уже выше казуистическим случаем судебной тяжбы Протагора со своим учеником рекомендовать учащимся упражнения над такими положениями: «Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» (Энгельс); «Теория должна служить практике» и другие. Давая в качестве примеров для упражнений такие положения материализма, как «нет следствия без причины» и другие, Кузьмин и Кондаков глубокомысленно ставят перед школьниками задачу: «Приведите к ясной логической форме следующие суждения». Отсюда следует, что совершенно ясные материалистические положения, по мнению «соавторов» учебника, выражены логически неясно, и школьникам рекомендуется приводить их к ясной логической форме.

«Соавторы» рекомендуют также школьникам заняться обращением суждений и наряду с примером «Некоторые женщины — врачи» приводят в качестве примера для упражнения одно из основных положений диалектического материализма: «Нет движения без материи». Уместно спросить: о чем, собственно, думали «соавторы», предлагая использовать для школьных упражнений такие философские положения глубочайшего содержания? Может быть, они всерьез полагали, что путем нескольких упражнений учащийся средней школы усвоит эти материалистические положения? По аналогичному поводу Энгельс писал, критикуя схоластические упражнения Дюринга: «Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания»[1].

Кузьмин и Кондаков, повидимому, не согласны с Энгельсом и полагают, что они могут научить школьников выводить основные положения марксистского философского материализма путем «обращения суждений» и других элементарных логических упражнений. Повидимому, лавры Дюринга не дают покоя кое-кому из современных вульгаризаторов марксизма...

Вульгаризаторский подход сказался у «соавторов» и при характеристике открытий великих русских естествоиспытателей. Изложив формально-логические правила деления понятий, «соавторы» указывают, что одним из видов мысленного деления предметов на группы является классификация, и в качестве примера такой классификации ссыла-

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 42. Госполитиздат. 1950.

ются на периодическую систему элементов Д. И. Менделеева (см. стр. 49 изданий 1949 и 1950 гг.). Хорошо известно, что только идеалисты — агностики и энергетики вроде Л. Мейера и Оствальда — оценивали менделеевскую периодическую систему как простую классификационную схему, созданную ради соображений субъективного порядка. Напротив, сам Менделеев со всей силой подчеркивал объективное содержание системы элементов, опирающейся на строгий закон природы. Сводить эту систему к формально-логической классификации, основанной на весьма ограниченном применении простейших правил деления понятий, значит извращать самое существо великого открытия Менделеева. В трудах Ф. Энгельса и И. В. Сталина показано, что менделеевская периодическая система элементов представляет собою конкретизацию закона перехода количественных изменений в качественные. Как же могли «соавторы», игнорируя эти указания классиков марксизма, истолковать одно из величайших открытий современного естествознания, глубоко раскрывающее диалектику природы, как результат школьного, формально-логического приема деления понятий?

А вот как «соавторы» отразили в учебнике труды другого великого русского ученого, создателя материалистической физиологии и психологии И. М. Сеченова. На стр. 101—102 изданий 1949 и 1950 годов и на стр. 98 издания 1951 года приводится следующее рассуждение по поводу аксиом: «Истина, не требующая доказательств, называется аксиомой. Аксиомы возникают из практики и постоянно подтверждаются практикой,— именно поэтому они для нас вполне убедительны. «Если бы сапожник не был бы непреложно убежден из опытов, что по данной колодке можно сшить сапоги равной меры, то он отказался бы от своего ремесла» (И. М. Сеченов)». Ничего более подходящего для показа материалистического взгляда Сеченова на мышление и на его логические формы «соавторы» не нашли.

«Соавторы» пытаются втиснуть в узкие рамки формальной логики как школьной дисциплины не только научные открытия великих русских ученых, но и высказывания классиков марксизма-ленинизма. Замечательную глубину и всесилие логики В. И. Ленина и И. В. Сталина они пытаются свести к соблюдению элементарных правил логического мышления. На стр. 10—11 изданий 1949 и 1950 годов и на стр. 8—9 издания 1951 года, указывая на то, что изучение логики повышает культуру нашего мышления «соавторы» приводят высказывания на этот счет Герцена, Ушинского и Тимирязева: «Выдающийся русский мыслитель А. И. Герцен настоятельно советовал изучать логику. Известный русский педагог К. Д. Ушинский говорил, что основания разумной речи находятся в логическом мышлении. Знаменитый русский ученый К. А. Тимирязев считал прямой обязанностью каждого гражданина развивать в себе способность к логическому мышлению».

Совершенно ясно, что во всех этих трех случаях речь идет об элементарной логической грамотности, обязательной для всех культурно развитых, образованных людей, такой же, как знание правописания и грамматических правил, таблицы умножения и четырех арифметических действий или элементарных сведений из истории и географии.

Но тут же вслед за этим, как прямое продолжение такого понимания соблюдения правил логического мышления, Кузьмин и Кондаков приводят известную сталинскую оценку силы логики в речах В. И. Ленина и оценку силы логики у И. В. Сталина, данную А. И. Микояном. Эти оценки, сопровождаемые своими собственными рассуждениями, «соавторы» ставят в тесную связь с предыдущим текстом таким образом, что учащийся неминуемо должен придти к выводу, будто логика в трудах Ленина и Сталина — это та же самая школьная логика, которая преподносится в учебнике логики для средней школы. Такой вывод вытекает из всего контекста параграфа «Значение логики» [1].

Следует добавить, что после выхода в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Кузьмин и Кондаков поспешили восстановить выброшенный ими параграф «Логика и грамматика». В издании учебника 1951 года этот вновь восстановленный параграф озаглавлен «Мышление и язык» (стр. 8). Занимая всего полстранички, весь этот параграф состоит почти сплошь из цитат, приведенных без должного разъяснения, которое помогало бы учащемуся понять и усвоить глубочайшие идеи И. В. Сталина о связи языка и мышления.

Приводя цитаты из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «соавторы» ухитрились исказить содержащиеся в этом труде положения, прямо относящиеся к деятельности абстрагирующего мышления и, следовательно, к логике. Как известно, И. В. Сталин вскрыл отличительную черту грамматики, состоящую в том, что грамматика «дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения..., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения» [2]. И. В. Сталин указал, что, «абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях...» [3]. Говоря о результатах абстрагирующей работы человеческого мышления, И. В. Сталин ссылается также на

[1] Характерно, что на пятое издание учебника логики С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина, вышедшее в 1950 году, была напечатана рецензия упоминавшегося уже выше В. П. Рожина (см. «Советская книга» № 7 за 1950 год, стр. 68—72). Отмечая ряд недостатков этого издания, рецензент умолчал о наличии в учебнике грубой вульгаризации марксизма.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24. Госполитиздат. 1951.

[3] Там же.

геометрию, которая абстрагируется от конкретных предметов, рассматривая их как тела, лишенные конкретности.

Исходя из этих сталинских положений, формальную логику также следует рассматривать как результат абстрагирующей работы человеческого мышления, как показатель громадных успехов мышления, открывшего элементарные законы и правила логичности. Формальная логика оперирует логическими формами вообще как лишенными какого-либо конкретного содержания, а потому применимыми к мыслям любого содержания. Когда формальная логика утверждает: *А* есть *А*, то здесь *А* есть некоторая абстрактная формула, под которую можно подвести любое понятие, любую мысль о предмете, например, «стол», «стул», «Иван» и т. д. Отвлечение от содержания, рассмотрение форм мышления как лишенных всякой конкретности, всякого содержания — такова основа формальной логики. Между тем в прямую противоположность тому, что вытекает из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «соавторы» вписали в учебник по логике уже после выхода в свет названной работы И. В. Сталина следующее рассуждение: «Логика изучает логические формы. Но это не значит, что логика не интересуется содержанием мышления. Изучение формы мысли вне связи с содержанием не имело бы для нас никакого смысла. Однако изучение ее в связи с содержанием не означает, что мы не можем в необходимых случаях в целях изучения мысленно отвлекать эту форму» (стр. 6).

Следовательно, лишь «в необходимых случаях» (а каковы эти «необходимые случаи» и как часто они случаются — об этом ничего не сказано в учебнике) «соавторы» разрешают мысленно отвлекать логическую форму от конкретного содержания мыслей в целях ее изучения, но в более общем случае систематическое изучение формы мыслей, абстрагированной от содержания, по собственному признанию Кузьмина и Кондакова, «не имело бы для нас никакого смысла». Если бы «соавторы» были маломальски логичны и распространили свой неверный тезис на грамматику и геометрию, то они должны были бы признать, что, с их точки зрения, изучение грамматических форм при отвлечении их от конкретного содержания слов и предложений или геометрических форм при отвлечении их от конкретного, вещественного содержания также нужно было бы признать не имеющим никакого смысла. Вот к каким неверным умозаключениям толкают школьников «соавторы».

В целом рецензируемый учебник логики для средней школы являет собою пример безответственного отношения «соавторов» к подготовке учебника. Известно указание И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова о том, что к написанию учебника надо подходить с особой ответственностью, что в учебнике должно быть взвешено каждое слово и каждое определение. Совершенно очевидно, что Кузьмин и Кондаков не учли этого руководящего указания. Вместо того чтобы улучшить учебник, позаботиться о том, чтобы каждое слово, каждый пример были доступны для понимания учащихся, помогали им овладеть основами логики и способствовали более глубокому освоению других школьных дисциплин, они своей «обработкой» учебника только ухудшили его. «Поправки», сделанные «соавторами» в учебнике, никоим образом нельзя считать реализацией указания В. И. Ленина о необходимости внесения «поправок» в формальную логику: они способствуют лишь выработке у советской молодежи навыков начетничества и талмудизма.

Включение в школьный учебник логики философских положений марксистско-ленинской теории познания в том виде, как они преподнесены в учебнике, свидетельствует о том, что «соавторы» умудрились запутаться в самых простых и ясных положениях марксизма, обнаружив при этом свою недостаточную осведомленность в вопросах, по которым они взялись писать учебник. Учебник логики в «обработке» Кузьмина и Кондакова является примером грубейшей вульгаризации марксизма.

Нужно отметить, что в духе того же вульгаризаторского смешения формальной логики с марксистской диалектикой составлена программа по логике [1], а также отчасти и некоторые методические пособия по логике для средней школы [2]. Следует, однако, отметить, что в этих изданиях все же нет такой грубой вульгаризации марксизма, как в учебнике Виноградова и Кузьмина, хотя ошибки, идущие по линии смешения формальной логики с марксистской диалектикой, в них имеются.

Вина за то, что создание популярного учебника по логике, а значит, и все дело преподавания логики в средней школе начиная с 1948 года перешло в руки упрощенцев и вульгаризаторов, ложится также и на Институт философии, который, выпустив в 1947 году не вполне удовлетворительный учебник логики для средней школы С. Н. Виноградова, вслед за тем отстранился полностью от этого дела.

Учебник логики для средней школы требует коренной переделки, освобождения от ошибок и вульгаризации, внесенных в него Кузьминым и Кондаковым. Министерство просвещения РСФСР должно немедленно взять в свои руки это дело.

Вообще следует обратить особое внимание на литературную деятельность некоторых лиц, которые специализировались на том, что выступают в роли «соавторов», вносящих в учебники, написанные другими авторами, терминологию диалектического материализма, а по сути дела, вульгаризирующих марксизм. Кузьмин и Кондаков не единственные представители этой «спе-

[1] См. «Программы средней школы. Логика». Учпедгиз. 1951.

[2] См., например, «О преподавании логики в средней школе. Методическое письмо, составленное Институтом психологии Академии педагогических наук РСФСР» (автор — Д. П. Горский), и «Задания для учащихся заочной и средней школы. Логика. X класс». (Составил Д. П. Горский.) Учпедгиз. 1951.

циальности». Министерству просвещения РСФСР и руководителям Учпедгиза следовало бы более пристально приглядеться к деятельности такого рода «соавторов» и «редакторов», которые своей безответственной «обработкой» ухудшают учебники для средней школы.

Б. М. КЕДРОВ

Философская литература, вышедшая в 1951 году

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА *

И. В. Сталин. Сочинения. Том 13 (июль 1930 — январь 1934). 423 стр. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). М. Госполитиздат.

И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды». 15 стр. М. Госполитиздат.

И. В. Сталин. Ответ корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия. 7 стр. М. Госполитиздат.

* В этот раздел не включаются переиздания работ классиков марксизма-ленинизма.

II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

О трудах классиков марксизма-ленинизма

Сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сборник материалов. 224 стр. М. Изд. АН СССР.

Содержание: Приветствие товарищу Сталину, принятое участниками Сессии отделений общественных наук Академии наук СССР 21 июня 1951 г. *А. Н. Несмеянов.* Вступительное слово. Доклады: *В. В. Виноградов.* Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина. *П. Ф. Юдин.* Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития общественных наук. *П. Н. Поспелов.* Классический труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» — новый выдающийся вклад в науку творческого марксизма. *Б. Д. Греков.* Генезис феодализма в России в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. *К. В. Островитянов.* Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития экономической и правовой науки.

Выступления: И. А. Каиров, А. В. Палладин, А. С. Чикобава, Н. Т. Сауранбаев, Я. В. Пейве, К. К. Атрахович, М. А. Ширалиев, А. Р. Иоаннисян, Гафур Гулям, Ю. И. Жюгжда, Б. Н. Нияз-Мухамедов.

Доклады на научных сессиях

Александров Г. Ф. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и его выдающаяся роль в развитии общественных наук. Доклад на научной сессии АН УССР с участием преподавателей языка высших учебных заведений и учителей средних школ, посвященный вопросам языкознания, 30/XI—2/XII 1950 г. 36 стр. Киев. Изд. АН УССР.

Омельянсвский М. Э. Развитие И. В. Сталиным учения исторического материализма о базисе и надстройке. Доклад на научной сессии АН УССР. 36 стр. Киев.

Лекции Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма

Макаров А. Д. О работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». 62 стр.

Митин М. Б. Выдающийся вклад И. В. Сталина в развитие марксистско-ленинской теории (О труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»). 52 стр.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Александров Г. Ф. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» — великий образец творческого марксизма. 32 стр.

Макаров А. Д. О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». 40 стр.

Спиркин А. Г. Вопросы языка и мышления в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. 31 стр.

Справочные пособия

Краткий философский словарь. Под редакцией М. Розенталя и П. Юдина. Издание третье, переработанное и дополненное, стр. 616. М. Госполитиздат.

III. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сборник статей. 256 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

Вопросы диалектического и исторнческого материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». 456 стр. Изд. 2-е, дополненное. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

См. рецензию в журнале «Вопросы философии» № 1 за 1952 год.

Вопросы диалектического материализма. Сборник статей под редакцией И. И. Новинского, С. А. Петрушевско-

го, В. П. Черткова. 392 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

Вводная статья акад. М. Б. Митина посвящена гениальному труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В сборнике освещены следующие проблемы: об основном звене в исторической цепи событий, о единстве и борьбе противоположностей, вопросы материалистической диалектики и теории познания, материя и сознание, учение И. П. Павлова и марксистско-ленинская теория отражения, об истине, о роли практики в познании и др. Имеются также статьи, разоблачающие идеалистические теории в современной физике и биологии.

В составлении сборника приняли участие философы Москвы, Киева, Свердловска, Ташкента, Калинина, Ростова-на-Дону.

Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания с практикой, связи знаний с действиями. Перевод с китайского Н. Федоренко. 24 стр. М. Госполитиздат.

План семинара по работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и о работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». 8 стр. Управление преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР.

Программа курса диалектического и исторического материализма. М. 1951. 56 стр. Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б).

Розенталь М. М. Марксистский диалектический метод. 348 стр. М. Госполитиздат.

Хасхачих Ф. И. Материя и сознание. 208 стр. М. Госполитиздат.

Лекции Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма

Востриков А. В. Марксизм-ленинизм о партийности философии. 48 стр.

Востриков А. В. Материальность мира и закономерности его развития. 52 стр.

Востриков А. В. Познаваемость мира и его закономерностей. 72 стр.

Калошин Ф. И. Развитие как борьба противоположностей. 52 стр.

Молодцов В. С. Марксистская диалектика как наука. 44 стр.

Молодцов В. С. Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе.

Молодцов В. С. О коренной противоположности марксистской философии буржуазному мировоззрению. 48 стр.

Мороз К. В. Развитие как переход количественных изменений в коренные качественные изменения. 52 стр.

Центральное лекционное бюро (Госкультпросветиздат)

Леонов М. А. Марксистско-ленинское мировоззрение — величайшее завоевание человечества. 44 стр. Кишинев.

Серебряников Б. А. Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и их значение. 48 стр. Библиотека «В помощь лектору».

IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Губарев Т. И. О стирании классовых граней между рабочим классом и крестьянством. 152 стр. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). М. Госполитиздат.

Исторический материализм. Коллективный труд под общей редакцией Ф. В. Константинова, 747 стр. (Дополнительный тираж. М. 1951.) Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат.

См. рец. в журнале «Большевик» № 15 за 1951 год и обзор обсуждения книги в журнале «Вопросы философии» № 4 за 1951 год.

М. И. Калинин. Статьи и речи о коммунистическом воспитании. 1925—1945 гг. 206 стр. М. Учпедгиз.

Карева М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе. 184 стр. Академия наук СССР. Институт права. М. Изд. АН СССР.

См. рец. в журнале «Вопросы философии» № 2 за 1952 год.

Козлов И. Об определении основного звена в исторической цепи явлений. 103 стр. М. Госполитиздат. 1951.

О коммунистической морали. Сборник статей. 200 стр. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Содержание: **От издательства.** *С. Л. Титаренко.* Ленинизм — основа коммунистического воспитания трудящихся; *Н. М. Болдырев.* В. И. Ленин и И. В. Сталин о воспитании коммунистической морали. *Г. М. Гак.* Вопросы этики в марксистско-ленинском мировоззрении. *В. Н. Колбановский.* О коммунистической морали. *В. Н. Колбановский.* Укрепление семьи в социалистическом обществе. *Ф. А. Шутников.* Буржуазная мораль.

Федорова А. Т. Роль социалистического труда в коммунистическом воспитании трудящихся масс. 208 стр. М. Госполитиздат.

Чангли И. Социалистическое соревнование — движущая сила развития советского общества. 144 стр. Госполитиздат.

Научно-популярная литература в помощь изучающим марксизм-ленинизм и в помощь пропагандисту (Госполитиздат)

Бурков Б. Морально-политическое единство советского общества. 55 стр.

Степанян Ц. О постепенном переходе от социализма к коммунизму. 96 стр.

Цамерян И. О произведениях И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Национальный вопрос и ленинизм». 32 стр.

Лекции Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма

Константинов Ф. В. Формы общественного сознания. 92 стр.

Митин М. Б Марксизм-ленинизм о национальном вопросе. 59 стр.

Степанян Ц. А. Социализм и коммунизм. 78 стр.

Федосеев П. Н. Исторический материализм, как наука об основных законах общественного развития. 72 стр.

Федосеев П. Н. Три особенности производства. 63 стр.

Федосеев П. Н. Условия материальной жизни общества. 58 стр.

Чернов Ф. Ф. Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы. 60 стр.

Чернов Ф. Ф. Советское социалистическое государство. 48 стр.

Чесноков Д. И. Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке. 47 стр.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Болдырев Н. И. В. И. Ленин и И. В. Сталин о воспитании коммунистической морали. 32 стр.

Болдырев Н. И. М. И. Калинин о воспитании коммунистической морали. 31 стр.

Глезерман Г. Е. Базис и надстройка в советском обществе. 48 стр.

Глезерман Г. Е. Полное соответствие производственных отношений и производительных сил в социалистическом обществе. 40 стр.

Дмитриев А. А. Условия материальной жизни общества. 32 стр.

Лещенко П. Н Пережитки капитализма в сознании советских людей и пути их преодоления. 44 стр. Киев.

Колбановский В. Н. О коммунистической морали. 47 стр.

Константинов Ф. В. О базисе и надстройке. 40 стр.

Константинов Ф. В. О движущих силах развития социалистического общества. 32 стр.

Матюшкин Н. И. Нерушимая ленинско-сталинская дружба народов СССР. 32 стр.

Николаев В. В. В. И. Ленин о советском социалистическом государстве. 40 стр.

Степанян Ц. А. И. В. Сталин о строительстве коммунизма в СССР. 48 стр.

Чернов Ф. Ф. Пролетарский интернационализм и буржуазный космополитизм. 31 стр.

Издания Центрального лекционного бюро (Госкультпросветиздат)

Смирнов И. Ленин и Сталин о культуре и культурной революции. 72 стр. Библиотека сельского культпросветработника.

V. ЛОГИКА

К. Бакрадзе. Логика. 455 стр. Издательство Тбилисского государственного университета имени Сталина. Тбилиси.

С. Н. Виноградов и А. Ф. Кузьмин. Логика. Учебник для средней школы. Утвержден Министерством просвещения РСФСР. Изд. пятое. 167 стр. М. Учпедгиз.

VI. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Гоноболин Ф. Н. Очерки психологии советского учителя. Под ред. старшего научного сотрудника Института психологии М. В. Соколова. 156 стр. Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М. Изд. Академии педагогических наук РСФСР.

Шардаков М. Н. Очерки психологии учения. 200 стр. М. Учпедгиз.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Добрынин Н. Ф. Внимание и его воспитание. 31 стр.

VII. ЭСТЕТИКА

Кастелин Н. А. Белинский — театральный критик. 256 стр. ВТО. М. Изд. «Искусство».

Мейлах Б. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в. Исследования и очерки. Издание второе. 419 стр. М.-Л. Гослитиздат.

Против буржуазного искусства и искусствознания. Сборник статей под редакцией академика И. Э. Грабаря и члена-корреспондента Академии художеств СССР В. С. Кеменова. 155 стр. Академия наук СССР. Институт истории искусств. М.-Л. Изд. АН СССР.

Содержание: *В. С. Кеменов.* Против реакционного буржуазного искусства и искусствоведения. *Б. Р. Виппер.* Сюрреализм и его американские апологеты. *И. А. Кузнецова.* Американская живопись и художественная критика на службе империалистической реакции. *Н. М. Чегодаева.* Современная западноевропейская и американская формалистическая скульптура. *В. Н. Лазарев.* Против фальсификации истории культуры Возрождения. *М. В. Алпатов.* В защиту Возрождения (против теорий буржуазного искусствознания).

Н. Г. Чернышевский. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. 544 стр. М.-Л. Гослитиздат. Вступительная статья: Б. И. Бурсов. Литературно-эстетические взгляды Н. Г. Чернышевского.

Избранные статьи сгруппированы в трех разделах.

В разделе «Эстетика» помещена диссертация Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», авторецензия на диссертацию и статьи: «Критический взгляд на современные эстетические понятия», «Возвышенное и комическое», «О поэзии». Сочинение Аристотеля».

В разделе «История литературы» помещены работы Н. Г. Чернышевского: «Сочинения Пушкина», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и «Сочинения и письма Н. В. Гоголя».

В разделе критики помещены статьи «Об искренности в критике», «О новом направлении в полемике» «Русский человек на rendez-vous», «Полемические красоты», а также рецензии на романы и повести М. Авдеева, роман Евгении Тур, комедии Островского, произведения Тургенева, Толстого, Григоровича, Писемского, Салтыкова-Щедрина, Н. Успенского, стихотворения Огарева, Щербины и отрывки из писем Н. Г. Чернышевского Н. А. Некрасову.

В сборнике имеются комментарии и именной указатель.

VIII. ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Платонов Г. В. Мировоззрение К. А. Тимирязева. 291 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

За этот труд в 1952 году автор был удостоен Сталинской премии третьей степени.

Трошин Д. М. Диалектика развития в мичуринской биологии. 184 стр. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма.

См. рецензию в журнале «Большевик» № 4 за 1952 год.

Философские вопросы современной биологии. Сборник под ред. И. Новинского и Г. Платонова. 399 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

См. рецензию на сборник в журнале «Большевик» № 2 за 1952 год.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Бирюков Д. А. Павловская физиология — ценный вклад в естественно-научные основы диалектического материализма. 32 стр.

Опарин А. И. Значение трудов товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской биологической науки. 32 стр.

Трошин Д. М. Труды товарища Сталина о языкознании и вопросы естествознания. 32 стр.

IX. НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Научно-популярная литература в помощь лектору

Богданов Б. А. О преодолении религиозных пережитков в сознании людей. 32 стр.

Гагарин А. П. О классовом характере религиозной морали. 26 стр. Библиотека по научно-атеистическим вопросам. Кишинев. Молдавгиз.

Каширин П. Реакционная сущность религиозной идеологии. 68 стр. М. Госполитиздат.

Колоницкий П. Марксизм-ленинизм о религии. 39 стр. Изд. «Молодая гвардия».

Прокофьев В. Непримиримость науки и религии. 48 стр. М. Изд. «Молодая гвардия».

Худяков С. О преодолении религиозных предрассудков. 72 стр. Изд. «Молодая гвардия».

Худяков С. Религиозные предрассудки и борьба с ними. 68 стр. Госполитиздат.

Шишаков В. и Узков И. Происхождение религиозных обрядов и праздников. 64 стр. Изд. «Московский рабочий».

Эмме А. Наука и религия о возникновении жизни на земле. 116 стр. М. Госполитиздат.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Гурев Г. А. Наука и религия о строении Вселенной. 30 стр.

Ковалев С. И. Происхождение и классовая сущность христианства. 32 стр.

Лившиц Г. М. Классики марксизма-ленинизма о религии. 24 стр. Минск.

Прокофьев В. И. Великие русские ученые-естествоиспытатели в борьбе с идеализмом и религией. 31 стр.

Прокофьев В. И. Непримиримость науки и религии. 37 стр.

Самолюбов Л. А. Наука и религия о строении Вселенной. 32 стр. Смолгиз.

Сидоров Д. И. Наука и религия. 48 стр.

Сидоров Д. И. Научные предвидения и религиозные пророчества. 37 стр.

Издания Центрального лекционного бюро (Госкультпросветиздат)

Соколов В. Г. Происхождение и реакционная сущность религиозных взглядов. 56 стр.

Соколов В. Г. О сектантстве. 56 стр.

Шейнман М. М. Ватикан на службе современной реакции. 56 стр.

X. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Дидро Ден. Избранные произведения. Под общей ред. А. А. Смирнова. Вступит. статья К. Н. Державина. Комментарии сост. Г. М. Фридлендер. XVI+412 стр. Гослитиздат.

Дмитерко Я. Д. Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко. 193 стр. Изд. Московского университета.

Жданов В. Николай Александрович Добролюбов (1836—1861). 608 стр. с илл. В книге имеется библиография основных изданий сочинений Н. А. Добролюбова и литературы о нем. Жизнь замечательных людей. М. Изд. «Молодая гвардия».

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. К 125-летию восстания декабристов. В трех томах. Общая редакция и вступительная статья И. Я. Щипанова. Подготовка текста к печати и примечания С. Я. Штрайха. Московский ордена Ленина Государственный университет имени М. В. Ломоносова. Кафедра истории философии. М. Госполитиздат. Том I. Северное общество. 732 стр. Том II. Южное общество. 568 стр. Том III. Общество соединенных славян. Декабристы в Сибири. О влиянии декабристов на развитие русской общественной мысли. 468 стр.

Из истории русской философии. Сборник статей. Под общей редакцией И. Я. Щипанова. 766 стр. Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова. Философский факультет. Кафедра истории философии. М. Госполитиздат.

Содержание сборника: *М. Т. Иовчук.* Об исторических особенностях и основных этапах развития русской философии; *О. В. Трахтенберг.* Общественно-политическая мысль в России в XV—XVII веках; *Г. С. Васецкий.* Философские взгляды М. В. Ломоносова; *И. Я. Щипанов.* Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева; *М. Т. Иовчук* и *И. Я. Щипанов.* А. И. Герцен — классик русской философии XIX века; *И. Я. Щипанов.* В. Г. Белинский — великий мыслитель и революционный демократ; *В. Е. Евграфов.* Философские взгляды Н. Г. Чернышевского; *М. Т. Иовчук.* Философские и общественно-политические воззрения Н. А. Добролюбова; *А. Н. Маслин.* Мировоззрение Д. И. Писарева; *И. Я. Щипанов.* Философские воззрения М. А. Антоновича; *В. М. Каганов.* Философские воззрения И. М. Сеченова; *Н. Г. Тараканов.* Борьба И. П. Павлова против идеализма в естествознании; *Г. С. Васецкий.* Философские взгляды Д. И. Менделеева; *Г. С. Васецкий.* Философские воззрения К. А. Тимирязева; *П. Т. Белов.* Учение И. В. Мичурина — диалектический материализм в биологии; *В. А. Фомина.* Роль Г. В. Плеханова в распространении марксистской философии в России; *М. Т. Иовчук.* Ленинизм и русская материалистическая философия.

Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. 544 стр. М. Госполитиздат.

См. рец. в журнале «Большевик» № 21 за 1951 год.

Новиков Н. И. Избранные сочинения. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Г. П. Макогоненко. 744 стр. Гослитиздат.

Окулов А. Борьба Ленина и Сталина за теоретические основы марксистской партии (1908—1912 гг.) Под редакцией проф. Г. Васецкого. 232 стр. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Кафедра истории философии. М. Госполитиздат.

В. С. Покровский. История русской политической мысли. Выпуск первый (конспект лекций). 129 стр. М. Госполитиздат.

Программа по истории философии для философских факультетов госуниверситетов. 82 стр. Изд. МГУ.

Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. Под общей редакцией М. М. Григорьяна. Том третий. 916 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Госполитиздат.

Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Под общей редакцией В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, Н. О. Удальцова, Н. М. Чернышевского. Том X. Статьи и рецензии 1862—1889 гг. Стр. 1094. Гослитиздат.

Шестаков М. Г. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. 243 стр. М. Госполитиздат.

Лекции Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма

Горбунов М. Общественно-политические и философские взгляды М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева. 44 стр.

Иванов А. И. Возникновение марксизма — революционный переворот в философии (формирование философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. 1842—1848 гг.). 96 стр.

XI. КРИТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

Гагарин А. П. Американская буржуазная философия и социология на службе империализма. 115 стр. М. Госполитиздат.

См. рец. в журнале «Большевик» № 24 за 1951 год.

Корнфорт М. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма. XXXVI +304 стр. Иноиздат.

См. рец. в журнале «Большевик» № 9 за 1951 год и в журнале «Вопросы философии» № 3 за 1951 год.

Шишкин А. Ф. Буржуазная мораль — оружие империалистической реакции. 163 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

См. рец. в журнале «Вопросы философии» № 5 за 1951 год.

Против философствующих оруженосцев англо-американского империализма. Сборник статей. 336 стр. Академия наук СССР. Институт философии. М. Изд. АН СССР.

Лекции Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Кафедра диалектического и исторического материализма

Цебенко М. Д. Реакционная идеология правых социалистов на службе американского империализма. 83 стр.

Лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Изд. «Правда»)

Баскин М. П. Фидеизм и идеализм на службе англо-американского империализма. 32 стр.

Павлов Ю. Идеология современного империализма. 40 стр. Вильнюс.

Трофимов П. Против идеологии американо-английских поджигателей войны. 40 стр.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная сессия, посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук

В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялась научная сессия, посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук. Сессия открылась 25 февраля и продолжалась до 1 марта.

На первом пленарном заседании сессии были заслушаны вступительный доклад ректора академии Д. И. Надточеева «Труды И. В. Сталина — могучее оружие большевистской партии в борьбе за победу коммунизма» и доклад академика Г. Ф. Александрова «И. В. Сталин о роли надстройки в развитии общества». Доклад Г. Ф. Александрова с некоторыми дополнениями опубликован в № 1 журнала «Вопросы философии».

Вступительный доклад

Около двадцати восьми лет назад, 17 июня 1924 года, товарищ Сталин, выступая с докладом об итогах XIII съезда РКП(б) на курсах секретарей укомов, подчеркнул значение пропаганды марксистско-ленинской теории. Товарищ Сталин говорил тогда:

«Задача партии состоит в том, чтобы использовать возросший интерес к вопросам теории и принять все меры к тому, чтобы поднять, наконец, теоретический уровень партии на должную высоту. Не следует забывать слов Ленина о том, что без ясной и правильной теории не может быть правильной практики» [1].

Важнейшим мероприятием партии по дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории, по поднятию теоретического уровня членов партии, по пропаганде ленинизма среди широких масс трудящихся явилось издание Сочинений Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина.

Труды В. И. Ленина и И. В. Сталина переведены и переводятся на многочисленные языки народов Советского Союза, стран народной демократии и других народов мира.

Издание Сочинений И. В. Сталина наряду с четвертым изданием Сочинений В. И. Ленина явилось одним из важнейших мероприятий ЦК ВКП(б) по усилению идеологической работы партии, работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, которая в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму приобрела решающее значение. Кадры большевистской партии и Советского государства, коммунистические кадры всех стран получили могучее идейное и политическое оружие в борьбе против империализма, за прочный мир и народную демократию, за победу коммунизма.

Характеризуя историческое значение издания Сочинений И. В. Сталина, товарищ Молотов говорит: «Нельзя переоценить теоретическое и политическое значение этого издания.

Перед нашими глазами этап за этапом развертывается картина гениального творчества Великого Сталина во всем его многообразии и духовном богатстве. Здесь освещены светом идей марксизма-ленинизма разнообразнейшие практические вопросы работы большевистской партии и международного коммунистического движения и, наряду с этим, сложные научные проблемы истории и философии; разъяснены острейшие вопросы внутренней и внешней политики и, вместе с этим, коренные вопросы экономики СССР, а также различные периоды в развитии стран капиталистического мира; раскрыта сущность больших проблем социалистической культуры с ее разнообразием национальных форм и там же показано значение не раз стоявших перед советской властью военных проблем, причем становится понятной исключительная личная роль товарища Сталина в защите нашего Отечества от внешних врагов, начиная с первых лет советской власти, а также в последовательном проведении советской политики мира, которая всегда являлась и продолжает оставаться главной задачей внешней политики СССР, и многое другое, свидетельствующее о величии исторических дел нашей партии и ее сталинского руководства.

Как великий представитель творческого

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 259.

марксизма, товарищ Сталин во многом развил ленинские принципы стратегии и тактики нашей партии, что имеет исключительно большое значение для коммунистического движения во всех странах»[1]. Гениальные труды И. В. Сталина воплощают огромный исторический опыт победоносной борьбы большевистской партии за свержение царизма и империализма в России, за построение социализма и коммунизма в СССР, а также опыт международного рабочего движения. Они раскрывают гигантскую теоретическую и практическую деятельность товарища Сталина — великого мыслителя и вождя рабочего класса, соратника и продолжателя дела Ленина.

Произведения И. В. Сталина, написанные до января 1924 года — до смерти Ленина — и составляющие содержание первых пяти томов Сочинений, показывают, какой огромный вклад внес товарищ Сталин в дело строительства большевистской партии, выработки идеологических, организационных, тактических и теоретических основ марксистской партии, выработки идеологии и политики ленинизма, в дело мобилизации широких масс рабочего класса и трудящегося крестьянства на штурм царизма и империализма в России. Они показывают, как вожди большевистской партии Ленин и Сталин руководили осуществлением социалистического переворота и установлением диктатуры пролетариата в России, как организовали победоносную оборону социалистического Отечества от внутренней контрреволюции и иностранного империалистического нашествия, как проходило восстановление народного хозяйства и укрепление социалистического государства на путях новой экономической политики.

Труды товарища Сталина, написанные в первое десятилетие после смерти В. И. Ленина, с 1924 по 1934 год, и составляющие содержание 6—13 томов Сочинений, показывают, как товарищ Сталин, великий продолжатель дела Ленина, мудрый вождь большевистской партии и советского народа, поднял партию и народ на выполнение заветов Ленина, на борьбу против врагов ленинизма, отстоял и развил дальше ленинизм, повел нашу Родину по неизведанным путям социалистического строительства, социалистической индустриализации, коллективизации и культурной революции и обеспечил победу социализма в СССР.

В последующие тома Сочинений И. В. Сталина будут включены произведения, написанные с 1934 года по настоящее время. Сюда войдут такие классические труды И. В. Сталина, как доклад о проекте Конституции СССР, «Краткий курс истории ВКП(б)», доклад на XVIII съезде партии, исторические произведения периода Великой Отечественной войны, речь 9 февраля 1946 года на собрании избирателей, труды по вопросам языкознания и другие. Эти классические произведения творческого марксизма обобщают опыт героической борьбы большевистской партии и советского народа под руководством товарища Сталина за завершение строительства социалистического общества и постепенный переход от социализма к коммунизму, за разгром врага в период Великой Отечественной войны, за все новые и новые успехи в строительстве коммунизма в СССР в послевоенное время. В этих трудах И. В. Сталина дана дальнейшая глубокая и всесторонняя разработка вопросов теории, программы, стратегии и тактики коммунизма.

Огромное научное и политическое значение имеют произведения и документы, впервые публикуемые в томах Сочинений И. В. Сталина.

Такова, например, речь «О программе Коминтерна», произнесенная товарищем Сталиным на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 года и опубликованная впервые в одиннадцатом томе Сочинений И. В. Сталина. Эта речь дала нашим кадрам возможность правильно разобраться в ряде сложных теоретических и политических вопросов, в том числе в вопросах о характере и этапах революции в странах народной демократии, о путях развития этих стран.

Руководящее значение для коммунистических и рабочих партий стран народной демократии имеют содержащиеся в этом документе замечания товарища Сталина о промежуточных ступенях борьбы за диктатуру пролетариата, а также о том, с чего должна начать и на чем должна базировать пролетарская диктатура свою созидательную работу на другой день после революции; в частности замечания о новой экономической политике с ее рыночными связями и использованием этих рыночных связей, которая является неизбежной фазой социалистической революции во всех странах. Эти указания товарища Сталина являются одним из краеугольных камней политики коммунистических и рабочих партий по строительству социализма в странах народной демократии.

Другим ярким примером, свидетельствующим об огромном теоретическом и политическом значении впервые публикуемых работ И. В. Сталина, может служить опубликованная в том же одиннадцатом томе Сочинений теоретическая работа «Национальный вопрос и ленинизм». Эта работа представляет дальнейшее развитие теории и программы марксизма по национальному вопросу. Товарищ Сталин обобщает опыт создания и развития социалистических наций в СССР и освещает пути создания и развития социалистических наций в других странах мира.

Труды товарища Сталина представляют собой высший этап в развитии марксизма как науки о законах развития природы и общества, науки о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, науки о победе социализма во всех странах, науки о строительстве коммунистического общества.

И. В. Сталин развил и поднял на новую, высшую ступень все общественные науки. Он создал подлинно научную историю ВКП(б), представляющую собой марксизм-ленинизм в действии, внес неоценимый вклад в марксистскую историческую науку и марксистско-ленинскую философию, раз-

[1] В. Молотов. Сталин и сталинское руководство, стр. 18—19. Госполитиздат. 1950.

вил дальше марксистско-ленинское учение об экономических законах современного капитализма и социализма, разработал важнейшие актуальные проблемы марксистско-ленинской теории государства и права, международного права, эстетики социалистического реализма, создал науку марксистского языкознания.

Товарищ Сталин разработал и двинул вперед все стороны марксистско-ленинской теории, определил сущность теории и показал ее великое значение в борьбе за победу нового общественного строя, всесторонне разработал программу строительства коммунизма. Обобщая и развивая учение Ленина, товарищ Сталин создал науку политической, революционной стратегии и тактики марксистско-ленинской партии.

Обращает на себя внимание тот всемирно-исторического значения факт, что теория, программа, стратегия и тактика марксистской партии разработаны в трудах товарища Сталина, как и в трудах Ленина, в их органической взаимосвязи, взаимовлиянии и развитии. Это придает трудам товарища Сталина огромную мобилизующую силу.

* * *

Одним из основных выводов теории марксизма-ленинизма, обоснованных в трудах Маркса — Энгельса — Ленина и получивших дальнейшее развитие в трудах товарища Сталина, является вывод о неизбежности падения буржуазии и возвышения рабочего класса, о неизбежности гибели капитализма и победы нового общественного строя — социализма и коммунизма.

«Теория марксизма,— говорит И. В. Сталин,— изучая объективные процессы капитализма в их развитии и отмирании, приходит к выводу о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом» [1].

Этот основной вывод теории марксизма проходит красной нитью через все произведения товарища Сталина, начиная от ранних его работ и кончая великими сталинскими творениями наших дней.

Неизбежность гибели капитализма и победы социалистического строя теория марксизма выводит, как известно, из основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Еще в 1907 году, развивая научные доказательства неизбежности установления социалистического строя, товарищ Сталин писал, что «так как общественному характеру производства не соответствует частный характер присвоения, так как современный коллективистический труд неизбежно должен привести к коллективной собственности, то само собой ясно, что социалистический строй с такой же неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следует день» [2].

Дело в том, что капиталистический строй, капиталистический базис и соответствующая ему капиталистическая надстройка на определенной ступени превращаются в тормоз развития общества и его производительных сил. Это находит свое наиболее яркое выражение в современных кризисах перепроизводства, в массовой безработице и обнищании трудящихся, в империалистических грабежах и войнах, разрушающих производительные силы и истребляющих трудящееся население, в свертывании гражданского производства и раздувании военного производства в целях новых империалистических войн, используемых для обеспечения максимальной капиталистической прибыли миллионеров и миллиардеров.

Производительные силы общества, и прежде всего пролетариат как главная производительная сила, поднимаются на борьбу для того, чтобы, преодолевая сопротивление отживающих сил общества, революционным путем ликвидировать старый, капиталистический базис и соответствующую ему надстройку.

Впервые в мировой истории капиталистический базис и его надстройка ликвидированы в нашей стране рабочим классом и трудящимся крестьянством, боровшимися за свое освобождение под руководством партии Ленина — Сталина. Советская власть ликвидировала капиталистическую собственность и эксплуатацию, обобществила средства производства и создала социалистические формы хозяйства. В Советском Союзе построены новый, социалистический базис и соответствующая ему социалистическая надстройка, дающие безграничные возможности развития производительных сил и неуклонного повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Великая Октябрьская социалистическая революция, которая означает, по словам товарища Сталина, «коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру» [3], открыла новую эпоху, эпоху пролетарских революций в странах империализма, освободительных революций в колониях и зависимых странах, эпоху крушения капитализма, революционного отпадения от цепи империализма все новых и новых стран, эпоху строительства социализма во всех странах, эпоху строительства коммунистического общества.

Прорыв цепи империализма и раскол мира на две системы — систему капитализма и систему социализма — в результате победы Октябрьской революции явились главным фактором, все более углубляющим общий кризис капитализма и его колониальной системы. Соотношение сил между системой капитализма и системой социализма, как показывает опыт истории, непрерывно изменяется в пользу социализма; силы лагеря империализма слабеют, силы лагеря социализма и демократии крепнут и растут с каждым днем.

Отражением и проявлением этой тенденции исторического развития являются рост противоречий в странах капиталистического лагеря, отпадение от системы империа-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 162

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 340.

[3] И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 239.

лизма целого ряда стран, образование и укрепление мирового рынка стран социалистического лагеря, противостоящего мировому рынку лагеря капитализма, усиление национально-освободительного движения против империализма в колониальных и зависимых странах, рост численности коммунистических партий и их влияния в массах во всех странах, который товарищ Сталин характеризует как «вполне закономерное явление».

Изменение в соотношении сил лагеря империализма и лагеря социализма в пользу социализма, неуклонный рост сил социализма в странах народной демократии являются неопровержимым историческим подтверждением вывода теории марксизма о неизбежности гибели мирового капитализма и победы мирового коммунизма.

Этот вывод имеет огромное мобилизующее значение для коммунистических партий, рабочего класса и трудящихся всех стран в борьбе против империализма, причиняющего невероятные мучения трудящемуся человечеству, в борьбе против всех реакционных сил, пытающихся предотвратить гибель капитализма. Этот вывод вооружает трудящихся уверенностью в победе дела рабочего класса во всех странах мира.

И сколько бы ни неистовствовали черные силы дряхлеющего империализма — все эти трумэны и черчилли с их правосоциалистическими лакеями, пытающиеся всеми мерами удержать от падения преступный мир империализма,— силы социализма и народной демократии, силы коммунизма и впредь будут неуклонно расти и победят во всем мире. Таков неопровержимый вывод марксистско-ленинской теории, нашедший всестороннее обоснование в трудах великого Сталина.

Другим основным выводом теории марксизма-ленинизма является вывод о возможности победы социализма и коммунизма первоначально в одной стране или в нескольких странах.

Вывод о возможности победы социализма в одной стране Ленин сформулировал еще в 1915 году. Это было величайшее научное открытие современности, озарившее пути рабочего движения.

Товарищ Сталин развил дальше ленинскую теорию социалистической революции, конкретизировал теорию возможности победы социализма в одной стране и пришел к выводу о возможности построения коммунизма в одной стране, в СССР, и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение.

Еще в 1927 году, в период ожесточенной борьбы большевистской партии против предательского контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока, пытавшегося посеять неверие в победу социализма, сорвать строительство социализма в СССР, товарищ Сталин говорил не только о возможности построения социализма, но и о возможности перехода от социализма к коммунизму первоначально в одной стране или в нескольких странах.

Характеризуя международные условия строительства коммунистического общества, товарищ Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией говорил:

«Нельзя представлять дело так, что рабочий класс одной страны или нескольких стран будет итти к социализму и тем более к коммунизму, а капиталисты других стран будут смотреть на это равнодушно и сидеть сложа руки. Тем более нельзя представлять, что рабочий класс в капиталистических странах согласится быть простым зрителем победоносного развития социализма в той или иной стране. На самом деле капиталисты будут делать все зависящее от них для того, чтобы задушить такие страны. На самом деле каждый серьезный шаг к социализму и тем более к коммунизму в той или иной стране неизбежно будет сопровождаться неудержимым порывом рабочего класса капиталистических стран к завоеванию власти и социализма в этих странах» [1].

Говоря о шагах «к социализму и тем более к коммунизму в той или иной стране», товарищ Сталин исходил из той теоретической посылки марксизма, что коммунизм с исторической неизбежностью вырастает из упрочившегося социализма. Социализм и коммунизм — это не два разных общественных строя, а лишь две последовательные ступени в развитии одной и той же общественно-экономической формации, базирующейся на общественной собственности на орудия и средства производства.

«...Научное различие между социализмом и коммунизмом только то,— писал Ленин,— что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его» [2]. Ленин указывал, что и социализм можно назвать коммунизмом, «если не забывать, что это *не* полный коммунизм» [3].

Господствующим принципом социализма является формула: «От каждого — по его способностям, каждому — по его труду»,— тогда как господствующим принципом высшей фазы коммунизма будет формула: «От каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям».

Ленин писал: «От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям» [4].

Решающим условием перерастания социализма в коммунизм является бурное развитие производительных сил и культуры социалистического общества.

Что касается международных условий, в которых развертывается борьба за торжество коммунистического общества, то они характеризуются прежде всего обострением классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией на международной арене, дальнейшим развитием революционного движе-

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 134—135.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 387.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 442.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 62.

ния в странах капитала и ростом сопротивления международной реакции.

Опыт истории полностью подтверждает гениальные предсказания Ленина и Сталина относительно неизбежного и безостановочного перерастания социализма в коммунизм и борьбы двух лагерей на международной арене.

Рабочий класс Советского Союза, руководимый партией Ленина — Сталина, не только построил социалистическое общество, но и повел нашу страну вперед, к высшей фазе коммунизма. Уже Сталинская Конституция, закрепившая победу социализма в СССР, знаменовала собой вступление нашей страны в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Вступление СССР в новую полосу развития представляло собой объективный исторически-закономерный процесс, начавшийся и развернувшийся на основе побед социалистического строительства. Этот объективно закономерный процесс развития советского общества был открыт и теоретически обоснован товарищем Сталиным. В докладе на XVIII съезде партии И. В. Сталин, раскрывая закономерности советского общества и намечая пути его дальнейшего развития, установил, что «мы идем дальше, вперед, к коммунизму».

Доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии, принятый съездом как закон партии, явился величайшим теоретическим и программным документом строительства коммунизма. И. В. Сталин в этом докладе не только сформулировал теоретический вывод о возможности построения коммунизма в СССР в условиях капиталистического окружения, но и наметил конкретную боевую программу коммунистического строительства, к осуществлению которой наша партия и советский народ приступили уже в довоенное время.

Вооружая народ уверенностью в победе коммунизма в СССР, товарищ Сталин еще раз подчеркнул в 1946 году, что «коммунизм в одной стране» вполне возможен, особенно в такой стране, как Советский Союз» [1].

Возможности победы коммунизма в СССР заложены в великих завоеваниях социализма, в советском общественном и государственном строе, в социалистическом базисе и соответствующей ему социалистической надстройке, в морально-политическом единстве советского общества, в дружбе народов Советского Союза, в героизме и патриотизме советских людей, в неиссякаемых природных богатствах нашей Родины, в сочувствии и поддержке, которыми пользуется Советский Союз со стороны пролетариев, трудящихся и всех прогрессивных людей мира.

Успехи развернувшегося на базе завоеваний социализма коммунистического строительства в СССР являются неопровержимым историческим подтверждением новейшего вывода теории марксизма-ленинизма о возможности победы коммунизма первоначально в одной стране или в нескольких странах в условиях капиталистического окружения.

Этот вывод теории марксизма-ленинизма, вывод товарища Сталина имеет огромное мобилизующее значение: он вооружает рабочий класс новым идейным оружием, дает великую перспективу борьбы за победу коммунизма над империализмом.

В неразрывной связи с этим основным выводом теории марксизма-ленинизма находится вывод И. В. Сталина, сформулированный в докладе на XVIII съезде партии, о необходимости сохранения и укрепления государства при коммунизме, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет ликвидирована опасность военного нападения извне.

Таковы важнейшие выводы теории марксизма-ленинизма, которые всесторонне, с предельной научной глубиной и ясностью обоснованы в трудах товарища Сталина и на основе которых строится программа марксистско-ленинской партии.

* * *

«Программа рабочей партии,— говорит И. В. Сталин,— является, как известно, кратким научно-сформулированным изложением целей и задач борьбы рабочего класса. Программа определяет как конечную цель революционного движения пролетариата, так и те требования, за которые борется партия на пути к конечной цели» [2].

В докладе о проекте Конституции Союза ССР в ноябре 1936 года товарищ Сталин, отмечая разницу между конституцией и программой, указывал, что конституция должна говорить о том, что уже завоевано, «в то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем...» [3].

Определяя конечную цель и ближайшие задачи борьбы рабочего класса, программа исходит из данных теории, основывается на выводах теории марксизма.

Если теория марксизма-ленинизма делает вывод о возможности победы коммунизма в одной стране в условиях капиталистического окружения, если это является закономерностью развития социалистического общества, то программа нашей партии должна ставить, и действительно ставит, перед советским обществом такую цель, которая соответствовала бы этому великому выводу теории, эта цель — построение коммунизма в СССР.

Цель дальнейшего развития советского общества определяется великим учением И. В. Сталина о возможности победы коммунизма в одной стране, особенно в такой стране, как Советский Союз.

Программа определяет не только конечную цель,— она определяет также ближайшие конкретные задачи рабочего класса в борьбе за достижение поставленной цели.

Ближайшей политической задачей рабо-

[1] Журнал «Большевик» № 17—18 за 1946 год, стр. 3.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 38.

[3] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 514. 11-е изд.

чего класса, сформулированной в программе, принятой на II съезде партии, было низвержение царского самодержавия и замена его демократической республикой. Это была программа-минимум, осуществленная с победой Февральской революции 1917 года. Программу-максимум составляла борьба за низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата.

Конкретные задачи, сформулированные в программе, принятой на VIII съезде партии в 1919 году, были рассчитаны на победу социализма.

Характеризуя эту программу, товарищ Сталин говорит: «В программе подробно указаны конкретные задачи партии в борьбе за социализм: доведение до конца экспроприации буржуазии, ведение хозяйства страны по единому социалистическому плану, участие профсоюзов в организации народного хозяйства, социалистическая дисциплина труда, использование специалистов в народном хозяйстве под контролем советских органов, постепенное и планомерное вовлечение среднего крестьянства в работу социалистического строительства» [1].

Эти основные конкретные задачи партии и пролетарской диктатуры были осуществлены с победой социализма в СССР.

В связи с вступлением СССР в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму большевистская партия встала перед необходимостью разработать новые пути и средства для осуществления этого перехода. И. В. Сталин не только сформулировал великую цель борьбы за победу коммунизма в СССР, но и определил также конкретные задачи партии и всего советского народа в борьбе за победу коммунизма.

Важнейшей задачей партии в борьбе за победу коммунизма в СССР является создание материально-технической базы коммунистического общества. Задача создания материально-технической базы коммунизма нашла свое всестороннее обоснование и отражение в докладе товарища Сталина на XVIII съезде партии, в речи перед избирателями 9 февраля 1946 года, в сталинском плане преобразования природы, в плане великих сталинских строек коммунизма, в плане создания мощных гидроэлектростанций и оросительных систем.

Уже на XVIII съезде партии товарищ Сталин поставил задачу — перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении. «Только в том случае,— говорил И. В. Сталин,— если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе» [2].

В речи 9 февраля 1946 года товарищ Сталин определил основные задачи послевоенного пятилетнего плана и, касаясь планов партии на три — четыре последующие пятилетки, заявил, что партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. «Нам нужно,— говорил товарищ Сталин,— добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать» [3].

Не менее важной задачей партии в борьбе за победу коммунизма является коммунистическое воспитание и культурное развитие трудящихся, дальнейшее развитие культуры и передовой советской науки.

XVIII съезд партии подчеркнул решающее значение дела коммунистического воспитания трудящихся в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Товарищ Сталин обосновал необходимость поднять культурно-технический уровень рабочего класса до уровня инженерно-технических работников, «сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными». В речи 9 февраля 1946 года товарищ Сталин указал на необходимость сделать все для того, чтобы дать возможность советской передовой науке развернуть свои силы и «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Осуществление указанных задач создает условия для полной ликвидации существенных различий между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между трудом умственным и трудом физическим.

Необходимым условием победы коммунизма является дальнейшее укрепление социалистического государства как главного орудия построения коммунистического общества и расширение его международных связей.

Задача укрепления социалистического государства базируется на теоретическом выводе И. В. Сталина, имеющем совершенно исключительное значение, о неизбежности сохранения государства при коммунизме, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение. В трудах по языкознанию товарищ Сталин еще раз подчеркнул, что при наличии капиталистического окружения «страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением» [4].

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 222.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 578—579.

[3] И. В. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, стр. 22. Госполитиздат. 1951.

[4] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 50. Госполитиздат. 1950.

Это положение большевизма имеет актуальное значение не только для СССР, но и для стран народной демократии, стоящих перед необходимостью усиления органов пролетарской диктатуры в борьбе против контрреволюции, против поджигателей новой мировой войны, против шпионов и диверсантов, засылаемых в эти страны империалистическими государствами американо-английского агрессивного блока.

Дальнейшее укрепление социалистического государства, полное развитие его хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции и функции военной защиты от нападения извне, а также укрепление партии, как руководящей силы социалистического государства, являются решающим условием торжества коммунистического общества в СССР.

Расширение связей нашего государства со всеми миролюбивыми народами и государствами, оказание всесторонней помощи странам народной демократии и всяческая поддержка угнетенных народов в их освободительной борьбе против империалистических государств-угнетателей является важнейшим условием торжества мирового коммунизма.

Таковы важнейшие задачи большевистской партии в борьбе за осуществление конечной цели — построение коммунизма в СССР,— которые сформулированы и всесторонне, с предельной научной глубиной и ясностью обоснованы в трудах товарища Сталина.

* * *

Товарищ Сталин является не только великим теоретиком и создателем программы строительства коммунизма. Он является также непревзойденным мастером стратегического и тактического руководства, создателем коммунистической стратегии и тактики.

Определяя соотношение теории, программы и стратегии, товарищ Сталин указывает, что стратегия обязана знать и правильно учитывать объективные процессы движения, если она не хочет допустить глубочайших и пагубных ошибок в деле руководства рабочим движением. «Изучением объективных процессов движения занимается, прежде всего, теория марксизма, а потом и программа марксизма. Поэтому, — говорит товарищ Сталин, — стратегия должна целиком опираться на данные теории и программы марксизма»[1]. Пролетарская стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, если в основу ее работы будет положен основной вывод теории марксизма о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом. «...Стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, — говорит И. В. Сталин, — если она руководствуется в своей работе целями движения, формулированными в программе марксизма»[2].

Если теория и программа марксизма-ленинизма устанавливают неизбежность победы социализма и коммунизма, то стратегия марксистско-ленинской партии должна вести и на самом деле ведет свою революционную работу во имя достижения этой великой цели.

Развивая учение Ленина, товарищ Сталин дал классическое определение общих основ коммунистической стратегии и тактики.

Одной из основ коммунистической стратегии и тактики является, говорит товарищ Сталин, «принятие за основу добытого теорией марксизма и подтверждённого революционной практикой вывода о том, что в капиталистических государствах пролетариат является единственным до конца революционным классом, заинтересованным в полном освобождении человечества от капитализма и призванным ввиду этого быть вождем всех угнетённых и эксплуатируемых масс в борьбе за свержение капитализма, ввиду чего следует направить всю работу в сторону обеспечения диктатуры пролетариата»[3].

Опираясь на эту теоретическую основу, коммунистические и рабочие партии всех стран ведут систематическую и упорную борьбу против диктатуры империалистической буржуазии и ее оруженосцев — социал-предателей, правых социалистов, торгующих интересами рабочего класса, борются за осуществление прочного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, за завоевание диктатуры пролетариата как необходимого условия победы социализма.

Второй основой коммунистической стратегии и тактики является, говорит товарищ Сталин, «принятие за основу того добытого теорией марксизма и подтвержденного революционной практикой вывода, что *стратегия и тактика коммунистической партии любой страны* могут быть правильными лишь в том случае, если они не замыкаются в круг интересов «своей» страны, «своего» отечества, «своего» пролетариата, — а наоборот, учитывая условия и обстановку своей страны, ставят во главу угла интересы международного пролетариата, интересы революции в других странах, т. е. если они по существу, по духу своему являются интернационалистическими, если они проводят «максимум осуществимого в одной (своей) стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»[4].

Опираясь на эту теоретическую основу, коммунистическая партия нашей страны возглавляет героическую работу советского народа по строительству коммунизма, укрепляет Советское государство — основной оплот мира и дружбы между народами, главную базу коммунистической революции. Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии в обостренной классовой борьбе против внутренних и внешних врагов создают основы социализма в этих странах, расширяя тем самым базу лагеря мира, социализма и народной демократии. Коммунистические партии колониальных и зависимых стран возглавляют растущее с каждым днем национально-освободительное движение, рас-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 162.
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же, стр. 79—80.
[4] Там же, стр. 80.

ширяя тем самым фронт революционной борьбы против империализма. Коммунистические партии стран империализма ведут неустанную работу по разоблачению империализма и мобилизации масс на борьбу за мир, демократию и независимость народов.

Третьей основой коммунистической стратегии и тактики является, говорит товарищ Сталин, «принятие за исходный пункт отрицания всякого доктринерства (правого и левого) при изменении стратегии и тактики, при выработке новых стратегических планов и тактических линий... отрицания созерцательного метода и метода цитат и исторических параллелей, надуманных планов и безжизненных формул...» [1]. Партийное руководство революционным движением должно «не тащиться в хвосте за событиями, а руководить пролетариатом и быть сознательным выражением бессознательного процесса» [2].

Великая партия Ленина — Сталина, партия большевиков, дала коммунистическим партиям всех стран непревзойденный образец творческого подхода при выработке стратегических планов и тактических линий, образец победоносного руководства борьбой пролетариата за революционное изменение мира.

Стратегическим планам большевиков на первом и втором этапах нашей революции соответствовали свои специфические формы борьбы. Основными из них были забастовки, уличные демонстрации, восстания. Перед партией стояла тогда задача критики и разрушения старого строя. Она была партией переворота, партией революции внутри России.

Иную картину представляют собой большевистская стратегия и тактика на третьем этапе нашей революции.

На третьем этапе революции, начавшемся после Октябрьского переворота, когда впервые был прорван международный фронт капитала и поставлен практически вопрос о низвержении капитализма, революция вышла за рамки одной страны и началась эпоха мировой революции. Большевики в этот период «планировали по линии внутреннего укрепления диктатуры пролетариата в России и расширения сферы действия пролетарской революции на все страны мира путем объединения усилий пролетариев России с усилиями пролетариев Европы и угнетенных стран Востока против мирового империализма» [3].

Характеризуя третий этап нашей революции в работе «Об основах ленинизма», товарищ Сталин пишет: «Начался он после Октябрьского переворота. Цель — упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах» [4].

С Октября 1917 года большевистская партия из силы национальной превратилась в силу международную. Большевистская стратегия на третьем этапе нашей революции служит образцом и основой для стратегии и тактики коммунистических партий всех стран в их борьбе за социализм, против империализма и его опоры — правых социалистов, заклятых врагов рабочего класса.

Коренное изменение произошло в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в положении большевистской партии внутри страны. Из партии переворота внутри России она превратилась в партию мирного строительства, в партию созидания новых форм хозяйства, в партию строительства социализма и коммунизма в СССР. Соответственно изменились формы борьбы, увеличились и умножились силы и средства партии, ее резервы. Появилась, в частности, возможность использования в борьбе за достижение великих программных целей всей мощи пролетарской диктатуры, мощи социалистического государства.

Партия Ленина — Сталина накопила огромный опыт победоносного стратегического и тактического руководства борьбой рабочего класса.

Постоянно сохраняя за собой позицию ведущей силы, наша партия под руководством великого продолжателя бессмертного дела Ленина товарища Сталина разгромила врагов ленинизма — троцкистов, правых капитулянтов, буржуазных националистов — и обеспечила победу политики социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, победу социализма в СССР и вступление нашей страны в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

Одержав великую победу над империализмом в период второй мировой войны, большевистская партия, Советское государство, весь советский народ под руководством нашего мудрого вождя и учителя товарища Сталина продолжают героическую мирную созидательную работу по строительству коммунизма.

По каким основным линиям идет борьба советского народа за победу коммунизма?

В соответствии с задачей создания материально-технической базы коммунистического общества борьба советского народа за победу коммунизма в СССР идет прежде всего по линии быстрого развития производительных сил страны, неуклонного повышения производительности труда как главного условия победы нового общественного строя и дальнейшего укрепления и расширения социалистической собственности, по линии дальнейшего развертывания всенародного социалистического соревнования и стахановского движения, которое содержит в себе зерно и ростки того культурно-технического подъема трудящихся, который ведет к ликвидации существенного различия между умственным и физическим трудом, по линии осуществления великого сталинского плана преобразования природы и осуществления плана великих сталинских строек коммунизма, которые ускоряют процесс ликвидации существенного различия между городом и деревней, а также процесс создания материального изобилия.

Ярким показателем бурного развития производительных сил нашей страны являются огромные успехи в восстановлении и даль-

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 80.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 179.
[4] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 153.

нейшем развитии всех отраслей народного хозяйства в послевоенное время, в частности тот факт, что в последнем году первой послевоенной сталинской пятилетки было произведено промышленной продукции на 73 процента больше, чем в 1940 году, вместо 48 процентов, намечавшихся по плану, а также тот факт, что национальный доход в последнем году первой послевоенной пятилетки увеличился по сравнению с 1940 годом на 64 процента вместо предусмотренных планом 38 процентов, а в 1951 году национальный доход СССР вырос по сравнению с 1950 годом на 12 процентов.

Рост национального дохода создает условия для дальнейшего непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе все более высокой техники, а также для неуклонного подъема материального и культурного благосостояния трудящихся, максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей советского общества.

В соответствии с задачей коммунистического воспитания и культурного развития трудящихся борьба за победу коммунизма в СССР идет по линии усиления идеологической работы большевистской партии, борьбы с пережитками капитализма в сознании людей, борьбы с влиянием буржуазной идеологии, по линии развития критики и самокритики.

Особое значение в деле коммунистического воспитания трудящихся и культурного развития народа имеет изучение жизни, деятельности и теоретических трудов Ленина и Сталина, дающих образец беззаветного служения делу рабочего класса, вооружающих нас знанием закономерностей общественного развития, знанием законов строительства коммунизма.

Ярким показателем высокого уровня развития культуры и передовой советской науки являются огромные успехи культурного строительства в послевоенный период, в частности тот факт, что число обучающихся в СССР, включая все виды обучения, составляло в 1951 году 57 миллионов человек, а также тот факт, что по ряду отраслей науки советские ученые заняли первое место в мире.

Важным этапом в развитии передовой советской науки явились проведенные в послевоенный период свободные дискуссии по разным отраслям знаний, включая дискуссии по языкознанию и по экономическим вопросам, в которых непосредственное участие принял товарищ Сталин, обогативший науку новыми положениями и выводами и сформулировавший закон развития науки путем борьбы мнений и свободы критики. Принятые по инициативе и под руководством товарища Сталина решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы явились важнейшим средством усиления коммунистического воспитания трудящихся.

Успехи коммунистического воспитания трудящихся находят свое яркое проявление в достигнутом на базе победы социализма нерушимом морально-политическом единстве советского народа, в растущем созидательном отношении к труду и общественной социалистической собственности, в животворном патриотизме советских людей, готовых на любые трудовые и ратные подвиги во имя любимой советской Родины, в благородном интернационализме советских людей, готовых оказать всестороннюю бескорыстную помощь трудящимся других стран в их освободительной борьбе и в работе по строительству социализма.

В соответствии с задачей неустанного укрепления социалистического государства и расширения его международных связей борьба советского народа за победу коммунизма в СССР идет по линии всемерного развертывания и усиления хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции Советского государства, обеспечения постоянной готовности нашей Родины к сокрушительному отпору любому, в том числе и наисильнейшему, агрессору. Всемерное усиление мощи нашего государства необходимо и для оказания всесторонней экономической, культурной, политической помощи странам, отпадающим от системы империализма и вливающимся в русло социалистического развития. Не только советская дипломатия, но и все органы нашего государства активно участвуют в борьбе против американо-английских поджигателей новой мировой войны, в борьбе за мир и дружбу между народами, как важнейшие условия успешного строительства коммунистического общественного строя.

В борьбе за победу коммунизма в СССР партия добивается создания благоприятных внешних условий для обеспечения мирной созидательной деятельности советского народа, борется за мир и безопасность народов, за укрепление лагеря социализма и демократии.

Партия исходит при этом из возможности сосуществования и мирного соревнования двух систем.

Еще двадцать восемь лет назад в докладе об итогах XIII съезда РКП(б) товарищ Сталин говорил: «...Наша страна является единственной страной в мире, которая способна вести и действительно ведет политику мира, ведет ее не фарисейски, а честно и открыто, решительно и последовательно. Теперь все признают, и враги, и друзья, что наша страна является единственной страной, которая по праву может быть названа оплотом и знаменосцем политики мира во всём мире» [1].

Идея мира лежит в основе всей внешней политики Советского государства. Длительный и прочный мир нужен нашей стране для строительства коммунизма так же, как он необходим был для строительства социализма.

Отсюда настойчивая и последовательная борьба Советского Союза, идущего во главе всего демократического и антиимпериалистического лагеря, во главе могучего демократического движения сторонников мира, против империалистической реакции, против американо-английских поджигателей новой мировой войны.

Отсюда курс на дальнейшее укрепление международных связей, дружбы с трудящи-

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 239.

мися всех стран, заинтересованными в мире между народами, и прежде всего с трудящимися стран народной демократии.

Отсюда необходимость всестороннего разоблачения поджигателей войны, необходимость повышения революционной бдительности по отношению к коварным проискам и заговорам врагов пролетариата — разведчиков американо-английского империализма, правых социалистов и фашистской банды титовцев.

Ярким показателем непрерывно растущей мощи Советского социалистического государства, роста его влияния и роли на международной арене являются успехи мирного коммунистического строительства в СССР, а также непрерывное укрепление возглавляемого Советским Союзом могучего антиимпериалистического лагеря социализма и народной демократии.

* * *

Таким образом, в трудах И. В. Сталина всесторонне и в гармонической взаимосвязи разработаны теория, программа, стратегия и тактика марксизма.

Труды товарища Сталина вооружают наши кадры прежде всего знанием теории марксизма с ее основными выводами о неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма.

Труды товарища Сталина вооружают наши кадры глубоким пониманием программы марксистско-ленинской партии с ее конечной целью и конкретными задачами борьбы за коммунизм, задачами создания материально-технической базы коммунизма, коммунистического воспитания трудящихся и культурного развития народа, дальнейшего укрепления социалистического государства, как главного орудия строительства коммунистического общества, и расширения его международных связей.

Труды товарища Сталина вооружают наши кадры, наконец, пониманием общих основ коммунистической стратегии и тактики, а также конкретных путей и методов коммунистического строительства; они мобилизуют силы партии и народа на борьбу за победу коммунизма.

То, что в трудах товарища Сталина в неразрывной связи разработаны теория, программа, стратегия и тактика коммунизма, во многом объясняет их огромную мобилизующую и организующую силу и делает их могучим оружием большевистской партии в борьбе за победу коммунизма.

Д. И. НАДТОЧЕЕВ

*Сообщение о втором пленарном заседании и объединенных заседаниях кафедр**

На втором пленарном заседании были заслушаны доклады профессора Д. Т. Шепилова «И. В. Сталин об экономических законах социализма» и профессора В. М. Хвостова «Труды И. В. Сталина и их значение в борьбе за мир».

На объединенных заседаниях кафедр Академии были заслушаны доклады: профессора М. П. Кима «И. В. Сталин и историческая наука», доцента А. К. Азизяна «И. В. Сталин о создании и развитии социалистических наций», профессора П. С. Черемных «Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о государстве», доцента М. Ф. Макаровой «И. В. Сталин о базисе и надстройке», доцента В. Ф. Котока «Вопросы теории права в трудах И. В. Сталина», профессора Ф. И. Кожевникова «Вопросы международного права в трудах И. В. Сталина», профессора А. С. Мясникова «Значение трудов И. В. Сталина для развития советской эстетики» и академика В. В. Виноградова «Значение трудов И. В. Сталина для развития советского языкознания».

Профессор Д. Т. Шепилов, выступивший на пленарном заседании сессии с докладом «И. В. Сталин об экономических законах социализма», показал огромное значение трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина для развития экономической науки.

Ленин и Сталин в гигантской степени обогатили и подняли на высшую ступень экономическое учение Маркса. В работах В. И. Ленина были заложены основы политической экономии социализма. В трудах И. В. Сталина дано целостное и великое по своей преобразующей силе учение о социализме и коммунизме.

И. В. Сталин является творцом политической экономии социализма — высшего достижения экономической науки. В его трудах открыты и освещены законы возникновения социалистического способа производства, законы переходного периода от капитализма к социализму, разработаны все кардинальные проблемы развития экономического базиса социалистического общества: о производительных силах и производственных отношениях социалистического общества, о социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, о социалистической собственности и преимуществах социалистической системы хозяйства, о характере экономических законов при социализме, об основном экономическом законе социализма, о народнохозяйственном планировании и законе планомерного развития народного хозяй-

* В сообщении не получили освещения доклады, которые в настоящее время готовятся к публикации.

ства, о социалистической организации общественного труда и заработной плате, о хозяйственном расчете и социалистической рентабельности.

В трудах И. В. Сталина всесторонне исследован вопрос об экономической роли социалистического государства; в них получили глубочайшее научное освещение политико-экономические проблемы, касающиеся закономерностей развития артельной формы хозяйства, вопрос о товарном производстве и законе стоимости при социализме, о советской торговле, кредите и денежном обращении. И. В. Сталин дал всесторонний анализ сущности социалистического воспроизводства, раскрыл закономерности постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Политическая экономия изучает самые реальные и актуальные вопросы, затрагивающие кровные интересы людей, общества, классов. Все сталинские теоретические положения, представляющие собой гениальное обобщение богатейшего опыта социалистического строительства, даны в неразрывной связи с этим опытом, с коренными задачами борьбы за победу коммунизма. В этом и состоит великая материальная сила сталинской политической экономии.

В сокровищнице ленинско-сталинских идей о политической экономии одно из центральных мест занимает вопрос об экономических законах социализма. Социалистическая система хозяйства складывается и развивается на основе объективно существующих экономических законов, без правильного познания и применения которых невозможно решать назревшие задачи развития материальной жизни общества.

Коммунистическая партия стоит у руля управления величайшей державы мира. Чтобы успешно руководить делом социалистического строительства, надо познать законы социалистического способа производства, «понять смысл событий, смысл новых процессов и потом умело ими управлять в соответствии с общей тенденцией развития» [1].

Докладчик далее подробно излагает положения И. В. Сталина об экономических законах, их природе, внутренней связи и взаимозависимости.

Тов. Шепилов в своем докладе дает развернутую критику ошибочных представлений о характере экономических законов при социализме.

При трактовке этого вопроса, говорит тов. Шепилов, необходимо бороться как против субъективистско-идеалистической концепции, сторонники которой сбрасывают со счетов объективные условия развития, отрицают объективный характер экономических законов и полагают, что эти законы могут быть произвольным продуктом политики социалистического государства, так и против все еще не преодоленной в работах некоторых экономистов буржуазной концепции, сторонники которой смешивают понятия объективности и стихийности законов, что ведет к отождествлению законов, действующих в социалистической и капиталистической системах хозяйства, к недооценке организующей и направляющей роли социалистического государства и коммунистической партии в развитии экономики.

Экономические законы социализма имеют в качестве своей базы новый, социалистический способ производства, основу которого составляет общественная собственность на средства производства, а взаимные отношения людей в процессе производства представляют собой отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи трудящихся.

Развитие экономики при социализме происходит на основе борьбы нового со старым, нарождающегося, прогрессивного — с отмирающим, отсталым.

Полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил при социализме является основой непрерывного и ускоренного развития производительных сил и исключает возможность экономических кризисов перепроизводства и иных разрушительных экономических действий.

В трудах корифея марксистско-ленинской науки И. В. Сталина дана система экономических законов и категорий социализма, отражающих реальную действительность, реальные отношения социалистического общества. Открытые сталинским гением закономерности развития социалистического способа производства являются для коммунистической партии, для нашего народа орудием познания действительности, руководящим началом в практической деятельности по строительству коммунистического общества.

Вооруженная научным знанием экономических законов строительства нового общества, коммунистическая партия привела народы Советской страны к победе социализма. Ныне сталинская экономическая наука служит верным компасом для советского народа, созидающего величественное здание коммунистического общества, для трудящихся стран народной демократии, закладывающих фундамент социалистической экономики в своих странах.

Сталинская экономическая наука дает силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в победе рабочему классу капиталистических стран, народам обширного колониального мира, развертывающим свои силы в борьбе против империалистических угнетателей. Она является важнейшей составной частью бессмертного марксистско-ленинского учения.

* * *

На совместном заседании кафедр истории ВКП(б), истории СССР, всеобщей истории, международных отношений, экономики и политики зарубежных государств с докладом «И. В. Сталин и историческая наука» выступил профессор М. П. Ким.

Великий корифей науки И. В. Сталин неустанно творчески развивает марксистско-ленинскую историческую науку и заботится об ее дальнейшем преуспевании. Он нацеливает ее на решение новых научных проблем, бдительно охраняет от посягательств со сто-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 37.

роны враждебной идеологии, от влияния реакционной буржуазной историографии, направляя нашу историческую науку по пути воинствующей большевистской партийности. Развитие марксистско-ленинской исторической науки органически связано с творческим развитием И. В. Сталиным всего марксистско-ленинского учения об обществе.

Марксизм-ленинизм, являющийся единственным подлинно научным учением об обществе, прочно опирается на данные исторической науки. Исторический материализм возник на гранитном фундаменте исторических знаний как обобщение конкретных фактов истории, как отражение действительных законов общественного развития.

Известно, что одной из незыблемых основ методологии марксистско-ленинского учения является принцип историзма, требующий конкретно-исторического подхода к оценке общественных явлений, анализа их в связи с теми условиями, в которых они возникли и развиваются.

И. В. Сталин постоянно подчеркивает необходимость конкретно-исторического подхода к отдельным выводам и формулам марксистско-ленинской теории. В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» он указывает, что «марксизм, как наука, не может стоять на одном месте,— он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями,— следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам» [1].

Из принципа историзма с необходимостью вытекает творческий подход к науке, творческое отношение к самому марксизму. «Марксизм,— пишет товарищ Сталин,— является врагом всякого догматизма» [2].

И. В. Сталин глубоко и всесторонне разработал и довел до подлинного совершенства методологические и теоретические основы марксистской исторической науки.

В произведении «О диалектическом и историческом материализме», составившем эпоху в истории науки, И. В. Сталин гениально сформулировал важнейшие методологические требования исторической науки, вытекающие из применения положений диалектического материализма к истории общества, к изучению истории общества. Исключительное значение для развития исторической науки имеет труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Творческой разработкой коренных методологических и теоретических основ исторической науки И. В. Сталин поднял ее на новую, высшую ступень, открыл ей широкую перспективу мощного развития.

Но этим, говорит докладчик, не ограничивается заслуга И. В. Сталина перед исторической наукой.

И. В. Сталин дал нам классические образцы конкретно-исторического исследования; ему принадлежит заслуга разрешения важнейших проблем истории, связанных с поворотными пунктами в развитии человечества. В его трудах нашло яркое и глубоко научное освещение огромное количество теоретических вопросов, относящихся к различным этапам истории человеческого общества и прежде всего к эпохе империализма и пролетарских революций. Что касается истории советского общества, то она от начала до конца во всех своих существенных чертах нашла замечательно полное и глубокое отражение в трудах И. В. Сталина.

Величайшая из всех заслуг И. В. Сталина перед исторической наукой — это создание подлинно научной истории большевистской партии и глубокая разработка истории Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру во всемирной истории человечества.

Произведения И. В. Сталина — это неиссякаемый источник исторических знаний. И. В. Сталин постоянно и бдительно следит за состоянием советской исторической науки, ограждая ее от всяких искажений, от проникновения тлетворных влияний враждебной идеологии. Каждый новый этап в истории советской исторической науки, а значит, и мировой марксистской исторической науки связан с именем И. В. Сталина, с его теоретическими выступлениями и направляющей деятельностью.

В прениях по докладу профессора Кима «И. В. Сталин и историческая наука» выступили академик Л. Н. Иванов и профессора А. Л. Нарочницкий, В. Я. Поршнев, А. Л. Сидоров.

Далее историки заслушали доклад доцента А. К. Азизяна на тему «И. В. Сталин о создании и развитии социалистических наций», в котором докладчик охарактеризовал огромные заслуги И. В. Сталина в разработке важнейших проблем марксистско-ленинской теории по национальному вопросу и разоблачении буржуазного национализма, его тактики и идеологии на различных этапах развития Советского государства.

И. В. Сталину принадлежит новая постановка вопроса о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения.

В трудах И. В. Сталина получили теоретическую разработку следующие важнейшие проблемы ленинско-сталинской национальной политики: о советской национальной автономии, о ее форме и содержании, о советской федерации, ее особенностях и задачах; о воссоединении народов и их консолидации на базе Советов.

Глубоко разработано в трудах И. В. Сталина учение о многонациональном социалистическом государстве, а также вопросы о фактическом уравнении наций, об отношении диктатуры пролетариата к национальным различиям, о развитии культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

И. В. Сталин создал учение о социалистических нациях и глубоко разработал вопросы о дружбе народов, советском патриотизме и морально-политическом единстве общества, как движущих силах советского

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 55. Госполитиздат. 1951.

[2] Там же.

общества, о некапиталистическом пути развития народов Востока, о перспективе развития наций и национальных языков.

Труды И. В. Сталина по национальному вопросу имеют огромное международное значение. Они раскрывают международное значение решения национального вопроса в СССР. В них дана глубокая разработка тактики коммунистических партий зависимых и колониальных стран в национально-освободительном движении и вопросов китайской революции.

В своем докладе А. К. Азизян подробно остановился на одном из перечисленных выше вопросов — на сталинском учении о социалистических нациях.

Докладчик говорил о том, что И. В. Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм», написанной в 1929 году, в год «великого перелома», впервые в марксистской литературе выдвинул положение о новых, социалистических нациях, образовавшихся в Советском Союзе под руководством коммунистической партии, показал принципиальную разницу между нациями буржуазными и нациями социалистическими, ярко охарактеризовал сплоченность и жизнеспособность социалистических наций. Эти сталинские положения — выдающийся вклад в теорию марксизма-ленинизма, они раскрывают одну из важнейших закономерностей развития социалистического общества — возникновение социалистических наций.

Возможность и необходимость возникновения новых, социалистических наций обусловлены природой социалистической революции и диктатуры пролетариата. И. В. Сталин учит, что социалистическая революция в СССР победила в результате соединения в единый поток четырех потоков революционной борьбы: общедемократического движения за мир, крестьянско-демократического движения за захват помещичьих земель, национально-освободительного движения угнетенных народов за национальное равноправие и социалистического движения пролетариата за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Соединение всех этих четырех потоков в один мощный революционный поток и решило судьбу капитализма в России. Из этого чрезвычайно важного положения И. В. Сталина вытекает тот вывод, что борьба угнетенных народов за раскрепощение неразрывно связана с революционной борьбой масс против эксплуататоров и является необходимым условием успешного развертывания пролетарской революции.

Главное в ленинизме — это теория диктатуры пролетариата. Национальный вопрос, так же как и крестьянский, является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата.

Пролетарская революция, разбившая цепи национального угнетения нерусских наций, разрешившая национальный вопрос на основе ленинско-сталинской национальной политики, явилась первым решительным шагом по пути создания социалистических наций.

В братской семье советских народов ранее угнетенные нации добились невиданного политического, хозяйственного и культурного расцвета. Вдохновленная товарищем Сталиным дружба народов СССР явилась великим завоеванием революции, одним из источников могущества нашей социалистической Родины.

В работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин дает мудрую, всеобъемлющую характеристику политики партии по национальному вопросу:

«Партия считала, что свержение власти капитала и организация диктатуры пролетариата, изгнание империалистических войск из пределов колониальных и зависимых стран и обеспечение для этих стран права на отделение и организацию своих национальных государств, ликвидация национальной вражды и национализма и укрепление интернациональных связей между народами, организация единого социалистического народного хозяйства и налаживание на этой почве братского сотрудничества народов,— являются лучшим решением национально-колониального вопроса в данных условиях» [1].

Эти сталинские положения, являющиеся научным обобщением опыта большевизма, вместе с тем служат программой для зарубежных коммунистических и рабочих партий, борющихся за свободу и равноправие народов, за социализм и демократию, за создание социалистических наций.

Главным орудием создания социалистических наций явилось Советское государство, направляемое и руководимое коммунистической партией.

В своих трудах И. В. Сталин всесторонне развил ленинскую теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата и создал цельное, законченное учение о многонациональном социалистическом государстве, в котором разрешена проблема сотрудничества наций.

Исключительное значение в разработке теории диктатуры пролетариата, в раскрытии природы социалистического государства имеет разработанное И. В. Сталиным гениальное учение о трех сторонах диктатуры пролетариата, в котором мудро сочетаются национальные и интернациональные задачи народов, освобожденных от ига империализма.

В своем историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин выдвинул важнейшие теоретические положения о фазах развития и функциях Советского государства.

Докладчик останавливается далее на борьбе коммунистической партии и Советского государства за создание и развитие социалистических наций в СССР в новых условиях, рассматривая эту борьбу под углом зрения развития и изменения функций Советского государства. Докладчик показывает, что создание социалистических наций не является стихийным процессом. Возникновение и развитие социалистических наций обусловлены конкретными возможностями, возникающими в результате победы диктатуры пролетариата.

Создание социалистических наций неразрывно связано с борьбой за перестройку

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 352.

экономики на социалистических началах, с борьбой за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, с борьбой за ликвидацию эксплуататорских классов в стране, с развитием советской социалистической демократии.

Теория и программа коммунистической партии освещали и освещают путь к созданию социалистических наций, к воспитанию их в духе интернационализма, в духе дружбы народов. Вся борьба партии большевиков за создание и развитие социалистических наций — воплощение пролетарского интернационализма, неопровержимое доказательство великой организующей, мобилизующей и преобразующей силы ленинско-сталинской национальной политики.

Таким образом, говорит докладчик, борьба коммунистической партии за создание социалистических наций в нашей стране развивалась в следующих направлениях:

теоретическом — создание марксистской теории нации, разработка теории и программы по национальному вопросу в соответствии с задачами победы социалистической революции и диктатуры пролетариата, с задачами построения социализма, коммунизма, разработка теории многонационального социалистического государства, развитие идеологии пролетарского интернационализма, создание советской идеологии дружбы народов, широчайшая пропаганда идей ленинизма;

политическом — победа диктатуры пролетариата, формирование советской национальной государственности на основе принципов советской федерации и автономии, укрепление союза рабочих и крестьян, ликвидация эксплуататорских классов, разгром буржуазного национализма, воспитание масс в духе интернационализма и дружбы народов;

экономическом — создание новой, социалистической экономики, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства;

культурном — развертывание культурной революции, широко организованное народное образование и издание литературы на родном языке, развитие культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, создание советской народной интеллигенции из коренного населения.

И. В. Сталин в своих трудах дал глубокую, всестороннюю характеристику духовного облика социалистических наций, подчеркнув их пролетарский интернационализм и советский патриотизм.

Гигантски возросли духовные богатства наций, долгие века таившиеся под спудом и ныне поставленные на службу народам. Социалистические нации каждодневно убеждаются, что только на почве Советов, только в условиях социализма они смогли получить такие широчайшие возможности для своего расцвета. И поэтому их патриотизм, их любовь к своей Родине выражаются прежде всего в глубокой преданности делу Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Социалистические нации СССР, вдохновленные гениальной сталинской программой коммунистического строительства, достигли в послевоенный период гигантских успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Об этих достижениях ярко говорят замечательные итоги выполнения послевоенной пятилетки. Эти итоги, изумившие весь мир, явились плодом совместного, согласованного труда всех социалистических наций, всех народов нашей страны.

На грандиозных стройках коммунизма еще более крепнут дружба и взаимопомощь социалистических наций в СССР. Идеи советского патриотизма и дружбы народов, идеи пролетарского интернационализма все глубже внедряются в сознание масс. Партия добивается полного искоренения националистических пережитков.

Успехи коммунистического воспитания налицо. Они выражаются в замечательных плодах все более и более разгорающегося социалистического соревнования и стахановского движения, в росте общественной инициативы и новаторства, в заботе трудящихся всех наций о всемерном укреплении мощи своего родного Советского государства.

Коммунистическое строительство в СССР развертывается в условиях огромного роста демократического лагеря. И на Востоке и на Западе с нами граничат наши друзья, которые совместно с нами борются против американо-английских поджигателей войны, за прочный мир между народами, за социализм и демократию, за свободу и равноправие народов.

Социалистические нации СССР под руководством коммунистической партии, под руководством великого кормчего коммунизма и творца дружбы народов товарища Сталина уверенно идут вперед, к полной победе коммунизма.

По докладу доцента А. К. Азизяна выступили член-корреспондент АН СССР А. М. Панкратова, аспиранты тт. Кулигин и Евдокимов, которые остановились на основных положениях сталинского учения о социалистических нациях и охарактеризовали условия формирования и развития социалистических наций в СССР.

* * *

На совместном открытом заседании кафедр диалектического и исторического материализма, истории философии, политической экономии, логики и психологии были заслушаны доклады профессора П. С. Черемных на тему «Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о государстве» и доцента М. Ф. Макаровой «И. В. Сталин о базисе и надстройке». В обсуждении этих докладов приняли участие профессор Ц. А. Степанян, доценты М. Д. Цебенко, М. А. Процько, И. С. Шариков, кандидат экономических наук А. Н. Гржегоржевский, кандидат философских наук П. Н. Гапочка, аспиранты тт. Я. Н. Шульга, И. В. Новожилов, Е. С. Русанов, А. А. Кожевников, В. М. Косачев, И. А. Чудинов и другие.

В докладе П. С. Черемных и в выступлениях (доцента И. С. Шарикова, аспиранта Чудинова и др.) большое внимание уделялось вопросу об источниках силы Советского социалистического государства и о движущих силах советского общества в их связи с базисом и надстройкой.

Доцент М. Ф. Макарова в своем докладе

говорила о том, что марксизм, как наука, не может стоять на одном месте. Марксизм развивается и совершенствуется на протяжении свыше ста лет.

Многие работы И. В. Сталина созданы в новых исторических условиях — в период общего кризиса капитализма в буржуазном обществе и победы социализма и постепенного перехода к коммунизму в советском обществе. Совершенно новым историческим событием является образование лагеря мира и демократии.

В новых условиях, в условиях победы социализма, появилась насущная потребность научного обобщения роли Советского государства в создании социалистического строя и перехода к коммунизму, а также обоснования самого характера этого перехода от социализма к коммунизму.

Из всего огромного богатства поставленных и развитых И. В. Сталиным проблем тов. Макарова осветила лишь некоторые, а именно: способ производства и базис общества, базис и фундамент социалистического общества и вопрос об особой роли Советского государства в создании фундамента социалистического общества и развитии социалистической экономики.

Она говорила об огромном значении труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития исторического материализма.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», вышедший в новых исторических условиях, тесно связан с трудом И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», который является незыблемой философской основой для понимания всех вопросов исторического материализма, в том числе и вопросов базиса и надстройки. Новый труд не отменяет ни одного положения из классического труда И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», а, наоборот, развивает эти положения дальше.

Учение о базисе и надстройке, как важнейшая часть марксизма, непрерывно творчески развивается под влиянием новых условий материального производства и жизненных потребностей общества. Новые положения, данные И. В. Сталиным — о базисе, об отношении базиса к надстройке, о характере экономических законов социализма и об особой исторической роли Советского государства,— обогащают науку, дают исчерпывающее философское и экономическое обоснование условий и характера дальнейшего развития социалистического общества по пути к коммунистическому обществу и вдохновляют строителей коммунизма в их мирном созидательном труде.

* * *

На совместном заседании кафедр теории государства и права и международного права были заслушаны два доклада: доцента В. Ф. Котока «Вопросы теории права в трудах И. В. Сталина» и профессора. Ф. И. Кожевникова «Вопросы международного права в трудах И. В. Сталина».

В. Ф. Коток в своем докладе осветил значение трудов И. В. Сталина для разработки вопросов теории государства и права.

Каждый этап в развитии Советского государства ознаменован гениальными произведениями И. В. Сталина, теоретически обобщающими титанический опыт строительства социализма в СССР. И. В. Сталин создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве.

Вопросы теории государства неотделимы от вопросов теории права. Теснейшая связь между государством и правом определяется тем, что они представляют собой непосредственные орудия классового господства. Поэтому в системе надстройки политические и правовые взгляды и соответствующие им учреждения занимают первое место.

Ведущее место и тесное взаимодействие государства и права в системе надстройки закономерны: государственная воля господствующего класса, осуществляющего государственное руководство обществом, находит свое выражение в нормах права.

И. В. Сталин глубоко и всесторонне показал принципиальное, коренное отличие социалистического права от права буржуазного, раскрыв народный, подлинно демократический характер социалистического права как права высшего исторического типа.

Сталинское учение о двух фазах развития социалистического государства вооружает советскую правовую науку знанием закономерностей развития советского права. Советское право, выражая волю и интересы рабочего класса, выражает вместе с тем волю и интересы трудящихся масс, руководимых рабочим классом. Оно закрепляет, охраняет и развивает общественные порядки, угодные и выгодные народным массам, обеспечивающие всему народу зажиточную и культурную жизнь.

Советское государство и право обеспечивают успешное строительство коммунизма. Государство посредством права формулирует свою волю как общеобязательную, направленную на создание организационно-политических, материально-технических и идеологических предпосылок перехода к коммунизму.

В ряде классических произведений И. В. Сталин гениально обобщил эту великую правотворческую деятельность Советского социалистического государства.

В своих трудах по вопросам языкознания И. В. Сталин дает глубокое и ясное разрешение вопроса о соотношении правовых взглядов и экономического строя общества.

Правовые, как и другие, взгляды общества и соответствующие им учреждения входят в систему надстройки, которая порождается базисом данного общества. Они играют служебную роль по отношению к своему базису, содействуя его укреплению и развитию.

Ликвидация или изменение данного базиса влечет за собой ликвидацию или изменение определенной надстройки, равно как рождение данного базиса вызывает вслед за собой появление соответствующей ему надстройки.

Из этого следует, что если уничтожается капиталистический базис, то вместе с ним ликвидируется и капиталистическая надстройка, в том числе правовые взгляды, правовые теории буржуазного общества и соответствующие им учреждения, которые не могут обслуживать новый базис — экономический строй социалистического общества.

Политические и правовые взгляды общества выражают интересы господствующих классов, определяют в соответствии с их волей наиболее отвечающие целям этих классов формы политической организации общества и его правопорядка. Естественно, что политические, правовые и другие учреждения общества соответствуют политическим, правовым и другим взглядам господствующих классов.

Решающим условием обеспечения такого соответствия в социалистическом обществе является руководящая роль коммунистической партии в Советском государстве.

Важную роль в обеспечении полного соответствия между политическими и правовыми взглядами, с одной стороны, и политико-правовыми учреждениями — с другой, играет также правосознание народа, оказывающее громадное влияние на развитие политических и правовых учреждений социалистического общества.

Политические и правовые взгляды большевистской партии, получающие воплощение в политических и правовых учреждениях Советского государства, ставшие достоянием широких народных масс, превратились в великую творческую, созидательную силу, невиданную в истории. Всемирно-историческое значение политических и правовых учреждений Советского государства состоит в том, что они вовлекают широкие массы трудящихся в активную работу по строительству новой жизни, обеспечивают участие миллионов и миллионов простых людей в управлении государством.

Развивая науку о праве в условиях развернутого социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму, И. В. Сталин создал цельное и законченное учение о социалистическом праве в целом и о советском конституционном праве в особенности.

Сталинская Конституция — конституция второй фазы развития Советского социалистического государства, когда утвердился социалистический тип производственных отношений во всех сферах жизни нашей страны. В ней запечатлены политические и правовые взгляды большевистской партии и советского народа, гениальные идеи И. В. Сталина о социалистическом государстве и праве как могущественных орудиях преобразования общества на коммунистических началах.

Сталинская Конституция явилась знаменем, вокруг которого сплотился советский народ в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и империалистической Японии.

Под знаменем Сталинской Конституции советский народ одерживает победы на фронте мирного созидательного труда. Чувство патриотизма двигает вперед наш народ, укрепляет в нем веру в свои силы и мобилизует на борьбу для завоевания новых побед коммунизма.

Таково великое историческое значение Сталинской Конституции для народов СССР.

Сталинская Конституция имеет огромное международное значение. Если для народов СССР она имеет значение итога их побед на пути к коммунизму, то для народов капиталистических стран Конституция СССР имеет значение «программы действий». Народы капиталистических стран видят в Сталинской Конституции исторический документ, свидетельствующий о том, что строительство социализма, осуществленное в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах.

Таким образом, Конституция СССР является «моральной помощью и реальным подспорьем» для всех тех, кто ныне ведет борьбу против реакции, против фашизации буржуазного государства, против поджигателей новой империалистической войны, направленной против СССР, а также против стран народной демократии, закладывающих основы социалистического строительства.

СССР всегда был и остается оплотом мира во всем мире.

Мирная политика составляет один из важнейших конституционных принципов Советского государства. Под знаменем Сталинской Конституции советский народ возглавляет величайшее движение современности — движение сторонников мира. Шестьсот миллионов подписей, поставленных людьми доброй воли земного шара под Обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами,— яркий показатель авторитета и силы идей Сталинской Конституции.

По докладу тов. В. Ф. Котока выступили член-корреспондент АН СССР М. А. Аржанов, профессор С. Н. Братусь, кандидат юридических наук В. И. Попова, аспирант Л. А. Ключинская.

Выступающие говорили о соотношении базиса и надстройки, о роли правовых взглядов и правовых учреждений, о соотношении экономической основы и экономического базиса, о международном значении Сталинской Конституции.

* * *

В докладе «Вопросы международного права в трудах И. В. Сталина» профессор Ф. И. Кожевников говорил о многогранной творческой теоретической и практической деятельности И. В. Сталина в области внешней политики первого в истории социалистического государства, нерушимо стоящего во главе лагеря подлинной демократии и действительного прогресса во всем мире.

Ленин и Сталин учат, что внешняя политика СССР органически вытекает из его внутренней политики, гениальной исторической задачей которой является построение

полного коммунистического общества в нашей стране. Внешняя политика СССР призвана способствовать осуществлению этой исторической задачи. Отличительные черты внешней политики нашего государства — ясность и понятность, неизменность и принципиальность, последовательность и самостоятельность.

Неизменным принципом внешней политики Советского государства является борьба за мир и международное сотрудничество.

На XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 года И. В. Сталин указал на то, что «основу политики нашего правительства, политики внешней, составляет идея мира»[1].

Ленин и Сталин разработали учение о возможности мирного сосуществования двух систем, возможности сотрудничества между СССР и капиталистическими странами.

В беседе с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 года И. В. Сталин указывал на то, что наличие двух противоположных систем — системы капиталистической и системы социалистической — не исключает возможности сотрудничества между ними[2].

И. В. Сталин с гениальной четкостью показал, в чем заключаются коренные причины отказа нынешних руководителей США и Англии от действительного сотрудничества с СССР, в том числе и в рамках Организации Объединенных Наций.

Эти причины заключаются в том, что вдохновители агрессивной политики в указанных странах не считают себя заинтересованными в таком сотрудничестве. Более того: они боятся соглашений и сотрудничества с СССР, так как это подрывает позиции поджигателей войны и делает беспредметной их агрессивную политику.

В беседе с корреспондентом «Правды» 17 февраля 1951 года И. В. Сталин еще раз отметил истинные причины срыва правящими кругами США, Англии и других капиталистических стран сотрудничества с Советским Союзом и показал, что эти круги стоят не за сохранение мира, а за развязывание новой мировой агрессивной войны.

Советское международное право призвано играть большую положительную роль в правовой организации отношений СССР с внешним миром, в борьбе социалистического государства за безопасность своих границ, за международный мир, за осуществление подлинного международного сотрудничества.

Высказывания И. В. Сталина по вопросам международного права служат руководящим началом в практической деятельности нашей партии. Для советских юристов-международников они должны стать предметом специальных монографических исследований.

Правильное решение вопроса о происхождении и сущности советского международного права возможно только на основе учения Ленина и Сталина о базисе и надстройке.

Исходя из положения И. В. Сталина о том, что всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку, необходимо сделать вывод, что каждому типу классового общества соответствует свое по форме и содержанию международное право, которое хотя и является особой отраслью права, но, бесспорно, принадлежит к категории правовой надстройки.

В период империализма господствующими классами буржуазии международное право используется в реакционных и агрессивных целях, что вытекает из сущности империализма.

Применительно к праву одна из характерных черт империализма и заключается в том, как учат Ленин и Сталин, что буржуазия в эту эпоху во имя сохранения своего господства открыто порывает с законностью. А буржуазные юристы-«теоретики» стремятся оправдать это беззаконие.

Международная законность, передовые институты которой определялись в тот исторический период, когда буржуазия была относительно прогрессивной, в наше время нагло нарушается господствующими классами империалистических государств.

Наиболее ярким примером в этом отношении может послужить вопрос о суверенитете. Известно, что принцип суверенитета является одним из тех коренных начал, на которых покоится современное международное право. Империалистические государства во главе с США цинично попирают это коренное начало международного права. Взамен этого принципа они выдвигают реакционные, космополитические идеи «мирового государства», «мирового правительства» и т. п., находящие свое конкретное экспансионистское выражение в авантюрных планах Маршалла, Ачесона, в Северо-атлантическом пакте, в «Западном союзе» и т. д.

Американские империалисты и их ученые лакеи открыто призывают к массовому истреблению людей.

Американские интервенты в Корее уже встали на путь чудовищных злодеяний, на путь применения бактериологического оружия. Мировая общественность клеймит позором этот преступный акт американского империализма и требует сурового наказания всех виновников нового тягчайшего преступления против человечества.

Величайшее историческое значение Советского государства, создавшего новый, социалистический базис, которому соответствует новая, социалистическая надстройка, в том числе правовая, оказывающая активно-творческое воздействие на социалистическую экономику, заключается также в том, что оно ведет борьбу за укрепление прогрессивных начал международного права, за их дальнейшую демократизацию и за создание основ международного права будущего.

Позиция социалистического государства в области международно-правовых отношений представляет собой определенное отрицание всех реакционных элементов буржуазного международного права. Но это отрицание не только не означает игнорирования прогрессивных начал международного права, но, напротив, представляет собой защиту этих начал на принципиально новой основе и придание им нового качества.

Ленинско-сталинское учение о междуна-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 296.
[2] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 123.

родном праве и конкретная практика Советского государства в области международных отношений закладывают также теоретические основы и прочный фундамент международной законности будущего, общего социалистического международного права, на основе которого будут развиваться отношения между социалистическими нациями.

В чем заключаются коренные, принципиальные политические основы международных отношений нового типа, сложившихся между СССР и странами народной демократии? Такими основами являются принципы интернационализма, принципы Ленина — Сталина.

Между странами мира, социализма и демократии установлен новый, высший тип международных отношений, которому соответствует и новый тип международных правовых отношений.

Новое качество всех отношений между СССР и странами народной демократии заключается в их социалистической природе: это международные отношения социалистического типа.

Основными правовыми формами политических отношений между СССР и странами народной демократии в Азии и Европе являются договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Эти договоры основаны на взаимном уважении к национальному суверенитету, на международной солидарности. Напротив, договоры, заключаемые между империалистическими государствами, резко противоречат демократическим началам современного международного права и служат лицемерным прикрытием экспансионистской политики империалистических стран.

Образование новой системы международно-правовых отношений не исключает существования и признания общего международного права в смысле совокупности элементарных понятий международной законности, строгое соблюдение которых безусловно обязательно для всех без исключения государств современного мира. Существование такого права с необходимостью вытекает из исторического факта сосуществования двух миров — мира социализма и мира капитализма, между которыми возможно и необходимо международное сотрудничество на определенной основе.

Советская концепция международного права полностью включает в себя признание этих элементарных, общепризнанных понятий международного права.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» ставит перед советскими юристами-международниками ряд весьма актуальных и принципиальных проблем в области советской теории международного права.

Одной из них является проблема современного международного права в свете исторического факта образования, укрепления и дальнейшего развития новой системы международно-правовых связей.

Положения, содержащиеся в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», являются новым методологическим и познавательным источником для диалектического решения проблемы согласования современного международного права с историческим фактом формирования основ будущего общего социалистического международного права.

К числу коренных, общепризнанных демократических начал современного международного права, выражающих собою правосознание всего передового человечества, относятся следующие: суверенитет, суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела государств, соблюдение международных обязательств, гуманизация законов и обычаев войны, запрет агрессивной войны.

Докладчик подробно останавливается на всех этих важных вопросах современного международного права.

По докладу профессора Ф. И. Кожевникова выступили профессора Е. А. Коровин, С. Б. Крылов, доценты Д. А. Гайдуков и Л. А. Моджорян, аспиранты тт. К. Ф. Штепа и А. С. Бабаев.

* * *

На расширенном заседании кафедр теории и истории литературы и теории и истории искусств были заслушаны два доклада: доклад академика В. В. Виноградова «Значение трудов И. В. Сталина для развития советского языкознания» и профессора А. С. Мясникова «Значение трудов И. В. Сталина для развития советской эстетики».

Академик В. В. Виноградов в своем докладе говорил о том, что труды И. В. Сталина по вопросам языкознания оказали огромное влияние на развитие всех общественных наук. В этих трудах советские ученые черпают новые идеи, новые импульсы к научным открытиям.

Для филологии вообще и для языкознания в особенности труды И. В. Сталина открыли совершенно новые пути, поставили новые задачи исследования, вскрыли совершенно новые точки зрения в сфере понимания природы языка, его структуры, его функций, законов его исторического развития. Языку возвращена роль базы всех филологических дисциплин. Вместе с тем на основе впервые раскрытого И. В. Сталиным отношения языка к другим общественным явлениям перед нами в новом свете предстают связи, взаимодействия и специфические отличия языкознания, литературоведения, этнографии, фольклористики, истории материальной культуры.

Впервые в истории науки о языке с поразительной ясностью и строгостью мысли, с удивительным лаконизмом и убеждающей полнотой описан самый объект лингвистического исследования — язык как специфическое общественное явление, очерчены его функции как средства общения и обмена мыслями между всеми членами общества, независимо от социального положения, установлены исторические закономерности изменения языка, тесно связанные с историей общества, с историей народа. В этом гениальном труде И. В. Сталина охарактеризовано отноше-

ние языка к культуре, показаны конкретные различия между языком и общественно-идеологическими элементами надстройки (воззрениями и учреждениями), четко разграничены основные составные части языка и указано их соотношение, то есть определена самая структура языка, открыт закон разных темпов изменения «основ языка» (его основного словарного фонда и грамматического строя) и подвижных частей словарного состава. В качестве главной задачи языкознания поставлена задача исследования внутренних законов развития языка, намечены критерии оценки исторического совершенствования языка.

Вместе с тем в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» научная теория языкознания и краткий очерк развития языков в связи с развитием общества включены в широкий круг вопросов истории человечества, современного положения народов и их освободительной борьбы. С гениальной зоркостью и глубиной раскрыта творческая сила и непреходящее значение народов в истории человеческой культуры и даны ответы на самые жгучие, самые острые вопросы современности.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания дают народам мира ясную перспективу борьбы за свободное от провинциальной ограниченности и от чуждых, антинародных примесей развитие национальных языков и культур. Они призывают всех прогрессивных деятелей культуры к изучению общенародного языка, к охране его национальных основ, к борьбе с засорением и опошлением национального языка жаргонными, классовыми, паразитическими словами и выражениями, к развитию демократических традиций по отношению к родному языку. Труды И. В. Сталина стали могучим вдохновляющим источником сплочения и единения народов на основе равноправия, сохранения национального суверенитета, национальной культуры и ее национальной формы.

В сталинском учении о языке получили глубокое и точное определение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии.

Творческий марксизм, открывая законы современного развития общества и ярко освещая его будущее, его перспективы, вместе с тем всесторонне отражает и научно обобщает весь исторический опыт прошлого.

Разоблачив антимарксистские предпосылки и устои «теории» академика Марра и его учеников, труды И. В. Сталина вооружили советское языкознание научным методом творческого марксизма и создали прочную, незыблемую теоретическую базу для правильного решения всех основных вопросов науки о языке и для победоносной борьбы против реакционного зарубежного буржуазного языкознания.

Сталинское определение сущности таких понятий, как язык, народ, культура, создало плодотворную почву для совместной объединенной работы советских языковедов, историков, археологов и этнографов над вопросами происхождения и развития языков, народов и культур, над вопросами перехода языков от родовых к племенным, от племенных к языкам народностей и затем языкам национальным.

Труды И. В. Сталина ломают сложившиеся на основе так называемого «нового учения» о языке ошибочные, антимарксистские представления о языке, его «классовости», о трансформации языковых структур, о принципах сопоставления внесистемных языков, отрывающих историю языков от истории народов, об изменениях качества языков путем взрывов и скрещиваний и т. п. Труды И. В. Сталина открывают советскому языкознанию широкую и свободную перспективу подлинно научного, марксистского развития. Языковеды нашей страны, передовые языковеды всего мира получили возможность, сбросив с себя груз всевозможных идеалистических и вульгарно-материалистических ошибок и основательно вооружившись марксистской теорией языка, уверенно, смело и дружно двигаться по пути истинного, научного исследования языков мира. Этот путь, открытый для всех, путь, ведущий к вершинам научного знания, указал нам наш великий вождь и учитель И. В. Сталин.

Профессор А. С. Мясников в докладе «Значение трудов И. В. Сталина для развития советской эстетики» говорил о том, что труды И. В. Сталина являются философской основой для решения важнейших вопросов всех общественных наук, в том числе советской эстетики — науки, рассматривающей художественные взгляды общества, сущность, законы развития и общественную роль искусства. Вместе с этим в сокровищнице сталинского гения мы находим ряд замечательных работ, посвященных непосредственно вопросам искусства, которые дают образцы творческого научного анализа сложнейших явлений в этой области и указывают пути как для разработки истории советского искусства, так и для изучения творчества отдельных художников.

Благодаря мудрому руководству И. В. Сталина успешно растет и развивается наше советское искусство. И. В. Сталин является вдохновителем всех решений партии по идеологическим вопросам — о литературе, театре, кино, музыке. Только тщательное изучение работ и высказываний И. В. Сталина по вопросам искусства приведет советских исследователей к творческой разработке основных вопросов советской эстетики: о мировоззрении и методе художника, о социалистическом реализме, о специфике искусства и его общественной роли, о классовости, партийности и народности искусства, о содержании и форме, о специфике художественного образа, о прекрасном и возвышенном, трагическом и комическом в искусстве и др.

Одним из важнейших вопросов советской эстетики является вопрос об отношении к наследству прошлого.

В конце прошлого века либеральные народники клеветнически обвиняли марксистов в презрении к наследству прошлого. В. И. Ленин дал сокрушительный отпор этим клеветникам и доказал, что только марксисты являются подлинными храни-

телями наследства. Но марксисты, подчеркивал В. И. Ленин, не хранят наследство, как архиварнус хранит старые рукописи. Они относятся к наследству творчески: опираясь на лучшие традиции прошлого, они развивают эти традиции в новых исторических условиях.

Борьбу против традиций русской классической эстетики, в первую очередь против революционно-демократической эстетики, развернули декаденты. Против классического наследства боролись и футуристы. В своем манифесте, опубликованном в 1912 году, они выбросили позорный лозунг: сбросить классиков с корабля современности.

Против русского классического наследства вели борьбу пролеткультовцы и рапповцы, которых И. В. Сталин назвал в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» вульгаризаторами марксизма. Представители этих литературных групп демагогически кричали о новаторском характере советского искусства, понимая новаторство как отказ от завоеваний классического наследства. Пролеткультовцы и рапповцы демагогически пытались объявить себя единственными основоположниками нового, советского искусства и всякое признание классического наследства расценивали как измену революционному искусству. Партия Ленина — Сталина разгромила этих вульгаризаторов марксизма.

Замечательный урок отношения к наследству прошлого дал И. В. Сталин и в письме к Демьяну Бедному в декабре 1930 года. В этом письме И. В. Сталин указал поэту, что его критика недостатков переросла в клевету на прошлое и настоящее родной страны, и напомнил Демьяну Бедному замечательную статью величайшего патриота и интернационалиста В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов». Призывая Демьяна Бедного понять сущность своих ошибок, И. В. Сталин советовал поэту осознать великое значение русской национальной культуры.

В этом письме к Демьяну Бедному И. В. Сталин подчеркнул, что тот писатель, который не понимает значения России Радищевых и Чернышевских, сделавших Россию центром освободительного движения мира, который не знает, что такое революционная национальная гордость, — такой писатель не может стать певцом передового пролетариата.

И. В. Сталин ограждает советских писателей от наскоков рапповцев и других вульгаризаторов марксизма, пренебрежительно относящихся к искусству прошлого.

Произведения И. В. Сталина учат нас относиться с глубоким уважением и любовью к передовым традициям прошлого. В незабываемые дни тяжелых испытаний, когда армии гитлеровцев рвались к Москве, И. В. Сталин в докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1941 года назвал имена великих представителей русской нации, имена революционеров, философов, деятелей науки, искусства, полководцев. Среди этих великих представителей русской нации И. В. Сталин назвал имена писателей и критиков — Пушкина и Толстого, Белинского и Чернышевского, Чехова и Горького. Это упоминание имен великих писателей и критиков в одном ряду с другими великими деятелями нашего государства заставляет наших исследователей задуматься над раскрытием значения деятелей искусства в строительстве великой русской национальной культуры.

И. В. Сталин всегда призывал к развитию демократической культуры и к борьбе с культурой буржуазной. Одним из ярких документов этой борьбы является статья И. В. Сталина «Беспартийные чудаки», опубликованная в 1912 году. Эта статья И. В. Сталина, раскрывающая подлинный смысл лозунга беспартийности, сыграла огромную роль в борьбе за идейность литературы и искусства.

Некоторые вульгаризаторы марксизма, главным образом из среды рапповцев и переверзевцев, в конце 20-х и начале 30-х годов пытались под флагом борьбы с теорией единого потока в искусствознании свести всю задачу историков литературы к выяснению классового лица изучаемых писателей.

Если идеалисты пытались доказать мнимую независимость художественного творчества от мировоззрения художника, то вульгаризаторы марксизма фактически не давали анализа художественных произведений, а ограничивались лишь примитивной характеристикой мировоззрения художника.

Игнорируя ленинско-сталинскую теорию отражения, эти вульгарные социологи не ставили перед собой задачу выяснить, в какой мере правдиво отражал тот или иной художник жизнь и насколько художественно совершенно было его произведение, а ограничивались попыткой, опираясь на художественные произведения, и особенно на письма, записки, дневники писателей, доказать, что данный писатель принадлежал к такому-то из господствующих классов прошлого. В большинстве случаев такое «исследование» сводилось к обвинению писателя в том, что он принадлежал к одному из господствующих классов и не понимал задач, стоящих перед народом в то время.

Уже в послевоенный период партия разгромила антипатриотическую группу критиков-космополитов.

Антипатриоты-космополиты чудовищно извращали ленинско-сталинское понимание интернационализма. Они утверждали, что интернационализм будто бы исключает национальную культуру, и поэтому с презрением относились к национальным культурам, прежде всего к великой русской культуре. Антипатриоты-космополиты для доказательства своих гнусных идеек нередко опирались на догматы школы академика А. Н. Веселовского. Типичный буржуазный ученый, А. Н. Веселовский, выхолащивая идейную сущность художественных произведений, занимался бесплодным, формалистическим сопоставлением произведений художников различных стран и эпох, стремясь доказать, что будто бы почти все русское искусство было подражательным.

Антипатриоты-космополиты не ограничились попытками принизить значение русско-

го искусства, доказывая, что оно является якобы подражанием искусству Запада. Они стали механически противопоставлять советское искусство искусству прошлого. По мнению этих антипатриотов, оказывалось, что русские классики не имели идеалов, что они не смогли создать положительных героев, что они ограничивались лишь критикой существующей действительности. Некоторые критики, не решаясь открыто атаковать русский критический реализм, изобрели для этой цели окольные пути. Так, например, они утверждали, что герой критического реализма будто бы не вел наступательной борьбы против пошлости и грязи буржуазного мира, а ограничивался только обороной. И это серьезно говорилось о той литературе, которая создала образы Чацкого, Пугачева, Рахметова и многих других яростных противников буржуазно-дворянского строя.

Несмотря на различие в программах и исходных позициях декадентов, футуристов, пролеткультовцев, рапповцев, вульгарных социологов, антипатриотов-космополитов в отношении к наследству прошлого, они, по существу, стоят на тех же порочных, нигилистических позициях. Только благодаря трудам Ленина и Сталина удалось разгромить эти попытки нигилистического отношения к классическому наследству.

Учение И. В. Сталина по национальному вопросу, его высказывание о роли русского народа в освободительной борьбе, его оценка величайших деятелей русской культуры являются прочным теоретическим фундаментом для разгрома клеветнических измышлений космополитов-антипатриотов.

Ведя борьбу против различных вульгаризаторов марксизма, скептически относящихся к классическому наследству, некоторые советские исследователи впадают в другую крайность: они пытаются смазать всякое различие между критическим и социалистическим реализмом. Более того: некоторые из них предлагают даже отказаться от термина «критический реализм» только на том основании, что этот термин совпадает по названию с наименованием одной из идеалистических школ в философии, раскритикованных В. И. Лениным в гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм».

И. В. Сталин учит нас рассматривать всякое общественное явление во всем богатстве его связей и опосредствований, уметь выделять в нем то, что роднит его с прошлым и что является в нем новым, отражающим новый этап развития. Это положение целиком относится и к искусству.

Вопрос об основном методе советского искусства и критики — о методе социалистического реализма — один из центральных вопросов советской эстетики.

Открытие И. В. Сталиным метода социалистического реализма произошло тогда, когда советская художественная литература и литературная критика, отражая опыт победоносного строительства социализма и роста советской культуры, уже выработали в этом процессе свои новые творческие принципы. Открытие метода социалистического реализма имело и имеет огромное теоретическое и практическое значение как для развития советского искусства, так и для развития советской эстетики.

В уставе Союза советских писателей есть совершенно точное определение этого метода: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма» (Устав Союза советских писателей СССР, стр. 5).

В этом определении подчеркнуты три основных признака социалистического реализма: во-первых, правдивое, исторически-конкретное изображение действительности, во-вторых, изображение действительности в ее революционном развитии, в-третьих, сочетание этих задач с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма. Разумеется, эти три задачи составляют органическое единство и только в своем единстве характеризуют метод социалистического реализма.

В свете сталинской формулы социалистического реализма особенно бесплодными кажутся те споры, которые велись в искусствознании несколько лет тому назад.

Некоторые критики пытались расщепить метод социалистического реализма на две части — реализм и романтизм — и доказать, что он будто бы состоит из этих двух механически соединенных частей. При этом они давали совершенно неверное истолкование сущности как реализма, так и романтизма. По существу, реализм эти критики рассматривали как простое копирование действительности, как бескрылый натурализм, лишенный каких-либо высоких идеалов. Романтизм же они считали отражением субъективных устремлений писателя, не имеющих корней в действительности. По этой нелепой теории выходило, что реализм — это отражение жизни, лишенное идеалов, а романтизм — это отражение идеалов, не существующих в жизни. Подобная «теория» извращает понимание и реализма, и романтизма, и социалистического реализма, она проникнута недоверием к нашей социалистической действительности и потому является порочной.

Товарищ Сталин во всех своих работах и высказываниях подчеркивает необходимость изучения писателями подлинной жизни как первейшее условие создания настоящих художественных произведений. При знакомстве с теми или другими произведениями искусства он прежде всего ставит вопрос, насколько правдиво писатель отражает жизнь. Поэтому, например, в книге почетных посетителей Театра имени Е. Вахтангова, оценивая пьесу Сейфуллиной «Виринея», товарищ Сталин отметил как заслугу писательницы, что ее пьеса — это выхваченный из жизни кусок.

И. В. Сталин учит деятелей советского искусства не бояться правды, отражать жизнь во всем ее сложном многообразии,

в движении, в борьбе, правдиво освещать не только светлые стороны, но и недостатки нашей жизни. Задача советских художников, писал товарищ Сталин в день 15-летия советского кино, заключается в том, чтобы создавать такие произведения, которые мобилизуют трудящихся на решение важнейших задач социалистического строительства и напоминают им как о достижениях, так и о недостатках работы.

В беседе с писателями в 1932 году, разъясняя основные принципы социалистического реализма, И. В. Сталин говорил о том, что если писатель честно отражает правду жизни, то он неизбежно придет к марксизму. Нельзя выдумывать образы и события, сидя у себя в кабинете, сказал товарищ Сталин в беседе с кинорежиссером Г. Александровым, надо брать их из жизни.

Нарушение художественной правды неизбежно приводит к распаду художественной формы. В какой мере это справедливо, может служить свидетельством неудачная опера Жуковского «От всего сердца», поставленная в Большом театре СССР и единодушно осужденная советскими зрителями.

Только то произведение искусства, которое глубоко правдиво отражает жизнь, способно завоевать симпатии советского человека. Советские художники, создавая правдивые и высокоидейные художественные произведения, показывая действительность в ее революционном развитии, помогают дальнейшему укреплению морально-политического единства советского общества, укреплению дружбы между народами нашей страны, развитию советского патриотизма.

Роль искусства неизмеримо возрастает в период постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда решающее значение приобретает коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

При оценке крупных явлений искусства Ленин и Сталин подчеркивали прежде всего их воспитательное значение. Известно, как высоко Ленин оценил роман Горького «Мать». В. И. Ленин говорил, что многие рабочие участвуют в революционном движении несознательно, стихийно, поэтому они прочтут роман об организованной борьбе рабочего класса с большой пользой для себя. Ленин высоко ценил стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», направленное против бюрократизма. В тяжелые годы гражданской войны Ленин писал Серафимовичу, что создаваемые им художественные очерки о жизни фронта и тыла нужны партии.

В беседе с советскими писателями в 1932 году товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ. Эта формула неразрывно связана со сталинской формулой социалистического реализма. На советских писателях лежит величайшая ответственность. Как инженер должен уметь создавать прекрасные сооружения, так и советский писатель должен помогать формированию нового духовного облика человека коммунистического общества. Активная и ответственная роль писателя особенно подчеркивается в принятых в послевоенное время постановлениях Центрального Комитета нашей партии по вопросам литературы, театра, кино и музыки.

Благодаря мудрой политике нашей партии, благодаря руководящим указаниям И. В. Сталина советское искусство добилось значительных успехов. Советскими художниками созданы такие произведения, которые правдиво отражают основные этапы развития Советского государства и воспитывают в советском человеке гордость за свою Отчизну, за советский народ, строящий коммунизм.

Однако разработка проблем советской эстетики нашими искусствоведами все еще серьезно отстает от тех задач, которые стоят перед всеми теоретиками искусства. В трудах и высказываниях И. В. Сталина содержатся важнейшие указания для решения кардинальных вопросов современного искусствоведения и намечены пути решения этих вопросов.

Опираясь на гениальные работы и высказывания товарища Сталина, на статьи партийной прессы, обобщая опыт работы советского искусства за три с половиной десятилетия, советские искусствоведы должны разрабатывать основные проблемы советской эстетики, помогая деятелям искусства создавать произведения, достойные великой эпохи Ленина — Сталина.

* * *

По докладам академика В. В. Виноградова и профессора А. С. Мясникова выступили профессор Н. А. Глаголев, доценты Г. А. Недошивин и В. В. Новиков, кандидат филологических наук Г. И. Ломидзе, аспиранты М. А. Батин, Г. Б. Минервин, А. К. Дремов.

Научная сессия Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук, вызвала большой интерес у аспирантов и научных работников Академии, а также у научной общественности Москвы. На заседаниях сессии присутствовали научные работники Академии наук СССР, Института Маркса — Энгельса — Ленина, Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), Московского государственного университета имени Ломоносова и других высших учебных заведений.

На сессии были заслушаны доклады по важнейшим и актуальным вопросам общественных наук, разработанным в трудах И. В. Сталина. Доклады были подвергнуты творческому обсуждению.

К сессии была организована большая выставка, посвященная трудам И. В. Сталина.

В целом научная сессия прошла организованно и на высоком идейно-теоретическом уровне.

М. Н. МАСЛИНА, В. Г. СЕМЁНОВ

В Институте философии Академии наук СССР

27 мая 1952 года на заседании Ученого совета Института философии АН СССР был заслушан и обсужден доклад главного редактора журнала «Вопросы философии» Д. И. Чеснокова о работе журнала за 1951 год и истекшие месяцы 1952 года.

Тов. Чесноков подверг критическому анализу содержание вышедших за этот период номеров, охарактеризовал работу редакционных отделов и сформулировал стоящие перед журналом задачи.

В прениях выступили тт. Баскин, Челинцев, Чертков, Дмитерко, Келлер, Кедров, Молодцов, Александров.

В постановлении по докладу тов. Чеснокова Ученый совет института отметил, что журнал «Вопросы философии» за последние два года несколько улучшил свою работу. Опубликован ряд полезных статей, посвященных труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также по проблемам исторического материализма, истории русской философии и философии народов СССР. Журнал публикует статьи, критикующие идеалистические течения в естествознании и современную реакционную буржуазную философию. Вокруг работы редакции складывается квалифицированный актив, увеличилось число авторов с периферии, расширился круг товарищей, впервые выступающих на философские темы. Журнал стал выходить регулярно. В то же время Ученый совет указал на серьезные недостатки, имеющиеся в работе журнала. Ряд статей характеризуется невысоким теоретическим уровнем. В отдельных статьях допущены неряшливые формулировки и неправильные положения. Например, в статье тов. Селезнева «Об опасности новой мировой войны и возможности ее предотвращения» содержатся формулировки, дающие основание для неправильного вывода, будто неизбежность войны между империалистическими государствами ныне снята. В ряде материалов дана метафизическая трактовка полного соответствия между производительными силами и производственными отношениями в СССР, игнорирующая неизбежность временного отставания производственных отношений от развития производительных сил как более подвижного и революционного элемента производства, игнорирующая наличие специфических противоречий между производительными силами и производственными отношениями при социализме.

Ученый совет указал, что в журнале все еще недостаточно печатается статей, разоблачающих современную буржуазную философию и социологию, слабо освещаются вопросы диалектического материализма, марксистской эстетики, мало публикуется статей, теоретически освещающих опыт строительства социализма в странах народной демократии. Журнал не уделяет еще должного внимания теоретическому освещению вопросов борьбы за мир. Все еще слабо поставлен отдел критики и библиографии. Дискуссии, организуемые журналом, ведутся зачастую без достаточной теоретической подготовки и недопустимо затягиваются.

Ученый совет обязал редакцию улучшить работу с авторами, специализирующимися в области критики буржуазной философии, чтобы обеспечить глубокое, убедительное разоблачение современных идеалистических теорий и доходчивую пропаганду на этой основе подлинно научного мировоззрения — диалектического материализма.

Одной из важнейших задач журнала является дальнейшее развертывание борьбы против идеализма в естествознании. Необходимо философски обобщать новейшие достижения в области естественных наук, уделяя особое внимание освещению философских основ мичуринского направления и павловской физиологии.

Редакции журнала предложено шире освещать в статьях, рецензиях и обзорах рост влияния идей марксизма-ленинизма за рубежом и борьбу прогрессивных зарубежных философов против идеализма и метафизики, против растленной буржуазной идеологии и человеконенавистнической пропаганды новой войны.

Журнал должен систематически проводить рецензирование советской философской литературы, привлекая к этой работе наиболее квалифицированные философские кадры.

Ученый совет обязал сектор диалектического материализма Института теснее связать свою работу с работой соответствующего отдела журнала в целях оказания необходимой помощи в освещении проблем диалектического материализма, на базе обобщения опыта строительства коммунистического общества, а также достижений в области естествознания.

Редакции журнала рекомендовано систематически освещать научную жизнь Института философии АН СССР и философских учреждений на периферии (теоретические конференции, дискуссии и т. д.). Аппарату института предложено оказать журналу необходимое содействие в этой области.

Редакция журнала должна закончить в текущем году затянувшиеся дискуссии по эстетике, географии, теории относительности. При обсуждении последней проблемы следует осветить методологические вопросы квантовой теории.

Признано необходимым провести осенью 1952 года совещание [illegible]тей журнала для обсуждения его плана на 1953 год.

И. В.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Пятилетие философской дискуссии и задачи советских философов . . 3
Гениальный труд В. И. Ленина об идеологических основах марксистской партии 13

Г. Е. Глезерман — О сознательном применении законов общественного развития при социализме 28

А. В. Востриков — Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления . . 47

С. Н. Дурылин — Н. В. Гоголь об искусстве 65
В. С. Кеменов — Художественное наследие Леонардо да Винчи 80

Е. В. Шорохова — Учение И. П. Павлова о сигнальных системах в свете ленинской теории отражения 104

А. В. Шугайлин — О философских взглядах П. Н. Лебедева 117
М. Ф. Широков — О преимущественных системах отсчета в ньютоновской механике и теории относительности 128

И. С. Нарский — Эдвард Дембовский — прогрессивный польский философ XIX века . 140

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

О. Э. Поленц — Современные «теоретики» международного разбоя 148
А. П. Поликаров (София) — Идеалистическое освещение квантовой механики в новом выступлении Гейзенберга 164

ЛЕКЦИИ И КОНСУЛЬТАЦИИ

С. П. Дудель — Познаваемость мира и его закономерностей 168

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. П. Терлецкий — О содержании современной физической теории пространства и времени 191
Чл.-корр. АН СССР **С. Л. Рубинштейн** — Учение И. П. Павлова и некоторые вопросы перестройки психологии 197

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. В. Петровский (Вологда) — Петр Любовский — передовой психолог начала XIX века 211

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. И. Сидоров — На ложных позициях . . . 218
М. Н. Алексеев — Новая книга по логике для высшей школы 223
Б. М. Кедров — Против талмудизма и вульгаризации марксизма в учебнике логики для средней школы 227
Философская литература, вышедшая в 1951 году 234

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная сессия, посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук 240
В Институте философии АН СССР 262

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д. И. Чесноков (главный редактор), **Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, Ф. В. Константинов, А. А. Максимов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, Я. П. Терлецкий, Ю. П. Францев.**

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 04412. Изд. № 492. Заказ 463. Подписано к печ. 31/V—19/VI 1952 г.

Формат бумаги 70×108 1/16. 8¼ бум. л. — 22,6 печ. л. Тираж 35 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12 руб.